

Пётр Люкимсон

Разведка по-еврейски : секретные материалы побед и поражений

Пролог

Книга, рожденная в больнице

Скажу сразу, что я прекрасно понимаю читателя, который, еще не успев открыть эту книгу, поспешит воскликнуть: «Опять израильские спецслужбы?! Ну сколько можно писать про «Моссад»?!»

В самом деле, с начала 90-х годов на русском языке вышло столько изданий, посвященных деятельности «Моссада», что, кажется, у этой организации вообще не осталось никаких тайн. Про вторую, внутреннюю израильскую спецслужбу – ШАБАК – написано меньше, но все же вполне достаточно, чтобы читатель составил представление о ее работе.

Однако позволю себе заметить, что все изданные на русском и других языках книги о «Моссаде» и ШАБАКе рассказывают, по сути дела, об одних и тех же проведенных ими операциях: арестах Адольфа Эйхмана и Мордехая Вануну, разработке удара по ядерному реактору в Ираке, взлете и провале великого израильского разведчика Эли Коэна...

Что ж, все эти операции и в самом деле принесли «Моссаду» заслуженную славу одной из лучших разведок мира и, естественно, оказались в сфере самого пристального внимания как профессионалов, так и журналистов. И потому об этих операциях в книге, которую вы держите в руках... не будет сказано ни слова.

Или если и будет сказано, то мельком.

В основу данной книги легли те страницы истории израильских спецслужб, которые пока оставались совершенно неизвестными широкому читателю, но из которых, по большому счету, и складывается повседневная жизнь любой разведки и контрразведки.

Тем, кто ее откроет, предстоит познакомиться не только с успехами, но и с неудачами, более того – грандиозными провалами «Моссада» и ШАБАКА, а также с операциями, которые были свернуты еще на стадии их подготовки, хотя если бы они были успешно осуществлены, то могли бы изменить ход мировой истории или, по меньшей мере, истории Ближнего Востока.

Кроме того, перед читателем впервые предстанет та яростная борьба, которую на протяжении десятилетий израильская контрразведка вела с действовавшими на территории еврейского государства разведчиками самых различных стран мира.

И судьба каждого из действовавших против Израиля разведчиков – это тоже отдельная история.

В биографии каждого из них отразилась та эпоха, в которую ему пришлось жить и действовать, каждый выбирал для себя этот путь, руководствуясь своими мотивами, понимание которых позволяет подобрать ключи к разгадке многих тайн и Израиля, и тех стран, которым они служили.

Как, впрочем, не менее интересны и истории судеб израильских разведчиков и контрразведчиков, с которыми читателю также предстоит познакомиться на страницах этой книги, родившейся на свет благодаря совершенно случайному знакомству автора с одним из ветеранов израильской разведки.

Так получилось, что несколько лет назад мне довольно долго пришлось пролежать в больнице. Думается, не нужно объяснять, что особого удовольствия пребывание в этом месте не доставляет, но зато вряд ли где-нибудь еще вы можете в течение нескольких дней познакомиться с таким числом людей.

Нахождение в больнице в чем-то сродни поездке в поезде: соседи по палате относятся друг к другу, как случайные попутчики, каждому из которых предстоит выйти на своей остановке в ту или иную дверь, каждый понимает, что судьба вряд ли еще раз сведет его с этими людьми, и в то же время обитателей палаты объединяет то, что все они вдруг оказались в почти унижительном статусе пациента – и кто знает, когда и как они с этим статусом распрощаются. А потому соседи по больничной койке подчас рассказывают о себе друг другу такое, о чем порой не догадываются даже самые близкие им люди.

Так случилось, что моим соседом оказался невысокий, подтянутый пожилой человек. Это был типичный еврейский интеллигент: лысый, в очках, через которые на собеседника глядели пронзительно умные, кажется, просвечивающие тебя насквозь глаза. Но вот, кроме глаз, ничего примечательного в этом субъекте не было.

«Наверное, бывший бухгалтер или адвокат», – подумал я. Мы поздоровались, и на этом наше первоначальное знакомство закончилось. Но днем, когда немалые дозы лекарств позволили забыть о боли и сделали нас обоих более-менее вменяемыми людьми, мы вместе вышли в просторный больничный холл. Я жадно закурил, а мой сосед сел в кресло и тут же погрузился в чтение книги, имя автора которой мне было хорошо знакомо -

Исер Харел^[1], легендарный глава «Моссада», единственный человек, который какое-то время возглавлял все израильские спецслужбы.

Судьба свела меня с Исером Харелом в 1994 году, когда мне удалось уговорить его дать первое интервью для русскоязычной прессы. – Шалом, господин Харел, – сказал я ему при встрече на своем ужасном иврите.

– Харель, – поправил он меня. – «Харел»^[2] -это звучит почти как оскорбление...

И после этого, несмотря на все мои попытки, так и отказывался заговорить по-русски, хотя о его неистребимом русском акценте можно было прочесть в любой книге о «Моссаде». Тогда-то я и ощутил на себе силу его гипнотических прозрачных глаз, о которой тоже немало написано; говорят, что многие подозреваемые «раскалывались», стоило лишь Харелу посмотреть на них. Под этим взглядом желание задавать вопросы исчезало как-то само собой, и тем не менее я твердо решил довести интервью до конца.

Но вскоре наша беседа зашла в тупик. Стало ясно, что передо мной сидит один из тех «динозавров» Израиля, которых невозможно ни в чем переубедить, не меняющих с годами ни взглядов, ни принципов, даже если сама жизнь доказала всю их нелепость, и это вызывало невольное раздражение. Но вместе с тем чем больше мы говорили, тем яснее становилось мне, что только такие фанатичные «динозавры», для которых слова «честь», «Родина», «патриотизм» никогда не меняли своего высокого значения, и могли построить и защитить эту страну. Помнится, чувствуя, что у меня явно не хватает материала для полосного интервью, я попросил Исера Харела рассказать какую-нибудь неизвестную историю из его деятельности на посту начальника «Моссада».

– Ну да, – ответил он, – я тебе сейчас расскажу, а о чем я буду писать свою следующую книгу?!..

При этом я ощутил в его голосе нотки писательского тщеславия. Что ж, он и на это имел право: лучшие его книги, например, «Дом на улице Гарибальди» – о том, как был арестован и доставлен в Израиль Адольф Эйхман^[3], стали не только израильскими, но и мировыми бестселлерами.

– Скажите, господин Харел, – спросил я уже в конце нашего разговора. – Есть ли все-таки что-то, о чем вы жалеете, что бы вам хотелось сделать в качестве начальника «Моссада», но вы этого сделать так и не смогли?

На минуту в комнате повисла пауза, а затем Харел сцепил руки так, что я услышал, как хрустнули его старые пальцы.

– Да, – сказал наконец он. – Я так и не сумел поймать доктора Йозефа Менгеле^[4]. Несколько раз он был у меня «на крючке» – и каждый раз уходил. Если бы я не подал в отставку, я бы его все равно поймал, потому что это чудовище должно было быть схвачено и повешено. Но те, что пришли после меня, поймать его так и не смогли. А может, для них это просто было не так важно, как для меня...

И вот сейчас мой сосед по палате читал мемуары динозавра по имени Исер Харел.

– А знаете, я ведь был знаком с автором этой книги, – сказал я, чтобы завязать разговор.

– Я тоже, – кивнул он. – Даже какое-то время работал под его началом, но, слава Богу, это длилось недолго. Затем меня перевели в Арабский отдел ШАБАКа^[5], где я и прослужил до самой пенсии...

– В Арабском отделе Общей службы безопасности?! – переспросил я, чувствуя, что мне привалила неслыханная журналистская удача, и, представившись, попросил своего нового знакомого дать мне интервью о работе его ведомства.

– Нет, – вдруг отрезал он. – Вот этого не нужно!

– Но почему?! Я не собираюсь вас «раскалывать» на какие-то государственные секреты, вы сами будете выбирать, что рассказывать, а что – нет.

– Само собой, я и не буду рассказывать вам то, чего рассказывать нельзя, – ответил он. – Но даже говоря о событиях, которые уже известны, я могу случайно обмолвиться, выболтать информацию, которая и мне, и вам покажется совершенно незначительной, а в итоге может нанести серьезный вред конкретным людям, если ваша газета случайно попадет на глаза не тем, кому нужно... Знаете, в нашей профессии ценой успеха нередко бывают сломанные человеческие судьбы. Я приведу один маленький пример. Вскоре после Шестидневной войны^[6] я подготовил группу разведчиков, призванную действовать среди арабов. Все они в совершенстве овладели не только арабским языком, но и арабским менталитетом, образом жизни, и внедрились в арабское общество как арабы. Один из моих подопечных знал Коран^[7], хадисы^[8] и законы шариата^[9] на таком уровне, что в конце концов стал преподавателем в медресе – религиозной арабской школе. Все они пережились на арабках и вообще внешне вели образ жизни благочестивых мусульман. Я был чрезвычайно доволен их работой, но проблемы начались, когда мы их отозвали домой. Для их жен и детей то, что их отцы оказались евреями, было самым настоящим шоком. И им надо было пройти гиюр^[10]...

– Гм... Они согласились?

– Я встречался с каждой из этих женщин по отдельности и каждой говорил приблизительно одно и то же: «Государство Израиль обязано вам и вашим детям до конца ваших дней. И до

конца ваших дней мы готовы платить вам любые деньги. Но мы боимся, что ваши соплеменники не простят вам того, что было, и если вы вернетесь в родные места, то и вас, и ваших детей скоро убьют. В то же время ваш муж любит вас (это обычно было чистой правдой) и не хочет с вами разводиться. И я предлагаю вам стать полноценными членами израильского, еврейского общества... Выбирайте!» Честно говоря, выбора у них на самом деле не было. А гиюр им и их детям, между прочим, проводил сам главный раввин израильской армии Шломо Горен^[11]. Но на этом проблемы не кончились. Сыновья наших разведчиков отказывались служить в израильской армии, потому что не хотели «направлять оружие в сторону братьев». Материнское молоко, знаете ли, великая вещь, и, что бы там ни говорили, подлинная национальность любого человека всегда определяется именно по матери. Дочь одного из наших разведчиков вышла по любви замуж за парня из традиционной еврейской семьи. При этом все время до свадьбы она переживала, что родители ее избранника узнают, что у нее мать – арабка. Но спустя шесть лет кто-то из журналистов каким-то образом узнал об истории семьи разведчика, опубликовал в газете очерк о нем. Эта газета попала в руки свекрови его дочери, и та, гадина, потребовала от сына, чтобы он развелся с женой. А у нее к тому времени было трое детей... Вот и получается, что в итоге за успешную разведывательную операцию платит уже третье поколение одной семьи, хотя дети этой молодой женщины ни в чем не виноваты. Понятно, что иначе как мерзавцами, тех, кто настоял на разводе, я назвать не могу. Но ведь если бы кто-то из наших не разговорился бы с журналистом, эту семью, возможно, удалось бы сохранить...

Проходил день за днем. Мы с Гади – так звали моего соседа по палате – все больше сближались, но я ни разу больше не просил его об интервью, а он, видимо, оценив мою деликатность, рассказывал все больше и больше о своей работе.

Наши беседы продолжились и после того, как нас выписали из больницы: я стал довольно частым гостем в доме Гади, который вместе с кофе и пахлавой потчевал меня каждый раз еще и необычайно вкусными «шпионскими» историями. В сущности, он сам являлся ходячей историей израильских спецслужб и вдобавок разрешил мне беспрепятственно пользоваться его огромной библиотекой, в которой были собраны все исследования, все мемуары и вообще все книги о работе «Моссада» и ШАБАКа, которые когда-либо выходили на иврите, арабском, английском и французском языках. Рассказы Гади, а также сведения, почерпнутые из этих фолиантов, и составили основу книги, которую вы сейчас держите в руках, и мне остается лишь честно в этом признаться.

Да и само название книги – «Разведка по-еврейски: секретные материалы побед и поражений» – тоже достаточно условно: она не содержит никакой секретной информации, все приведенные в ней истории разрешены к публикации израильской цензурой. И в то же время

большинству читателей, вне сомнения, предстоит познакомиться с ними впервые. А познакомившись, – чуть иначе взглянуть на всю историю второй половины XX столетия.

Часть 1. Звезда и крест. Разведслужбы СССР и Восточной Европы против Израиля

1955. Покаяние красного крота

Летом 1955 года один за другим стали проваливаться резиденты израильской разведки в Европе.

К тому времени «Моссаду» едва-едва исполнилось четыре года, и провалы можно было бы списать на неопытность и недостаточную подготовку разведчиков, если бы их не было так много. И потом, провалы касались не только израильтян: неожиданно египтяне без всяких объяснений выслали с территории своей страны двух немецких специалистов по производству оружия, в которых вроде бы позарез нуждались. Да, два этих немца действительно работали на «Моссад», но они и сами этого не знали и уж тем более о данном факте не могли, не должны были знать египтяне. Но египтянам каким-то образом об этом стало известно, и списывать происшедшее на случайность было никак нельзя.

– Объяснение может быть только одно: среди нас есть «крот», – сказал на совещании руководства «Моссада» Исер Харел. – Я не исключаю, что он сейчас сидит за этим столом. Хотя вполне возможно, что он является членом правительства или высокопоставленным чиновником. Очень вероятно, что он – один из тех людей, которые ежедневно стучат в дверь моего кабинета...

Конечно, сверхподозрительный Маленький Исер (а именно так называли за глаза всемогущего главу «Моссада» Исера Харела его подчиненные, причем не столько за маленький рост, сколько для того, чтобы отличить его от первого начальника этой спецслужбы Исера Большого – Исера Беэри^[12]), как всегда, немного загнул. Но одновременно в какой-то степени он оказался пророком: настал день, и человек, по вине которого произошли все эти провалы, сам постучался в дверь его кабинета.

Его звали Зеэв Авни, он был секретарем израильского консульства в Белграде. И – одновременно – советским разведчиком, служившим своим московским хозяевам не за страх, не за деньги, а исключительно за совесть, то есть из глубоких идейных соображений. Вряд ли нужно объяснять, что это и есть самая опасная для любой страны категория шпионов.

* * *

Зеэв Авни родился в 1921 году в Риге в семье одного из лидеров студенческого социалистического движения Латвии. Правда, самой Риги Вольф Гольдштейн – а именно так его звали в детстве – совершенно не помнил: его родители были депортированы из страны по постановлению латвийского правительства, когда он был совсем маленьким. Молодая семья обосновалась в Берлине. Здесь Вольф и прожил первые 12 лет своей жизни – до того самого

1933 года, когда к власти в Германии пришли нацисты, и его родители, теперь уже по собственной инициативе, покинули страну вместе с сыном, перебравшись в спокойный Цюрих.

Как вспоминает сам Зеэв Авни в своих мемуарах, в те годы он часто смотрелся в зеркало, сгорая от ненависти к собственному отражению. Ах, как ему бы хотелось быть своей полной противоположностью – высоким, хорошо сложенным блондином с голубыми глазами и прямым, не очень длинным носом. А вместо этого на него из зеркала смотрел нескладный подросток с лицом, которое Бог, похоже, вылепил после того, как вдоволь насмотрелся нацистских карикатур на евреев.

Но, помимо вполне естественного для этого возраста телесного томления, проходящего через тернии отрочества, Вольфа Гольдштейна мучило томление духовное. Он пытался найти ответ на главные вопросы бытия и искал их, естественно, прежде всего в книгах. А из всей домашней библиотеки Гольдштейны увезли с собой в Швейцарию то, что им казалось самым ценным, – собрание сочинений В. И. Ленина.

Именно в труды Ленина и погрузился с головой 14-летний Вольф. Вскоре он уже точно знал, что учение Маркса всесильно потому, что оно – верно, что счастливое будущее человечества связано с коммунизмом, к которому следует прийти через мировую революцию, и что его родители в последние годы совершенно обуржуазились и стали ревизионистами вроде предателя Каутского или меньшевика Мартова. Если бы дело обстояло иначе, его папа, считал Вольф, не настаивал бы на том, что его сыну следует поступить в университет на юридический или медицинский факультет, а начал бы готовить его к борьбе с мировым империализмом!

В этот же период у Вольфа появляется первая девушка по имени Эдит, за которой он с замирающим сердцем следовал повсюду, в том числе и на частные уроки итальянского языка, которые та брала у очаровательной женщины по имени Роза. В доме Розы Вольф сталкивается с ее любовником Карлом Виберлом – тоже весьма симпатичным мужчиной средних лет, поражающим своей эрудицией, интеллигентностью, какой-то исходящей от него внутренней силой. И вдобавок ко всему, как и Вольф, хорошо знаком с трудами Ленина!

Карл Виберл тоже обращает внимание на любознательного отрока и предлагает ему просто так, без всякой оплаты, давать уроки русского языка – языка, на котором говорили и писали Пушкин, Толстой, Достоевский и – самое главное! – Владимир Ильич Ленин!

Официально Карл Виберл жил в Швейцарии в качестве бежавшего в эту страну от преследований то ли немецкого чеха, то ли чешского немца. Что, впрочем, было совершенно неважно, так как он не был ни тем, ни другим. И Карлом Виберлом он тоже не был, настоящее его имя было Павел, а фамилия... Чтобы выяснить его фамилию, нужно, наверное, немного покопаться в архивах нынешней ФСБ России. Потому что Карл-Павел Виберл был полковником ГПУ и резидентом советской разведки, причем не только в Швейцарии, но и, видимо, во всей

Западной Европе – к нему стекались донесения советских разведчиков, работавших в Германии, Франции, Норвегии и других странах, и уже из Цюриха он передавал их в Москву.

Виберл и завершил воспитание Вольфа Гольдштейна в духе марксизма-ленинизма, а заодно обучил его азам разведывательной и диверсионной деятельности. Правда, опробовать их на практике юноше довелось не сразу: в 1940-м году он был призван в швейцарскую армию и в составе пехотного полка направлен на границу с Германией. Обо всем, что он там видел и слышал, Вольф подробно рассказывал во время своих солдатских отпусков Карлу Виберлу.

Ну, а сразу после демобилизации под руководством того же Виберла, давшего ему кличку Тони, Вольф Гольдштейн создал подпольную антифашистскую ячейку, которая впоследствии собирала данные о деятельности немцев на территории Швейцарии, а порой и совершала диверсии против швейцарских предприятий, активно сотрудничавших с нацистской Германией, или пускала под откос идущие в эту страну эшелоны с различными грузами.

Деятельность группы Гольдштейна была прекращена только в начале 1945-го года, после того как СССР и Швейцария установили дипотношения и из Москвы пришло указание прекратить совершение диверсий на территории этого нейтрального государства.

А в 1947 году Вольфу Гольдштейну пришло время прощаться с учителем и близким другом: Карл Виберл возвращался в Москву. На прощание Карл сказал, что Тони – прирожденный разведчик – и потому его служба во имя победы коммунизма во всем мире не закончена.

– Наоборот, именно сейчас нам как никогда понадобятся свои люди и в Центральной Европе, и в скандинавских странах, и на Ближнем Востоке, – заверил его Карл-Павел. – И, думаю, тебе лучше всего податься на Ближний Восток, а уж мы там тебя найдем, не волнуйся. Запомни пароль...

Пароль Вольф запомнил. И сразу после отъезда учителя начал готовиться к переселению на Ближний Восток.

* * *

Добраться до Земли обетованной оказалось довольно просто: Вольф обратился в действующее в Цюрихе отделение молодежной организации «Ха-шомер хацаир»^[13] и вскоре вместе со своей Эдит оказался на пароходе, следовавшем в Хайфу. Эдит уже была не просто его девушкой, а законной женой, вдобавок ко всему находившейся на последнем месяце беременности.

В Хайфу супруги Гольдштейны прибыли весной 1948 года – в самый канун Войны за Независимость^[14]. Вольфу Гольдштейну велели доставить жену и только что родившуюся дочку в один из кибуцев^[15], а самому присоединиться к частям Хаганы^[16], призванным поставить заслон на пути рвущихся в Палестину подразделений иракской армии.

Когда война закончилась и Вольф вернулся в кибуц, его там ждала неприятная новость: за время его отсутствия Эдит влюбилась в своего учителя иврита и решила создать новую семью.

Подавленный изменой жены, Вольф отправился в Тель-Авив, и ноги сами принесли его к только что открывшемуся здесь советскому посольству. Каким-то образом ему удалось добиться встречи с Митрофаном Федориным – помощником культурного атташе посольства, а точнее – представителем КГБ, числящимся помощником культурного атташе.

Вольф Гольдштейн начал разговор с Федориным с того, что в Цюрихе он был хорошо знаком с неким Карлом Виберлом, который звал его Тони, и что у него была договоренность с Виберлом о том, что с ним выйдут на связь, как только он обоснуется на новом месте. Вот он вроде бы и обосновался. Но на связь почему-то никто не выходит...

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – холодно, даже как-то слишком холодно ответил Федорин. – Думаю, вы ошиблись адресом. Да и вообще, как говорите вы сами, евреи, зачем вам все эти глупости?! Живите себе на своей исторической родине и будьте счастливы! Лично я искренне желаю вам как можно лучше обустроиться на новом месте...

В сущности, последняя фраза означала буквально следующее: «Устраивайтесь, укрепляйте свое положение, внедряйтесь в израильское общество и ждите, пока о вас вспомнят!» Однако Вольф Гольдштейн тогда ее не понял и, вернувшись в кибуц, решил попытаться тем или иным образом выйти непосредственно на Москву, на руководство КГБ.

Это и стало его первой и, по сути дела, роковой ошибкой.

Узнав о том, что у одного из жителей кибуца есть родственники в Москве, Гольдштейн решил использовать его в качестве связного, а заодно признался кибуцнику в том, что является убежденным коммунистом. Но последний воспринял его признание приблизительно так же, как католик времен Карла IX воспринимал слова ближнего о том, что последний является протестантом. Жители кибуцев по определению не могли быть коммунистами, так как должны были быть беззаветно преданными Объединенной Рабочей партии (МАПАМ)^[17] и исповедовать только ее идеологию. Вскоре о том, что Вольф Гольдштейн симпатизирует коммунистам, стало известно руководству кибуца, затем – руководству всего кибуцного движения, после чего Гольдштейна вызвали в центральный офис последнего для «объяснения».

Объяснение, впрочем, было коротким: от него потребовали немедленно покинуть кибуц, что Вольф и сделал. А еще через несколько дней он выехал в Цюрих, чтобы продать дом и разделить с Эдит вырученные за него деньги. В Цюрихе до него окончательно дошел тайный смысл последней фразы Федорина. Гольдштейн понял, что для того, чтобы преуспеть в качестве советского разведчика и стать не просто агентом, но и резидентом советской разведки в Израиле, он должен попытаться проникнуть в коридоры израильской власти. Сделав это открытие, он направился... в израильское посольство и предложил бескорыстную помощь в качестве переводчика, архивариуса, консультанта. И спустя несколько месяцев он вернулся в

Израиль с рекомендательным письмом посла Израиля в Швейцарии, в которых отмечалось, что податель данной рекомендации вполне достоин быть принятым на работу в МИД.

По приезде в Израиль Вольф Гольдштейн поменял имя и фамилию на Зеэв Авни^[18] и отправился в МИД в надежде получить там работу. Поначалу ему отказали, но Зеэв Авни оказался человеком упорным. Не гнушаясь работой в качестве ассенизатора и тракториста, он постоянно напоминал о себе в МИДе, и в 1950 году его настойчивость была вознаграждена: Авни был принят туда на работу. Для начала – простым сотрудником охраны.

Конечно, если бы отдел кадров МИДа удосужился проверить, почему Зеэв Авни был изгнан из кибуца, то, возможно, он никогда не получил бы этого места. Но тогда не было ни единой компьютерной сети, ни налаженной системы проверки всех, кто поступал на работу в госучреждения стратегического значения, и потому рекомендации, полученные Авни в Цюрихе, сделали свое дело.

Прошло несколько месяцев, и, учитывая его знание нескольких языков, Авни перевели на работу в экономический отдел МИДа. А в 1952 году он получил первое дипломатическое назначение и в качестве второго помощника израильского консула оказался в Брюсселе. Не успел Зеэв Авни обосноваться в выделенной ему МИДом брюссельской квартире, как в ней раздался телефонный звонок.

Бархатистый мужской голос произнес в трубку тот самый пароль, который ему некогда сообщил Карл Виберл, назвал адрес и время встречи, после чего в ней прозвучали отбойные гудки.

В Москве решили, что пришло время вспомнить об агенте по кличке Тони.

* * *

В течение всего времени своего пребывания на дипломатической работе Зеэв Авни исправно поставлял в Москву всю имевшуюся у него информацию о деятельности израильского МИДа и связанных с ним организаций. Резонно задаться вопросом о том, многое ли было известно второму помощнику консула, вроде бы уж слишком невелика эта должность.

Но, во-первых, стоит заметить, что не так уж она была и невелика: вся израильская дипломатическая миссия в Брюсселе тогда состояла только из трех человек – самого консула и двух его помощников. Естественно, через руки Авни проходила вся почта консульства, а значит, и все те письма, которые руководство МИДа рассылало во все консульства и посольства. Таким образом, благодаря Зеэву Авни в Москве было известно практически все, что происходило в израильском МИДе.

Кроме того, не стоит забывать, что Брюссель является центром оружейной промышленности Бельгии – и именно сюда приезжали представители Израиля для закупки бельгийского оружия, а

также для ведения тайных переговоров о покупке все того же вооружения у французов. И Зеэв Авни исправно сообщал на Лубянку все, что ему удавалось выяснить в ходе этих переговоров...

Вдобавок ко всему в конце 1952 года к Зеэву Авни обратились за помощью сотрудники европейского отдела «Моссада». В те годы из-за острой нехватки кадров «Моссад» часто вынужден был обращаться с различными просьбами к дипломатам, но последние выполняли их обычно крайне неохотно. А на этот раз дело было совсем деликатное: узнав, что египтяне ищут специалистов, способных помочь им наладить собственное производство оружия и боеприпасов, в «Моссаде» решили направить в Египет в качестве таких профессионалов двух бывших нацистов, предварительно договорившись с ними, что они будут регулярно поставлять отчеты о проделанной ими работе по определенному адресу.

Но суть идеи заключалась в том, чтобы немцы, исправно выполняя работу разведчиков, и не подозревали бы, что работают на Израиль. Следовательно, для их вербовки нужен был человек, как можно меньше похожий на израильтянина: обладающий европейским лоском, говорящий по-немецки и по-французски без тени акцента и т. д., способный сыграть роль представителя одной из европейских стран. И Зеэв Авни просто идеально подходил для такой роли. К тому же, к радости сотрудников «Моссада», Авни не стал, в отличие от многих других дипломатов, чистоплюйствовать, говорить, что такая работа противоречит его жизненным принципам, и прочие глупости, а с готовностью согласился выполнить это задание. И вдобавок заявил, что не против выполнять и другие поручения «Моссада» и впредь.

И поручения последовали. Так как Зеэв Авни был обладателем диппаспорта, то ему все чаще доверяли роль курьера, доставлявшего секретные послания руководства этой организации работающим в различных европейских странах израильским разведчикам. Это позволило Зеэву Авни познакомиться почти со всеми резидентами «Моссада» в Европе. И при этом он, само собой, не забыл сообщить их данные в Москву.

С этого момента вся агентура «Моссада» находилась под полным контролем КГБ.

Из Брюсселя Зеэв Авни бы направлен – с повышением! – на работу в Белград, в посольство Израиля в Югославии. Здесь он связался с представителем советской разведки и, таким образом, исправно сочетал работу дипломата с обязанностями курьера «Моссада», а две этих миссии – с работой советского разведчика.

При этом во время встречи с представителями «Моссада» Авни не раз намекал им, что готов оставить дипломатию ради работы в спецслужбах, он рвался в «святая святых» израильской разведки. И сотрудники «Моссада» не раз передавали это пожелание Авни руководству, не забывая сопроводить его комплиментами в адрес перспективного сотрудника посольства в Белграде.

Тем временем операции «Моссада» проваливались одна за другой, и Маленький Исер упорно искал «крота», который действовал где-то рядом и имел доступ к самой секретной информации.

– Если я его найду, то спущу с него живьем шкуру и сошью из нее шубу, – как-то мрачно пошутил Харел.

Ждать ему оставалось недолго – «крот» пришел к нему сам.

* * *

В апреле 1956 года Авни неожиданно выпросил у руководства израильского МИДа разрешения поехать в отпуск в Израиль «по семейным обстоятельствам».

По словам самого Авни, у его восьмилетней дочери от первого брака возникли серьезные проблемы со здоровьем и бывшая супруга стала настаивать на его приезде. Однако вскоре после приезда он явился в главный офис «Моссада» в Тель-Авиве и написал записку главе «Моссада» Исеру Харелу с просьбой выкроить время для личной встречи.

В той же записке Авни сообщал, что хотел бы обсудить с Харелом три вопроса: во-первых, возможность его перехода из МИДа в «Моссад», во-вторых, возможность создания агентурной сети «Моссада» в Югославии, а в-третьих, возможность продолжения работы с двумя бывшими нацистами, которые были депортированы из Египта.

Исер Харел внимательно прочитал записку, и она ему не понравилась. Тем не менее он дал свое согласие на встречу с Зеэвом Авни, после которой его антипатия к этому человеку только усилилась.

«В то время мало кто был готов работать с нами на добровольных началах, – пишет Исер Харел в своих воспоминаниях. – Да и, честно говоря, я никогда особенно не верил в высокие человеческие порывы: сама жизнь не раз убеждала меня, что чем более высокопарные слова произносит человек, тем, как правило, более корыстны и низменны его мотивы. Авни же буквально источал энтузиазм и готовность беззаветно отдавать всего себя нашему делу.

Между тем его предложение о создании нашей резидентуры в Югославии было для нас совершенно неприемлемо: у нас были прекрасные отношения с режимом маршала Тито, мы великолепно сотрудничали с югославской разведкой, и ссориться с югославами нам не было никакого смысла. И хотя я ясно дал понять Авни, что не желаю обсуждать эту тему, он вновь и вновь возвращался к ней. Зачем ему надо было встречаться с некогда завербованными с его помощью немцами, мне было тоже не очень понятно.

Но самое главное, он все время говорил о том, что приехал в Израиль случайно, ради дочери, у которой есть проблемы со здоровьем, вновь и вновь к этому возвращался, и меня это начало раздражать. В конце концов я дал понять, что наша встреча закончена, но – просто на всякий случай, чтобы при необходимости можно было найти повод для повторной встречи, – добавил,

что подумаю над его просьбой о переводе в «Моссад» и позвоню ему, чтобы сообщить свой ответ.

Когда Зеэв Авни ушел, я еще раз проанализировал наш разговор – точнее, подвел итоги того анализа, который уже сделал во время нашей встречи.

Мне было ясно, что он так много говорил о проблемах своей дочери не случайно: он явно хотел убедить меня, что именно это и является главной причиной его приезда в Израиль в незапланированный отпуск, а значит, на самом деле главная причина – совсем иная. Какая? Не заключается ли все дело в том, что ему очень хочется поработать в «Моссаде» – и именно для того, чтобы встретиться со мной и получить эту работу, он и приехал? Но это значит, что кто-то подталкивает его к данному шагу, а кто мог его подталкивать, как не КГБ?! Я вспомнил о том, как давно КГБ пытался ко мне подобраться, как он пробовал меня шантажировать моими родственниками, оставшимися в России, и пришел к выводу, что вероятность того, что Авни работает на Москву, очень высока.

Его предложение создать агентурную сеть в Югославии только укрепляло мою версию. Нам такая сеть в этой стране была не нужна, а вот КГБ, учитывая осложнившиеся отношения между советским и югославским руководством, как раз крайне необходима. И Авни вполне мог, подталкивая меня к идее создания израильской разведсети в Югославии, выполнять поручение своих начальников с Лубянки. В таком случае он получал огромные возможности для работы в Белграде под нашим прикрытием и пользуясь добрыми отношениями между Израилем и Югославией.

Таким образом, я утвердился в мысли о том, что Зеэв Авни, вероятнее всего, и есть тот самый советский шпион, которого мы так давно ищем. Правда, никаких доказательств у меня не было, а одной интуиции для столь тяжелого обвинения маловато...»

Чтобы подкрепить интуицию фактами, Харел потребовал принести ему личное дело Зеэва Авни. Прочитав в нем, что Авни в 1948 году жил в кибуце, а затем покинул его, он решил выяснить причины, которые побудили нового репатрианта пойти на такой шаг, – ведь жизнь в кибуце, при всех ее трудностях, на первых порах пребывания в стране гарантировала более-менее сносное существование, и за кибуц держались...

Проблема заключалась в том, что к тому времени у Исера Харела окончательно испортились отношения с партией МАПАМ: он подозревал ее руководство в слишком больших симпатиях к коммунистам, к СССР и, соответственно, в шпионаже в пользу «великого и могучего».

Лидеры МАПАМ, в свою очередь, ненавидели Харела и копили на него компромат, который позволил бы добиться его отставки. Таким образом, напрямую ни к лидерам МАПАМ, ни к руководителям кибуцного движения Харел обратиться не мог, и ему пришлось пользоваться своими информаторами, действующими внутри партии.

Но и здесь были свои трудности: всего за шесть лет в кибуце успели забыть о том, что же именно послужило причиной изгнания Авни. Кто-то утверждал, что причины эти были чисто личными – измена жены и его роман с какой-то девушкой, а некоторые говорили, что Авни тогда разоблачили как советского шпиона, но подробностей разоблачения опять-таки не помнили (по той простой причине, что его не было).

Как бы то ни было, фактов против Зеэва Авни у Исера Харела опять не было, и потому он решил действовать напором. Харел позвонил Зеэву Авни и предложил ему встретиться, как он сказал, не в Центральном управлении «Моссада», а в его личном офисе, и Авни не только ничего не заподозрил, но и воспринял это предложение как проявление доверия. На самом деле никакого личного офиса у Харела не было – он пригласил Зеэва Авни на конспиративную квартиру ШАБАКА, напичканную скрытыми видеокамерами и подслушивающими устройствами. Сам Харел встретил Зеэва Авни в холле этой квартиры, а в примыкающей к нему комнате в это время сидел тогдашний глава ШАБАКА Амос Манор^[19].

– Ты, подонок, советский шпион, работающий на Москву с самого своего приезда в страну! – бросил Харел в лицо Зеэву Авни, едва тот вошел в комнату.

В комнате на какую-то, казалось, длившуюся целую вечность минуту воцарилось молчание, а затем Авни сказал:

– Да, вы правы: я действительно советский разведчик, но больше вы от меня ничего не узнаете!

«Повторю, у меня не было против него никаких фактов, и если бы он в самой категоричной форме отверг бы это мое обвинение, на этом все бы и кончилось. Но он признался!» – пишет Исер Харел.

«Заявление Харела повергло меня в шок, – вспоминает в своих мемуарах Зеэв Авни. – Я был уверен, что «Моссад» не может выдвигать подобные обвинения против высокопоставленного сотрудника МИДа без всяких оснований, и решил, что у них вполне достаточно фактов для моего ареста. Значит, нужно было выиграть время, понять, какими фактами против меня они располагают и уже на основании этого выстроить линию защиты. И я решил признать справедливость их обвинения, но ни в коем случае не открывать им известные мне тайны.

Был еще один момент, который толкнул меня именно на такой шаг. Я понял, что нахожусь на явочной квартире, где они могут сделать со мной что угодно. В том числе и убить, и никто об этом не узнает. Поэтому мне хотелось как можно скорее оказаться в обычной тюрьме, где я бы чувствовал себя более защищенным...»

Однако Харел не спешил и после сделанного Зеэвом Авни признания вдруг заявил, что если тот сейчас расскажет все о своей деятельности против Израиля, то он не станет его даже арестовывать – сразу после этого Зеэв отправится домой, а затем, возможно, и вернется на

работу в Белград. Самое любопытное, что, говоря все это, Харел был искренен: он надеялся, что Зеэва Авни можно перевербовать и превратить в двойного агента. Но Авни решил, что Харел хочет воспользоваться его замешательством и обмануть его, а потому от предложенной сделки отказался.

Сразу после этого Исер Харел покинул эту квартиру, а Зеэвом Авни занялся Амос Манор. Манор начал говорить с Авни, исходя из предположения, что тот, как и другие советские разведчики, был завербован с помощью угроз и шантажа. Но вскоре он понял, что речь идет о куда более крепком орешке, так как Авни-Гольдштейн действовал, движимый глубокой верой в то, что за ним стоит высшая правда и он делает поистине святое дело.

В результате вместо допроса у них получилась жесткая идеологическая дискуссия, в ходе которой Манор и Авни вдоволь накричались друг на друга. Наконец в два часа ночи Амос Манор осознал, что ничего от Авни не добьется, и вызвал своих сотрудников. Те велели Авни раздеться донага, тщательно обыскали его самого и его одежду, а затем вернули ее ему без ремня и шнурков для ботинок. После этого Зеэву Авни накинули на голову мешок, вывели его из явочной квартиры и доставили в тюрьму в Рамле, где ему предстояло провести еще немало лет.

Вести следствие по делу Зеэва Авни поручили одному из самых опытных израильских полицейских – молодому полковнику Иегуде Прагу.

Спустя несколько недель Праг на основе весьма скурых показаний Авни составил и передал в суд обвинительное заключение. Сам суд состоялся 13 августа – спустя всего месяц после ареста Авни.

Представитель обвинения Хаим Коэн требовал признать Зеэва Авни виновным по трем пунктам: измена родине, нанесение серьезного ущерба безопасности Израиля, передача в руки третьих лиц секретной информации, которая привела к арестам и подвергла опасности жизни людей, работавших на Израиль. По каждой из этих статей Зеэву Авни грозило 14 лет тюремного заключения, и, таким образом Коэн требовал осудить его на 42 года тюрьмы. Однако судья Биньямин Леви прекрасно видел всю шаткость представленных обвинением доказательств и потому приговорил Зеэва Авни только к 14 годам тюремного заключения.

Однако для «Моссада» мало было отправить Зеэва Авни за решетку – куда важнее было «расколоть» его, узнать, какие именно тайны он выдал КГБ, насколько велик нанесенный им ущерб и можно ли его исправить.

И Иегуда Праг стал не реже раза в неделю ездить в Рамле для того, чтобы навестить отбывающего наказание советского шпиона в его камере-одиночке.

* * *

Прагу было ясно, что он сможет разговорить Зеэва Авни только в одном случае – если убедит его, что коммунистическая идеология, которой тот верой и правдой до сих пор служил, на самом

деле ведет человечество не к свету, а во тьму тирании и попрания всех свобод. К тому времени в Москве уже прошел XX съезд КПСС, и хотя сделанный на нем новым генсеком Н. С. Хрущевым доклад хранился в тайне, в Израиле была копия его текста, переданная из Варшавы журналистом Виктором Граевским, с историей которого читатель познакомится в третьей части этой книги. Однако и текст этой речи, и статьи о XX съезде, опубликованные в различных израильских, немецких, американских и прочих газетах, Зеэв Авни упорно называл «фальшивкой, сфабрикованной американскими империалистами».

«Я приносил Авни книги великих писателей, которые еще в 30-х годах поняли всю правду о сталинизме, оставлял ему газеты, мы много беседовали и много спорили, – вспоминал Иегуда Праг. – Постепенно его отношение ко мне изменилось – теперь он откровенно радовался моему приходу, скрашивающему его монотонные тюремные будни. Но объяснить ему всю ошибочность коммунистической теории мне не удавалось. Это было все равно, что пытаться объяснить слепому, что такое цвет».

Все решила опубликованная в «Джерузалем Пост» статья лидера итальянской компартии Пальмиро Тольятти, в которой последний весьма убедительно объяснял, что дело не только в Сталине – дело в порочности целого ряда базисных положений, которыми руководствовалась КПСС все эти годы. То ли Тольятти и в самом деле оказался сверхубедительным в своих аргументах, то ли его статья была той самой последней каплей, которая переполнила чашу, но охранники тюрьмы в Рамле потом рассказывали о диком, нечеловеческом крике, который раздался в то утро из камеры Зеэва Авни.

Когда они ворвались в нее, чтобы выяснить, что случилось, Авни бился на кровати в истерике, а рядом с ним на полу валялся скомканный лист газеты.

– Позвоните Прагу, – сказал сквозь рыдания Зеэв Авни, – и передайте ему, что я готов рассказать все.

...Когда отчет с рассказом Авни лег на стол Манора и Харела, он поверг обоих руководителей спецслужб в шок: ущерб, нанесенный этим человеком израильским спецслужбам, оказался куда больше, чем они предполагали. Израильские разведгруппы пришлось отзывать почти из всех стран Европы, чтобы затем начать строить в них разведсеть заново. Но вместе с тем они посчитали, что за свое, пусть и позднее, раскаяние, Авни заслуживает облегчения условий своего содержания. Осужденного перевели в обычную камеру, ему разрешили заочно учиться в университете, и вскоре Зеэв Авни воспользовался предоставленной ему возможностью и через три года получил диплом клинического психолога.

В 1965 году за примерное поведение он был досрочно освобожден из тюрьмы, переехал в расположенный между Герцлией и Северным Тель-Авивом поселок Ришпон и открыл там частную психологическую клинику. Кроме того, в качестве клинического психолога Зеэв Авни работал

еще и в двух психиатрических больницах Израиля. В 1973 году сразу после начала Войны Судного дня в качестве психиатра и психолога Авни служил в действующей армии и в полевых госпиталях. В 1980 году он решил уйти на покой и переехал на жительство в Хадеру...

Лишь в 1993 году «Моссад» и ШАБАК разрешили рассекретить его историю, и вскоре и Харел, и Авни выпустили в свет свои мемуары, на основе которых и написан этот очерк. В 2001 году Зеэв Авни скончался в своем доме в Хадере, и это событие удостоилось небольшой заметки в крупнейшей израильской газете «Едиот ахронот». Любопытно, что автор этой заметки назвал Авни «самым удачливым советским разведчиком за всю историю противостояния советских и израильских спецслужб». Впрочем, жанр некролога предполагает небольшие преувеличения...

1958. Лютик из Варшавы

Малка Леви была красивой женщиной...

Тонкая талия, широкие бедра, высокая грудь, чувственные губы и возбуждающая маленькая родинка на щеке – такая могла, пожалуй, вскружить голову и 18-летнему юнцу, и зрелому мужчине. Она и в самом деле идеально соответствовала своему имени^[20]: есть женщины, которые рождены, чтобы царствовать над мужскими сердцами...

– Так вы поможете моему Лютику или нет?! – этот вопрос посетительницы вывел Арье Маринского из того ступора, в который он вошел, как только она переступила порог его кабинета, и заставил вспомнить о том, что он пока всего лишь адвокат, а она – потенциальная клиентка.

– Вчера, выходя из дома, муж сказал, что отправляется на важную встречу и если он не вернется до утра, то я должна направиться в ваш офис и передать вот это письмо. Он так и не вернулся...

Малка Леви явно демонстративно всхлипнула и протянула Маринскому вскрытый конверт, видимо, она не удержалась и сначала прочитала письмо сама. Оно было коротким и предельно четким:

«Я, нижеподписавшийся, Люциан, сын Игнация Леви, родившийся 5 сентября 1922 года, удостоверяю:

1. С 1950 по август 1957 года я работал в Общей службе безопасности Израиля, известной как ШАБАК.

2. В течение этого времени я получал зарплату от государства как сотрудник спецслужбы и выполнял различные, в том числе и весьма деликатные задания.

3. 30 января 1958 года я должен встретиться с одним из руководителей ШАБАКа в связи с окончанием моей работы в этой спецслужбе.

4. У меня есть веские основания предполагать, что во время этой встречи или сразу после нее я буду арестован или тем или иным путем ликвидирован. В случае, если я исчезну без вести или

со мной произойдет какая-нибудь «неприятность» вроде автокатастрофы, прошу передать это письмо адвокату Шмуэлю Тамиру^[21], а его, в свою очередь, прошу обратиться в полицию или суд для выяснения обстоятельств моей гибели или исчезновения без вести.

Леви Леви».

Пробежав еще раз по письму глазами, Арье Маринский понял, почему Леви решил обратиться за помощью именно к его патрону и компаньону Шмуэлю Тамиру: Тамир и Маринский никогда не скрывали, что являются сторонниками правого лагеря и его лидера Менахема Бегина. А так как стоящая у власти Рабочая партия МАПАЙ не гнушалась использовать спецслужбы для сведения счетов со своими политическими оппонентами, то Маринскому с Тамиром часто приходилось выяснять отношения с ШАБАКом или полицией. Вот и сейчас, расспросив Малку чуть поподробнее о муже, Маринский набрал номер телефона главы ШАБАКа Амоса Манора.

– Мне бы хотелось выяснить судьбу одного моего знакомого, – сказал он в трубку. – Кстати, до недавнего времени вашего сотрудника...

Имя Леви Леви он назвать не успел.

– Человек, которого ты ищешь, находится в тюрьме в Рамле, – отрубил Манор. – Он – польский шпион, в течение многих лет работавший на коммунистов. И, зная твои убеждения, Арье, я бы не советовал тебе влезать в это дело.

– У вас есть какие-то доказательства, подтверждающие эти обвинения? – спросил Маринский, пропустив мимо ушей замечание Манора.

– Более чем достаточно для ареста. И, уверен, будут еще.

– И все же я хотел бы с ним встретиться.

– Ты в своем праве. Я скажу, чтобы тебе выписали пропуск. Но, поверь, ты зря это делаешь...

Леви Леви оказался невысоким, подтянутым мужчиной с тонкими усиками, делавшими его неуловимо похожим на чеховских телеграфистов. Несмотря на то что позади у Леви было уже больше суток пребывания в тюремной камере, было видно, что этот человек привык следить за собой и превыше всего в мире ценил комфорт и элегантность.

– Вы знаете, господин Леви, что я являюсь патриотом Израиля и антикоммунистом, – сказал Маринский во время первой встречи. –

И если я узнаю, что вы действительно шпионили против Израиля в пользу коммунистов, я не только прекращу заниматься вашим делом, но и сделаю все, чтобы упрятать вас на как можно более длительный срок за решетку.

– Но я уже поклялся вам, что ни в чем не виновен. И единственное, о чем я прошу, – так это о том, чтобы вы, господин адвокат, помогли мне доказать мою невиновность! – с пафосом произнес Леви Леви...

Так начинало раскручиваться это дело, считающееся одной из самых постыдных страниц в истории ШАБАКА. И не потому, что Леви Леви был одним из самых опасных вражеских разведчиков, действовавших когда-либо на территории Израиля, хотя, конечно, ущерб, нанесенный им этой деятельностью безопасности страны, был огромен.

Нет, дело заключалось в том, что в течение семи лет Леви Леви действовал не где-нибудь, а внутри ШАБАКА, являясь одним из высокопоставленных его сотрудников. И все это время он аккуратно сообщал все ведомые ему служебные и государственные тайны своему начальству в Варшаву, а оттуда уже сведения, само собой, передавались в КГБ СССР. Именно потому, что данное дело считается самым позорным пятном в истории ШАБАКА, оно было засекречено более 30 лет, и лишь в 1991 году некоторые его подробности были разрешены к публикации.

Так что Арье Маринскому Леви Леви врал – и врал совершенно сознательно. Правда заключалась в том, что он стал платным агентом польского ГБ еще в 1946 году, то есть за два года до репатриации в Израиль...

* * *

Биография Лючиана (Леви) Леви, в общем-то, похожа на сотни тысяч биографий других польских евреев, которым удалось выжить в годы Катастрофы. Он и в самом деле, как указал в письме, родился в 1922 году в польском городе Радоме в обычной еврейской семье, в юности вступил в ряды молодежной сионистской организации «Гордония»^[22], а с началом Второй мировой войны бежал вместе с семьей в СССР. Здесь Леви вскоре оказался на службе в НКВД. Правда, он не был ни следователем, ни бойцом расстрельного отряда – задачами того подразделения, в котором ему выпало служить, были охрана железных дорог и борьба с диверсантами.

В 1945 году, сразу после окончания Второй мировой, Лючиан Леви возвращается в Польшу. Как, впрочем, и сотни тысяч других польских евреев, горевших желанием «помочь восстановлению многострадальной родины». Немалое число этих возвращенцев составляли убежденные коммунисты, готовые ревностно служить новому правительству Польши. Не менее 400 таких евреев оказались на верхних и средних этажах власти в так называемом Министерстве общественной безопасности (МОБ) – аналоге советского НКВД.

Руками этих евреев руководство новой службы обычно делало самую грязную работу: евреи занимались изгнанием в Германию более миллиона немцев из западных районов страны, переселением сотен тысяч украинцев из восточной Польши в СССР и другие страны, закрытием костелов и ликвидацией католических священников, а также организацией репрессий против идейных противников новой власти. Имена отвечавшего за МОБ члена Политбюро Польской Объединенной Рабочей Партии Якуба Бермана, а также Анатолия Фейгина, Полины Прайс и

других коммунистов, руководивших различными отделами МОБ, до сих пор вызывают содрогание и ненависть у поляков.

Но в том-то и дело, что Лючиан Леви никогда коммунистом не был, по возвращении в Польшу он снова примкнул к «Гордонии», поступил в Варшавский университет и честно собирался его закончить. Сексотом он стал совершенно случайно: зимой 1946 года, возвращаясь в сильном подпитии со студенческой пирушки, Леви забрел на какой-то секретный объект, не откликнулся на предупреждение часового и получил пулю в ногу. Затем он оказался на допросе в отделении МОБ, где ему предложили «честную сделку»: либо его обвиняют в шпионаже и попытке проникнуть на территорию секретного объекта, либо... он начинает работать на польскую разведку, сообщая ей о том, что происходит в его организации «Гордония».

И в первый раз повод порадовать своих работодателей появился у Леви спустя несколько месяцев, когда по Польше прокатилась волна кровавых еврейских погромов.

Сегодня уже трудно сказать, являлись ли эти погромы реакцией поляков на активное участие евреев в политических репрессиях или же были просто-напросто спровоцированы с определенной целью польскими спецслужбами. Но факт остается фактом: в ходе этих событий были зверски убиты сотни евреев. Решив противостоять погромщикам, руководство «Гордонии», в состав которого входил и Леви Леви, начало создавать еврейские отряды самообороны, однако данная идея потерпела крах, так как Леви сообщил властям, где находятся тайники с собранным «Гордонией» оружием...

В последующие месяцы он аккуратно передавал в «органы» отчеты обо всех заседаниях «Гордонии» и столь же аккуратно получал за них денежное вознаграждение. Однако жизнь для Лючиана Леви не начиналась и не заканчивалась сотрудничеством с польской разведкой.

В 1947 году он женился, и вскоре они с женой, как и многие другие польские евреи тех лет, стали подумывать о переезде в Израиль. В 1948 году Лючиан сообщил об этом своему начальству в МОБ и спросил, не возражает ли оно против его репатриации. Начальство не возражало, однако предупредило Леви, что его служба в разведке не окончена. Наоборот, когда он обживется в Израиле, с ним снова выйдут на связь, чтобы он смог продолжить работу на благо родной Польши.

В Израиль супруги Леви приехали летом 1948 года – вскоре после официального возникновения государства. Какое-то время они учили иврит в кибуцном ульпане, затем Леви был призван на службу в армию, а в 1950 году молодая супружеская пара оказалась в Тель-Авиве. На одной из улиц этого города Лючиан, сменивший свое польское имя на чисто еврейское Леви, и встретил своего давнего знакомого по совместной деятельности в «Гордонии».

Знакомый работал в МИДе и, узнав, что Леви ищет работу, сказал, что поможет ему устроиться на какую-нибудь должность в это министерство.

Нужно сказать, что трудоустройство на работу в госучреждения в Израиле в те годы происходило в соответствии с рядом неписаных правил. С одной стороны, начальники отделов кадров были крайне подозрительны, опасаясь, что претендент на ту или иную должность может быть сторонником правых политических взглядов и членом правого, оппозиционного движения «Херут», которым путь в государственные организации и ведомства был заказан. С другой стороны, никто не осуществлял никаких детальных проверок новых сотрудников, словно среди них не могло быть агентов арабских или каких-либо других разведок. Для приема на ту или иную должность в любое министерство или ведомство будущему сотруднику достаточно было принести записку от какого-нибудь знакомого начальника отдела кадров, состоявшей из одной, но кодовой фразы: «Это – наш человек».

Именно такую записку Леви Леви принес в МИД, после чего стал сотрудником так называемого Специального отдела министерства. В сущности, к дипломатии работа отдела имела весьма косвенное отношение: в задачу его работников входило наблюдение за офицерами войск ООН, зарубежными дипломатами и бизнесменами для того, чтобы выяснить, не занимаются ли они шпионажем. По большому счету, этот отдел занимался контрразведкой и вскоре вместе с другими подобными отделами и составил основу ШАБАКА – Общей службы безопасности Израиля.

Начало 50-х годов было для сотрудников новой службы периодом ученичества, но учились они с огоньком, старательно, быстро превращаясь в матерых профессионалов. И вместе с ними учился и получал очередные повышения по службе Леви Леви.

В 1951 году произошло то, чего он давно ждал: на него вышел резидент польской разведки в Израиле. В том же году от тяжелой болезни у Леви скоростно умерла жена. Потом, в 1958 году, у следователей возникнет подозрение, что молодая женщина, узнав о том, что ее муж является польским шпионом, решила донести на него – и тогда Леви ее отравил. Однако эта версия так и не была разработана: труп первой жены Леви Леви было решено не эксгумировать, и обвинение в убийстве ему никто не предъявил...

Но все это будет потом. А в 1952 году Леви Леви женился на красавице-медсестре Малке, и их квартира стала одним из излюбленных мест встреч сотрудников ШАБАКА.

Своим бывшим сослуживцам Леви Леви запомнился прежде всего как хлебосольный хозяин, в холодильнике которого всегда можно было найти дефицитные импортные напитки, дорогую колбасу, красную рыбу и даже черную икру. Он был великолепным игроком в карты и приверженцем аристократического образа жизни. На службе он всегда появлялся в элегантном темном или светлом костюме и в подобранной ему в тон «бабочке». Курил Леви исключительно дорогой «Кент». Вдобавок ко всему он был хозяином чистопородного далматинца, стоившего безумные деньги.

Когда кто-то из сослуживцев поинтересовался, как ему удастся вести такое роскошное существование на скромную зарплату сотрудника ШАБАКа, Леви рассказал, что ему помогают живущие во Франции богатые родственники. Время от времени Леви и в самом деле выезжал во Францию, а возвращаясь оттуда, привозил дорогой коньяк, сигары и порнографические журналы – все, что в Израиле 50-х было недоступно даже очень обеспеченным людям. Кроме того, он щедро давал в долг тем, кто оказывался в стесненных обстоятельствах...

Нужно ли добавлять после всего вышесказанного, что в ШАБАКе Леви Леви любили?! Сослуживцы делились с Леви своими проблемами, и потому он был в курсе того, чем занимается не только его отдел, но и остальные подразделения этой сверхсекретной организации.

Кроме того, была у Леви Леви одна слабость, на которую все смотрели снисходительно: он обожал фотографировать и фотографироваться, а потому повсюду таскал за собой фотоаппарат, на который «отщелкивал» участников различных секретных заседаний и все операции ШАБАКа. Когда отделу Леви поручили охранять членов правительства Израиля и высоких зарубежных гостей, он просил своих товарищей запечатлеть его рядом с Голдой Меир, Бен-Гурионом и другими израильскими министрами. Любопытно, что за все эти годы никто ни разу не поинтересовался у Леви, куда же именно деваются тысячи сделанных им фотоснимков. А между тем все они вместе с подробными донесениями ложились на столы руководителей польской разведки в Варшаве. И если фотокопии документов ШАБАКа, отчеты об операциях этой спецслужбы, списки ее руководителей и руководителей других спецслужб и армейских подразделений были частью рабочих отчетов Леви, то фотографии с различными израильскими лидерами призваны были убедить руководство польского МОБ в том, насколько высоко удалось взлететь их агенту и что неплохо было бы прибавить ему зарплату...

В первый раз угроза провала нависла над Леви Леви в 1955 году, когда сотрудники ШАБАКа установили слежку за подозреваемым в шпионаже польским дипломатом. Среди тех, с кем тайно встречался этот резидент польской разведки в Израиле, они обнаружили и своего коллегу Леви Леви.

Леви был вызван для объяснений к начальнику Восточноевропейского отдела и на вопрос о том, встречался ли он с польским резидентом, с ходу признался, что такая встреча действительно состоялась. Но тут же пояснил, что он просто пытался перевербовать бывшего земляка. Самое интересное заключается в том, что это объяснение было принято. Леви лишь попеняли за то, что он занялся не своим делом, и велели прервать всяческие контакты с дипломатом.

Но уже приближался 1957-й год, которому суждено было стать роковым в судьбе Леви Леви.

Год этот вошел в историю Израиля и Польши как «год алии Гомулки^[23]»: именно в 1957-м еще остававшиеся в Польше сотни тысяч евреев двинулись в Израиль, завершив таким образом многовековую историю польского еврейства. Но за те девять лет, которые прошли с момента

возрождения еврейского государства, профессионализм израильских спецслужб значительно вырос, а сам подход к новым репатриантам существенно изменился.

Теперь в Лодском аэропорту активно работал отдел ШАБАКа, сотрудники которого опрашивали каждого новоприбывшего о том, не пытались ли его перед отъездом завербовать те или иные спецслужбы, не известны ли ему какие-то технические, военные или политические секреты страны, из которой он приехал, и т. д. Тех, кто вызывал у этих сотрудников интерес, потом приглашали на беседу уже в тель-авивский офис ШАБАКа и просили рассказать о том, что он знает, поподробнее.

Вся полученная таким образом информация тщательно обрабатывалась, и значительная ее часть переправлялась в ЦРУ: в Штатах хотели знать как можно больше обо всем, что происходит в СССР и странах социалистического лагеря. В ответ американцы поставляли в Израиль имевшуюся у них информацию об арабских странах и щедро делились со своими израильскими коллегами новинками в области «шпионской техники».

Среди тех, кто прибыл на Землю обетованную с «алией Гомулки», был и Эфраим Либерман. Еще в аэропорту он признался, что с 1946-го года по начало 50-х годов был координатором отдела польского МОБ по работе с еврейскими организациями.

Либерман добавил, что среди работавших у него агентов был один член «Гордони», прозванный за свою восточную внешность «Армянином», но в глаза сотрудники отдела называли его Лютиком. Настоящего имени и фамилии «Лютика» Либерман не знал. Но зато он знал, что в 1948 году Лютик уехал в Израиль, стал здесь работать в какой-то спецслужбе и поляки были чрезвычайно довольны его работой.

Рассказ Либермана поверг сотрудников ШАБАКа в состояние шока: выходило, что где-то среди них работает в течение многих лет самый настоящий польский шпион. Когда Либерман ушел, один из них спросил своего товарища:

- Ты знаешь, кого из наших жена называет Лютиком?
- Знаю – Леви Леви, – кивнул головой тот. – Но в то, что он – шпион, я, извини, не верю...

Уже через минуту они сообщили начальнику Восточноевропейского отдела Ниру Баруху о переданной Либерманом информации, а тот, в свою очередь, был так поражен ею, что немедленно направился в кабинет своего босса Амоса Манора.

Поздно вечером в штаб-квартире ШАБАКа было собрано экстренное совещание, в котором, с учетом его важности, принял участие премьер-министр Давид Бен-Гурион^[24]. Помимо него, за столом собрались Манор, Барух, другие начальники отделов и глава «Моссада» Исер Харел. Чем больше Харел слушал доклад Манора, тем больше мрачнел, и это было дурным знаком. Наконец он заговорил, и, как всегда в тот момент, когда этот невысокий, лысый человек начинал

говорить, в комнате установилась мертвая тишина, и каждый из присутствующих вдруг ощутил себя кроликом, впавшим в гипнотический ступор перед раскачивающимся перед ним удавом.

– Все ясно: вы проворонили опасного шпиона прямо у себя под носом, – сказал Харел. –

При этом я не понимаю, почему до сих пор никто не поинтересовался, на какие средства он ведет такой образ жизни, так хорошо одевается, курит дорогие сигареты, для чего он летает во Францию. Налицо, можно сказать, преступная халатность руководства ШАБАКа... Лично у меня на сотрудника, ведущего подобный образ жизни, мгновенно обратили бы внимание.

– Извини, Исер, но вина Леви еще не доказана, – наконец решился вставить слово Амос Манор. – К тому же известно, что для тебя каждый, кто носит галстук, – потенциальный шпион!

– Его вина будет доказана, – спокойно сказал Харел. – А галстук-бабочка – это и в самом деле буржуазный пережиток, свидетельствующий о тайной развращенности натуры и склонности к предательству...

Однако самым сложным вопросом, который решался на этом совещании, стал вопрос о том, что же делать с Леви Леви. Арестовывать его немедленно было нельзя: слишком уж мало было против него доказательств, точнее, их пока не было вообще.

Устанавливать за ним постоянное наблюдение было бессмысленно: профессиональный разведчик, Леви, безусловно, тут же обнаружит слежку, поймет, что раскрыт, и либо попытается бежать из страны, либо уничтожит все доказательства своей шпионской деятельности...

В итоге было решено, во-первых, отстранить Леви Леви от участия во всех операциях ШАБАКа, во-вторых, установить за ним избирательное наблюдение и ждать, когда он выйдет на связь с резидентом.

Так все и было сделано.

Леви даже позволили однажды выехать во Францию, хотя уже знали, что никаких родственников ни в этой стране, ни где-либо еще на планете у него не осталось. Но Леви Леви, вне сомнения, начал что-то подозревать, как только почувствовал, что его не допускают к участию в наиболее ответственных операциях. Явившись к начальству, он потребовал объяснений, на что ему ответили, что он в последнее время явно переработал и руководство хочет дать ему немного отдохнуть...

Еще через месяц Леви обратился к начальству с просьбой об очередном повышении в зарплате и звании, а когда ему ответили, что пока это невозможно, хлопнул дверью.

С каждым днем отношения между ним и начальством становились все напряженнее, и наконец Леви стали намекать, что было бы неплохо, если бы он сам подал прошение об отставке. Так как Леви это сделать отказался, на 30 января 1958 года ему была назначена встреча в кабинете главы ШАБАКа Амоса Манора. Уходя на эту встречу, Леви протянул жене письмо и попросил, если он не появится до утра, отнести этот конверт в адвокатскую контору Шмуэля Тамира...

Начались следствие и судебный процесс по делу Леви Леви, которые длились невероятно долго – почти четыре года. Адвокаты Шмуэль Тамир и Арье Маринский поистине блестяще отстаивали интересы своего подзащитного. Они обращали внимание судей на то, что у ШАБАКА практически не было никаких доказательств шпионской деятельности Леви, кроме показаний Эфраима Либермана.

– Но кто сказал, что этому человеку можно доверять?! – вопрошал судей Маринский. –

И как могли поляки выпустить в Израиль координатора отдела своей разведки, зная, что он может провалить их лучшего, как вы сами говорите, шпиона?!

Неожиданные доказательства шпионской деятельности Леви появились у ШАБАКА только в 1960 году, когда из Польши во Францию сбежал полковник польской разведки Владислав Мороз. В числе прочих переданных им сведений была и информация об успешной деятельности в Израиле Леви Леви. Французские контрразведчики немедленно поделились этой информацией со своими коллегами из «Моссада» и даже устроили одному из руководителей организации встречу с Морозом.

Во время встречи Мороз подтвердил факт сотрудничества Леви с польской ГБ, даже написал подробную записку о том, какую именно информацию передал Леви полякам (а значит, и русским). Но при этом он категорически отказался дать какие-то показания в суде и попросил не предавать его записку огласке. В «Моссаде» не скрывали своего разочарования: без готовности Мороза стать свидетелем на процессе против Леви его показания казались бессмысленными, а Леви Леви в ходе следствия так и не сказал ни слова.

Но спустя месяц Владислав Мороз был сбит на парижской улице «случайно» вылетевшей из-за угла машиной, и как французы, так и израильтяне поняли, что у них нет больше никаких моральных обязательств перед покойным полковником. Получив известие о гибели Мороза, глава ШАБАКА Амос Манор пригласил на «дружескую беседу» адвоката Арье Маринского.

– Когда-то, Арье, – сказал он, – ты требовал от меня доказательств вины Леви Леви. Вот, прочти этот документ. Это – показания польского полковника, перебежавшего во Францию и убитого за эту измену своими бывшими коллегами...

Маринский взял в руки бумаги, прочел их один раз, затем второй, а потом, не говоря ни слова, положил их на стол Манора и молча вышел из его кабинета.

Сев в машину, он дрожащими руками закурил сигарету, затем включил зажигание и погнал автомобиль через дождь, нарушая все правила дорожного движения, по скользкой дороге в Рамле. Явившись в расположенную в этом городе тюрьму, Маринский потребовал немедленно, невзирая на поздний час, предоставить ему встречу с его клиентом Леви Леви.

– Ты видел, как я воевал за тебя, Леви? – спросил он его.

– Да, конечно, – ответил тот. – И я тебе очень за это признателен.

– И все это время, Леви, ты лгал мне...

Леви взглянул в глаза Маринского, в которых плясал бешеный огонь ненависти, и спокойно заметил на идише:

– Не бесись, Ареле... Да, я тебе лгал. Но ради тебя я готов рассказать им всю правду.

В три часа ночи Маринский позвонил домой Манору.

– Можете прислать следователя в тюрьму, – сообщил он. – Леви Леви готов давать показания...В итоге Леви Леви был приговорен судом к семи годам тюремного заключения и в 1965 году, отбыв две трети данного срока, вышел на свободу. Вскоре после этого он развелся с женой и уехал в Австралию, где его никто не знал. Там, за океаном, он тихо дожил до самой своей смерти в середине 80-х годов.

Моральная травма, нанесенная Леви Леви ШАБАКУ, была настолько велика, что последствия ее ощущались еще очень долго, и сотрудники этой спецслужбы до сих пор очень не любят вспоминать эту историю.

В середине 90-х годов, когда запрет на публикацию всех подробностей этого дела был снят, один из самых блестящих адвокатов Израиля Арье Маринский уселся за написание мемуаров. Дойдя до главы, посвященной делу Леви Леви, он долго сидел, сцепив пальцы, и наконец отстучал на свой любимой пишущей машинке первую фразу:

«Малка Леви была красивой женщиной...»

1960. Ошибка профессора Ситы

Профессора Курта Ситу с полным правом можно назвать самым образованным и самым интеллигентным шпионом, который когда-либо действовал на территории Израиля. Однако Курт Сита был не только рафинированным интеллигентом, но и пижоном и бабником, питавшим слабость к хорошеньким девушкам, элегантной одежде и комфортной жизни. Среди его особых пристрастий следует назвать галстук-бабочку, элегантный, пригнанный по фигуре серый костюм, дорогие машины и хорошие сигареты. Стоит заметить, что, по меньшей мере, Сита заслужил все эти блага, так как на его долю выпала совсем непростая судьба...

Профессор хайфского Техниона^[25] и один из основателей кафедры физики этого всемирно известного вуза, Курт Сита не был евреем, он происходил из судетских немцев и родился в семье директора одной из немецких школ в Судетах. Свое образование Курт Сита продолжил в знаменитом Немецком университете Праги и с первых лет учебы стал одним из лучших студентов, а затем и подающим большие надежды аспирантом его физического факультета. Профессора прочили молодому ученому поистине мировую известность и не очень сильно ошиблись в этих прогнозах: и сегодня имя Курта Ситы упоминается в некоторых учебниках по ядерной физике и астрофизике.

В 1938 году 28-летний преподаватель Курт Сита женился на первокурснице Пражского университета Аде Леви. Жизнь открывала перед молодой парой блестящие перспективы: учитывая выдающиеся научные способности Ситы, правительство Чехословакии приняло решение направить его на стажировку в Англию, в знаменитую Кавендишскую лабораторию, выделив при этом вполне приличную стипендию.

Но претворению этого решения в жизнь помешало позорное Мюнхенское соглашение.

Сразу после прихода к власти над Чехословакией нацистов Курт Сита был уволен из университета как представитель арийской расы, вступивший в преступный брак с еврейкой и не пожелавший его расторгнуть. Нацисты потом еще долго пытались убедить строптивного молодого физика оставить позорящую его жену и посвятить свой талант ученого великой расе, к которой он принадлежал по крови, но каждый раз Сита выставлял очередного такого собеседника за дверь. Так продолжалось до тех пор, пока в их квартирку не постучали люди в форме СС, после чего Курт Сита оказался в Бухенвальде, в то время как его жена Ада попала в Освенцим.

На протяжении всей своей предыдущей жизни профессор Курт Сита был весьма далек от политики, и уж тем более ему, либералу и энциклопедически образованному человеку, претили идеи коммунистов. Но в Бухенвальде Сита стал активным членом лагерного подполья, основу которого составляли именно коммунисты, пленные офицеры Советской Армии. И их влияние, подкрепленное несомненным обаянием их личностей, оказалось решающим для изменения мировоззрения будущего господина профессора. Из лагеря Курт Сита вышел яростным ненавистником нацистов и одновременно убежденным сторонником идей Маркса-Ленина-Сталина.

Вернувшись в 1945 году в Прагу, он не только занимается преподавательской деятельностью в университете, но и активно способствует выявлению и наказанию тех, кто хоть каким-то образом сотрудничал с нацистским режимом. И, согласитесь, у него было на то моральное право. Наконец, в 1948 году, когда коммунисты окончательно утвердились у власти в Чехословакии, товарищи по партии спросили у Курта Ситы, что бы он хотел получить в качестве награды за ту огромную работу, которая была им проделана для полного освобождения родины от нацистской чумы. И Курт Сита выразил скромное желание, чтобы государство выделило ему стипендию и послало стажироваться в Эдинбургский университет, куда он вскоре и уехал вместе со своей Адой и родившимся у них сыном.

Правда, перед отъездом его вызвали в Главное управление разведки Чехословакии.

– Вы отправляетесь на Запад, в самое логово врага, господин Сита, – сказал беседовавший с ним сотрудник Управления. – Можем ли мы рассчитывать на вашу помощь, если она нам понадобится?

– Безусловно, можете, – твердо ответил Сита. – Вам известны мои убеждения, вы знаете, что я считаю Чехословакию своей родиной, и я готов служить партии и стране всем, чем только могу...

Об этих его словах Курту Сите напомнили в 1950 году, когда, совершив ряд интересных открытий в области ядерной физики, тот был приглашен для работы и преподавания в Нью-Йоркский университет. Начиналась холодная война, и чешская разведка вместе с маячившим за ней КГБ хотела бы знать о потенциальных противниках социалистического лагеря как можно больше.

Впрочем, американцы быстро уяснили, что молодой профессор Сита пытается сочетать научную деятельность со шпионажем, и вызвали его на беседу в ЦРУ. Сотрудники Восточноевропейского отдела ЦРУ поначалу попытались превратить Ситу в двойного агента, но когда поняли, что профессор Сита согласился на эту роль лишь для вида и собирается водить их за нос, то добились решения о его депортации из страны. Именно поэтому Исер Харел в своих мемуарах возлагает на американцев немалую ответственность за то, что Сита сумел развернуть шпионскую деятельность в Израиле: по его мнению, сотрудники ЦРУ обязаны было предупредить своих израильских коллег о прошлом Курта Ситы, как только они узнали, что он получил кафедру физики в хайфском Технионе.

Для самого Ситы указ о депортации из США был весьма кстати: как раз в это время его Ада призналась, что полюбила его коллегу по кафедре, и отъезд из Штатов давал молодому профессору призрачную надежду на сохранение семьи. Из Нью-Йорка супруги Сита переехали в бразильский город Сан-Паулу, где Курту Сите предоставили место штатного профессора. В 1954 году на одной из международных научных конференций в Европе Сита встретился с израильскими учеными, и они пригласили его к себе – создавать кафедру физики в хайфском Технионе.

Так женатый на чешской еврейке судетский немец и оказался на Земле обетованной. Здесь, в Израиле, он окончательно простился с надеждой удержать жену: отношения между ними окончательно испортились, и в 1959 году Ада с сыном уехали в Канаду.

Впрочем, Курт Сита горевал недолго. Он вскоре близко сошелся с молодой медсестрой из больницы «Рамбам» и вдобавок ко всему пользовался благосклонностью своих студентов. Многие из них отвечали согласием на предложение профессора Ситы встретиться после занятий, после чего обычно профессор вместе с ученицей направлялся на своей машине в лес на горе Кармель и на заднем сиденье своей машины устраивал ей практикум по физике твердого тела.

При этом Сита пользовался огромным авторитетом в израильских научных кругах и часто выезжал на научные конференции в различные страны мира, в том числе и на свою родину – в Чехословакию, а также и в СССР. Напомню, что это было особое время – то самое, когда лирики

были в загоне, а физики, наоборот, в особом почете, и считалось, что именно ученые определяют будущее человечества. В самих научных кругах царил атмосфера всеобщего товарищества и осознания своей особой роли в судьбе мира, и это создавало благоприятную почву для того, чтобы ученые из разных стран делились друг с другом известными им оборонными секретами своих держав. В частности, именно тогда возникла знаменитая концепция стратегического равновесия, согласно которой предотвращение новой мировой войны возможно лишь путем создания полного военного паритета между двумя сверхдержавами – СССР и США. Руководствуясь этой идеей, многие ученые Запада в те годы передали секретные военные технологии своих стран в руки советской разведки.

И Курт Сита попросту не был исключением из этого правила: почти на каждой международной научной конференции он встречался с сотрудниками чешской разведки и передавал им информацию обо всем происходящем в израильской науке и технике. А информации у Курта Ситы, следует признать, хватало: израильские физики активно привлекались к работе над различными оборонными проектами, а в конце 50-х годов вся оборонная промышленность и наука страны лихорадочно работали над реализацией ядерного проекта. Квалифицированных кадров не хватало, и Курта Ситу попросили составить список студентов, которые могли бы в свободное от учебы время работать техниками и лаборантами, а вскоре и он сам активно включился в решение различных научных вопросов, связанных со строительством и обеспечением безопасной работы ядерных реакторов как в Сореке, так и в Димоне.

В результате благодаря Сите в Чехословакии и СССР знали о ядерной программе Израиля почти все. А так как Курт Сита вдобавок ко всему постоянно ездил в служебные командировки в Париж, то знали там и о той огромной помощи, которую оказывает Израилю в реализации этой программы Франция.

Так продолжалось до весны 1960 года, когда сотрудники Северного отделения ШАБАКА заметили на улицах Хайфы машину чешского дипломата, бывшего одновременно резидентом чешской разведки в Израиле. Решив выяснить, что же понадобилось этому господину в Хайфе, сотрудники ШАБАКА сели ему «на хвост», последовали за его машиной в район Адар и увидели, как шпион с дипломатическим паспортом встретился в одном из кафе этого района с профессором Ситой.

Спустя день за Куртом Ситой было решено установить постоянное наблюдение. Оперативники ШАБАКА не скрывали, что «вести» его было необычайно легко. Во-первых, из своей страсти к пижонству Сита в 1959 году приобрел безумно дорогой по тем временам «Форд-таунус» красного цвета. Это была единственная машина такой марки на всю Хайфу, да и во всем Израиле число «Таунусов» можно было тогда пересчитать по пальцам. А следовательно, у тех, кто вел наблюдение за Ситой, не было особых трудностей с выяснением, где именно в данный момент

находится его машина. Кроме того, Сита жил так, словно ему было совершенно нечего скрывать, не обращал внимания на ведущуюся за ним слежку и явно не владел никакими навыками конспирации. Не раз сотрудники ШАБАКа подбирались в лесу на горе Кармель вплотную к его машине и фотографировали его физические упражнения со студентками. Засняты были ими также его встречи с резидентом чешской разведки в различных кафе и у себя дома.

Но в итоге, по всей видимости, профессор Сита все-таки что-то заподозрил. Во всяком случае, он неожиданно подал ректору Техниона рапорт, в котором сообщал, что в последнее время регулярно встречается с одним чешским дипломатом в связи с тем, что тот предлагает ему вернуться работать на родину. В ШАБАКе этот отчет был расценен как попытка Ситы подготовить себе алиби, и летом 1960 года профессор был арестован по подозрению в шпионаже. Уже на первом допросе он признался, что находился на связи с резидентом чешской разведки в Израиле и рассказал, что они в основном говорили о ядерной программе Израиля.

Арест известного физика вызвал бурные протесты научной общественности как в Израиле, так и за его пределами. Среди тех, кто обратился к премьер-министру Давиду Бен-Гуриону с требованием немедленно освободить Курта Ситу, был и депутат Кнессета первого созыва профессор Ари Жаботинский – сын Зеэва Жаботинского^[26]. Эта буря продолжалась и после того, как ШАБАК пошел на весьма необычный, абсолютно нетипичный для него шаг – организовал пресс-конференцию, на которой представил журналистам доказательства того, что Курт Сита занимался шпионажем. Причем, как убедительно доказали следователи ШАБАКа, делал этот отнюдь не только из идеологических соображений: за годы своей шпионской деятельности в Израиле он получил 5 000 долларов наличными, а именно столько стоила в то время просторная квартира в Хайфе. Не решившись опровергать очевидные факты, израильские ученые потребовали от правительства Израиля не доводить дело Курта Ситы до суда, а просто выслать его из страны.

Вся эта компания в поддержку профессора физики в немалой степени озадачила Давида Бен-Гуриона, и он решил посоветоваться с главой «Моссада» Исером Харелом, как же ему следует вести себя в создавшейся ситуации.

– Не должно быть двух справедливостей: одной – для всех, а другой – для избранных, – сухо ответил Харел премьеру. – Закон запрещает тебе вмешиваться в это дело, и я первым обвиню тебя в нарушении закона, если ты вмешаешься!

И Бен-Гурион не вмешался, в результате чего суд – с учетом прошлых заслуг профессора Курта Ситы в борьбе с нацизмом – приговорил его к пяти годам тюремного заключения.

– Поверьте, господа судьи, я, видевший своими глазами, что нацисты делали с евреями, никогда не нанес бы сознательный ущерб безопасности еврейского государства. Если я

действительно нанес такой ущерб, то сделал это исключительно по наивности, – сказал Сита в своем последнем слове.

Адвокаты и сторонники профессора-шпиона не удовлетвоались относительно мягким приговором и оспорили его в Верховном суде. Последний смягчил этот приговор до четырех лет тюрьмы.

2 апреля 1963 года профессор Сита был освобожден по амнистии и – в соответствии с условиями досрочного освобождения – прямо из тюрьмы был доставлен в аэропорт в Лоде, откуда вылетел ближайшим рейсом в Цюрих. В дальнейшем Курт Сита переехал в ФРГ, преподавал в одном из немецких университетов, вышел на пенсию и в начале 90-х годов ушел из жизни...

1960. Вычисление шпиона как точная наука

История действовавшего в Израиле советского разведчика Исраэля Бара весьма любопытна со всех точек зрения.

Да, и потому, что доктор Исраэль Бар занимал необычайно высокое положение в израильском обществе: подполковник ЦАХАЛа (Армия Обороны Израиля) в отставке, он был официальным историком израильской армии, читал лекции по военной истории в университетах различных стран Европы и являлся постоянным военным обозревателем газеты «Ха-Арец». Среди его знакомых и близких друзей значились и премьер-министр Давид Бен-Гурион, и Хаим Герцог, и тогда еще совсем молодые политики Шимон Перес и Теди Колек... Но самое интересное заключается в том, что еще в 1955 году глава «Моссада» Исер Харел заподозрил в Исраэле Баре советского шпиона, хотя завербован он был... лишь год с лишним спустя. Таким образом, Харел попросту выстроил в своем холодном, как просторы Антарктики, мозгу профиль потенциального советского шпиона и пришел к выводу, что Исраэль Бар идеально соответствует этому профилю. Ну и, наконец, ту блестящую карьеру, которую сделал Исраэль, он же Георг Бар, он мог сделать только в Израиле и только в то удивительное время, в которое ему выпало родиться и жить.

Уроженец Вены, 26-летний Георг Бар объявился в подмандатной Палестине в 1938 году почти сразу после печально известного аншлюса, покончившего с независимостью Австрии и, по сути дела, положившего начало Катастрофе европейского еврейства: именно австрийским евреям предстояло первыми из их разбросанных по Европе соплеменников узнать, какую участь им уготовил Адольф Гитлер.

Георг Бар был одним из тех молодых людей, которые, оставив в Австрии родителей и имущество, сумели добраться до берегов Палестины. Здесь необычайно общительный, интеллигентный, умеющий производить приятное впечатление в обществе Георг Бар меняет свое имя на Исраэль и вскоре становится своим в кругах местных коммунистов. Он рассказывает, что в Австрии также был весьма активным членом компартии, закончил Военную академию в Вене,

защитил докторант по военной истории, а затем плечом к плечу с Хемингуэем сражался против франкистов в Испании – и все это принимается на веру.

В качестве специалиста по военным наукам Бар становится членом стратегического отдела «Хаганы», где все оказываются очарованы обширностью его познаний в военной науке. Все, кроме молодого Моше Даяна^[27], почему-то упорно считающего Бара лгуном и шарлатаном.

В 1948 году, сразу после создания Государства Израиль, Израэлю Бару присваивается звание полковника и его приписывают к отделу стратегического планирования только что созданной израильской армии. По окончании Войны за Независимость Израэль Бар требует повысить его в должности до заместителя начальника Генштаба, но получает отказ – по той причине, что он является членом прокоммунистической партии МАПАЙ, в то время как молодым государством управляет возглавляемая Бен-Гурионом социал-демократическая партия МАПАМ.

В ответ на отказ повысить его в должности и звании Израэль Бар, хлопнув дверью, ушел из армии, но сумел извлечь урок из случившегося. В конце 40-х годов он выходит из состава МАПАЙ и присоединяется к МАПАМ, и этот шаг оценивается властью предрешающей по достоинству: Давид Бен-Гурион, совмещавший тогда посты премьер-министра и министра обороны, назначает Израэля Бара официальным историком и создателем архива израильской армии. Для исполнения новых обязанностей Израэлю Бару выделяют в Министерстве обороны кабинет, расположенный буквально в двух шагах от кабинета самого Бен-Гуриона, и это позволяет Бару едва ли не ежедневно дружески общаться со Стариком^[28], а также с являющимися к тому на прием генералами и политиками. Новое назначение открывает перед Израэлем Баром и доступ к интересной и – что самое важное – «горячей» информации о ЦАХАЛе. Его статьи, обзоры и комментарии на армейские темы начинают публиковать ведущие израильские газеты. Затем к услугам Бара как военного обозревателя по Израэлю начинают прибегать и СМИ Германии и Франции, благо он свободно владел как немецким, так и французским языками. А пришедшая вслед за этими статьями журналистская популярность распахнула перед Израэлем Баром двери Еврейского университета в Иерусалиме, а затем и Сорбонны, куда его стали активно приглашать для чтения лекций по военной истории и политологии Ближнего Востока.

При этом в правительственных кругах Израиля интеллигентный и обаятельный Бар пользовался симпатией и расположением всех, кто был с ним знаком, за исключением двоих: генерала Моше Даяна и начальника «Моссада» Исера Харела. Причем, что самое любопытное, ни один из них до поры до времени не догадывается о том, что он не одинок в своей антипатии к Бару!

Исер Харел, как уже было сказано, начал подозревать Израэля Бара в шпионаже в 1955 году, а Моше Даян в 1956 году во время официального визита израильской правительственной

делегации в Париж, заметив среди сопровождавших ее журналистов Израэля Бара, то ли в шутку, то ли всерьез спросил: «А что здесь делает этот шпион?!»

Именно тогда, в 1956 году, у израильских спецслужб впервые появился повод подозревать Израэля Бара в шпионаже. Сотрудники ШАБАКА узнали о том, что Бар частенько встречается с корреспондентом ТАСС в Израиле Александром Лосевым. Так как в ШАБАКе были осведомлены, что должность корреспондента ТАСС была для Лосева лишь прикрытием его разведдеятельности, Израэль Бар был вызван на собеседование в штаб-квартиру этой спецслужбы.

Вопреки ожиданиям следователей, Бар не только не стал отрицать факта своих встреч с Лосевым, но и добавил, что тот ему симпатичен и как человек, и как коллега. Пришлось следователям объяснить Бару, кто такой Лосев, и «убедительно попросить» больше с ним не встречаться. Бар это условие, кстати, выполнил.

В 1957-1958 годах Израэль Бар зачастил на родину – в Германию и в Австрию, где стал регулярно встречаться с начальником разведки Бундестага генералом Рейнхардом Геленом, служившим в свое время в СА. Гелен вместе с рядом других нацистских офицеров сначала возродили разведслужбу Германии, а затем помогли создать свою разведслужбу Египту, к власти в котором только-только пришел Гамаль Абдель Насер.

Разумеется, все это не укрылось от всевидящего ока Исера Харела, и он пригласил Израэля Бара к себе на «беседу», больше напоминавшую жесткий допрос. Харел потребовал от Бара полного отчета о своих встречах с Геленом, и Бар поведал в ответ, что Гелен попросил его передать Бен-Гуриону, что Германия заинтересована в более тесном и поистине всестороннем военном сотрудничестве с Израилем.

Разговор между Харелом и Баром внешне был совершенно спокойным, однако Израэль Бар прекрасно почувствовал ту неприязнь, которую испытывал к нему Харел, и ответил начальнику «Моссада» взаимностью. Когда полубеседа-полудопрос закончилась, Харел сказал одному из своих подчиненных, что он не сомневается в том, что Бар занимается шпионажем, и еще выведет его на чистую воду.

Тут следует, наверное, заметить, что в конце 50-х – начале 60-х годов в Израиле под тем или иным прикрытием действовало около 40 разведчиков, прибывших из СССР и стран Восточной Европы. Так как для незаметного постоянного наблюдения за объектом требуется не менее 4 машин, то, понятное дело, ни кадров, ни техники для такого наблюдения за всеми разведчиками у ШАБАКА не было. Поэтому его сотрудники занимались «избирательным» наблюдением: одну неделю следили за одним разведчиком, вторую за другим – и т. д.

Весной 1960 года в поле зрения ШАБАКА попал пресс-атташе советского посольства Владимир Соколов. Тогда же выяснилось, что одним из тех, к кому Соколов периодически ездит в гости, является Израэль Бар. Сотрудники ШАБАКА попросили у живущих напротив Бара соседей

использовать их квартиру в качестве временного наблюдательного пункта и вскоре запечатлели на фото пленку еще одну встречу Бара с Соколовым, в ходе которой Бар передал советскому пресс-атташе папку с какими-то документами.

Когда Харел узнал об этом, он, воспользовавшись временным отсутствием в стране главы ШАБАКа Амоса Манора, приказал немедленно получить ордер на арест Исраэля Бара и проведение обыска в его квартире. Руководивший операцией по аресту Исраэля Бара молодой следователь Виктор Коэн вспоминает, что «клиент» встретил их совершенно спокойно. На вопрос о том, не встречался ли он с кем-либо из сотрудников советского посольства, Бар ответил, что нет, не встречался, а если бы и встречался, то, будучи высокопоставленным сотрудником Министерства обороны, не считает себя обязанным отдавать отчет об этих встречах незванным гостям.

– Хорошо, господин Бар, – сказал Коэн, – если вы готовы подписать декларацию о том, что никогда не встречались с советским шпионом Владимиром Соколовым, то мы тут же уйдем.

И Исраэль Бар подписал эту декларацию, что и было его ошибкой: уличив Бара во лжи, Коэн немедленно сообщил ему, что тот арестован.

Однако на допросе Бар заявил, что фотографии (которые и в самом деле получились не очень четкими), на которых он заснят вместе с Соколовым, сфабрикованы, и отказался давать какие-либо показания. Правда, Бар добавил, что у него имеется твердое алиби: в тот вечер, когда он, как утверждает ШАБАК, встречался с Соколовым, у него в гостях был известный израильский журналист, а после его ухода к нему пришла его молодая любовница... Журналист и в самом деле вспомнил, что был в тот вечер в гостях у Исраэля Бара, однако ушел на полчаса раньше того времени, чем указал Бар.

Таким образом, алиби проваливалось, но Бар начал настаивать на том, что после ухода приятеля вышел в магазин за бутылкой «Чинзано», чтобы распить его с любимой женщиной.

Он явно начинал нервничать и допускать ошибки: «Чинзано» в том магазине, который он указал, никогда не продавался.

Ровно семь дней продолжался поединок между Исраэлем Баром и Виктором Коэном, и все это время Коэн следил за тем, чтобы у его подследственного были дорогие виски и сигареты: Бар привык жить на широкую ногу. На седьмой день отношения между ними стали наконец настолько доверительными, что Бар сломался. Он рассказал о том, как принял предложение корреспондента ТАСС Александра Лосева поработать на советскую разведку, как работал со сменяемыми друг друга советскими резидентами, получая от них соответствующую плату за информацию. При этом обычно встречи между ним и агентами советской разведки проходили либо на пресс-конференциях, либо на каких-то дипломатических приемах, в которых никогда не было недостатка. Это было чрезвычайно удобно, так как обычно в подобных приемах принимают

участие сотни людей, все общаются со всеми, а потому ни один разговор, ни один обмен визитными карточками или... папками не вызывает подозрения. Ну, а в папку могут быть вложены как ценные документы, так и деньги...

– Значит, ты делал все это ради денег? – спросил его Коэн.

– Нет, – покачал головой Бар. – Во всяком случае, не только ради денег, а ради Израиля. Вы не хотите понять, что рано или поздно в мире останется только одна сверхдержава – СССР.

И потому нам куда важнее поддерживать нормальные отношения с русскими, чем с Западом. Я не передавал русским практически никакой информации об Израиле – я сообщал им то, что мне становилось известно о НАТО. К примеру, когда наша компания «Солель Бонэ» получила заказ на строительство новой военной базы НАТО в Турции, я передал Москве план этой базы...

Однако Коэн не очень полагался на показания самого Исраэля Бара и вновь и вновь внимательно просматривал изъятые у него при обыске документы. При этом наибольшее беспокойство у него вызывала записная книжка, в которой определенные даты были обведены то одним, то двумя кружками разных цветов – красного и черного. Коэн предполагал, что эти цифры являются кодами к какому-то шифру, но никак не мог понять, к какому именно. Несколько недель он и лучшие шифровальщики ШАБАКа ломали голову над этим вопросом, а затем он решил напрямую задать его Бару.

– Ах, это! – сказал Бар, увидев в руках у следователя свою записную книжку, и покраснел, что было для него совершенно несвойственно. – Это – так, ерунда...– И все-таки, что обозначают взятые в кружок цифры? – продолжал настаивать Коэн.

– Ну, хорошо, я скажу, – ответил Бар. –

Понимаете, моя подруга моложе меня больше чем на двадцать лет. В моем возрасте у мужчины появляются... гм, некоторые проблемы с удовлетворением женщины. Тем более – молодой женщины. И потому мне приходилось тщательно планировать каждую нашу встречу. Когда мы договаривались о свидании, я обводил дату предстоящего свидания черным карандашом и накануне покупал выпивку и две дозы анаши – для себя и для нее. Это помогало нам прийти в необходимое состояние. Затем, если у меня все получалось так, как я хотел, я обводил эту дату красным карандашом. Как видите, я не всегда был на высоте, поэтому некоторые цифры обведены только черным кружком.

Чтобы проверить, насколько Бар в данном случае говорит правду, Виктор Коэн вызвал на допрос его подругу. Когда он показал ей записную книжку Исраэля Бара и спросил, не помнит ли она, совпадают ли они с датами их свиданий или нет, а если совпадают, то был ли Бар и в самом деле на высоте в те дни, даты которых обозначены красным цветом, молодая женщина вспыхнула.

– Какая низость! – сказала она, встав со стула. – Какая низость! До какой же степени падения вы способны пойти?!

– Увы, мадам. Мы здесь лишь расследуем степень падения других людей! – парировал Коэн.

Известие об аресте столь известного журналиста и высокопоставленного сотрудника Министерства обороны произвело эффект разорвавшейся бомбы. Шимон Перес, Ицхак Навон и Хаим Герцог выразили сомнение в виновности Исраэля Бара и заявили, что единственной причиной его ареста является личная неприязнь к нему Исера Харела. Любопытно, что сам Бар ни с Харелом, ни с Пересом, ни с Герцогом встретиться не пожелал – он предпочитал говорить только с Виктором Коэном.

Однажды Бар обратился к тюремному начальству в субботу и попросил срочно вызвать к нему Коэна в тюрьму, так как он хочет сказать ему нечто важное. Коэн захватил из дома бутылку вина и пирог и поехал в Рамле.

– Виктор, – сказал ему Исраэль Бар, – я хочу признаться тебе в еще одном прегрешении. На самом деле я никогда не воевал в Испании и никогда не заканчивал Венской военной академии. Все эти детали своей биографии я придумал. Правда, придумал не на пустом месте: я действительно превосходно знаю военную историю и внимательно следил по газетам за ходом войны в Испании.

Судебный процесс по делу Исраэля Бара завершился в январе 1962 года – он был приговорен к 10 годам тюрьмы. Сразу после этого и защита, и обвинение подали апелляцию в Верховный суд, оспаривая справедливость такого приговора. В свою очередь, Верховный суд принял точку зрения Исера Харела, утверждавшего, что Исраэль Бар своей шпионской деятельностью нанес страшный удар по безопасности Израиля, и срок заключения Бара был увеличен до 15 лет. Хотя тот же Виктор Коэн считает, что Харел явно переборщил в своей оценке преступления Бара: видимо, и в самом деле свою роль здесь сыграла чисто личная неприязнь.

Исраэль Бар скончался в тюремной камере 1 мая 1966 года.

За три с лишним года отсидки он успел написать книгу «Безопасность Израиля: вчера, сегодня и завтра». Некоторые страницы этой книги с интересом читаются и в наши дни...

1965. Семейные тайны

Жизнь Франчека Самуэля так и осталась загадкой для летописцев израильских спецслужб, так как этот человек не был особо откровенен со следователями на допросах и не оставил после себя мемуаров. Отсидев положенный срок в израильской тюрьме, он вышел на свободу и, как и полагается профессиональному разведчику, бесследно растворился сначала в пространстве, а потом во времени. Известно лишь, что Франчек Самуэль родился в еврейской семье в Румынии в 1914 году и еще в школе стал видным деятелем молодежной ячейки румынской компартии.

В те годы компартия в Румынии была запрещена королевским указом и за само членство в ней можно было угодить на несколько лет в тюрьму. Тот факт, что Франчек стал активным коммунистом, вне сомнения, говорит о его мужестве и готовности пострадать за идеи, в которые он верил. Дальше все покрыто завесой мрака: непонятно, каким образом Франчеку Самуэлю удалось пережить Катастрофу, где он провел шесть страшных для евреев лет Второй мировой войны и чем именно занимался в эти годы.

Но в 1945 году он снова оказывается в Бухаресте, помогает родной компартии утвердиться у власти, а вскоре назначается первым секретарем одного из румынских обкомов. В этот же период он женится на своей Барбаре, и у них рождаются сначала сын Иоганн, а затем и дочь Екатерина. Уже потом стало известно, что Франчек Самуэль входил в ближайшее окружение будущего диктатора Николае Чаушеску и даже писал за него речи.

Однако конец 40-х – начало 50-х годов были суровой эпохой не только в СССР, но и в Румынии. Видимо, забыв об этом, молодой секретарь обкома Франчек Самуэль увлекся женой одного из руководителей румынской компартии, и возмездие за этот адюльтер не замедлило последовать – он был обвинен в оппортунизме, арестован и брошен в тюрьму, из которой чуть позже был переведен в сумасшедший дом. Трудно сказать, можно ли было считать это везением: в этом заведении для душевнобольных Самуэль провел несколько лет, в течение которых ему запрещали выходить из палаты.

В 1957 году в коридорах психбольницы появились двое представительных мужчин в синих костюмах. Самуэля по их просьбе доставили в кабинет главврача и оставили наедине с гостями. Разговор в кабинете был прямой и короткий: двое сотрудников службы безопасности Румынии «Секуриате» предложили Франчеку Самуэлю помочь выбраться из психбольницы. Но при одном условии: если он согласится направиться в качестве агента этой спецслужбы в Израиль, а затем и в США. И, думается, Самуэль принял данное предложение с радостью и сразу, не раздумывая: выбор-то у него был, в сущности, невелик...

Затем была напряженная учеба в разведшколе, после чего Франчеку Самуэлю объяснили, что основным местом его работы в качестве шпиона должен стать такой оплот мирового империализма, как Соединенные Штаты Америки. Именно в США он должен будет любой ценой проникнуть в госструктуры и добыть ценную информацию для социалистического лагеря. Однако, чтобы не возбуждать подозрений и сделать его легенду как можно более достоверной, он вместе с семьей сначала репатрируется в Израиль на основе Закона о возвращении, поживет там лет пять-шесть и затем – на совершенно легальных основаниях, в качестве разочаровавшегося в исторической родине репатрианта – переберется в США. Но и в Израиле он тоже должен не терять время зря, а исправно поставлять добываемую им информацию через человека, который сам выйдет с ним на связь. В конце 1959 года Франчеку Самуэлю было

присвоено звание полковника, и он обратился в Сохнут^[29] с просьбой разрешить ему репатрироваться в Израиль и заодно попросил ускорить оформление всех документов в связи с тем, что он является жертвой «румынского сталинизма» и опасается новых репрессий. Однако разрешение на выезд было получено семьей Самуэль лишь летом 1961 года, после чего Франчек и Барбара с двумя детьми выехали в Вену.

И здесь, на австрийской земле, как расскажет потом Франчек Самуэль на допросе, его впервые начала мучить еврейская совесть. Да, его давно уже почти ничего не связывало с еврейским народом. Да, его жена не была еврейкой и, соответственно, его дети по еврейским религиозным законам тоже не были евреями, но все-таки какие-то сантименты по отношению к евреям у него остались. И если он готов был со всем пылом души работать против США, то при этом ему вовсе не хотелось шпионить против Израиля и наносить ущерб безопасности еврейского государства. А потому Самуэль стал подумывать о том, как из Вены напрямую добраться до США или, по меньшей мере, до какой-нибудь страны Латинской Америки и приехать в гости к Дяде Сэму уже оттуда, а не из Израиля. Начальство Самуэля в Бухаресте одобрило этот план, но тут в ход событий вмешались бдительные сотрудники Сохнута. Их совсем не устраивало создание прецедента, по которому румынские евреи с помощью Сохнута выбирались из своей страны, а затем ехали бы в Штаты или куда-то еще. И потому семья Самуэлей под надзором сотрудников Сохнута была сначала переправлена из Вены в Рим, а оттуда – в Израиль.

Так в 1961 году семья Самуэлей оказалась в одном из израильских кибуцев и начала обустроиваться на новом месте. Однако тогда же один из новых репатриантов из Румынии сообщил ШАБАКу, что располагает информацией о том, что не так давно «Секуриате» заслала в Израиль своего шпиона. Среди тех, кого в Восточноевропейском отделе ШАБАКа «пометили» в качестве потенциального шпиона, был и Франчек Самуэль. Один из сотрудников этого отдела направился к секретарю кибуца, в котором поселилась семья Самуэлей, и попросил его «приглядеть» за новенькими. Секретарь кибуца по простоте душевной спросил Франчека Самуэля, не знает ли тот, почему к нему привязался ШАБАК, и это, несомненно, насторожило последнего. Да и к тому же заниматься разведдеятельностью в кибуце, где большая часть твоей жизни проходит на виду у всех остальных членов коммуны, было практически невозможно.

Вскоре семья Самуэлей покинула кибуц и переехала в Хайфу, обосновавшись в квартале Неве-Шаанан, в расположенном на холме обычном трехэтажном доме. Франчек Самуэль стал работать электриком, и в целом он и его семья вели жизнь, ничем не отличающуюся от жизни сотен тысяч других израильских обывателей.

Однако стремительный отъезд супругов Самуэлей из кибуца лишь усилил подозрения сотрудников ШАБАКа, и за Франчеком было решено установить постоянное наблюдение.

И вот тут до них начало доходить, что они имеют дело с настоящим профессионалом: обнаружив ведущуюся за ним слежку, Франчек Самуэль начал развлекаться, то и дело водил за нос своих преследователей. Он мог заставить их в течение нескольких часов следовать за собой по городу, продираясь сквозь толпу и попадая в различные неприятные ситуации, а мог, выйдя из дома... внезапно исчезнуть, словно провалиться сквозь землю, и тогда оперативникам не оставалось ничего другого, как докладывать начальству о том, что они «потеряли объект». Очевидно, Франчек Самуэль еще в юности, будучи членом находившейся на нелегальном положении компартии, приобрел немалый опыт в том, как следует отрываться от слежки, и теперь всю использовал его в Израиле.

Но все это лишь еще больше распяляло тогдашнего главу Восточноевропейского отдела ШАБАКа Нира Баруха. И хотя никаких доказательств того, что ставший Эфраимом Франчек Самуэль работает на иностранную разведку, не было, Нир велел двум сотрудникам ШАБАКа арендовать квартиру, расположенную на одной лестничной площадке с квартирой Самуэлей, и поселиться в ней под видом студентов Техниона. У обоих «студентов» вскоре установились приятельские отношения с соседями и двумя их детьми, что облегчало наблюдение за «объектом».

Но и тщательный осмотр квартиры Самуэлей, когда никого из ее законных обитателей не было дома, тоже ничего не дал: ничто в их жилище не говорило том, что ее хозяин занимается шпионажем. Разве что стоявший в комнате радиоприемник был очень уж дорогим и способным принимать передачи со всего мира. Но и это тоже ничего не значило, такие радиоприемники имелись во многих семьях, а новые репатрианты обычно с их помощью ловили радиостанции, вещавшие на родном для них языке, чтобы послушать любимые с детства песни и мелодии. После того как осмотр квартиры Самуэлей ничего не дал, один из их новых соседей – молодой сотрудник ШАБАКа Моше Лин – решил посоветоваться с коллегами из Технического отдела своей организации, и те предположили, что Самуэль может принимать шифрованные радиogramмы с помощью установленного внутри радиоприемника осциллятора.

На следующий день Лин снова осмотрел квартиру Самуэлей – на этот раз вместе с парнями из Технического отдела – и они действительно обнаружили осциллятор, после чего в арендуемой ШАБАКом смежной квартире был установлен точно такой же радиоприемник с точно таким же осциллятором. Еще несколько дней ушло на то, чтобы убедиться, что Франчек Самуэль и в самом деле регулярно принимает шифрованные радиogramмы из Бухареста, установить время приема этих радиogramм и расшифровать их.

Нир Барух решил арестовать Франчека и Барбару Самуэль в один из январских дней 1965 года в два часа ночи – в то самое время, когда они будут принимать очередную шифrogramму из Бухареста. В час ночи после бурной любовной игры супруг включил радиоприемник и стал

аккуратно записывать передаваемое ему сообщение, не подозревая, что тем же самым занимаются сейчас и живущие за стенкой его «добрые соседи». В два часа ночи группа сотрудников ШАБАКа во главе с Ниром Барухом вышла из квартиры, чтобы позвонить в дверь Барбары и Франчека Самуэлей, а Моше Лин перелез через балкон и, открыв его дверь, проник в детскую.

– Что ты здесь делаешь? – спросил его проснувшийся Иоганн.

– Спи. Я скажу тебе об этом позже! – ответил ему Лин.

Открыв изнутри дверь своим коллегам, Лин постучал в дверь спальни Барбары и Франчека.

– Откройте, ШАБАК! – сказал он, и это было ошибкой: супруги Самуэль не только не подумали выполнить это их указание, но и попытались забаррикадироваться в комнате. Поняв, что ему не остается ничего, кроме как взломать дверь, Лин отошел в другой конец коридора и с разбегу вломился в супружескую спальню Самуэлей, а вслед за ним в нее вошли и другие сотрудники ШАБАКа. Франчек и Барбара, оба совершенно обнаженные, сидели на кровати и торопливо сжигали какие-то бумаги на обогревавшей комнату керосиновой печке.

Лин вырвал один из документов из рук Барбары Самуэль, а когда та бросилась на него с кулаками, силой усадил ее на кровать и велел что-нибудь на себя набросить. Дальше начался обыск, в ходе которого, разумеется, вспарывались одеяла и подушки.

– Ты еще заплатишь за нанесенный мне ущерб! – пригрозила Моше Лину Барбара Самуэль.

– Вы тоже заплатите за тот ущерб, который нанесли моей стране! – спокойно ответил ей Лин.

Нир Барух рассчитывал на то, что внезапность ареста и вызванный этим шок заставит и Франчека Самуэля, и его половину говорить правду, но он ошибся: Франчек Самуэль настаивал на своей невиновности и успешно тянул время. То самое время, которое необходимо профессионалу для того, чтобы окончательно успокоиться и продумать наилучшую версию собственной защиты.

Уже под утро полицейские увели Барбару и Франчека Самуэль в СИЗО, чтобы затем продолжить их допрос в кабинете следователя.

– Почему вы арестовали моих родителей? – спросил 15-летний Иоганн у оставшихся в квартире Нира Баруха и Моше Лина.

– Потому что твой папа шпионил против Израиля, – ответил ему Нир.

– Это неправда! – вскинулся подросток. – Мой отец любит Израиль, он не мог сделать ему ничего плохого...

– И тем не менее, – пожал плечами Барух. – Только никому не рассказывай о том, что тут произошло, ладно? И сестренке скажи, чтобы держала язык за зубами... Затем он набрал номер телефона центрального офиса ШАБАКа, попросил, чтобы прислали какую-нибудь сотрудницу

присмотреть за детьми, и, оставив на полке пачку денег на покупку продуктов, вышел из квартиры.

Барбару Самуэль выпустили из-под ареста спустя два дня: как и ее муж, она настаивала на том, что знать ничего не знала о шпионской деятельности Франчека. И хотя было понятно, что она лжет, никаких доказательств ее причастности к шпионажу против Израиля добыть так и не удалось. Несколько позже для того, чтобы добыть такие доказательства, к Барбаре Самуэль был заслан агент ШАБАКА, представившийся сотрудником румынского посольства. У этого агента был с собой передатчик, напрямую транслировавший все его разговоры в комнату, где сидели Нир Барух и его сотрудники. Однако Барбара Самуэль завела гостя в ванную, открыла в ней все краны, и в результате Ниру Баруху и его команде не осталось ничего другого, кроме как, скрипя зубами, слушать шум текущей воды.

Выгородив жену, Франчек Самуэль тем временем начал давать какие-то показания. В частности, он рассказал, как был завербован в шпионы, как не очень хотел ехать в Израиль и как не очень охотно выполнял – если вообще выполнял – поступавшие из Бухареста указания. При этом он сообщил, что связывался с резидентом румынской разведки в Израиле через связного, который должен быть одет в куртку определенного цвета и назвать резиденту пароль. В ШАБАКе решили немедленно воспользоваться признанием Самуэля и в качестве связного направили к резиденту одного из своих сотрудников.

Вскоре в условленном месте – возле одного из тель-авивских кинотеатров – к нему действительно подошел один из высокопоставленных сотрудников посольства Румынии в Израиле. Приняв отчет Самуэля, румынский дипломат заплатил связному деньги и поспешил ретироваться. Второй раз он на связь не вышел, и ШАБАКУ стало ясно, что Франчек Самуэль сказал им далеко не все: видимо, прощаясь, связной должен был произнести фразу, которая свидетельствовала бы, что у Самуэля все в порядке. Так как во время встречи у кинотеатра эта фраза сказана не была, в посольстве Румынии, а вскоре, само собой, и в Бухаресте стало ясно, что Самуэль провален (Барбара не могла передать такое сообщение, так как за ней тщательно следили).

На суде, который проходил за закрытыми дверями зимой 1965 года, Франчек Самуэль продолжал настаивать на том, что он не владел никакими государственными секретами, не состоял на государственной службе и выполнял данные ему поручения без особого рвения, так что по определению не мог нанести существенного вреда безопасности Государства Израиль. И судья в целом с ним согласился, добавив, что Эфраим Самуэль является, по всей видимости, «самым ленивым шпионом в мире».

23 марта 1965 года суд признал Франчека Самуэля виновным в контактах с разведслужбой недружественной страны и приговорил его к шести годам тюремного заключения.

Но в этом же году, как известно, новым генеральным секретарем ЦК компартии Румынии стал Николае Чаушеску, активизировавший связи с Израилем и согласившийся разрешить румынским евреям выезжать в Израиль, но на определенных условиях.

Условий, нужно заметить, было немало. Во-первых, за каждого выезжавшего из Румынии еврея правительство Израиля должно было выплатить 4000 долларов (всего до 1990 года Израиль выплатил Румынии по этой статье 600 млн долларов). Во-вторых, Израиль должен был помочь Румынии с закупкой оружия и раздобыть для нее технологию производства нескольких видов немецкой боевой техники. Было еще и в-третьих, в-четвертых и т. д. В число этих условий входило и освобождение из тюрьмы и возвращение в Румынию давнего друга Чаушеску Франчека Самуэля и его семьи.

Таким образом, Франчек Самуэль провел в тюрьме всего несколько месяцев.

О том, что произошло с супругами Самуэлями и их детьми дальше, неизвестно.

Точнее, неизвестно, что произошло с Франчеком, Барбарой и их дочерью Екатериной. Сын же Франчека Самуэля Иоганн остался в Израиле, отслужил (с разрешения ШАБАКа) в израильской армии, получил офицерское звание, а затем прошел гиюр и сменил имя. О том, как зовут этого уже немолодого человека сегодня и где именно он проживает, ШАБАК сообщить отказался...

Завершая эту историю, остается добавить, что арест Франчека Самуэля, вне сомнения, не был напрасным: он помог выявить резидента румынской разведки в Израиле, которого вскоре после этого «попросили» покинуть еврейское государство, не дожидаясь, пока тот будет объявлен персоной нон грата...

1972. Провал резидента

– Да, похоже, это именно русский, а не ирландский акцент, – сказал офицер ШАБАКа, выключая магнитофон.

– Значит, все-таки Брендт-Молет, – кивнул головой начальник Восточноевропейского отдела Рами Швили. – Что ж, пока просто не спускайте с него глаз, а недельки через две, когда появятся достаточные доказательства, будем брать...

Сообщение о том, что среди прибывающих 15 декабря 1972 года пассажиров авиарейса Никозия-Тель-Авив находится резидент советской разведки, поступило в ШАБАК за несколько дней до того. Но понадобилось еще двое суток после прибытия самолета, чтобы составить из числа его пассажиров список подозреваемых, установить за ними постоянное наблюдение и прослушать их телефонные разговоры. В конце концов все сошлось на том, что этим резидентом является ирландский бизнесмен Карл Брендт-Молет. Официально он представился уроженцем Австрии, переехавшим в Ирландию и открывшим там небольшое страховое агентство. В Израиль, если верить заполненной им в аэропорту Бен-Гурион анкете, его привели как деловые интересы, так и желание побывать на Святой земле. Как выяснилось чуть позже, «деловые интересы»

господина Брендта заключались в создании агентурной сети для КГБ путем вербовки членов израильской компартии и новых репатриантов из числа бывших граждан СССР. Эту миссию он в итоге успешно провалил.

* * *

Легенда, по которой сотрудник так называемого отдела нелегальной разведки КГБ Юрий Линеv прибыл в Израиль, была отработана до мелочей. До того успевший несколько лет проработать в различных странах Запада подполковник Линеv и в самом деле был одновременно Карлом Брендтом-Молетом – гражданином Австрии и владельцем страхового агентства в Ирландии. Документы подполковника были в полном порядке, а небольшой акцент, с которым он говорил на английском, вполне мог быть списан на его немецкие корни. То, что Линеv остановился в уважаемом тель-авивском отеле «Гранд-Бич» и арендовал автомобиль на месяц вперед, свидетельствовало о том, что он действительно преуспевает в своем бизнесе. Вдобавок ко всему вместе с господином Брендтом прибыл его личный шофер – 20-летний англичанин Джон Герграйб.

Поначалу Герграйб был заподозрен в качестве напарника Линева, однако вскоре выяснилось, что молодой человек, водитель грузовика по профессии, просто решил поехать по свету и познакомился с Карлом Брендтом-Молетом в Никозии совершенно случайно. Когда «австриец» предложил Джону отправиться с ним в Израиль в качестве его личного водителя с оплатой дорожных расходов, питания и выдачей карманных денег, тот с радостью согласился. И в течение недели мотался с Карлом Брендтом-Молетом по всему Израилю, наслаждаясь то обозрением видов Иерусалима, то дивными пейзажами Рош ха-Никры, то колоритными улочками Цфата...

Тем временем Карл Брендт-Молет пытался, говоря языком разведчиков, «разбудить» завербованных накануне своего отъезда из СССР в Израиль «спящих» агентов. Но получалось у него это плохо: большинство из бывших советских евреев, которые в Москве вроде бы охотно шли на сотрудничество, наотрез отказывались «просыпаться» и начинать поставлять требуемую от них информацию. А между тем после разрыва дипотношений между Израилем и СССР в 1967 году информацию об Израиле КГБ мог получать только с помощью подобных агентов. В конце концов Карлу Брендту вроде бы повезло: трое из тех, с кем он встретился в Израиле, похоже, согласились на сотрудничество и даже предоставили кое-какую полезную информацию.

Но к этому времени Брендт-Линеv уже знал, что израильские спецслужбы висят у него на хвосте. Он был слишком опытным разведчиком, чтобы не заметить слежку. Отпустив Джона Герграйба и дав ему денег на дорогу, Брендт переехал в фешенебельную герцлийскую гостиницу «Аркадия», очевидно, разгадав демарш израильских контрразведчиков, занявших смежный номер в «Гранд-Бич» и получивших таким образом возможность следить за каждым его шагом.

При этом Брендт продолжал ездить по всему Израилю, несколько раз успешно отрываясь от агентов ШАБАКА и заставляя их немало понервничать.

«Пасти» его становилось все труднее, опасность того, что он вот-вот беспрепятственно покинет страну, с каждым днем увеличивалась, и хотя доказательств его шпионской деятельности было собрано относительно немного, руководство Общей службы безопасности решило запросить у премьер-министра Голды Меир^[30] разрешения на его арест. Однако как раз в тот день, когда глава ШАБАКА Йосеф Хармелин^[31] написал на имя Голды Меир соответствующую просьбу, премьер отправилась за рубеж. Оставшийся же ее замещать Игаль Алон^[32] наотрез отказался дать «добро» на арест гражданина Австрии с безупречными документами: Алон опасался, что это может испортить и без того натянутые в тот момент отношения Израиля с этой страной. В отличие от Игаля Алона, Голда Меир не колебалась – вернувшись, она выслушала пятиминутный доклад Хармелина, после чего поставила свою подпись на протянутом начальником ШАБАКА листе.

Арестовать Карла Брендта-Молета было решено как можно тише, но перед этим Хармелин решил попытаться его «расколоть» – на основе своих, весьма примитивных представлениях о русских. По указанию Хармелина в номер к Брендту постучал сотрудник ШАБАКА и, держа в руках бутылку водки и банку черной икры, предложил ему выпить «как русский с русским». То, что это был чрезвычайно глупый, примитивный, ошибочный ход, Хармелин понял уже через несколько минут и отдал указание немедленно войти в номер Брендта-Молета и арестовать его. Однако когда сотрудница ШАБАКА под видом горничной постучала в дверь номера, а вслед за ней в него ввалилось еще несколько офицеров организации, было уже поздно: поняв, что произошло, Карл Брендт начал стремительно уничтожать имевшиеся у него бумаги, разрывая их на клочки и спуская в унитаз.

Именно в туалете его и застали сотрудники ШАБАКА, но застали слишком поздно: к этому времени «объект» уже успел уничтожить почти все компрометировавшие его документы, и прежде всего – данные о завербованных им агентах.

Теперь возможность продлить арест Брендта зависела исключительно от того, удастся ли вытянуть из него на первом допросе хотя бы тень признания того, что он является советским разведчиком. И ведение допроса было решено поручить молодому, совсем недавно поступившему на службу в ШАБАК Йосефу Гиноссару^[33].

У него, безусловно, не было необходимого опыта подобных допросов, но зато он лучше других сотрудников знал русский язык – и данный фактор оказался решающим.

– Садитесь, пожалуйста, – обратился Йоси Гиноссар к Брендту на чистейшем русском языке. – Как гласит ваша пословица, в ногах правды нет...

– Я не понимаю, что вы говорите. Я даже не знаю, на каком языке вы говорите... Это какой-то из славянских? – ответил Брендт по-английски.

– Хорошо, вы можете меня не понимать, – спокойно продолжил Гиноссар по-русски. – Тогда просто слушайте. Как вы сами поняли, в течение всех последних недель мы вели за вами непрерывное наблюдение. В связи с чем у нас накопилось достаточно данных... Может, все-таки сядете? Так будет удобнее для нас обоих...

– Ну, хорошо, – ответил Брендт по-английски. – Признаюсь, я действительно немного понимаю русский язык: в годы войны моя семья жила в Германии, и, будучи ребенком, я кое-что выучил у русских оккупантов. Однако, как я понимаю, из этого крайне поверхностного моего знания русского языка вы собираетесь сделать какие-то совершенно ошибочные выводы...

На самом деле признание Брендта означало, что плотина прорвана – в ней появилась узкая щель, и теперь Гиноссару оставалось только постепенно расширять ее.

Через некоторое время Карл Брендт-Молет, все еще настаивая на том, что он является ирландским бизнесменом австрийского происхождения, признался, что во время своего нахождения в Израиле выполнял «кое-какие деликатные поручения» своих «немецких друзей». Затем – что это были не совсем немецкие, а русские друзья, проживающие в Германии. И, наконец, Карл Брендт-Молет принял предложение Йосефа Гиноссара перейти на русский язык...

* * *

Последующие допросы Карла Брендта-Молета проводил уже Рами Швили на специально снятой для этого комфортабельной квартире в Северном Тель-Авиве. Швили говорил с Брендтом-Молетом «как профессионал с профессионалом» и вскоре знал о своем подследственном достаточно много.

Настоящее его имя было Юрий Линеv, и он родился в 1938 году в крохотном городке под Ростовом. Еще в детстве школьные преподаватели обратили внимание на его выдающиеся способности к учебе, а в старших классах, несмотря на то что он продолжал получать отличные оценки по всем предметам, стало ясно, что наибольшие склонности он проявляет именно к изучению языков. Юным полиглотом заинтересовалось местное отделение КГБ, и накануне окончания 10-го класса его пригласили в это учреждение, сделав там ошеломленному юноше поистине сказочное предложение: по специальному направлению он поедет поступать в Московский институт иностранных языков, где на время учебы ему будут предоставлены опять-таки особая стипендия и особые условия проживания. А по окончании института он должен будет послужить Родине...

Нужно ли говорить, с каким восторгом мальчик из российской глубинки принял это предложение?! Мог ли он когда-нибудь мечтать о том, что будет жить и учиться в столице, да еще и с такими перспективами на будущее?!

– Поверь, дело было не только в карьере, – продолжал доверительно рассказывать Линева Швили. – Я – русский, я безумно люблю Россию, я вырос на определенных идеалах, в которые свято верю, и служить России и этим идеалам я посчитал за великую честь... Я понял, что вытаскил самый счастливый билет, какой только было возможно. Дальше была служба в КГБ, работа в разных странах мира, и за эти годы я дорос до звания подполковника. Но учти: я никогда не служил в армии, а потому никогда не занимался военной разведкой. Моя специализация – это политическая и экономическая разведка. И именно этими вопросами я занимался в вашей стране...

Линева сообщил также, что это уже третий его приезд в Израиль. Впервые он появился на Земле обетованной в ноябре 1970 года, и для этого он использовал все тот же паспорт на имя Карла Брендта-Молета. Именно тогда ему и удалось завербовать несколько агентов. Затем спустя полгода он вернулся в Израиль уже под видом нового репатрианта и, прожив несколько месяцев в Иерусалиме, изучал в ульпане иврит, а заодно знакомился с еврейской традицией, идеологией ведущих израильских партий и т. д. – все эти знания должны были пригодиться ему в будущем для работы в Израиле. Кстати, ульпан он закончил с отличием, в связи с чем был даже особо отмечен его директором.

В ходе этих полубесед-полудопросов Юрий Линева назвал и имена трех своих израильских агентов. Под суд по обвинению в шпионаже и измене родине в итоге был отправлен только один из них – Шломо Бен-Иегуда (Мирский), репатриировавшийся в Эрец-Исраэль из Литвы в 1941 году. Суд признал Бен-Иегуду виновным в инкриминируемых ему преступлениях и приговорил его к девяти годам тюремного заключения. Позже в письме на имя главы ШАБАКа и госпрокурора Израиля Шломо Бен-Иегуда заявил, что никаких секретов Израиля он Линеву не передавал по той простой причине, что ни в какие секреты посвящен не был – и из него просто сделали козла отпущения. Двое же других агентов Линева избежали суда потому, что сразу после встречи с ним сами связались с ШАБАКом, рассказали о сделанном им предложении, и их показания составили одну из основ обвинения Линева.

Сам Юрий Линева во время общения со следователями ШАБАКа выразил желание стать двойным агентом, однако израильским контрразведчикам была хорошо знакома эта уловка воспитанников разведшколы КГБ: главное для них было вырваться на свободу, и ради этого они готовы были дать любые обещания, разумеется, не собираясь их выполнять.

Вскоре Линеву сообщили, что он будет предан израильскому суду, и познакомили с его адвокатом – Арье Маринским, имеющим специальное разрешение представлять интересы тех, кто проходил по делам, возбужденным ШАБАКом.

– Постарайся добиться для меня максимального срока заключения, – огорошил Линева Маринского во время их первой встречи.

– Почему?! – удивленно спросил адвокат.

– Потому, что если меня упекут за решетку на год-два, то наши вряд ли станут что-то делать для моего скорейшего освобождения. А вот если лет на 15-20, то они наверняка попытаются меня на кого-то обменять, – пояснил Линева.

Но КГБ вовсе не собирался бросать своего резидента на произвол судьбы...

* * *

Арье Маринский выполнил пожелание своего клиента: 12 августа 1973 года израильский суд признал Юрия Линева виновным в шпионаже в пользу СССР, нанесении ущерба безопасности Израиля и приговорил его к 18 годам лишения свободы.

Однако еще за два месяца до приговора Маринскому пришло письмо из ФРГ, в котором говорилось, что некие лица заинтересованы во встрече с ним по поводу его клиента Юрия Линева. Спустя еще несколько дней в офис Маринского позвонил из Западной Германии известный немецкий адвокат и сообщил своему израильскому коллеге, что он на данный момент представляет интересы госпрокуратуры ГДР. Маринский был достаточно опытным человеком, чтобы понять, что за этим звонком стоит сам Вольфганг Фогель – генеральный прокурор ГДР, тесно связанный и с КГБ, и со «Штази», не раз представлявший интересы обеих этих организаций в весьма деликатных делах. Благодаря нормальным деловым отношениям между прокуратурами двух немецких государств – ФРГ и ГДР – осуществлялись в те дни все обмены провалившимися агентами между холодеющими на грани войны Востоком и Западом.

Адвокат из ФРГ заявил, что по поручению своего «восточного клиента» он хотел бы приехать в Израиль, и Маринский тут же выразил готовность его принять.

Появившись в Тель-Авиве, адвокат пожелал убедиться, что Линева жив-здоров и содержится в нормальных условиях, и Маринский повез его в Рамле, в тюрьму «Маасиягу», где в весьма комфортабельной камере ожидал суда советский разведчик. Маринскому даже удалось добиться, чтобы ШАБАК разрешил ему и его гостю повезти Линева в ресторан на тель-авивскую улицу Ибн-Гвириоль – в сопровождении охраны, разумеется.

Сверившись по переданной ему фотографии, что сидящий перед ним человек действительно Юрий Линева, немец расспросил последнего об условиях содержания в израильской тюрьме и, оставшись доволен, протянул Арье Маринскому чек на 50 000 долларов – гонорар, переданный ему КГБ за защиту Линева.

Как пишет сам Арье Маринский в книге своих воспоминаний, это был один из самых крупных его гонораров за все десятилетия его адвокатской практики.

Уже после осуждения Юрия Линева в Израиле появился лично Вольфганг Фогель, и начались долгие переговоры об обмене советского разведчика.

В ходе совместного совещания правительства, ШАБАКА и «Моссада», проведенного на знаменитой кухне Голды Меир, сначала было решено потребовать за Линева освобождения всех сидевших по советским тюрьмам и колониям участников операции «Свадьба»^[34]. Однако советское руководство наотрез отклонило это предложение: с его точки зрения, участники операции были обычными угонщиками самолета, и менять своего разведчика на группу уголовников СССР отказывался.

Затем началась Война Судного дня, и переговоры об обмене Линева, естественно, были прекращены, но почти сразу же после окончания войны, в декабре 1973 года, снова возобновились – на этот раз при посредничестве госсекретаря США Генри Киссинджера. Теперь Израиль хотел получить за советского разведчика провалившегося в Йемене и оказавшегося в египетской тюрьме агента «Моссада» Баруха Мизрахи, и в какой-то момент Киссинджеру и Примакову удалось убедить египтян согласиться на такой обмен.

Наконец день этого обмена был назначен, а затем утверждено и место его проведения: он должен был состояться на 101-м километре от Каира – там, где генерал Ариэль Шарон вынужден был по приказу сверху остановить последнее сражение Войны Судного дня.

В назначенный день Юрий Линева тепло попрощался со своими товарищами по тюрьме, раздал им свои личные вещи, сел в джип ШАБАКА, и тот помчался на юг – в сторону израильско-египетской границы. Но доехать до места назначения джип не успел: египтяне неожиданно отказались от сделки, заявив, что речь идет о неравноценном обмене: если Линева осужден только на 18 лет тюрьмы, то Барух Мизрахи – на все 300.

И Юрию Линева не оставалось ничего другого, кроме как вернуться в свою тюремную камеру.

Прошло еще несколько месяцев, и болгарской разведкой совместно с КГБ по обвинению в шпионаже в пользу Израиля и США был арестован сотрудник миссии Болгарии в ООН Гейнрих Шефтер. Суд над ним был проведен в рекордно короткие сроки, и спустя месяц Шефтер был приговорен к смертной казни.

Выдвинутое против него обвинение было откровенно сфабриковано и не имело под собой совершенно никакой почвы: Шефтер не только никогда не работал на израильскую и американскую разведки, но и был убежденным коммунистом, горячим патриотом Болгарии, крайне далеким от своих еврейских корней. Вскоре стало понятно, кому и для чего понадобилось инспирировать процесс над Шефтером: СССР – опять-таки при немецком посредничестве – предложил Израилю обменять Шефтера на Линева. Весь расчет в данном случае строился на том, что Израиль из сентиментальных соображений не захочет допустить казни ни в чем не повинного еврея. Но подобные сентименты разыграли только у Голды Меир: на очередном совместном заседании правительства и спецслужб большинством голосов предложение Советского Союза было отклонено. Вольфгангу Фогелю было сообщено, что Шефтер никогда не был израильским

разведчиком, а потому Израиль совершенно не заинтересован в его освобождении. В обмен на подполковника КГБ Юрия Линева он вновь требует освободить всех или большую часть участников операции «Свадьба».

СССР, в свою очередь, повторил, что считает требование Израиля совершенно неприемлемым.

И все же без вмешательства все той же стоявшей в те дни на пороге отставки Голды Меир – соглашение было достигнуто. В обмен на Юрия Линева Израиль получал осужденную на длительный срок заключения за попытку угона самолета первую жену Эдуарда Кузнецова Сильву Залмансон, а также... никогда в жизни не думавшего о переезде в Израиль Гейндриха Шефтера.

Залмансон была освобождена из тюрьмы 14 августа 1974 года, а спустя три дня на границе между Западным и Восточным Берлином был произведен обмен Линева на Шефтера. Согласно уговору, по два офицера ШАБАКА и «Моссада» вместе со своими подопечными подошли к назначенному месту и, не доходя до него 25 метров, держа их обоих под прицелом своих пистолетов, дали им указание двигаться вперед. На самой границе между Западным и Восточным Берлином Шефтер и Линева встретились, пожали друг другу руки и пошли дальше...

* * *

По возвращении в Москву Юрий Линева написал подробный и правдивый отчет о том, что с ним произошло в Израиле, и его поведение (особенно то, что он сдал своих агентов) было признано «недостойным советского офицера».

После суда офицерской чести Юрий Линева был отчислен из органов, разжалован и лишен права на офицерскую пенсию. Ему было запрещено жить в Москве, и он вынужден был уехать в небольшой городок на Украину. При этом его честно предупредили, что если он не будет держать язык за зубами, то КГБ сумеет найти способ заставить его замолчать.

Эта его вынужденная ссылка закончилась только в 1991 году – после распада СССР. Сразу после знаменитого совещания в Беловежской Пуще Линева вместе с женой получил разрешение выехать в Австрию, где он, по слухам, стал владельцем небольшого, но вполне успешного бизнеса – то ли фотوماгазина, то ли агентства, оказывающего страховые услуги. В середине 90-х годов он вновь побывал в Израиле и даже дал несколько интервью израильским журналистам. В одном из них Линева признается, что с ним произошло то же, что происходило со многими разведчиками, направленными на работу в Израиль: он влюбился в эту страну и даже одно время подумывал о том, чтобы переехать сюда на постоянное место жительства и купить уютный домик в Цфате. Но тут нашлись некие силы, которые уведомили Юрия Линева о том, что его бывшее начальство не возражает против его жизни в Австрии, но вот переезд в Израиль считает нежелательным.

И бывший подполковник КГБ понял, что он никогда не сможет стать хозяином маленького уютного домика в Цфате.

Не судьба!..

1983. Предатель номер один

Идея написать большой очерк о Маркусе Клигберге пришла в голову автору этой книги еще в 1994 году, когда адвокат Клигберга Авигдор Фельдман вновь поднял вопрос о его досрочном освобождении по состоянию здоровья. Мне удалось найти телефон близкого друга доктора Клигберга, затем встретиться с Авигдором Фельдманом, но ни первый, ни второй не захотели обсуждать подробности его дела.

– Я не говорю, что он невиновен, и вообще не хочу сейчас ворошить прошлое, – сухо сказал Авигдор Фельдман. – Я лишь утверждаю, что в настоящее время он не представляет никакой опасности для страны, что он тяжело болен и может быть освобожден по гуманным соображениям.

Прошло еще четыре года, прежде чем Маркус Клигберг вышел на свободу по состоянию здоровья: спецслужбы не желали забыть и простить совершенное им преступление. И значит, ворошить прошлое все-таки стоило...

* * *

...Возможно, мир вообще ничего не узнал бы о деле Клигберга, если бы не австралийский журналист Питер Прингель, работавший сразу в целом ряде престижных австралийских, американских и английских изданий. Летом 1985 года его вызвал к себе редактор элитарного журнала «Атлантик Ментали» и предложил провести для его журнала детальное журналистское расследование.

– Ты любишь такие дела, Питер, – сказал он, протягивая Прингелю гаванскую сигару. –

Я предлагаю тебе написать о кислотных дождях, но не так, как об этом писали до сих пор! Как ты, наверное, слышал, совсем недавно под Оренбургом выпал такой дождичек, вследствие чего сотни людей умерли и тысячи оказались в больнице.

В Пентагоне и в ЦРУ уверены, что дождь был не случайным и речь идет о новом биологическом оружии русских, которое они уже в свое время испытывали во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

И под это дело наши военные, разумеется, пытаются выбить новые бюджеты на исследования. Но есть ученые, которые убеждены, что те смертоносные дожди в Азии были порождены некой цепочкой естественных причин, то есть все дело было в ужасной, но все-таки банальной естественной эпидемии. Хорошо было бы, если бы ты выяснил, кто из них прав и не хотят ли наши вояки под предлогом советской угрозы вновь залезть в карман налогоплательщика...

Прингель с энтузиазмом взялся за новое дело.

Переворотив груды литературы по этому вопросу, он стал искать специалиста, который мог бы прокомментировать самые противоречивые мнения, и кто-то из американских ученых

порекомендовал ему встретиться с заместителем директора Института биологии в Нес-Ционе доктором Маркусом Клингбергом.

Спустя несколько дней Питер Прингель уже был в Израиле, где намеревался лично встретиться и переговорить с маститым ученым. Он без особого труда нашел телефоны его близких друзей и коллег, а затем и телефон самого Клингберга, но странное дело – как только он называл имя Маркуса Клингберга и говорил, что хочет с ним побеседовать, собеседники отказывались продолжать с ним разговор.

Жена доктора Клингберга Ванда сказала Прингелю, что ее муж сбежал из дома с молодой любовницей, а сейчас, кажется, лечится в какой-то психиатрической клинике за рубежом...

Чем дальше Питер Прингель разыскивал Маркуса Клингберга, тем больше усиливались его подозрения. В конце концов он решил, что лучше всего действовать напрямую, и направился в Институт биологии в Нес-Ционе. Оставив взятую напрокат машину на стоянке, Прингель подошел к будке охранника и протянул ему свои документы.

– Я хотел бы встретиться с кем-нибудь из руководителей института, – сказал он.

Охранник покрутил диск внутреннего телефона, с кем-то минут пять побеседовал на иврите, а затем ответил:

– К сожалению, вход посторонним на территорию института воспрещен. Вас просят покинуть прилегающий к нашему учреждению участок...

Когда, кусая губы от негодования, Питер Прингель вернулся в свою машину, он обнаружил, что ее... попросту обчистили.

Нет, золотой портсигар с инкрустацией из рубинов остался на месте, как и золотая ручка Паркер и еще ряд вещей, стоивших не одну сотню долларов. Зато грабители «увели» его зарубежный паспорт и блокнот, в который он записывал все перипетии своих поисков Маркуса Клингберга.

– Должно быть, вы стали жертвой мелких воришек! – не моргнув глазом, сказал ему офицер израильской полиции, которому Прингель подал жалобу об ограблении.

– Интересные у вас тут мелкие воришки. Лежащий на виду в бардачке золотой портсигар для них действительно, видимо, слишком мелко – им подавай блокнот и документы! – огрызнулся Прингель.

Это ограбление только усилило зревшие в нем подозрения. Он позвонил в редакцию «Атлантик Ментали», сообщил, что отказывается продолжать журналистское расследование, и тут же сел отстукивать на машинке небольшую заметку в «Обсервер».

«Израильский институт скрывает тайны биологической войны», – отбил он заголовок.

Дальше Прингель начал писать о том, что биологический институт в Нес-Ционе является сверхсекретным учреждением, в котором, судя по той отрывочной информации, которую ему

удалось раздобыть, ведутся разработки израильского химического и биологического оружия. Заместитель директора этого института Маркус Клингберг пропал бесследно около двух лет назад и, по всей видимости, попросту арестован израильскими спецслужбами по подозрению в шпионаже в пользу некой западной державы...

Заметка получилась небольшая, но поистине сенсационная: именно из нее мир впервые узнал, что Израиль располагает химическим и биологическим оружием.

Впрочем, для того, кто хотел это знать, открытые Прингелем тайны были секретом Полишинеля...

* * *

Прингель угадал: Авраам Маркус Клингберг был действительно арестован по обвинению в шпионаже в пользу СССР еще в январе 1983 года и с тех пор находился за решеткой. На суде, приговорившем его к 20 годам тюремного заключения, представители ШАБАКА и «Моссада» охарактеризовали Клингберга как «самого опасного и крупного советского шпиона за всю историю страны, нанесшего колоссальный урон ее безопасности»... Авраам Маркус Клингберг родился в 1915 году в Варшаве в ультрарелигиозной семье и, как все еврейские мальчики, в детстве посещал хедер^[35] и Талмуд-Тору^[36]. И так же, как многие еврейские мальчики того времени, подростком он оставляет веру своих отцов и дедов, поступает в обычную среднюю школу, с блеском заканчивает ее и сразу после получения аттестата зрелости становится студентом медицинского факультета Варшавского университета. В 1939 году, опять-таки, как тысячи его еврейских сверстников, студент Маркус Клингберг бежит на Восток, спасаясь от нацистов на территории СССР и оставляя за спиной всю свою так и не пожелавшую двинуться с места семью. Оказавшись в СССР, Клингберг пытается завершить медицинское образование в Минске, но в 1941 году начинается война, и он уходит добровольцем в Красную Армию. Какое-то время он находился на передовой, но вскоре был тяжело ранен в ногу.

Наверное, при желании Клингберг мог бы получить после такого ранения «белый билет», но он требует, чтобы его вернули в строй, и напоминает о своем незаконченном медицинском образовании...

Какое-то время капитан Маркус Клингберг работает в медслужбе, но затем его переводят в Москву, где он возобновляет учебу в мединституте и одновременно продолжает работать в военной медицине. На талантливого врача обращают внимание, его все чаще посылают в освобожденные от немцев города и села, где то и дело вспыхивают различные эпидемии, и вскоре за ним прочно закрепилась слава блестящего эпидемиолога.

В 1945 году, после окончания войны, Клингберг едет в родную Варшаву, чтобы узнать, что произошло с его семьей. Но он мог бы не ехать – все его близкие были сожжены в Трешлинке.

Зато в Варшаве он знакомится с Вандой, сумевшей чудом убежать из гетто и укрыться в одном из монастырей. Как и у Клингберга,

Катастрофа отобрала у Ванды всю ее семью, как и Клингберг, она в свое время училась на медицинском факультете...

Вскоре Ванда и Маркус отпраздновали свадьбу и, решив, что им нечего делать в Польше, перебрались в Швецию. Там, в Швеции, в 1947 году и родилась их дочь Сильвия, там их застала весть о возрождении еврейского государства...

Несмотря на протесты жены, мечтавшей поселиться в Штатах, Маркус Клингберг принимает решение перебраться в Израиль. Нет, не потому, что он был сионистом – просто в нем вдруг проснулся еврей, и он считал, что ради памяти своих погибших родителей он должен жить на еврейской земле.

В Израиле молодую пару принимают с распростертыми объятиями: молодой стране нужны врачи, а тем более эпидемиологи, так как прибывающие из разных стран новые репатрианты привозили с собой десятки различных заразных болезней и в лагерях для новых граждан страны то и дело вспыхивали эпидемии.

Клингберги поселились в Яффо – в доме, специально предназначенном для врачей, в котором царит совершенно особая атмосфера профессионального братства. Впрочем, атмосфера всеобщего братства вообще была необычайно характерна для Израиля 50-х годов...

Так как Маркус Клингберг прекрасно зарекомендовал себя с профессиональной точки зрения, его знакомят с профессором Эрнестом Давидом Бергманом, как раз приступившим к созданию института в Нес-Ционе.

Эрнест Давид Бергман, будучи близким другом Бен-Гуриона, сумел убедить Старика, что в будущей глобальной войне преимущество окажется у того, кто будет располагать всеми видами оружия массового поражения и одновременно средствами защиты от него. И Бен-Гурион поддерживает идею превращения созданного еще первым президентом страны Хаимом Вейцманом химико-биологического научного центра в мощный НИИ, где наряду с открытыми исследованиями будут вестись разработки, которые помогут Израилю обрести свое ядерное, химическое и биологическое оружие... И если еще до 1956 года институт находился под попечительством Тель-Авивского университета, а данные о его годовом бюджете публиковались в открытой прессе, то с 1956 года он переходит в непосредственное ведение главы правительства, и суммы его бюджета окутываются завесой тайны.

Известно лишь, что в институте шла напряженная работа в области вирусологии, токсикологии и эпидемиологии. Главой эпидемиологического отделения и был Маркус Клингберг. Постепенно институт превращался в небольшой научный городок, разрабатывавший десятки собственных проектов и выполнявший специальные заказы Пентагона.

В 1957 году к должности главы отделения в институте в Нес-Ционе и лектора в Тель-Авивском университете у Клигберга прибавилась еще одна: он стал главой комиссии по подтверждению дипломов врачей, прибывших из СССР и стран Восточной Европы; многие из них утверждали, что они потеряли документы об образовании...

А спустя какое-то время руководство института сообщило Маркусу Клигбергу, что хочет повысить его в должности и поднять ему зарплату, но для этого необходимо получить копии его документов об образовании. Клигберг ответил, что потерял все документы при переезде, но начальство настаивало...

* * *

В данной ситуации Клигбергу не оставалось ничего другого, кроме как обратиться в советское посольство с просьбой запросить его документы об образовании в Москве и в Минске.

Для сотрудников посольства визит Клигберга был подарком: они давно уже получили задание добыть информацию о деятельности института в Нес-Ционе и все оттягивали его выполнение.

А тут к ним собственной персоной заявляется один из ведущих сотрудников института! Вот только как его завербовать?!..

Ответ на поставленный вопрос подсказали пришедшие из Москвы документы: оказывается, Клигберг так и не закончил последний курс медицинского института и, следовательно, не имел права на звание врача...

– Ну что, Марк Абрамович? – сказал ему во время следующего визита один из сотрудников посольства. – Либо мы будем дружить, и тогда вы получите все необходимые документы, либо... оставим все так, как есть, и тогда вы – никто, врач-недоучка, самозванец! А ведь вам, насколько мне известно, прочат должность профессора!

И Клигберг согласился «дружить».

Что подвигло его к согласию на подобное сотрудничество? Только ли боязнь разоблачения в глазах коллег и крах карьеры? Те, кто знает Клигберга, утверждают, что это совсем не так. Он любил свою работу, но не стал бы цепляться за карьеру. Да и даже если бы ему грозило разоблачение, всеми годами своей предыдущей работы он доказал, что является прекрасным, высокопрофессиональным врачом и ученым...

Нет, все, видимо, было гораздо сложнее. Маркус Клигберг, с одной стороны, не мог не чувствовать благодарности по отношению к Советскому Союзу за то, что эта страна спасла его жизнь, дала возможность продолжить образование и, в принципе, способствовала его карьере (вспомним, что войну Клигберг закончил в чине майора медицинской службы и ему предлагали продолжить работу при ГРУ!).

С другой стороны, часто выезжая на научные конференции, Маркус Клингберг сблизился с тем кругом американских ученых, которые считали, что у США не должно быть монополии ни на один вид оружия массового поражения, что СССР играет важную роль в стабилизации политической ситуации в мире и т. д., то есть стояли на откровенно просоветских позициях.

И, видимо, именно эти соображения и взяли в конце концов верх в Маркусе Клингберге.

Во всяком случае, за свою работу в качестве шпиона он не получил ни копейки, ни цента, ни агоры. А работу проделал поистине огромную. После того как он согласился на «сотрудничество», Маркуса Клингберга обучили приемам фотографирования документов, прослушивания и всему тому, что должен знать разведчик. И в течение многих лет он передавал в СССР сверхсекретную информацию обо всем, что происходит в стенах его института, в котором работало к тому времени более 300 ученых. Таким образом, Советский Союз, а значит, и арабские страны, были в курсе того, каким химическим и биологическим оружием обладает Израиль и от каких видов аналогичного оружия он разработал эффективную защиту. А это означало, что в течение десятилетий... институт в Нес-Ционе работал зря.

Вот почему Маркуса Клингберга называли самым опасным шпионом за всю историю страны, а ущерб, нанесенный им ее обороноспособности, был оценен в миллионы и миллионы долларов...

* * *

О том, что советская разведка в курсе всех новых разработок института в Нес-Ционе, ШАБАК начал подозревать еще в 60-е годы. В 70-е это стало ясно окончательно, и израильские спецслужбы решили во что бы то ни стало вычислить советского агента. Тогда-то один из коллег Маркуса Клингберга и указал на него как на потенциального шпиона. Более того, он выразил уверенность, что утечка информации идет через него и только через него.

Клингберг был вызван в ШАБАК, прошел проверку на детекторе лжи, которую выдержал с редкостным хладнокровием – проверка показала, что подозрения против него беспочвенны. Спустя несколько лет он снова был вызван на такую проверку – и снова вышел из нее чистый, как стеклышко.

Но в 1982 году, когда утечка информации стала нетерпимой, ШАБАК вновь решил заняться Клингбергом, подключив к этому делу и «Моссад».

Сотрудники «Моссада» установили круглосуточное наблюдение за Клингбергом и выяснили, что тот выехал на очередную научную конференцию в Швейцарию раньше, чем следовало, – по всей видимости, для того, чтобы встретиться там с советским резидентом. Наблюдение за рубежом подтвердило это предположение, но, тем не менее, спецслужбы не торопились с арестом Клингберга.

Теперь ШАБАК снял специальную квартиру, из которой круглосуточно следил за Клингбергом и прослушивал все его разговоры. Наконец, когда необходимые доказательства его вины были

получены, прокуратура дала ордер на его арест – но только на 48 часов. Все попытки тогдашнего министра обороны Ариэля Шарона продлить этот срок закончились безрезультатно. И значит, нужно было придумать некий ход, который помог бы легко «расколоть» Маркуса Клингберга. И такой ход вроде бы был найден...

В начале 1983 года начальник советского отдела «Моссада» пришел к Клингбергу по очень важному, как он сказал, делу.

– Доктор Клингберг, – продолжил он, – вы, конечно, помните экологическую катастрофу в Милане, когда произошла утечка отравляющих веществ. Нечто подобное случилось в Малайзии. У нас нет с этой страной дипломатических отношений, но в некоторых областях мы сотрудничаем. И у вас есть возможность на месте понаблюдать за последствиями аналогичной катастрофы. Вы готовы туда поехать?

– Конечно, – откликнулся Клингберг.

А спустя день информация о несуществующей катастрофе в Малайзии была передана СССР... Теперь никаких сомнений не оставалось: Клингберг – предатель.

17 января он простился с женой, взял чемодан и вышел во двор своего дома на тель-авивской улице Ласков, где его уже ждала машина.

– Нам нужно еще раз заехать для последнего инструктажа, – сказал сидевший за рулем сотрудник ШАБАКА, и ничего не подозревавший Клингберг благодушно кивнул.

Но на квартире, куда они прибыли, Клингберга ждал отнюдь не инструктаж.

– Ты – предатель, дерьмо! – закричал полковник ШАБАКА Хаим Бен-Ами, швыряя чемодан Клингберга на пол...

– Подонок! – продолжал он, вываливая и швыряя в сторону лежащие в чемодане вещи Клингберга.

– Мы опаздываем на самолет! – спокойно заметил в этот момент Клингберг.

– Твой самолет полетит теперь только в одну сторону. Я жду от тебя признания, доказательства у нас есть... – продолжал свое психологическое давление Хаим Бен-Ами.

– Мы опаздываем на самолет! – продолжал твердить Клингберг.

А потом прервал возгласы Бен-Ами еще одним замечанием:

– Меня уже дважды проверяли на верность, и оба раза потом извинялись...

– Ну что ж, извинимся и в третий раз, если ошиблись, – уже спокойнее сказал Бен-Ами. –

Хотя, думаю, на этот раз извиняться нам не придется...

* * *

Поняв, что с наскока Клингберга не расколешь, Бен-Ами прибег к старой как мир игре в доброго и злого следователей. Сам он играл злого.

– Ты предатель, – говорил он Клигбергу на допросе. – Причем не просто предатель, а дважды предатель: ты предал свою страну и память своих покойных родителей...

«Добрый» следователь Йоси Гиноссар, естественно, всячески сочувствовал Клигбергу и говорил, что в его ситуации так поступил бы каждый, а теперь надо просто покаяться...

Закончилось это тем, что Клигберг стал подробно рассказывать Гиноссару о том, как до 1967 года он встречался с советскими резидентами в Израиле, а затем, после того как были разорваны дипломатические отношения между Израилем и СССР, организовывал такие встречи в ходе различных международных конференций...

Все остальное уже неинтересно: история содержания Клигберга в одиночке, его попытки самоубийства, его голодовки, тяжелая болезнь и выход на свободу изможденным, качающимся от слабости стариком в 1998 году.

Впрочем, был в этой истории еще один любопытный поворот: в 1988 году Клигберг едва не стал объектом тройного обмена. Согласно его идее, США должны были обменять Клигберга на Джонатана Полларда, а затем сменять его же на американских разведчиков, до сих пор сидящих в советских тюрьмах. Но Израиль в придачу к Клигбергу потребовал информацию о пропавшем штурмане Роне Араде^[37], и сделка расстроилась.

Имя Маркуса Клигберга вновь мелькнуло в заголовках израильских газет летом 2007 года, накануне выхода в свет его мемуаров. Да, Клигберг, выпущенный из тюрьмы за несколько лет до окончания отведенного ему наказания под тем предлогом, что он является смертельно больным человеком, не только не умер в последующие 10 лет, но и уехал к дочери в Париж, где и написал мемуары, на которых неплохо заработал. В них 92-летний шпион, в частности, пишет, что израильская контрразведка, расследуя его деятельность, так и не узнала главного. Во-первых, следователи ШАБАКа так и не поняли, что он, Клигберг, был по большей части пусть и чрезвычайно ценным, но всего лишь поставщиком секретной информации. А подлинным резидентом советской разведки в Израиле в те смутные годы была... его жена Ванда. Но самое главное заключается в том, что, если верить мемуарам Клигберга, в 70-х годах ему с женой удалось завербовать для работы на СССР одного из самых крупных израильских ученых, лауреата Государственной премии Израиля. И информация, которую этот ученый поставлял в Москву, была даже ценнее, чем та, которую передавал Маркус Клигберг. В своих мемуарах Клигберг рассказывает, что этот ученый умудрялся получать разрешения на участие в научных конференциях, проходивших в СССР, уже после разрыва дипотношений между Москвой и Иерусалимом. Там он и передавал ГРУ добытую им информацию. При этом его каждый раз инструктировали в ШАБАКе о том, как себя вести, если его вдруг попытаются завербовать «гэбэшники». «Это было все равно, что инструктировать кота, как ему вести себя перед миской сметаны», – с усмешкой комментирует Клигберг. Имени этого ученого он в своих мемуарах,

естественно, не называет. Ну, а о Ванде он позволил себе вспомнить только потому, что к моменту выхода мемуаров она уже покоилась на тель-авивском кладбище. Сам текст мемуаров Маркуса Клингберга свидетельствует о том, что он несколько не раскаялся в своих деяниях и не испытывал никакого чувства вины перед Израилем. Впрочем, судя по всему, Клингберг вообще относился к людям, которые ни при каких обстоятельствах не меняют своих убеждений – похоже, с годами он лишь укрепился в мысли, что служил делу мира и содействовал предотвращению новой мировой войны.

1988. Ломовой вариант

Если в ШАБАКе не очень любят вспоминать имя своего бывшего сотрудника Леви Леви, то ветераны КГБ точно так же морщатся при упоминании имен супругов Александра и Анны Ломовых, направленных на работу в Израиль, перевербованных ШАБАКом и способствовавших провалу сразу трех действовавших в конце 80-х годов на территории Израиля советских шпионов.

Официально Александр Ломов был «администратором по распоряжению советской недвижимостью на территории Израиля».

Для того чтобы понять суть данной должности, стоит вспомнить, что вскоре после Гражданской войны и установления советской власти на территории бывшей Российской империи Русская православная церковь раскололась на два крыла: «Красную церковь», продолжавшую действовать на территории СССР и так или иначе вынужденную сотрудничать с новой властью, и «Белую церковь», не признавшую советскую власть и действовавшую в основном на Западе.

Разумеется, между этими двумя ветвями Русской православной церкви тут же началась нешуточная борьба за то, кому принадлежит имеющееся на Святой земле немалое церковное имущество, прежде всего храмы и монастыри. Англичане, правившие землей Израиля на основе полученного ими от Лиги Наций мандата, поддержали в этой борьбе «Белую церковь». Однако после провозглашения Государства Израиль Давид Бен-Гурион признал все имущество Русской православной церкви на подведомственной Израилу территории принадлежащим СССР. И следовательно, «Красной церкви».

В 1967 году, после того как СССР разорвал дипотношения с Израилем, управление этим самым имуществом осуществлялось присылаемым на два-три года из Москвы специальным администратором. «Администратор» появлялся в Иерусалиме обычно вместе с группой новых монахов, монахинь и священников. В его задачу входило обеспечение живущих в Израиле граждан СССР (а священники и монахи официально были гражданами именно «великого и могучего» Советского Союза) всем необходимым, проведение ремонта зданий и другие чисто бытовые вопросы.

«Администратор по распоряжению советской недвижимостью» не обладал никаким дипломатическим статусом и значился просто живущим в Израиле иностранным гражданином. И вместе с тем все прекрасно понимали, что за этим гражданином стоит сверхдержава и обижать его не стоит.

Понимали в Израиле и то, что большинство русских священников, а также «администратор», помимо своих прямых обязанностей, призваны по мере сил добывать секретную информацию об Израиле и передавать ее в КГБ. И потому в ШАБАКе не очень удивились, узнав, что новый советский «администратор» Александр Ломов, прибывший в Иерусалим в 1987 году, чтобы сменить своего предшественника, является сотрудником Второго управления КГБ. Как свидетельствовал добытый вскоре «Моссадом» его послужной список, Ломов был одним из рядовых сотрудников отдела, занимавшегося Средним Востоком, то есть Ираном, Афганистаном, Сирией и – уже вкуче с ними – Израилем.

В Израиле – опять-таки согласно полученной информации – Ломов должен был установить связь с действующими здесь агентами КГБ, расплатиться с ними за уже переданную информацию и получить новую. Но самое любопытное заключалось в том, что жена Александра Ломова Анна тоже была профессиональной разведчицей и закончила разведшколу. Говоря терминологией фильма «Семнадцать мгновений весны», Анна была той самой «русской пианисткой», которая должна была передавать в Центр зашифрованные послания своего мужа. Вот только справиться со своими обязанностями разведчика Александру Ломову было крайне нелегко: с первого же дня его приезда в страну израильские спецслужбы плотно висели у него на хвосте, и, несмотря на все свои ухищрения, он никак не мог от них оторваться и встретиться с агентами...

В те годы жизнь обитателей Русской миссии в Иерусалиме была поистине нелегкой: они постоянно чувствовали, что находятся во враждебном окружении, и это невольно сближало людей. Поэтому неудивительно, что все находившиеся в 80-х годах в Израиле члены русской общины жили одной семьей, в которой все знали всё друг про друга. Не было секретом и то, что в семье Ломовых далеко не все ладно. В принципе, Александр Ломов был, как принято говорить, неплохим мужиком, да и с работой администратора вполне справлялся, но была у него одна слабость – он любил выпить, причем отнюдь не кока-колу.

И пил он, следует признать, много. А выпив, Ломов мог жестоко избить жену, и Анна часто выходила из дому с синяками на руках и лице.

Именно семейные проблемы супругов Ломовых и решил использовать ШАБАК для головокружительной операции, получившей кодовое название «Мячик для гольфа». Суть операции заключалась в том, что к каждому из супругов Ломовых по отдельности подбирался свой «ключик». Затем, после того как их доверие было завоевано, им предложили круто изменить свою жизнь: в случае, если они захотят помочь израильской и американской разведке,

им будут гарантированы убежище и вполне обеспеченное существование на территории США. Кроме того, новые знакомые Анны и Александра Ломовых обещали им помочь излечить Александра от алкоголизма и восстановить нормальные супружеские отношения с помощью опытных психологов.

Напомню, что все это происходило в 1988 году, когда коммунистическая идеология уже, по сути дела, рухнула, а СССР стремительно падал в пропасть межнациональных конфликтов и экономического кризиса. Не исключено, что именно этим в немалой степени и объясняется та легкость, с которой супруги Ломовы приняли данное предложение. В назначенный день они приехали в аэропорт Бен-Гурион, чтобы вылететь из него в Нью-Йорк. Из аэропорта Кеннеди русских гостей из Израиля повезли на конспиративную виллу ЦРУ, где им и предстояло провести несколько месяцев. Здесь изо дня в день с ними встречались представители американских спецслужб, и Ломовы рассказывали им все, что было известно о работе КГБ в целом и отдела Второго управления, занимавшегося Средним Востоком, в частности. Если учесть, что главной ареной противостояния СССР и США в то время все еще был Афганистан, то можно понять, какой огромный интерес испытывали американцы к той информации, которой владел Александр Ломов.

Израильтяне же сознательно передали супругов Ломовых в руки американцев и сделали все, чтобы представить дело так, как будто те были завербованы именно американцами, вследствие чего и сбежали в Соединенные Штаты.

Это позволяло, во-первых, не обострять начавшие налаживаться отношения между Израилем и СССР, а во-вторых, давало Израилю возможность «заработать очки» в глазах американцев, которым они преподнесли столь ценный подарок. Вместе с тем представитель ШАБАКА присутствовал на всех допросах супругов Ломовых и имел право задавать им любые вопросы. И вскоре Ломов передал следователям ШАБАКА имена трех действовавших в Израиле агентов КГБ: Григория Лундина-Кальмана, Романа Вайсфельда и Александра Мехти.

Все трое, разумеется, были репатриантами из СССР, завербованными КГБ накануне отъезда. В сущности, в те годы КГБ пытался вербовать почти каждого выезжавшего на ПМЖ в Израиль еврея. И следует сказать, что тысячи бывших советских евреев подписывали накануне отъезда декларацию о своей готовности сотрудничать с КГБ. Но подписывали они ее только для того, чтобы вырваться из Советского Союза и на следующий день забыть о ней как о дурном сне. Сотни из них сразу же после приезда обращались в ШАБАК и докладывали о том, что их пытались завербовать. Но находились и те, кто соглашался сотрудничать. В основном это были люди, не уверенные, что им удастся прижиться в Израиле, и желавшие получить гарантии того, что если они этого захотят, им не только разрешат вернуться, но и дадут возможность заново обрести работу и квартиру...

Во всяком случае, именно такие мотивы, очевидно, двигали Григорием Лундиным, приехавшим в Израиль из Минска и работавшим техником в реховотской больнице «Каплан». Никакими особыми государственными секретами Лундин не обладал, и даже появившееся в начале подозрение в том, что, числясь в резерве танковых частей, он передал в Москву сведения о танке «Меркава», как вскоре выяснилось, оказалось безосновательным. Тем не менее в начале 1989 года суд приговорил его к 13 годам тюремного заключения. Лишь в 1996 году Лундин вышел на свободу.

Вместе с Лундиным был арестован и репатриировавшийся в Израиль в 1980 году Роман Вайсфельд. Просидев три года в отказе, Вайсфельд согласился работать на КГБ и был отпущен в Израиль после окончания разведшколы КГБ в Ясново.

В Израиле он устроился работать инженером на предприятие «Элько», обслуживавшее по контракту различные компании Израиля, в том числе и имеющие оборонное значение. В результате Вайсфельду удалось передать в Москву ряд секретных израильских технологий и сведения о секретных и полусекретных израильских предприятиях, что и определило суровость вынесенного ему приговора – 15 лет тюремного заключения.

Что касается третьего разведчика – Александра Мехти, то его в 1988 году арестовать не удалось, хотя именно он и интересовал ШАБАК больше всего. Приехав в Израиль в 1980 году, Мехти устроился, пройдя все необходимые проверки, инженером на предприятие израильского концерна «Авиационная промышленность», занимающегося модернизацией американских боевых самолетов. Мехти исправно передавал в Москву все, что узнал об израильской боевой авиации, а затем в 1982 году, разочаровавшись в жизни в Израиле, вернулся в СССР.

Однако в 1990 году Александр Мехти снова появился в стране вместе со своей семьей в качестве нового репатрианта. Его начальство из КГБ даже не удосужилось сообщить своему, пусть и бывшему, агенту, что иерусалимский резидент оказался перебежчиком, выдал списки агентов и потому Мехти никак нельзя было появляться в Израиле. В результате ничего не подозревающий Мехти вернулся на историческую родину и был арестован в 1992 году: еще два года за ним велось наблюдение, чтобы понять, продолжает ли он заниматься разведдеятельностью.

Учитывая, что речь шла о достаточно давнем преступлении, суд приговорил Александра Мехти к 7 годам тюремного заключения.

По признанию отставного генерала КГБ Олега Калугина, побег в США Александра и Анны Ломовых, а также выдача ими агентов в Израиле стали довольно чувствительным ударом и по самолюбию, и по работе КГБ. В ШАБАКе, узнав об этом, только довольно потеряли руки.

Читателю наверняка интересно и то, как сложилась судьба Анны и Александры Ломовых. Что ж... Американцы выполнили взятые на себя обязательства: супругам была выплачена крупная

сумма денег, выправлены новые документы, после чего они с дочкой поселились под вымышленными именами неподалеку от Вашингтона. Обоим была найдена хорошо оплачиваемая работа, и, наконец, за счет ЦРУ им были предоставлены услуги одного из самых высокооплачиваемых в США психологов, специализирующегося на разрешении семейных конфликтов. Увы, помогло это мало – через полтора года Ломовы развелись, и каждый сам стал строить свою судьбу...

1974. Такой очаровательный шпион

...Весной 1974 года на конспиративной квартире КГБ в Дрездене встретились два внешне совершенно непохожих человека.

Один из них представлял собой типичного представителя семитской расы: полноватый, с большим носом, с чуть неправильным прикусом и карими глазами с поволокой, он был живым воплощением того самого типа еврея, с которого в свое время списывали персонажей карикатуристы нацистской Германии.

Второй, напротив, был подтянутым, худощавым блондином с невыразительной, но в то же время весьма типичной внешностью славянина, и потому тоже выглядел чужаком на дрезденских улицах. Первому из собеседников еще предстояло стать миллионером, владельцем роскошных вилл и престижных спортивных команд, а второй вряд ли представлял, что судьба уготовила ему главную роль в судьбе независимой России. Этих двоих в тот момент вообще мало занимало будущее – их интересовало настоящее...

Молодой офицер КГБ не скрывал от своего визави – гражданина Израиля Шабтая Калмановича, что ему поручено «разбудить» его после трехлетней «спячки» и напомнить о взятых им некогда на себя в Москве обязательствах. Но уже самим фактом своего появления на этой квартире Шабтай Калманович подтвердил, что он помнит о своем «долге» перед социалистическим отечеством.

Они разошлись в целом довольные друг другом. Шабтай Калманович вышел из особняка, где располагалась конспиративная квартира, унося в кармане 3 000 долларов и поручение еще глубже проникнуть в политические кулуары Израиля, а также раздобыть как можно больше достоверной информации о деятельности Общей службы безопасности Израиля и Бюро по связям с евреями СССР и Восточной Европы «Натив»^[38].

У молодого офицера на память о беседе осталась ее магнитофонная запись, содержащая весьма любопытные сведения как о ситуации в Израиле, так и о личной жизни некоторых израильских политиков, которые при случае можно было использовать для их шантажа. Шабтай Калманович казался ему весьма перспективным агентом, и, похоже, в своей оценке офицер не ошибся. На протяжении всех последующих лет – вплоть до своего ареста в 1986 году – Шабтай Калманович исправно поставлял советской разведке различную информацию об израильской

армии, спецслужбах, политических деятелях и т. д., достоверность которой не вызывала никаких сомнений. И хотя спустя годы он будет настаивать на том, что своей деятельностью не нанес особого ущерба Государству Израиль, материалы хранящегося в Общей службе безопасности (ШАБАКе) его дела, увы, упрямо свидетельствуют об обратном.

* * *

Шабтай Калманович родился в 1947 году в Каунасе, который многие еще по привычке долго называли Ковно.

Родился, как принято писать, в интеллигентной еврейской семье: его отец был заместителем директора знаменитого завода «резиновых изделий», а мать – главным бухгалтером местного мясокомбината. Несмотря на то что внешне супруги Калманович вели жизнь обычных совслужащих, дома они стремились сохранить осколки того мира, к которому когда-то принадлежали: со своими детьми они говорили на идише и пытались соблюдать какие-то еврейские традиции. Жизнь Ханоха и Мины Калманович круто изменилась в 1959 году, когда они решились в первый раз подать просьбу разрешить им выехать на постоянное жительство в Государство Израиль и получили отказ. Вновь и вновь Калмановичи подавали просьбу о выезде и вновь наталкивались на отказы.

К счастью, в Литве к еврейским «отказникам» относились куда более терпимо, чем, скажем, в России или на Украине. Да, Шабтая Калмановича исключили из пионеров. Да, ему отказали во вступлении в ряды ВЛКСМ. Но при этом он благополучно окончил школу и поступил в местный политехнический институт на факультет автоматизации производства. Впрочем, поработать по специальности ему так никогда и не довелось: сразу после окончания института Калманович был призван в армию, где на молодого солдата – сына «отказников» – мгновенно обратили внимание «компетентные органы».

И настал день, когда он был вызван на «дружескую беседу» с офицером КГБ. Это была обычная, рядовая встреча, в ходе которой «гэбист» напоминал своему собеседнику о том, что тот все-таки был выращен и вскормлен социалистическим отечеством, воспитывался в советской школе и потому просто не хочется верить, что такой симпатичный молодой человек окончательно отравлен ядом сионизма. Дальше следовало предложение «по-дружески» сообщать ему время от времени, кто из его сослуживцев-евреев ведет «антисоветские разговоры», а в обмен предлагались различные послабления по службе и «доброе отношение» офицеров.

Шабтай Калманович был одним из немногих солдат-евреев, кто такое предложение принял.

С того дня он стал регулярно встречаться со своим армейским «покровителем» и выполнять те или иные его поручения, то есть, попросту говоря, строчить доносы на своих товарищей, время от времени провоцируя их на откровенность.

В сущности, с данного момента он уже оказался «на крючке» у КГБ, а эта организация никогда ничего не забывала и никогда не отпускала пойманную ею «рыбку», если существовала самая небольшая вероятность того, что «рыбка» может пригодиться ей в будущем. Таким образом, судьба полкового стукача Шабтая Калмановича была предreshена.

* * *

Как рассказывает сам Шабтай Калманович в ряде интервью, данных им в разные годы российским и израильским журналистам, в 1970 году его вызвали в КГБ и заявили, что его семья может получить разрешение на выезд в Израиль, если он согласится после приезда в эту страну продолжить сотрудничество с советской внешней разведкой. Если же он не примет предложения, то с надеждами на выезд придется проститься не только ему, но и его сестре и родителям. – К тому же мы не собираемся, Боже упаси, просить вас совершать какие-либо диверсии или вредить вашей исторической родине, – добавил вербовавший его офицер. – Нет, нам лишь хочется, чтобы ваш Израиль как можно меньше вредил СССР, и потому нам бы хотелось, чтобы вы поставляли информацию исключительно о деятельности антисоветских организаций, действующих на территории Израиля. А возможно, мы не потребуем от вас и этого – все зависит от обстоятельств. Нам лишь важно знать, что в случае необходимости наши люди смогут к вам обратиться и получить необходимую им помощь...

Калманович – опять-таки по его словам – вспомнил о родителях, подумал о том, каким ударом станет для них окончательный отказ в праве на репатриацию, и... согласился.

И не просто согласился, а почти год провел в школе КГБ в Москве, где его учили всему, что должен знать и уметь разведчик. Причем учеником он, судя по всему, был очень и очень неплохим.

В декабре 1971 года семья Калмановичей сошла с трапа самолета в аэропорту Бен-Гурион, чтобы начать новую жизнь на столь вожделенной Земле обетованной. Разумеется, как и всех других новых репатриантов, Шабтая Калмановича пригласили в комнату офицера ШАБАКА, чтобы выяснить, не пытались ли его перед выездом завербовать советские спецслужбы и не известны ли ему некие военные тайны СССР, которые могли бы заинтересовать израильскую разведку. Но после десятиминутного формального разговора Шабтай Калманович вышел из этой комнаты. Никаких подозрений он не вызвал, да и сам факт, что его семья 12 лет находилась в «отказе», побуждал сотрудников относиться к 24-летнему новому репатрианту с симпатией.

Этот ореол «отказника» вкупе с данным ему от природы умением очаровывать людей и входить к ним в доверие помог Шабтаю Калмановичу быстро обжиться и преуспеть на новой родине. Сразу после окончания курсов по изучению иврита он был принят на работу в действовавший при канцелярии премьер-министра Центр пропаганды, где ему было поручено вести разъяснительную работу и оказывать помощь новым репатриантам из СССР. На молодого,

симпатичного сотрудника Центра даже обратила внимание премьер-министр Голда Меир, всегда испытывавшая определенную слабость к молодым мужчинам. Трудно сказать, сыграло ли это какую-то роль в дальнейшей карьере Калмановича, но очень скоро в связи со своими большими успехами в качестве служащего Центра он был переведен на более ответственную должность – главы Объединения новых репатриантов, действующего под эгидой правящей партии «Авода».

В задачу Калмановича входили привлечение репатриантов из СССР в ряды партии, организация для новоприбывших различных мероприятий с участием лидеров «Аводы» и т. д. Эта должность, по сути дела, уже сама по себе открывала перед Калмановичем двери в высшие эшелоны израильской политики. А если учесть, что его непосредственная начальница Матильда Газ, разменявшая к тому времени шестой десяток, просто души в нем не чаяла, то неудивительно, что Калмановича стали считать «своим» человеком и в ЦК партии, и в коридорах Кнессета. Вскоре Матильда познакомила Шабтая с тогдашним главой идеологического отдела партии «Авода» Бени Маршаком, а тот, также проникшись симпатией к новому знакомому, свел его с министрами Игалем Алоном и Исраэлем Галили. Поистине о такой карьере новый репатриант, находившийся всего несколько лет в стране, мог только мечтать.

Нужно заметить, что в этот период на приткого молодого человека, рвущегося в коридоры власти, впервые обратили внимание сотрудники ШАБАКа. Им как раз стремительная карьера Калмановича не понравилась: они прекрасно знали, что в качестве первой цели, которую ставит КГБ перед своими агентами, является именно проникновение во властные эшелоны. А потому ШАБАК предупредил Газ и Маршака, чтобы те не очень спешили с приближением к себе Калмановича, так как он вполне может оказаться советским шпионом. Но Матильда и Бени только отмахнулись от особистов, как от назойливых мух.

Между тем приличная, но все же довольно скромная зарплата партийного функционера отнюдь не удовлетворяла самолюбие и жизненные запросы Шабтая Калмановича, и он стал все чаще задумываться над тем, как ему расширить свои финансовые возможности...

* * *

Обдумывая, как заработать в течение короткого времени крупную сумму денег, Калманович решил, что ему необходимо заручиться полезными связями не только среди политической, но и среди деловой элиты Израиля. С этой целью он стал назначать все, даже самые незначительные свои встречи в тель-авивской гостинице «Дан» – излюбленном в тот период месте встречи израильских бизнесменов. Часами он просиживал в лобби-баре гостиницы за чашкой кофе, добиваясь того, чтобы окружающие привыкли к нему и стали принимать за ее завсегда. Попутно у него возникали различные знакомства, которые, вне сомнения, очень пригодились ему в будущем.

Тогда же, в первой половине 70-х годов, Калманович решил попробовать себя в качестве продюсера. Должность главы Объединения новых репатриантов из СССР позволяла ему свести близкое знакомство со многими артистами, певцами и художниками, репатрировавшимися в Израиль и прозябавшими не у дел. Калманович взялся организовывать их гастролы и выставки в Израиле и за рубежом, беря за это свой продюсерский процент. Попросту говоря, он беззастенчиво пользовался их бедственным положением и обирал своих подопечных. Кроме того, Шабтай Калманович стал первым, кто после разрыва дипотношений между Израилем и СССР начал обходными путями организовывать гастролы известных советских артистов в Израиле. Когда об этом его бизнесе стало известно в партии «Авода», Калмановичу было заявлено, что он должен уволиться с поста главы Объединения новых репатриантов из СССР. Напрасно Шабтай пытался убедить начальство, что вся его деятельность по организации гастролей и выставок новых репатриантов прекрасно вписывается в деятельность Объединения.

– Ты, конечно, душка, но оставить тебя на этой должности я не могу – иначе грянет грандиозный скандал! – объяснила ему Матильда Газ.

Впрочем, похоже, Шабтай Калманович не очень сильно переживал отставку. В 1975 год он наконец женился. Его жена – Таня Ярославская – работала врачом-гинекологом в той же больнице «Ихилов», что и его отец. Она была старше Шабтая на семь лет, успела уже не раз побывать замужем, но, как казалось какое-то время, они идеально подходили друг другу. Спустя год у Калмановичей родилась дочь Лиат. Вместе с женой Шабтай Калманович создал фирму по продаже «натуральной косметики», и этот бизнес принес им первые, весьма солидные деньги – Калманович смог переехать на роскошную виллу в престижном тель-авивском квартале Офека и позволить себе наконец вести тот образ жизни, о котором он так долго мечтал. Но его подлинный звездный час пробил в 1977 году, когда Шабтай Калманович стал одним из самых близких друзей бизнесмена Шмуэля Флатто-Шарона.

Репатрировавшийся из Франции после целого ряда громких финансовых афер Шмуэль Флатто-Шарон жил в постоянном страхе перед тем, что Израиль удовлетворит требование Франции о его выдаче, и, чтобы избежать такого развития событий, решил прорваться в Кнессет и получить парламентскую неприкосновенность. Шабтай Калманович стал одним из главных двигателей предвыборной компании Флатто-Шарона, а когда желанная цель в виде депутатского кресла была бизнесменом достигнута, начал официально работать его помощником.

Возможность ежедневно бывать в Кнессете, беседовать с ведущими израильскими политиками и просматривать все документы, попадающие на стол члена израильского парламента, значительно расширяли горизонты, которые открывались перед Калмановичем как советским разведчиком, но об этом будет рассказано чуть ниже. Пока же отмечу, что дружба с Флатто-Шароном дала Шабтаю Калмановичу очень много.

Во-первых, он научился у этого гения полукриминального бизнеса самой системе ведения дел так, чтобы, с одной стороны, обходить закон и получать максимальные прибыли, а с другой – чтоб ни Налоговое управление, ни какая-либо другая государственная служба не могли предъявить никаких претензий.

Во-вторых, он смог воспользоваться теми связями в международной политике и бизнесе, которые мог завязывать Флатто-Шарон как депутат Кнессета.

В апреле 1978 года Шмуэль Флатто-Шарон стал посредником в сделке по обмену сидящего в американской тюрьме советского разведчика полковника Роберта Томпсона. В итоге Томпсона поменяли на угодившего по собственной глупости за решетку в Зимбабве американского студента Алана Ван-Грумена и также оказавшегося по совершенно нелепому поводу в мозамбикской тюрьме молодого репатрианта из СССР Мирона Маркуса.

В ходе обмена Шабтай Калманович сумел познакомиться и, используя свое огромное обаяние, подружиться с американским сенатором Гильманом.

В этот же период власти ЮАР, с которыми был близок Гильман, попытались создать в Южной Африке марионеточное государство Бопутатсвана – с целью представить дело так, что большинство черного населения ЮАР живет на территории этого государства и, следовательно, с апартеидом покончено. Однако мировая общественность не спешила купиться на трюк Претории, и практически ни одно государство так и не признало Бопутатсвану и не установило с ней дипотношений. Помочь признанию Бопутатсваны США Гильман не мог, но зато он посоветовал «президенту» этой страны, вождю племени цоана Лукасу Мангопе, съездить в Тель-Авив, познакомиться там с Шабтаем Калмановичем и назначить его почетным консулом Бопутатсваны в Израиле.

Шабтай Калманович мгновенно оценил те перспективы, которые открывало перед ним предложение Мангопы. Он не только согласился стать почетным консулом практически не существующего государства, но и выразил желание стать бизнес-партнером его президента и «помочь» ему как можно выгоднее вложить те деньги, которые перечислило Бопутатсване ЮАР.

И однажды из Израиля в Бопутатсвану отправилась целая делегация, в которую, помимо Калмановича, входили известный израильский архитектор Исраэль Гудович, футбольный тренер Амеция Левкович, строительные подрядчики Мати Лифшиц, Залман Марголис и Моти Зисер, а также адвокат Амнон Зихрони со своей женой Мири. В предельно сжатые сроки эта компания развернула в Бопутатсване строительство роскошного президентского дворца, грандиозного стадиона, жилых домов и гостиниц. В стране, которой, повторим, не было на карте, начал стремительно развиваться туризм, она стала экспортировать сельскохозяйственную продукцию, а также поистине бесценную и бывшую в конце 70-х – начале 80-х годов в необычайной моде крокодиловую кожу.

И все это приносило все новые и новые миллионы главному компаньону президента – израильскому бизнесмену Шабтаю Калмановичу. Именно Калманович искал торговых партнеров для Бопутатсваны и вскоре нашел их в лице СССР и стран Восточного блока.

Неудивительно, что после того как в Сьерра-Леоне произошел военный переворот, новый правитель этой страны генерал Джозеф Момо обратился к Калмановичу с просьбой помочь ему разобраться с экономическими проблемами так же, как он разобрался с ними в Бопутатсване.

И Калманович, разумеется, помог, положив себе в карман еще десятки миллионов долларов. Огромные прибыли, которые приносила ему Африка, позволили Шабтаю Ханоховичу заняться международной торговлей алмазами, антиквариатом и деревом. Последнее направление его бизнеса позволило Калмановичу сблизиться с обретавшимся в Сьерра-Леоне крупным торговцем деревом жителем Ливана Джамилем Саиди, находившимся в родственных связях с лидером ливанской террористической организации «Амаль» Мустафой Дирани.

К середине 80-х годов Калманович уже был владельцем нескольких роскошных вилл в Израиле, в Каннах, обладателем прекрасных квартир в Лондоне и США. Его бизнес стремительно развивался, офисы его компании, названной им в честь дочери «Лиат», были разбросаны по различным странам мира и всюду поражали вызывающей роскошью своей обстановки: мебель из красного дерева, столы со столешницами из малахита и мрамора, роскошные ковры и звериные шкуры на полу, картины русских художников XIX века на стенах...

Впрочем, теперь Шабтай Калманович мог позволить себе коллекционировать не только картины русских художников этого периода, но и антикварные фарфор и часы. Тогда же стало очевидно, что Шабтай Калманович является ценителем не только красивых вещей, но и красивых женщин. Разведясь с женой, он стал довольно часто менять подруг, большинство которых едва переступили тот порог, за которым кончается отрочество и начинается юность. Словом, этот человек действительно ни в чем себе не отказывал и с полным правом мог сказать, что жизнь ему удалась.

Однако по мере роста его бизнеса росло и число весьма сомнительных дел, связанных с Шабтаем Калмановичем. Еще в 1984 году группа русских художников обвинила Калмановича в том, что он, по сути дела, грабит и обкрадывает их, торгуя написанными ими картинами. Затем прозвучало еще несколько подобных обвинений, а в мае 1987 года Шабтай Калманович был арестован вместе с бизнесменом Владимиром Дэвидсоном в Лондоне по выдвинутому против них Национальным банком обвинению в крупных финансовых аферах. Калманович, естественно, категорически отрицал все обвинения в свой адрес, но, тем не менее, ему пришлось просидеть под домашним арестом в Лондоне почти полгода, прежде чем он был выпущен под залог в полмиллиона фунтов стерлингов, после чего прибыл в Израиль.

Однако при расследовании деятельности Калмановича в связи с финансовыми аферами выяснился еще целый ряд фактов: в частности, возникло подозрение, что в последние годы Шабтай Калманович сумел передать СССР и странам Варшавского договора ряд секретных военных технологий, разработанных в США и в Израиле.

Это и была та соломинка, которая переломила хребет верблюда, – впервые за много лет ШАБАК решил вплотную заняться личностью господина Калмановича.

* * *

Отдавая значительную часть своего времени и сил бизнесу, Шабтай Калманович практически ни на день не прекращал и свою деятельность в качестве советского разведчика. Как уже было сказано выше, КГБ дал Калмановичу три года на то, чтобы вжиться в израильское общество, и в 1974 году его было решено «разбудить» и побудить действовать. Так как в качестве продюсера Калманович часто выезжал в Европу, ему не составило особого труда встретиться с резидентами советской разведки на территории Западного Берлина, а затем и Восточной Германии. Получение им статуса почетного консула и гражданина Бопутатсваны, а затем и Сьерра-Леоне, дало ему возможность беспрепятственно въезжать на территорию СССР и осуществлять встречи со своими боссами из КГБ непосредственно в Москве. Там же, в Москве, он в начале 80-х годов познакомился с известным певцом Иосифом Кобзоном, ставшим его близким другом, а затем – после ссоры – заклятым врагом и конкурентом.

Денег работа на советскую разведку приносила ему немного: судя по всему, в год КГБ платило Калмановичу в среднем 6 000 долларов – весьма скромную сумму для любого жителя Запада и совершенно смехотворную для человека, обладавшего многомиллионным капиталом.

Что же заставляло Калмановича продолжать это сотрудничество? Трудно поверить его собственному признанию, что в КГБ ему «хорошо промыли мозги» и внушили, что он выполняет свой долг перед Родиной. Выросший в семье «отказников», обладающий немалым интеллектом, Калманович не мог не знать истинную цену советскому режиму. И в то же время нельзя, видимо, сбрасывать со счетов и то, что Шабтай Калманович, как и многие евреи-выходцы из СССР, питал то, что Натан Щаранский позже назовет «слабостью к России» – необъяснимую, почти инстинктивную любовь к этой стране. Кроме того, авантюрист по натуре, он, вне сомнения, любил ходить по лезвию ножа, и двойная жизнь, работа разведчика доставляла ему тайное наслаждение, почти сравнимое с сексуальным. И, наконец, не стоит забывать, что именно через СССР он наладил систему бартерных сделок между африканскими странами и остальным миром, то есть советское руководство самым непосредственным образом помогало зарабатывать деньги своему израильскому шпиону.

Но и Калманович расплачивался со своими боссами с Лубянки «по полной программе». Многие страницы его дела до сих пор остаются засекреченными, но даже по тем из них, которые

были открыты, можно судить о том, какой немалый ущерб нанес он своей деятельностью Израилю.

К примеру, будучи вхож в кабинеты министров и депутатов Кнессета, а также являясь помощником депутата Шмуэля Флатто-Шарона, он сумел получить и передать КГБ подробные сведения о деятельности Бюро по связям с евреями СССР и Восточной Европы «Натив». В тот период отсутствия дипотношений между СССР и Израилем «Натив» действовал в основном через направляющихся в СССР из США и Европы туристов-евреев. В их задачу входила доставка необходимой помощи «отказникам», религиозной и сионистской литературы, а иногда и сбор информации о положении евреев в СССР, передача тех или иных разоблачительных материалов на Запад и т. д. Но благодаря Шабтаю Калмановичу КГБ получил полную информацию о деятельности «Натива» и с легкостью пресекал деятельность его эмиссаров, когда считал нужным это сделать. Многие аресты и выдворение за пределы СССР американских туристов, приехавших с миссией от «Натива», – на совести Шабтая Калмановича.

Разворачивая свою предпринимательскую деятельность в Бопутатсване и Сьерра-Леоне, Калманович охотно принимал на работу вышедших в отставку высокопоставленных офицеров израильской армии. Затем он заставлял их «разговориться» и также передавал полученные от них сведения в Москву. К примеру, одним из служащих компании «ЛиаТ» был отставной генерал Дов Тамри – бывший командир самого элитного подразделения ЦАХАЛа «Сайерет маткаль». И именно через Калмановича КГБ получил уникальные сведения о системе подготовки и характерной тактике действий этого спецподразделения.

В ШАБАКе подозрения по поводу Калмановича, как опять-таки уже говорилось, существовали постоянно и необычайно усилились, когда стало известно о его частых поездках в СССР и Восточную Европу. Шабтай Калманович был вызван в ШАБАК, беседа с ним продолжалась несколько часов, и в ходе нее... никаких обоснований существующим подозрениям найдено не было. Более того – сила обаяния Калмановича была настолько велика, что он сумел подружиться с несколькими сотрудниками ШАБАКа и затем не раз приглашал их на дружеские ужины в самые дорогие рестораны Израиля. И в результате те самые люди, которые по идее должны были разоблачить его как шпиона, сидели с ним за одним столом, тянули дорогой коньяк и мимоходом выбалтывали служебные тайны, которые затем аккуратно передавались в Москву.

Так продолжалось до 1988 года – до тех самых пор, пока американцы не сообщили своим израильским коллегам о том, что Калманович передает на Восток секретные военные технологии. После этого за Шабтаем Калмановичем было решено установить постоянное наблюдение, а затем и арестовать его, предъявив обвинение в шпионаже. Эта операция получила кодовое название «Содом и Гоморра» – по ассоциации с тем разгульным образом жизни, который вел Шабтай Калманович.

* * *

Когда ордер на арест Калмановича уже был подписан, выяснилось, что почтенный бизнесмен лег в клинику для удаления катаракты. Арестовывать Шабтая сразу после операции было сочтено негуманным, и в ШАБАКе решили недельку подождать. Однако когда стало известно, что сразу после операции Калманович уединился на своей вилле с 18-летней девицей, терпению главы отдела по борьбе с советским шпионажем Рами Швили пришел конец.

– Если он в состоянии заниматься любовью, то вполне может и давать показания! – желчно заметил Швили.

Калмановичу позвонили, предложили встретиться в одной из тель-авивских гостиниц, и он, будучи уверен, что речь идет об очередной, рядовой встрече, охотно на нее согласился.

Как всегда, Шабтай Калманович остановил свою машину на одной из тель-авивских улочек, пересел в машину ШАБАКа, но на этот раз она направилась не в гостиницу, а в центральный офис этой почтенной организации. В кабинете Рами Швили Шабтая Калмановича ждали сразу несколько высокопоставленных офицеров Общей службы безопасности. Дальше повторилась та ситуация, с которой не раз сталкивались в своей жизни израильские контрразведчики.

– Игра закончилась, Шабтай, – сказал, увидев входящего в дверь Калмановича, Швили.

– Да, – согласился тот. – Игра закончилась.

По словам следователей ШАБАКа, если бы Калманович начал отрицать все предъявляемые ему обвинения, то им не оставалось бы ничего другого, как отпустить его на все четыре стороны: никаких особых доказательств его вины у них не было.

Но Калманович сознался. Более того – он стал подробно рассказывать о своей шпионской деятельности за последние 14 лет.

Что побудило его к этому признанию? Может быть, он считал, что обвинение в финансовых аферах, предъявленное ему Национальным банком, грозит куда более серьезным наказанием.

А может... Может быть, он просто устал.

На основе его же собственных признаний Шабтая Калмановича обвинили в связях с враждебными Израилю режимами и шпионской деятельности в пользу иностранного государства, а также в нанесении ущерба безопасности Государства Израиль. Адвокату Калмановича Амнону Зихрони удалось достигнуть компромиссного соглашения с прокуратурой, по которому Калманович признал себя виновным в шпионской деятельности, но при этом ряд других пунктов обвинения с него были сняты.

И тем не менее суд приговорил его к девяти годам лишения свободы. Это означало, что при самом лучшем стечении обстоятельств, при условии, что он будет себя примерно вести в тюрьме и будет амнистирован после того, как отсидит две трети положенного ему срока, Шабтай Калманович выйдет на свободу не раньше чем через шесть лет.

Однако двери тюрьмы распахнулись перед Шабтаем Калмановичем куда быстрее – он оказался на свободе в 1993 году, то есть отсидев всего пять с половиной лет. Причем он отнюдь не блистал в тюрьме примерным поведением...

* * *

Да, в тюрьме Калманович отнюдь не блистал примерным поведением.

Существуют весьма веские подозрения, что он сумел подкупить зам. начальника тюрьмы «Ашмарот» Амрама Вакнина, устроив его сына на высокооплачиваемую должность в одной из международных компаний, и тот взамен предоставлял заключенному Калмановичу самые различные привилегии. В том числе и предоставлял ему свой служебный туалет для того, чтобы Шабтай Калманович мог развлекаться в нем с регулярно навещавшей его в тюрьме 18-летней военнослужащей израильской армии.

Ходили слухи о том, что Калмановича выпустили в обмен на разрешение выехать из СССР 20 крупным ученым-евреям, но слухи эти совершенно не соответствуют действительности. Поводом для них, возможно, послужили попытки Евгения Примакова договориться с руководством Ирана и ливанской террористической организации «Хизбалла» обменять сбитого над Ливаном израильского летчика Рона Арада на двух сидящих в израильских тюрьмах советских шпионов – Маркуса Клингберга и Шабтая Калмановича. Однако уговорить иранцев и ливанцев пойти на эту сделку Примакову не удалось.

Летописцы израильских спецслужб Эйтан Хабер и Йоси Мильман убеждены, что свою роль в досрочном освобождении Калмановича сыграли одновременно три фактора.

Во-первых, представленные Шабтаем Калмановичем суду и тюремному начальству медицинские заключения о его крайне тяжелом и постоянно ухудшающемся состоянии здоровья. Справки, разумеется, были ложные, добытые элементарным подкупом врачей, но это ясно сегодня, по прошествии 13 лет, а тогда их приняли на веру.

Во-вторых, немалую роль в досрочном освобождении Шабтая Калмановича сыграли ставший депутатом Российской государственной думы Иосиф Кобзон и привлеченный им Александр Руцкой, занимавший тогда пост вице-президента России. И Кобзон, и Руцкой во время своих визитов в Израиль на разных уровнях поднимали вопрос об освобождении Шабтая Калмановича, делая его одним из условий дальнейшего развития российско-израильских отношений в самых различных областях. Их вмешательство, безусловно, сыграло огромную роль в досрочном освобождении Калмановича, и все-таки оно вряд ли стало бы возможным, если бы израильские власти не вспомнили, что у Калмановича, помимо вины, есть и... определенные заслуги перед Израилем.

И главная его заслуга заключалась в том, что через своего друга – ливанского бизнесмена Джамиля Саиди – Калманович смог установить контакт с Мустафой Дирани, в плену у которого до

1985 года находился израильский летчик Рон Арад. Благодаря этим контактам в Израиль было передано письмо Рона Арада родным и, кроме того, начаты были переговоры о его освобождении. Однако когда Дирани заявил, что готов освободить Арада в обмен на несколько сотен палестинских и ливанских заключенных, переговоры были прерваны, после чего Дирани передал израильского летчика за полмиллиона долларов иранцам – и с тех пор о судьбе Арада ничего неизвестно.

Учитывая роль Калмановича в получении весточки от Арада и было принято решение о его досрочном освобождении.

Выйдя из тюрьмы, Шабтай Калманович заявил, что намерен оставаться в Израиле, однако очень скоро уехал в Россию для того, чтобы развивать совместный с Иосифом Кобзоном бизнес. Затем в его жизни были новые миллионы, романы, покупки спортивных команд, получение от президента Литвы княжеского титула, прибавившее к его фамилии приставку «вон» (именно литовское «вон», а не немецкое «фон», как иногда ошибочно пишут), ссора с Иосифом Кобзоном и многое, многое другое. Но это, как говорится, уже совсем другая история...

1990. Предатель из очень хорошей семьи

... «Рейс 332 Цюрих-Тель-Авив только что совершил посадку в аэропорту», – объявил равнодушный женский голос, и затем столь же равнодушный мужской повторил это объявление на иврите.

Среди тех, кто прибыл этим рейсом в Израиль 15 мая 1990 года, был и невысокий мужчина в очках с лицом типичного еврейского интеллигента. Лишь приглядевшись к нему, можно было заметить, что в его осанке, в подчеркнутой элегантности и аккуратности в одежде чувствуется «армейская косточка».

Это и в самом деле было так. Позади у этого господина остались годы службы в ЦАХАЛе, работа в качестве старшего офицера израильской армии по связям с ООН и иностранными армиями в целом, а также должность начальника службы безопасности канцелярии премьер-министра Израиля...

Стоявший на паспортном контроле чиновник бросил беглый взгляд на его документы, равнодушно кивнул куда-то в сторону, и мужчина отправился получать свой багаж. Но в тот момент, когда он стоял в очереди, дожидаясь, когда по транспортеру наконец поползут его чемоданы, к нему подошли два человека, и, предъявив удостоверения сотрудников ШАБАКА, попросили следовать за ними. Когда мужчина вошел в находящийся в здании аэропорта кабинет следователя ШАБАКА, тот пристально посмотрел в глаза своему собеседнику и сказал: «Прежде чем наши отношения перейдут на иной уровень, мне бы хотелось задать вам, господин полковник, один личный вопрос. Неужели вам не стыдно?!»

Полковник в отставке Шимон Левинзон был самым титулованным и самым высокопоставленным из тех советских разведчиков, которые, живя в Израиле, работали на КГБ. Сама история этого человека, который всю жизнь, вроде бы не имея особых талантов, все же умудрялся добиваться поставленных целей и неплохо себя проявлял на самых высоких должностях, вне сомнения, заслуживает того, чтобы рассказать ее с самого начала...

* * *

Шимон Левинзон родился в 1932 году в религиозной семье, принадлежавшей к истеблишменту, или, если угодно, к «сливкам» израильского общества.

Прапрадед Шимона Левинзона был одним из основателей города Петах-Тиква – одного из первых крупных еврейских поселений на исконной еврейской земле. Его дед – другом великого рава Кука, одного из основоположников движения религиозного сионизма и партии «Мизрахи». Его отец, зарабатывая на жизнь торговлей, одновременно являлся видным деятелем вышедшей из «Мизрахи» национально-религиозной партии МАФДАЛ. Нужно ли после всего вышесказанного говорить о том, что семья Левинзонов обладала огромными связями как в деловых, так и в военных, и в политических кругах Израиля?

Увы, в юности Шимон Левинзон не очень оправдывал надежды своих родителей. Поначалу они послали его в «Ноам» – школу, в которой готовили цвет религиозной интеллигенции Израиля. Религиозные предметы преподавались в «Ноаме» так же глубоко, как и в ультраортодоксальной Талмуд-Торе, а математику, физику и прочие светские дисциплины там изучали на уровне Оксфорда. Увы, эта школа оказалась не для Шимона Левинзона, и вскоре он был отчислен из нее за неуспеваемость. Тогда его перевели в среднюю школу «Ха-Мизрахи», значительно уступавшую по уровню обучения «Ноаму», но все равно считающуюся одной из лучших в стране. Однако и в этой школе Левинзон долго не задержался – поняв, что он не справляется с основными дисциплинами, Шимон оставил учебу и устроился работать курьером, разносящим почту по министерствам и ведомствам. Одновременно он начал учиться заочно, попытался сдать экзамены на аттестат зрелости экстерном, но с треском провалился по математике.

Возникший тогда страх перед провалом на экзамене, видимо, преследовал Левинзона всю жизнь – он постоянно отказывался от любых, даже самых заманчивых предложений о работе, если для получения новой должности требовалось сдать какой-то экзамен.

В 1950 году Шимон Левинзон был призван в армию, подал просьбу о зачислении его в боевые части, но не попал в них из-за своего слабого здоровья. Вместо боевых частей он оказался в качестве рядового солдата в штате представительства ЦАХАЛа в Израильско-иорданской комиссии по соблюдению условий Соглашения о прекращении огня от 1949 года.

По словам его бывших сослуживцев, ничем выдающимся рядовой, а затем сержант Левинзон себя на этой службе не проявил. Да, кажется, и не собирался проявлять: исполнительный и спокойный, он к тому же был еще и крайне застенчив. И в то же время, как показало будущее, он прекрасно усвоил весь круг проблем, с которыми приходилось сталкиваться израильтянам в ходе работы комиссии, а заодно и многое понял в ментальности иорданцев, являвшихся своего рода партнерами по работе.

После демобилизации Шимона Левинзона его отец подключил свои связи и помог сыну устроиться на государственный завод «Бэдэк», которому еще только предстояло превратиться в мощный концерн «Авиационная промышленность». Однако, проработав на нем всего несколько месяцев, Шимон Левинзон уволился, и отцу пришлось спешно искать ему новую работу. Вскоре Шимон Левинзон оказался в Европе – на непыльной, но неплохо оплачиваемой должности младшего офицера службы охраны посольства Израиля в ФРГ. Здесь он тоже долго не задержался. По словам Левинзона, его «выжили с работы» за то, что он вскрыл процветающую в посольстве коррупцию.

Всего этого можно было бы не писать, если бы такая неуживчивость не была одной из ведущих черт характера Шимона Левинзона: в будущем ему предстояло поменять не одно место работы, и каждый раз он вскрывал какие-то факты коррупции и хищения, после чего либо получал увольнительное письмо, либо уходил с занимаемой должности по собственному желанию.

В 1955 году Шимон Левинзон вернулся на службу в армию – в качестве сотрудника все той же Израильско-иорданской комиссии, в которой он проходил срочную службу. Так как Левинзон был знаком с работой комиссии, ему доверили должность помощника одного из ее отделов и присвоили звание лейтенанта.

Работы у комиссии, следует признать, хватало. Каждый день на израильско-иорданской границе происходили какие-то инциденты: вылазки террористов сменялись операциями возмездия со стороны ЦАХАЛа; стада коров и овец то и дело, никого не спросив, «незаконно» пересекали границу, и их надо было возвращать хозяевам; да и среди людей как злонамеренных, так и невольных нарушителей границы тоже было немало.

Вскоре лейтенант Левинзон обратил на себя внимание тем, что умел находить общий язык с иорданскими офицерами и с какой-то особенной легкостью, к вящему удовольствию обеих сторон, разрешать все вопросы – об обмене пленными, о взаимодействии между погранпостами, о проведении совместных расследований инцидентов и т. д. Не раз работавшие в комиссии офицеры иорданской армии приглашали Левинзона в гости к себе домой. Однажды, решив воспользоваться таким приглашением, Левинзон был задержан иорданскими пограничниками как израильский шпион, и ему несколько часов пришлось провести в плену.

К 1962 году Левинзон досрочно достиг звания капитана, и в это время его армейская карьера была неожиданно прервана: он попал в автокатастрофу, получил тяжелую травму и вынужден был уволиться из армии. Правда, перед самым своим увольнением Левинзон женился. Причем женился на Яэль – ослепительной красавице, служившей под его командованием в комиссии и бывшей на десять лет его моложе.

Для многих этот брак стал неожиданностью: застенчивость Левинзона была общеизвестна, все знали, что он панически «боится» женщин, и то, что в итоге его женой оказалась девушка, словно сошедшая с какого-то рекламного плаката, удивило многих.

Но в этом и заключалась одна из главных особенностей личности Шимона Левинзона: он умел преподносить сюрпризы, умел достигать того, чего, по мнению других, был недостоин.

В конце концов Шимон Левинзон, похоже, и сам уверился в некоей своей тайной избранности...

* * *

После автокатастрофы Шимон Левинзон попытался было вернуться к гражданской карьере и благодаря все тем же обширным семейным связям был назначен заместителем директора Государственной компании по выпуску памятных монет и медалей. Однако вскоре со скандалом уволился из компании: опять-таки, по его словам, потому, что не пожелал закрывать глаза на процветающую в ней коррупцию. Затем Левинзон попытался устроиться на работу в ШАБАК, но и здесь оказался не ко двору. И в 1963 году Левинзон возвращается «на круги своя» – в армию, на должность начальника группы, обеспечивающей доставку очередной смены израильских полицейских на гору Скопус. Напомню, что территория этой горы, по условиям Соглашения о прекращении огня 1949 года, находилась под израильским контролем, в то время как все прилегающие к ней кварталы Иерусалима оставались под властью Иордании. И Левинзон не просто хорошо справлялся с новой должностью, но и выполнял связанные с ней разного рода деликатные поручения – например, переправил на гору Скопус партию оружия, что было строго запрещено Соглашением о прекращении огня. В 1967 году уже в чине майора Шимон Левинзон был назначен помощником офицера по связям с ООН в Иерусалиме, и на этом посту ему часто приходилось общаться как с представителями международных подразделений ООН, так с иорданскими офицерами, и со всеми он удивительно ладил. Волею судьбы именно майор Шимон Левинзон оказался тем самым человеком, который передал 5 июня 1967 года королю Иордании Хусейну «пожелание» израильского правительства не вмешиваться в войну Израиля с Египтом и Сирией, если та все-таки начнется. Как известно, Хусейн решил данным пожеланием пренебречь и в результате потерял Восточный Иерусалим и значительную часть территории своей страны.

О том, на каком уровне находились отношения Шимона Левинзона с иорданскими офицерами, свидетельствует знаменитая история со сдачей в плен приближенного короля Хусейна

иорданского генерала Дауди Эль-Аббаси. В дни Шестидневной войны Эль-Аббаси заявил о том, что сдается в плен, и договорился с израильтянами о том месте, куда он должен был прибыть для этой сдачи. Однако в назначенный час в назначенном месте генерал Эль-Аббаси сдаваться в плен отказался. Когда стали выяснять, в чем дело, оказалось, что Эль-Аббаси был готов отдать свое оружие только лично в руки «кэптэну Левинзону».

По окончании Шестидневной войны Левинзон снова – в который раз! – уходит из армии и направляется в качестве военного советника в охваченную тогда пламенем войны Эритрею. Там, в Эритрее, он прожил вместе с женой несколько лет, и там же родились трое из четверых его детей...

В Израиль Левинзон вернулся только в 1971 году и в поисках нового места работы обратился к тогдашнему министру обороны Моше Даяну. Даян помнил, как хорошо Левинзон справлялся с задачей наведения контактов с иорданскими офицерами, и назначил его офицером по связям с командованием международных миротворческих подразделений ООН на Ближнем Востоке. В сущности, на тот момент такие подразделения базировались только на израильско-ливанской границе, и именно там Левинзону и предстояло проводить большую часть времени. Подписав указ о назначении Левинзона офицером по связям и о присвоении ему звания подполковника, Моше Даян обратился к нему с «личной просьбой»: «приглядывать» за командующим Северным округом Рафаэлем Эйтаном (Рафулем)^[39] и раз в неделю присылать ему подробный отчет обо всем, что происходит на северной границе.

Таким образом, каждую неделю на стол Моше Даяна в числе прочих документов ложились два отчета с севера: один – официальный, от Рафуля, а второй – неофициальный, от Левинзона.

Разумеется, Рафулю очень скоро стало известно, что Левинзон контролирует его действия и «стучит» на него министру обороны, и этого он подполковнику-высочке не простил.

Тем временем началась и закончилась Война Судного дня, воинский контингент ООН был усилен, начавшиеся переговоры с Египтом требовали установления постоянного контакта между израильской и египетской армиями, а кроме того, нужно было как-то заново договариваться с Иорданией. И Левинзон был объявлен старшим офицером по связям не только с воинским контингентом ООН, но и со всеми иностранными армиями вообще, получив при этом очередное звание полковника.

На новом месте Левинзон чувствовал себя как рыба в воде.

Он быстро передружился со всеми высокопоставленными офицерами миротворческих сил ООН, а также с офицерами генштабов египетской и иорданской армий. Командование ЮНИФИЛа то и дело расточало Левинзону комплименты, утверждая, что ему нет равного в умении соблюсти интересы обеих сторон, смести все камни преткновения, обойти острые углы и достичь искомого компромисса. Вместе с тем в Генштабе ЦАХАЛа многие ворчали на то, что Левинзон излишне

сближается с представителями, по сути дела, недружественных Израилю сил и нередко решает спорные ситуации, поступаясь интересами своей страны. «Иногда совершенно непонятно, является ли он представителем интересов ЦАХАЛа в ООН или представителем интересов ООН в ЦАХАЛе!» – как-то язвительно заметил в адрес Левинзона один из израильских генералов.

В 1978 году начальником Генштаба израильской армии стал Рафуль, и это – учитывая его отношение к Шимону Левинзону – означало завершение армейской карьеры последнего.

– Я не желаю больше видеть в армии твою профессорскую физиономию! – со свойственной ему прямотой сказал Рафаэль Эйтан Левинзону.

Бедный Рафуль! Если бы он знал, что у Левинзона, и в самом деле обладавшего внешностью профессора, не было не только университетского, но и законченного среднего образования!

* * *

Обдумывая, как ему жить дальше, Левинзон вспомнил о своих друзьях из ООН и обратился к ним за помощью. И помощь пришла: Шимону Левинзону предложили стать одним из руководителей Фонда ООН по борьбе с наркоторговлей в Юго-Восточной Азии. Правление Фонда располагалось в Бангкоке, и условия работы, которые предложили Левинзону, были просто сказочными: огромная квартира в лучшем квартале города, арендованная за счет ООН, зарплата в 60 тысяч долларов в год, плюс персональный автомобиль, плюс оплата всех расходов на поездки, обеды в ресторанах и т. д.

А поехать Левинзону пришлось много – основной задачей Фонда была борьба с выращиванием и переработкой мака в опиум и героин в печально знаменитом «Золотом треугольнике». По всей видимости, особых успехов на новом поприще Шимон Левинзон не добился, так как спустя три года, в 1980 году, ООН решила контракта с ним не возобновлять, мотивируя это его безынициативностью. Сам Левинзон свою отставку объяснял тем, что вскрыл факты коррупции и разбазаривания денег в структурах ООН.

Как бы то ни было, в 1983 году Шимон Левинзон вновь оказался на перепутье.

Он отправил жену с детьми в Израиль, приобрел там роскошный дом в расположенном неподалеку от Иерусалима престижном поселке Мевасерет-Цион, а сам вернулся в Таиланд, чтобы придумать, как заработать на оплату взятой для покупки дома ссуды и достойную жизнь своей семьи. После нескольких недель поисков он сумел получить место генерального представителя американской компании NRI в Юго-Восточной Азии, но почти вся назначенная ему зарплата должна была уйти на погашение долгов. Нужно было придумать, откуда взять деньги, причем придумать это надо было срочно, а денег должно было быть много.

Задавшись вопросом о том, что бы такого продать и как можно дороже, Шимон Левинзон вспомнил, что является обладателем целого ряда военных секретов Израиля: будучи офицером

по связям с иностранными армиями, он был хорошо знаком со всей системой обороны как на северной, так и на южной границах Израиля, а эти сведения, с его точки зрения, стоили немало.

К тому же никаких угрызений совести Левинзон на тот момент не испытывал: ЦАХАЛ, а значит, и Израиль, с его точки зрения, выбросили его на улицу, как только он оказался им не нужен, а потому он считал себя свободным от каких-либо моральных обязательств перед родиной.

При этом Левинзон отнюдь не собирался становиться шпионом, он лишь хотел продать имевшуюся у него информацию за приличные деньги и на этом поставить точку. Оставалось только придумать, кому именно должна быть продана информация. И выбор тут был, в сущности, небольшой – русским или арабам. Подумав, Левинзон решил остановиться именно на русских, они почему-то казались ему побогаче арабов.

Выбрав удобный день, Левинзон направился к зданию посольства СССР в Бангкоке и убедился, что у его входа не стоят скрытые камеры, снимающие каждого, кто входит в посольство.

А чтобы не привлекать к себе внимания и не вызвать ни у кого никаких подозрений, Левинзон решил... войти в посольство с главного входа, как обычный посетитель.

В посольстве он подошел к служащей консульского отдела и, протянув ей израильский паспорт, сказал, что хотел бы получить визу на въезд в СССР.

– Но вы же понимаете, что это невозможно, – ответила женщина, с явным трудом подбирая английские слова. – Между нашими странами нет дипломатических отношений...

– Думаю, вы ошибаетесь, – ответил Левинзон. – Позовите вашего начальника, чтобы я мог с ним поговорить...

Спустя несколько минут к Левинзону вышел высокий, элегантный мужчина. Как потом выяснилось, это был советский консул в Бангкоке.

– Чем могу служить? – спросил он на безупречном английском.

– Я – полковник израильской армии, – сказал Левинзон. – Думаю, я располагаю информацией, которая может очень заинтересовать определенные круги в Москве и помочь Советскому Союзу.

– Вы хотите передать эту информацию безвозмездно или получить за нее вознаграждение? – спросил консул. – Разумеется, я хочу получить за нее деньги! – с раздражением ответил Левинзон. – 100 000 долларов и ни одним центом меньше!

– Хорошо, – сказал консул. – Вот вам ручка и бумага, напишите свою подробную биографию и в чем заключаются ваши предложения. Обещаю вам, что они будут рассмотрены.

Когда спустя час Шимон Левинзон вышел из здания советского посольства, он оглянулся и увидел, что консул стоит у массивных дверей и смотрит ему вслед.

О чем думал в тот момент этот советский дипломат? Что он испытывал по отношению к этому еврею, готовому за деньги продать военные секреты своей страны? И что он думал о его народе?..

Во всяком случае, как свидетельствуют последующие события, особого уважения к высокопоставленному израильскому агенту в КГБ точно не испытывали. И, думается, правильно делали.

* * *

Спустя неделю в доме Левинзона раздался звонок. На проводе был мужчина, говоривший на английском с невероятным русским акцентом. Он предложил Левинзону встретиться в одном из кафе города и в ходе встречи сообщил, что 12 мая 1983 года Левинзон должен вылететь на самолете «Аэрофлота» из Бангкока в Москву, а там его уже встретят.

– Вы принесли мне билеты на этот рейс? – поинтересовался Левинзон.

– Нет, – ответил русский. – Билеты вы купите за свои деньги, а в Москве предъявите их начальству, и вам возместят расходы. Так у нас принято...

– Странные у вас порядочки, – недовольно пробурчал израильтянин, но настаивать на своем не стал.

В аэропорту Шереметьево Левинзона действительно встретили два дюжих молодца. Без лишних слов проводили к машине и повезли в гостиницу «Россия», в специально оборудованный номер для «гостей» КГБ. Здесь Левинзон познакомился с «Георгием» – офицером КГБ, которому предстояло стать его непосредственным боссом. Внешне «Георгий» был ровесником Левинзона, а его манеры, привычки и прекрасный английский свидетельствовали, что этот человек не одно десятилетие прожил на Западе.

«Георгий» начал с того, что попросил Левинзона описать всю структуру израильской разведки и контрразведки и назвать имена высокопоставленных офицеров этих спецслужб – от руководителей до начальников отделов. Так как Левинзон какое-то время работал в ШАБАКе, а в качестве военного советника в Эритрее был связан с «Моссадом», то ему не составило особого труда это сделать.

Тогда «Георгий» дал ему другое задание – изложить на бумаге все, что ему известно о связях между израильской и американской армиями и как эти связи осуществляются.

– Простите, – сказал Левинзон, – я готов все это сделать, но меня интересует, когда именно я получу свои деньги? Напомню, что я просил за предоставленные мной сведения 100 000 долларов!

– Вы просили, но мы с вами ни о чем не договаривались. Сумма вашего вознаграждения будет зависеть от ценности предоставленной вами информации, – отрезал «гэбист».

Ровно двое суток провел Шимон Левинзон в номере гостиницы «Россия», исписывая один лист за другим.

«Большей частью я общался с «Георгием» именно письменно. Никаких личных вопросов, никаких личностных взаимоотношений между нами так и не возникло, – вспоминал впоследствии Шимон Левинзон на допросе в ШАБАКе. – Он напоминал мне манекена. И к делу он тоже подходил очень формально. Но больше всего меня поразило то, что значительная часть вопросов, на которые я должен был написать ответы, касалась не военного потенциала Израиля, а политических структур, состояния экономики, положения новых репатриантов. Спустя два дня они заставили меня подписать обязательство работать на КГБ, после чего повезли в аэропорт...»

В аэропорту сопровождавший Левинзона сотрудник КГБ протянул ему конверт.

– Это – возмещение ваших расходов на поездку, – сказал он. – А как же те деньги, о которых мы договаривались? – спросил Левинзон. – Меня просили передать, что вам действительно причитается определенная сумма, но заплатят ее потом, когда снова выйдут с вами на связь, – последовал ответ.

Таким образом, надежда Левинзона на то, что он совершит разовое предательство, получит за него деньги и затем забудет о своем поступке как о дурном сне, явно не оправдывалась: он все глубже и глубже увязал в затеянной им самим игре, уже явно не контролируя ее ход.

Спустя месяц Левинзон получил из Москвы приказ немедленно вылететь в Вену, где состоялась его встреча с «Георгием». Москвич сухо поинтересовался его планами и удовлетворенно кивнул, узнав, что Левинзон решил оставить Бангкок и собирается вернуться в Израиль.

«Постарайтесь устроиться там в какую-нибудь влиятельную политическую структуру!» – посоветовал «Георгий».

Они договорились о том, каким образом Левинзон будет передавать свои отчеты. Для этого он должен был открыть в Вене почтовый ящик на свое имя и сообщить его номер КГБ. Получил Левинзон и портативный фотоаппарат для съемки документов. Прощаясь, «Георгий» протянул Левинзону конверт с деньгами.

– Здесь 2 000 долларов, – сказал он.

– И это все?! – спросил потрясенный Левинзон.

– Пока все. Дальше будете получать по мере сотрудничества, – сказал Георгий.

Остается добавить, что всего за шесть лет работы в качестве советского шпиона Шимон Левинзон получил чуть больше 30 000 долларов, и в самой этой цифре лично мне почему-то видится сардоническая улыбка какого-то антисемита из Первого управления КГБ.

А между тем в 1984 году – в том самом году, когда Шимон Левинзон вернулся из Бангкока домой, – Израиль переживал очередной политической кризис.

Прошедшие в июне выборы завершились вничью, и в результате усилиями хитроумного Ариэля Шарона было создано правительство национального единства. Согласно коалиционному соглашению, премьер-министром страны на два года стал Шимон Перес, назначивший гендиректором своей канцелярии своего старого приятеля Авраама Тамира. Но Авраам Тамир был старым приятелем и Шимона Левинзона, и именно к Тамиру Левинзон обратился с просьбой помочь ему найти достойную работу.

Недолго думая, Тамир предложил Левинзону стать начальником службы охраны канцелярии премьер-министра. Таким образом, в компетенцию Шимона Левинзона входило как обеспечение личной безопасности премьер-министра, так и соблюдение мер по охране важных государственных секретов. Разумеется, Левинзон сообщил о своем новом назначении в Москву и вскоре уже пересылал туда копии, сделанные с документов, лежавших в сейфе, ключ от которого был только у премьер-министра Шимона Переса и у его тезки Левинзона. Благодаря этому в СССР стало известно о ведущихся Шимоном Пересом в глубокой тайне переговорах с арабским миром, о деталях израильской ядерной программы и многих других секретах еврейского государства.

Но, как уже было сказано выше, за всю эту поистине бесценную информацию русские платили гроши, и Левинзон все больше и больше в них разочаровывался. В 1987 году он решил прервать все контакты с КГБ и в какой-то момент уверился, что в Москве о нем забыли.

Но спустя два года Левинзон понял, что ошибся: в 1989 году с ним снова вышли на связь и потребовали, чтобы он срочно выбрался в Москву. Здесь его ждал новый босс (по всей видимости, «Георгий» вышел на пенсию). Разговор с ним у Левинзона получился неприятный.

– Почему вы столько времени не выходили на связь? – прямо спросил его «гэбист». – Помните, что мы, «русские», никогда не бросаем своих людей на произвол судьбы, но никогда и не прощаем тех, кто бросает нас.

– Вы мне угрожаете? – спросил Левинзон.

– Я вас предупреждаю, – услышал он в ответ. – И напоминаю о данных вам письменно обязательствах. Думаю, с любой точки зрения вам есть чего опасаться...

Но к тому моменту Левинзон уже принял окончательное решение.

Вылетев из СССР, он перестал откликаться на все сообщения из Москвы, и вскоре, что самое странное, его и в самом деле оставили в покое. Возможно, это объясняется тем, что в 1990 году дела в СССР шли все хуже и хуже, лихорадивший страну экономический кризис развивался на фоне кровавых межнациональных конфликтов, и в какой-то момент КГБ стало просто не до Израиля и не до скромной фигуры Шимона Левинзона, который, кстати, вернулся в Бангкок в надежде снова найти хорошо оплачиваемую работу или заняться бизнесом.

* * *

Между тем набравшие в СССР силу деструктивные процессы открывали перед израильскими спецслужбами все новые возможности для получения информации об этой стране и ее антиизраильской деятельности. И летом 1990 года в «Моссад» поступило сообщение о некоем израильтянине, который в 80-х годах активно работал на советскую разведку. Никаких примет израильтянина информатор сообщить не мог, и единственные сведения, которыми он обладал, сводились к тому, что советский шпион в свое время работал в Бангкоке и его вербовка была осуществлена во время посещения им советского посольства в этом городе. – Это была дьявольская головоломка, – вспоминал тогдашний начальник «Моссада» Яков Пери^[40]. – За последние 10-15 лет в Бангкоке работали и жили тысячи израильтян. Для того чтобы поставить на прослушивание и допросить каждого из них, не хватило бы персонала самых больших спецслужб мира. К счастью, наш информатор в Москве в своей следующей шифровке несколько облегчил нам задачу: он сообщил, что фамилия шпиона начинается на букву «Л», а его кодовая кличка была Марк. Мы начали отбирать всех израильтян, которые жили в Бангкоке в течение последних десяти лет и фамилия которых начиналась на «Л». Получился большой, но все же более-менее реальный для начала работы список. На первом этапе мы решили отобрать из списка людей, у которых могли быть те или иные материальные трудности, способные подтолкнуть их к шпионской деятельности. В списке оказался и Шимон Левинзон. Конечно, мы не верили в его причастность к этой истории, но, учитывая, что он был посвящен в важнейшие секреты страны, решили проверить и его. Получив разрешение на прослушивание всех его телефонных разговоров, мы выяснили, что у него действительно имеются огромные долги за дом, которые он все время пытается и никак не может выплатить. Затем нам стало известно, что в 1983 году, когда «железный занавес» еще был опущен, он летал в Москву – русские поставили свою визу в его израильском паспорте. Таким образом, пасьянс начал сходиться...

И все же когда все сошлось и стало ясно, что полковник в отставке Шимон Левинзон и в самом деле занимался шпионажем в пользу России, многие отказывались в это поверить.

– У меня это просто не укладывается в голове, – сказал тогда один из следователей ШАБАКа. – Когда этим занимается новый репатриант из СССР, которому задурили голову советской пропагандой и у которого зачастую нет денег на элементарные нужды, все еще объяснимо. Но ведь Левинзон – сабра, соль земли Израиля! Из религиозной семьи! Как он мог?! Что должно было произойти?! Может быть, он был обижен на государство? Но ведь не было у него для этого повода: он получал самые высокие посты, он был демобилизован в чине полковника! Может, ему не хватало денег? Но ведь у него вполне приличная пенсия! В конце концов, никто не заставлял его покупать такой большой дом за такую огромную сумму! Нет, я его не понимаю! И первый вопрос, который я ему задам, будет вопрос о том, неужели ему не стыдно?!

Но для того, чтобы задать этот вопрос, сначала нужно было сделать так, чтобы Левинзон захотел приехать в Израиль. Так как в конце 1991 года его дочь должна была призываться в армию, Левинзон, конечно же, появился бы в это время на родине, но ждать столько месяцев в ШАБАКе не хотели. А потому одну из крупных государственных компаний попросили сделать Левинзону деловое предложение, от которого тот не смог бы отказаться.

И Шимон Левинзон клюнул на эту удочку.

* * *

... Среди пассажиров, прибывших в аэропорт Бен-Гурион 332-м рейсом Цюрих-Тель-Авив 15 мая 1990 года, был и невысокий мужчина в очках с лицом типичного еврейского интеллигента. Лишь приглядевшись к нему, можно было заметить, что в его осанке, в подчеркнутой элегантности и аккуратности в одежде чувствуется «армейская косточка». Стоявший на паспортном контроле чиновник бросил беглый взгляд на его документы, равнодушно кивнул куда-то в сторону, и мужчина отправился получать свой багаж. Но в тот момент, когда он стоял в очереди, дожидаясь, когда по транспортеру наконец поползут его чемоданы, к нему подошли два человека и, предъявив удостоверения сотрудников ШАБАКа, попросили следовать за ними. Когда Шимон Левинзон вошел в находящийся в здании аэропорта кабинет следователя ШАБАКа, тот пристально посмотрел в глаза своему собеседнику и сказал: «Прежде чем наши отношения перейдут на иной уровень, мне бы хотелось задать вам, господин полковник, один личный вопрос. Неужели вам не стыдно?!»

Как рассказывают сами следователи, Левинзон сломался почти сразу – было видно, что его давно уже мучила совесть за собственное прошлое, и он хотел излить душу. Кстати, для всех своих родных и знакомых Шимон Левинзон с того дня пропал без вести: вылетел из Цюриха, благополучно добрался до Тель-Авива и исчез, словно провалился сквозь землю. Лишь его жене Яэль была рассказана правда под расписку о неразглашении.

Судебный процесс по делу Шимона Левинзона длился долго – почти два года. Представители ШАБАКа и «Моссада» настаивали на том, что Шимон Левинзон должен понести самое суровое наказание, так как воспользовавшись своим высоким служебным положением, он нанес колоссальный ущерб безопасности Израиля, нарушил кодекс офицерской чести и т. д. И судья Элиягу Виноград поначалу, похоже, склонялся к тому, чтобы поддержать требование обвинения о самом суровом наказании. Однако адвокат Шимона Левинзона Амнон Зихрони в качестве свидетелей защиты выставил Ариэля Шарона и Рафи Эйтана (бывшего начальника отдела разведки в министерстве обороны, ныне – лидера партии пенсионеров «Гиль»). Оба они утверждали на суде, что за время службы в армии Шимон Левинзон принес немало пользы Израилю, а Рафи Эйтан вдобавок пытался доказать, что нанесенный им ущерб безопасности Израиля не так уж велик.

– Если оценивать важность государственных секретов по 12-балльной шкале, то Левинзон выдал русским секреты приблизительно 6-й степени важности, – пояснил свою мысль Эйтан.

В итоге Шимон Левинзон был приговорен к 12 годам тюремного заключения, но в 1998 году, несмотря на протесты ШАБАКа и «Моссада», амнистирован, отсидев только две трети своего срока.

На этом историю самого титулованного советского разведчика можно считать законченной.

Часть 2. Острие полумесяца. Спецслужбы исламских стран против Израиля

1955. Клизма для капитана

Ульрих Шнепт не был арабским шпионом в полном смысле этого слова – он просто продал египетской разведке ту скудную информацию о ЦАХАЛе, которой обладал. Но любопытно, что именно с бывшего офицера СС Ульриха Шнепта, по сути дела, и начинается история международного отдела «Моссада» – новой, мощной структуры в израильской разведке, вписавшей поистине блестящие страницы в ее историю. Все дело было в том, что для первого главы «Моссада» Исера Харела задача упрятать Шнепта за решетку стала делом принципа.

А мало кто мог встать Харелу поперек дороги, когда речь заходила о принципах...

* * *

Как выяснится потом, в ходе его допросов, первые воспоминания Ульриха Шнепта связаны с Кенигсбергом, точнее, с расположенным в городе сиротским приютом, куда мать отдала Ульриха сразу после его рождения. Потом его усыновила небогатая, но прочно стоящая на ногах семья Кляйнов, однако Шнепт через всю жизнь пронес ненависть к Кенигсбергу, которая почему-то невольно перекинулась и на самого великого уроженца города – философа Иммануила Канта.

С отрочества Ульрих Шнепт мечтал покинуть Кенигсберг, и в 1941 году ему это наконец удалось – благодаря своему высокому росту и прекрасной физической форме Шнепт оказался в рядах СС. 22 июня того же года в числе первых немецких солдат Ульрих Шнепт переступил границу СССР и двинулся дальше, на Восток. Принимал ли он в составе зондеркоманд непосредственное участие в уничтожении евреев Украины и Белоруссии? Ответ на этот вопрос весьма интересовал Исера Харела, но получен он так и не был, а сам Ульрих Шнепт, разумеется, категорически отрицал какое-либо свое участие в этих акциях, понимая, что признание будет означать для него смертный приговор.

Доподлинно известно только одно: в начале 1942 года Шнепт получил ранение, был направлен в госпиталь и по выздоровлении на Восточный фронт не вернулся, а оказался сначала в Югославии, а потом в Италии. Здесь он и попал в плен к американцам, после чего оказался одним из узников лагеря военнопленных в американской зоне оккупации. Начались бесконечные допросы, в ходе которых американцы пытались выяснить, чем же именно занимался капрал Шнепт во время своей службы в СС. Наконец, решив, что он был всего лишь мелкой сошкой и не

причастен ни к каким военным преступлениям, Шнепта отпустили на свободу, и он направился во Франкфурт, где в числе прочих наводнивших Германию беженцев из Польши, Чехословакии и бывшей Восточной Пруссии обосновалась и его приемная мать.

Германия тех лет представляла собой поистине печальное зрелище. Страна была разделена на четыре оккупационные зоны. Значительная часть промышленных предприятий простаивала. Хлеб и другие продукты выдавались по карточкам. Хорошо жилось в эти дни в Германии только... евреям, которых не успел сжечь Гитлер: Ульрих Шнепт, снимавший небольшую комнату в доходном доме, с завистью наблюдал, как его сосед-еврей получает денежные пособия и посылки со всякой снедью от «Джойнта» и других еврейских благотворительных организаций. И ослабевшего от постоянного недоедания бывшего эсэсовца с каждым днем все чаще и чаще посещала мысль: а не прикинуться ли ему евреем?

В один из дней 1947 года он явился в «Джойнт», представился там евреем Габриэлем Зисом, предъявил купленные за день до того фальшивые документы на это имя и... получил право на денежное и продуктовое довольствие. Никто не поинтересовался его биографией, его знанием идиша или еврейской традиции. Ему просто поверили – и все.

И у Габриэля Зиса, бывшего до недавнего времени Ульрихом Шнептом, началась совершенно новая жизнь.

* * *

Ульриха Шнепта, видимо, никогда не мучила совесть за совершенную им фальсификацию, за то, что он стал рядиться в представителя народа, который совсем недавно так яростно уничтожали люди, носившую ту же черную униформу, что и он сам. Напротив, бывший капрал СС стал всю пользоваться теми благами, которые ему предоставляло его новое имя, записываясь на довольствие и продуктовые посылки во все действовавшие тогда на территории Германии еврейские организации. Одновременно он начал подумывать о том, чтобы вообще эмигрировать из Германии, и документы на имя Габриэля Зиса могли сослужить ему добрую службу для реализации этой задумки: Шнепт-Зис решил добраться до Палестины, откуда, как он слышал, было куда легче эмигрировать в США или Канаду, чем из Германии.

Так он оказался на направляющемся к берегам Земли обетованной корабле «Фамагуста», но до берегов этих, впрочем, в том году так и не доехал: англичане ссадили всех пассажиров корабля на Кипре и поселили в специальном лагере для незаконных еврейских эмигрантов. В лагере Габриэлю Зису и пришлось провести время чуть ли не до конца 1948 года: англичане не желали, чтобы арабские страны обвинили их в том, что они помогают новорожденному Израилю в увеличении его армии, а потому не разрешали взрослым мужчинам въезжать на территорию еврейского государства и некоторое время после его создания.

Однако обитатели лагеря для потенциальных репатриантов на Кипре даром времени не теряли, всех их обязали вступить в «Хагану» и начали обучать владению стрелковым и прочим оружием. И вот здесь Габриэль Зис блеснул своей прежней выучкой: никто не мог быстрее него разобрать и собрать винтовку, так хорошо, как он, замаскировать мину, так ловко метнуть гранату. Вскоре на талантливого молодого человека обратили внимание и сделали его инструктором для новобранцев «Хаганы». А когда Габриэль Зис, сменивший в лагере фамилию на Зисман, оказался в Израиле, его тут же направили на офицерские курсы. Спустя несколько месяцев он получил погоны младшего лейтенанта, а затем и лейтенанта ЦАХАЛа.

В те годы новые звания в ЦАХАЛе из-за острой нехватки офицерских кадров присваивали необычайно быстро, и Габриэль Зисман не успел опомниться, как стал капитаном израильской армии. Он уже всерьез стал подумывать о военной карьере в Израиле, как вдруг с ним произошла досадная неприятность: сильно выпив, Зисман начал орать немецкие песни и кричать, что когда он служил в СС, то был куда более счастлив, чем в настоящее время. На его счастье, слова про СС тогда приняли за шутку. Правда, шутку плохую, несовместимую со званием офицера ЦАХАЛа, и Габриэль Зисман вынужден был подать в отставку.

Оставшись без работы и всяких средств к существованию, он снял комнату в квартире у евреев-выходцев из Германии и вскоре стал любовником хозяйки этой квартиры Марго.

Нужно сказать, что Марго была старше своего любовника на 20 лет, и почти настолько же она была младше своего мужа. Но самое удивительное заключалось в том, что отставной офицер СС и ЦАХАЛа, похоже, серьезно привязался к своей немолодой любовнице, и они вместе решили вернуться в Германию, жизнь в которой постепенно налаживалась и становилась куда более привлекательной, чем жизнь в Израиле.

В феврале 1954 года Марго, оставив мужу прощальную записку, вместе со своим молодым любовником отправилась на корабле в Геную, откуда оба рассчитывали добраться до родного обоим Франкфурта.

Но в Генуе у Зисмана-Шнепта и начались неприятности. Если у его Марго был, помимо израильского, еще и немецкий паспорт, с которым она могла беспрепятственно въехать в Германию, то Ульрих Шнепт был обладателем только израильского гражданства. А в израильском паспорте того времени стояла печать: «Въезд разрешен всюду, кроме Германии» – считалось, что нога еврея не должна ступать на землю этой страны. Таким образом, въезд в Германию для гражданина Израиля Габриэля Зисмана оказался закрыт. Узнав об этом, Марго не стала с ним церемониться – она направилась в Германию сама, а затем вызвала туда и брошенного ею мужа. А Габриэль-Ульрих остался в Генуе без единого доллара, марки или лиры в кармане и очень скоро ощутил знакомые ему по прежним временам муки голода...

* * *

В поисках выхода Шнепт сначала направился в немецкое консульство в Генуе, где попытался рассказать консулу правду – о том, что он в свое время служил в рядах СС, попал в плен к американцам, затем замаскировался под еврея, оказался в Израиле и сейчас хочет вернуться на родину. Однако консул счел непрошеного визитера за еврейского провокатора и указал ему на дверь. Выйдя из дверей консульства, Зисман-Шнепт начал напряженно размышлять над тем, что бы такое он мог продать, чтобы обеспечить себе хотя бы кусок хлеба и крышу над головой. И после долгих раздумий он пришел к выводу, что единственным его достоянием является информация об Израиле и его армии, в которой ему довелось служить. А единственными, кого данная информация может заинтересовать, являются враги Израиля, то есть арабы. И, придя к такому выводу, Ульрих Шнепт напрямик направился в египетское консульство в Генуе.

В отличие от своего немецкого коллеги, египетский консул выслушал историю Ульриха Шнепта куда более благосклонно, велел накормить его обедом, а затем дал билет на поезд до Рима и велел явиться там в египетское посольство.

Само собой, встретившие Шнепта в Риме сотрудники египетской разведки поверили своему гостю не сразу, поначалу они приняли его за израильского шпиона, засланного к ним с целью дезинформации. Но когда наконец поверили, стали детально расспрашивать обо всем, что было известно Шнепту о ЦАХАЛе: системе подготовки солдат и офицеров, вооружении, принятой тактике, устройстве военных баз и т. д. – тогда вся эта информация для египтян и в самом деле была на вес золота. После того как допрос был окончен, египтяне начали уговаривать Ульриха Шнепта вернуться в Израиль и продолжить там заниматься шпионажем. Они обещали платить ему по 10 000 долларов в год – весьма приличную для начала 50-х годов XX века сумму, но Шнепт настаивал на том, что хочет лишь получить какое-то вознаграждение за уже переданную им информацию, и просил египтян помочь ему въехать в Германию. В его планы отнюдь не входило становиться постоянно действующим египетским шпионом в Израиле, и, поняв это, египтяне отступили: по изготовленному ими лессе-пассе (временному проездному документу) Ульрих Шнепт вернулся в Германию.

Здесь он первым делом встретился со своей Марго и в порыве откровенности рассказал ей обо всем – начиная со своей службы в СС и кончая приключениями в Риме. Однако у Марго этот рассказ вызвал не сочувствие, а шок. И дело было не только в том, что она не собиралась больше бросать своего мужа. Нет, она была поражена тем, что в течение столь длительного времени была любовницей бывшего эсэсовца, который вдобавок ко всему стал сотрудничать с врагами Израиля – государства, которое она, несмотря ни на что, считала своим. И Марго попрощалась с Ульрихом Шнептом, чтобы больше с ним никогда не встретиться. Еще спустя месяц в Общую службу безопасности пришло письмо с подробным изложением истории Ульриха Шнепта и рассказом о его встрече с представителями египетской разведки в Риме. Более того – в

письмо была вложена фотография Шнепта, чтобы сотрудники ШАБАКа могли при случае его опознать.

Автором этого письма, как уже, наверное, догадался читатель, был муж Марго, решивший таким образом отстоять интересы покинутого им еврейского государства, а заодно отомстить наставившему ему рога немцу. Но в ШАБАКе и «Моссаде» никого не интересовали мотивы, двигавшие автором письма. Там знали одно: Ульрих Шнепт решил, что он способен обвести евреев вокруг пальца, и Ульрих Шнепт должен быть за это наказан...

* * *

В сущности, сегодня те давние события, само рвение, проявленное израильскими спецслужбами для поиска Шнепта, воспринимаются с легкой улыбкой.

Ну какой ущерб мог нанести безопасности страны бывший капитан, окончивший ускоренные офицерские курсы и прослуживший в итоге в армии без году неделю?! Если он и мог поведать египтянам какие-то секреты, то очень незначительные, и самое правильное было бы оставить его в покое, выписав ордер на его арест – на тот случай, если он все-таки вздумает вернуться в Израиль...

Однако тогда, в 1955 году, вся эта история воспринималась совсем иначе. И не случайно операция по захвату Шнепта получила название «Хокен» – «Клизма». Шнепту следовало вставить клизму. Причем чем глубже, тем лучше.

Об этом без всяких обиняков заявил на заседании, посвященном разработке будущей операции, глава «Моссада» Исер Харел.

– Следует учесть, что у нас практически нет опыта проведения операций за границей, – добавил Харел. – Что ж, значит, будем учиться. Если понадобится – создадим специальный отдел...

Так начиналась история того самого отдела «Моссада», которому еще только предстояло доставить в Израиль Адольфа Эйхмана, отыскать Йоселе, провести операции возмездия за убийство израильских спортсменов в Мюнхене. Но тогда...

– А чего с ним цацкаться? – спросил начальник арабского отдела Мишка Дрори. – Давайте просто пристрелим его в его Франкфурте – и дело с концом!

– Ни-ко-гда! – по слогам проговорил Исер Харел. – Никогда Государство Израиль не будет действовать подобными методами! Нет, мы привезем Шнепта сюда и здесь будем его судить. А тот, кто попытается нарушить закон, сам в итоге пойдет под суд!

– И как мы его привезем? – поинтересовался кто-то.

– А вот над этим мы сейчас и подумаем, – ответил Харел.

Спустя несколько дней после этого совещания проживавший во Франкфурте, спившийся и опустившийся почти на самое дно жизни Ульрих Шнепт познакомился с весьма приятной

супружеской парой. Его новый знакомый представился ему офицером, служащим при миссии НАТО, и прозрачно намекнул Шнепту, что может помочь ему устроиться на работу, связанную с некой разведывательной миссией. Однако Шнепт поспешил заявить, что он готов работать только на территории Германии... Прошла еще неделя – и Шнепт, будучи в гостях у своих новых знакомых, познакомился с сотрудником иракского консульства Эданом Ибн-Эданом. Молодые люди оказались почти ровесниками, с первых же минут понравились друг другу, и Эдан Ибн-Эдан пригласил своего нового приятеля в ресторан.

Уже после того, как выпито и съедено было более чем достаточно и Эдан Ибн-Эдан позвал официанта, чтобы с ним расплатиться, у иракского дипломата из кошелька выпала небольшая карточка, на которой он был изображен в форме капитана иракской армии.

– О, так ты капитан! – воскликнул Шнепт. – А ведь я тоже был капитаном. Мы с тобой в одном звании, дружище!

– Капитаном СС?

– Нет, капитаном ЦАХАЛа! И за время службы в их армии я сделал этим еврейским свиньям немало гадостей...

Стоило лишь прозвучать этим словам, как сидевший за одним столом со Шнептом молодой человек на какое-то мгновение забыл, что он является иракским дипломатом Эданом Ибн-Эданом, и стал тем, кем он был на самом деле, – молодым офицером ШАБАКа Сами Мория. И Сами Мория почувствовал, как у него вдруг запылала уши, чьи-то невидимые пальцы сдавили горло, а рука произвольно потянулась к лежащему в кармане пистолету. Но это и в самом деле длилось только мгновение – затем Сами Мория взял себя в руки и, может, лишь чуть-чуть, самую малость фальшивя, воскликнул:

– Быть того не может! Ты, немец, служивший в СС, был капитаном израильской армии?! Похоже, ты действительно сегодня перепил!

– Я? Перепил?! – обиделся Шнепт. – Поедем сейчас ко мне домой, я тебе покажу альбом со своими снимками в Израиле!

Так благодаря заранее придуманному трюку с фотографией Сами Мория оказался в холостяцкой квартире Ульриха Шнепта.

Последующие недели Мория потратил на то, чтобы еще больше сблизиться с Ульрихом Шнептом, и наконец поведал ему о том, что он сотрудник иракской разведки и хочет предложить Шнепту поработать на его, Ибн-Эдана, родное ведомство.

– Я не могу вернуться в Израиль, – покачал головой Шнепт. – Наверняка там уже все знают о моем прошлом и меня арестуют прямо в аэропорту. Ты просто не представляешь, насколько хорошо работают израильская разведка и контрразведка.

– Да миф это все – о том, что они хорошо работают! – отрезал «Эдан Ибн-Эдан». – Эти евреи только и умеют, что создавать о себе мифы и заставлять других в них верить! Поверь мне, наша разведка ничуть не хуже, а я тебе плохого не посоветую! Ты сменишь прическу, сбреешь усы, перекрасишь волосы – и никто из прежних знакомых тебя не узнает. Документы мы выправим тебе самые что ни на есть надежные. И главное – мы ведь не собираемся от тебя требовать, чтобы ты проник в израильский ШАБАК или Генштаб. Задание у тебя будет самое пустяковое... Ты, наверное, читал в газетах, что израильтяне нашли нефть в районе Ашкелона – как раз там, где ты когда-то жил. И нам, естественно, крайне важно знать, насколько велики эти запасы, не скажется ли находка на мировом рынке нефти. Поэтому твоя задача – просто побывать в районе нефтепромыслов, посчитать вышки, понять, качают ли евреи нефть или нет, и если качают, то в каком объеме. И все – возвращаешься и получаешь круглую сумму наличными!

Предложение, сделанное Шнепту «Ибн-Эданом» было продумано самым тщательным образом: в «Моссаде» и ШАБАКе очень боялись, что если предложить Шнепту серьезное задание, он испугается и с ходу его отвергнет. А эта нехитрая наживка сработала – Шнепт согласился.

В январе 1956 года он вместе с Сами Мория выехал в Париж, чтобы оттуда на самолете компании «Эйр-Франс» добраться до Израиля. Свою внешность Шнепт изменил в точном соответствии с указаниями своего «друга» и был очень доволен, когда Мория, встретив его на улице, сделал вид, что не узнал.

В Париже Мория старался все время неотлучно находиться при Шнепте, чтобы тот, не дай Бог, не передумал. Правда, получалось это не всегда. Например, когда Шнепт решил пойти в ночной стриптиз-бар, Сами Мории разрешили купить только один билет в данное заведение – для Шнепта. Покупать за деньги «Моссада» второй билет ему было запрещено личным приказом самого Исера Харела.

«Чтобы не разбазаривать казенные деньги и не приучать сотрудников к буржуазному разврату!» – пояснил Харел свое решение.

Таким образом, пока Шнепт наслаждался стриптизом, Мория торчал на январском морозе, вспоминая тихим, но недобрим словом Исера Харела и думая о том, поверил ли Шнепт в то, что он не посещает стриптиз по религиозным соображениям, или нет?! Впрочем, этот полуторачасовой отдых от Шнепта пошел ему на пользу: Сами с каждым днем становилось все труднее сдерживать свою неприязнь к нему. Кроме того, Мория жил в постоянном страхе, что с его губ сорвется какое-нибудь ивритское словечко-паразит, и тогда операция будет провалена.

Но реальная угроза ее провала возникла лишь накануне отлета Шнепта в Израиль, когда Мория повел его в дорогой ресторан персидской кухни. Они как раз сели за стол, и Сами стал делать заказ, когда в ресторан вошел... его давний приятель, сотрудник «Моссада», не так давно

женившийся и отправившийся с женой в свадебное путешествие. И нужно же было случиться такому, чтобы он тоже захотел провести вечер в ресторане?!

Если бы он окликнул Сами и обратился бы к нему на иврите, то все было бы кончено. Однако приятель мгновенно оценил ситуацию, все понял и, «не замечая» Мория, сел вместе с супругой за соседний столик.

Однако, услышав, что молодая пара говорит между собой на иврите, Ульрих Шнепт напрягся.

– Что-то не так? – спросил его Мория.

– Эти двое – израильтяне, – пояснил Шнепт. – Они говорят на иврите и, кажется, говорят о нас с тобой. Не исключено, что они являются агентами израильской разведки...

– Чего тебе только не померещится! Хотя, может быть, ты и прав. Когда вернешься, научишь меня говорить на иврите. Ну, давай за твое благополучное возвращение! – с чувством произнес Мория, стараясь отвлечь внимание Шнепта от новобрачных.

В аэропорту «Орли» Мория ждал еще один сюрприз от его «клиента».

– Если евреи меня все-таки попытаются арестовать, я дорого продам свою жизнь! – неожиданно с жаром произнес Ульрих Шнепт. – Слава Богу, я вооружен!

Несмотря на то, что в аэропорту было довольно прохладно, Мория в одно мгновение вспотел так, что рубашка прилипла к телу.

– Мы так не договаривались, – вслух сказал он. – Если израильские охранники при проверке засекут твой пистолет – а они его засекут! – операция провалится. Так что давай лучше все отменим или... или ты отдашь мне свой пистолет!

– Я – не идиот! – ответил ему на это Ульрих Шнепт. – Никакого пистолета у меня нет. Зато есть авторучка, которая стреляет таким ядовитым газом, что мгновенно отправляет человека на тот свет... И ее никакая служба безопасности не засечет! Вот она – в переднем кармане пиджака!

Нужно ли говорить о том, что, проводив Шнепта, Сами Мория мгновенно бросился к междугородному телефону – сообщать об имеющейся у бывшего ээсовца ручке?!

В израильском аэропорту Ульрих Шнепт не успел махнуть рукой, как к нему подкатило такси.

«Одну минутку, я только получше закрою дверь с вашей стороны», – сказал ему таксист, направил через его грудь руку к двери, но в последний момент изменил направление движения и аккуратно вытащил из переднего кармана пиджака своего пассажира авторучку. Затем улыбнулся и сказал: «С приездом, капитан Габриэль Зисман! Или все-таки Ульрих Шнепт – как прикажете вас называть?!»

И тут такси со всех сторон окружили машины с сотрудниками ШАБАКА...

* * *

Ульрих Шнепт начал давать показания следователям уже на первом допросе. Он подробно рассказал о том, как купил поддельные документы на имя Габриэля Зиса, как въехал в Израиль,

как встретился с сотрудниками египетской разведки в Риме. Поведал он и о цели своего нового визита в Израиль, однако при этом так и не назвал имени Эдана Ибн-Эдана – по всей видимости, он продолжал считать его капитаном иракской разведки и нисколько не винил в своем аресте.

В том же 1956 году суд приговорил Ульриха Шнепта к семи годам тюремного заключения, но спустя пять лет, в 1961 году, он был освобожден по амнистии.

Большую часть времени своего пребывания в тюрьме Ульрих Шнепт посвящал изучению иврита и «Ветхого Завета» в оригинале, став настоящим знатоком Библии. Сразу после своего освобождения из тюрьмы он направился в аэропорт Бен-Гурион и сел на самолет, который должен был доставить его в родную Германию.

Теперь уже навсегда.

1955. Араб, который выиграл Шестидневную войну, или Подлинная история египетского Штирлица

В мае 1988 года жизнь во всех египетских и иорданских городах и деревнях замирала ровно в восемь вечера.

Торговцы и крестьяне, банковские служащие и домохозяйки – словом, почти все обитатели двух стран спешили к этому часу закончить свои дела, чтобы уютно устроиться у телевизора, на экране которого уже мелькали вступительные кадры увлекательного многосерийного фильма «Человек с улицы Бреннер». Улицы в час, когда шла очередная серия фильма, действительно казались вымершими – можно было долго кружить по центру Каира и не встретить ни одного прохожего. Пожалуй, таким успехом в Советском Союзе пользовался только один фильм – «Семнадцать мгновений весны» с неотразимым Вячеславом Тихоновым в главной роли.

Любопытно, что и сюжеты обеих картин – советской и египетской – были похожи. Фильм «Человек с улицы Бреннер» рассказывал о египетском разведчике, заброшенном в Израиль и в течение почти 20 лет поставлявшем в Каир самые секретные сведения. Став в Израиле успешным бизнесменом и открыв туристическое агентство в центре Тель-Авива – на улице Бреннер, он сумел внедриться в высшие военные и деловые круги израильского общества и проникнуть в главные военные тайны Израиля. В фильме этого разведчика звали Рафат эль-Хаган, а в Израиле он, если верить фильму, действовал под псевдонимом Давид Шарль Симхон.

«Фильм поставлен по роману Салаха Мураси и основан на подлинных событиях» – так значилось в титрах, завершающих каждую серию.

Нужно ли говорить о том, что в течение короткого времени Рафат эль-Хаган стал национальным героем Египта, человеком, который сумел посрамить хваленые сионистские спецслужбы, сумел добиться даже большего успеха, чем великий еврейский шпион Эли Коэн, действовавший в Сирии: ведь Коэн в конце концов провалился, в то время как Рафат эль-Хаган так и не был разоблачен израильской контрразведкой?!

В Египте и в Иордании вокруг фигуры великого арабского разведчика царил настоящая истерия, роман Салаха Мураси стал бестселлером, а местные журналисты пытались предоставить своему читателю как можно больше информации о человеке, ставшем прототипом Рафата Эль-Хагана.

Да и в Израиле к этой теме существовал живой интерес, египетские телеканалы с легкостью улавливались почти на всей территории Израиля, их охотно смотрели многие выходцы из арабских стран, и они тоже были поражены тем, как израильские спецслужбы «прошляпили» у себя под носом египетского разведчика. Чтобы окончательно поставить все точки над «i» в этой истории и удостовериться в ее правдивости, один из египетских журналистов отправился в командировку в Израиль. Встретившись здесь с бывшим главой «Моссада» Исером Харелом, он напрямую спросил, что тот думает по поводу романа Салаха Мураси «Человек с улицы Бреннер».

– Все это ерунда, ваши арабские сказки! Ваша вечная «Тысяча и одна ночь», которую вы так любите сочинять! – со свойственным ему цинизмом ответил Харел.

Интервью с Исером Харелом, разумеется, было опубликовано, вызвав настоящую бурю негодования в египетской прессе. И в один из вечеров диктор египетского гостелевидения неожиданно возник на экране сразу после окончания очередной серии «Человека...» и с заговорщицким видом произнес: «Как известно, официальный Тель-Авив отрицает факт существования египетского разведчика, успешно действовавшего в Израиле в 50-70-х годах. Но, учитывая интерес общества к фигуре героя и к тому, как развивались события в реальной жизни, наши спецслужбы решили рассекретить его настоящее имя. Нашего разведчика, действовавшего в Израиле под именем Жака Битона, на самом деле звали Рафат Али Эль-Гамаль. И сейчас мы хотим предложить вниманию наших уважаемых телезрителей беседу со старшим братом героя Сами Али Эль-Гамалем...»

Естественно, после этого израильские журналисты просто не могли себе позволить сидеть сложа руки. Интервью с «братом героя» еще шло в прямом эфире, а корреспонденты «Едиот ахронот», «Маарива», «Хадашот» и других израильских газет уже напряженно искали тех, кто был знаком или находился в каких-либо отношениях с Жаком Битоном.

Вскоре выяснилось, что такой человек действительно существовал. Как и герой египетского телесериала, он и в самом деле был обладателем роскошной виллы в престижном тель-авивском квартале «Офека» и владельцем туристического агентства «Ситур», головной офис которого располагался по адресу: улица Бреннер, 2. Агентство, кстати, было вполне преуспевающим...

Удалось разыскать и нескольких бывших любовниц, бывшего компаньона Битона, а также поговорить с несколькими его соседями и владельцем излюбленного им бара.

И вот тут начали выясняться странные вещи: в отличие от героя Салаха Мураси, Жак Битон, по словам всех, кто его знал, был малообщительным, необычайно нервным и желчным человеком.

Все это несколько не вязалось с образом разведчика, умеющего с легкостью завоевывать симпатии и доверие любого своего собеседника.

Однако над этой странностью тогда мало кто задумывался. Всем стало ясно, что египетский разведчик, проникший в самые сокровенные военные тайны Израиля, – не миф, не плод воображения египетского писателя или спецслужб этой страны. И журналисты снова обратились в ШАБАК и «Моссад» за комментариями, а отказ представителей данных организаций вступить в контакт с прессой был расценен как признание собственного провала. Истерия в израильских СМИ вышла на новый виток развития – на этот раз все они обсуждали «бессилие» израильских спецслужб.

В эти самые дни начальник арабского отдела ШАБАКа Авраам Ахитов^[41] сидел в своем кабинете вместе с главой подотдела по борьбе с арабской разведкой Шмуэлем Мория и пил кофе.

– А что, Авраам, может, и в самом деле рассказать им правду? – спросил тогда Мория, кивая головой на лежавшую перед шефом кипу газет.

– Правду? – переспросил Ахитов. – Сами, а разве мы с тобой знаем, в чем она – правда?!

* * *

Правда заключалась в том, что сразу после путча, устроенного полковником Гамалем Абделем Насером^[42], проживавшие в Египте евреи поняли, что больше им в этой стране делать нечего и следует поскорее уносить отсюда ноги.

Израиль, разумеется, поспешил воспользоваться создавшейся ситуацией и сделать все, чтобы египетские евреи, значительную часть которых составляли врачи, учителя, банковские служащие и бизнесмены, направились именно в Израиль. Чтобы не осложнять свое и без того не очень уютное положение в мире, Насер препятствовать выезду евреев не стал, но и предоставить им удовольствие устроить мировой спектакль под названием «Второй исход из Египта» тоже не захотел. Согласно договоренностям, достигнутым через страны Запада, между правительством Египта и Израилем, евреям разрешалось выехать из Каира или Александрии в третью страну, а оттуда они уже могли ехать, куда им заблагорассудится. Ну и, само собой, египетская разведка ломала в те дни голову над тем, как воспользоваться ситуацией и внедрить в Израиль побольше своих агентов.

В 1954 году – в самый разгар «второго исхода» – в поле зрения египетских спецслужб и попал 30-летний коммерсант Рафат Али Эль-Гамаль.

Рано оставшись сиротой, Рафат Али Эль-Гамаль сумел успешно окончить коммерческое училище и, стремясь помочь своей большой семье, уехал в Лондон, где стал работником

преуспевающей торговой компании. Однако, по всей видимости, зарплаты скромного служащего компании не хватало, и Али Эль-Гамаль решил увеличить свои доходы, подделывая чеки и переводя часть прибылей компании на свой собственный счет. Почувствовав близость разоблачения, он поспешил сбежать в родной Египет. Англичане, разумеется, объявили Рафата Али Эль-Гамала в международный розыск и потребовали от египетских властей его выдачи. Именно этим зигзагом судьбы Рафата Али Эль-Гамала и решили воспользоваться египетские спецслужбы.

Арестовав его, они предложили Рафату нехитрый выбор: либо он будет выдан англичанам и просидит в британской тюрьме лет двадцать, либо согласится стать их тайным агентом и отправится с секретной миссией в Израиль.

И, понятное дело, Рафат Али Эль-Гамаль выбрал последнее.

В течение полугода он изучал все, что нужно знать разведчику, работающему в глубоком тылу противника: как принимать и посылать радиосигналы, шифровать письма, скрытно фотографировать различные объекты и т. д. Заодно он как можно лучше осваивал свою легенду: отныне он был не Рафатом Али Эль-Гамалем, а Жаком Битоном – уроженцем еврейского квартала Александрии, мелким бизнесменом, который собрал достаточный капитал для того, чтобы, репатриировавшись в Израиль, открыть свой бизнес...

Подлинность документов, выданных ему на имя Жака Битона, разумеется, не вызывала никаких сомнений – ведь они выдавались непосредственно МВД Египта!

В начале 1955 года Жак Битон покинул Египет и оказался в Риме. Прямо с парохода он направился в местное отделение Сохнута, представился и попросил помочь ему в репатриации в Израиль. А выйдя из Сохнута, Битон поспешил на конспиративную квартиру, где его ожидал консул Египта в Италии, бывший одновременно резидентом египетской разведки в этой стране. Битон рассказал ему, что по дороге из Александрии до Рима успел подружиться с несколькими евреями, что в Сохнута его встретили весьма радушно и пообещали в ближайшее время переправить в Марсель, откуда египетские евреи и прибывают в Израиль. Консул, в свою очередь, выдал Битону причитающиеся ему деньги и сообщил адреса, по которым тот должен будет отправлять свои шифрованные донесения (это были номера почтовых ящиков, располагавшихся в различных почтовых отделениях Рима, Парижа и Брюсселя).

Вскоре Жак Битон уже гулял по улицам Брюсселя и прилежно постигал основы иврита на краткосрочных курсах, открытых при специально созданной Сохнутом в Марселе перевалочной базе для новых репатриантов. Здесь в течение нескольких месяцев их готовили к будущей жизни в Израиле. И наконец в мае 1955 года новый репатриант из Египта Жак Битон сошел с трапа парохода на землю, обетованную Богом евреям...

Поездка на пароходе оказалась удивительно приятной, он всю дорогу проболтал с попутчиками, так что время пролетело совершенно незаметно. Получив свой небольшой багаж, Жак Битон оформил свои документы в действующем в порту отделении министерства абсорбции, затем пообщался с представителем ШАБАКа, который поинтересовался, не известны ли ему какие-то военные секреты Египта и не подозревает ли он кого-либо в том, что тот заслан в качестве шпиона в Израиль, и наконец вышел на улицу. Из Хайфы он отправился в Тель-Авив, где поспешил снять уютную квартирку в одном из северных кварталов города.

Единственное, чего не знал Жак Битон, так это то, что один из тех самых попутчиков, с которым он общался всю дорогу, оказался... самой настоящей «сволочью». Попав в ту самую комнату к представителю ШАБАКа, он заявил, что у него есть большие сомнения по поводу того, что Жак Битон, с которым он вместе ехал на теплоходе в Израиль, является евреем.

– Я вам скажу больше, – убежденно произнес этот человек. – Я не удивлюсь, если узнаю, что на самом деле он никакой не Битон, а араб и египетский шпион!

– И с чего вы пришли к такому выводу? – поинтересовался следователь.

– Понимаете, он просто полный профан во всем, что связано с нашей традицией, – пояснил этот новый репатриант. – Я тоже человек светский, но есть вещи, которые еврей просто не может не знать... Кроме того, за время поездки он пару раз позволил себе замечания, которые еврей, на мой взгляд, себе позволить просто не может.

Вряд ли нужно говорить о том, что в ШАБАКе прекрасно понимали, что египтяне непременно попытаются заслать под видом новых репатриантов своих разведчиков, а потому брали на заметку каждого мало-мальски подозрительного выходца из Египта. Ну а после такого разговора Жак Битон просто не мог не оказаться в списке лиц, нуждающихся в дополнительной проверке.

Спустя пару недель к Битону позвонили из ШАБАКа и попросили явиться в отделение этой организации, располагавшееся тогда в самом центре Тель-Авива – на улице Алленби.

– Не волнуйтесь, ничего особенного вас не ждет, – предупредил Битона сотрудник ШАБАКа. – Обычно мы всех опрашиваем дважды – на всякий случай. Да что мне вам рассказывать – вы ведь и сами уже успели познакомиться с нашей бюрократией!

В ШАБАКе с Битоном должен был беседовать Авраам Ахитов – тогда совсем молодой офицер отдела по борьбе с арабской разведкой, славившийся своей какой-то фантастически развитой интуицией.

– Ну что?! – спросили у Ахитова сослуживцы, когда его беседа с Битоном закончилась.

– По-моему, тот мужик прав – он действительно не еврей, – ответил Авраам.

– С чего ты это взял?

– Не знаю, просто чувствую. В любом случае, за ним следует продолжать наблюдение.

Еврей Жак Битон или нет, в последующие месяцы установить не удалось. Но зато стало доподлинно известно, что он работает на египетскую разведку, – это следовало из тех писем, которые он опускал в почтовый ящик.

И хотя улики против Битона были собраны негусто, руководство Арабского отдела ШАБАКа решило, что арестовывать его нужно как можно скорее – пока он не успел нанести существенного ущерба безопасности Израиля.

* * *

В дверь квартиры, которую арендовал Жак Битон, сотрудники ШАБАКа постучали в одиннадцать часов вечера.

Будучи в одних трусах, Битон слегка приоткрыл дверь и... закрыть ее уже не смог. И то, что первые свои показания он вынужден был давать в таком, мягко говоря, полуодетом виде, вне сомнения, выбило его из колеи. Ну а когда в спальне у Битона обнаружили 17-летнюю девушку в костюме праматери Евы и один из следователей довольно произнес, что теперь его можно будет привлечь к ответственности и за растление несовершеннолетней, сердце Рафата Али Эль-Гамалы вообще ушло в пятки.

Пока его везли из Северного Тель-Авива во все то же отделение ШАБАКа на улице Алленби, группа сотрудников этой организации проводила обыск в его квартире, ища дополнительные улики. Радиопередатчик, две книги – одна на английском, а другая на французском – для шифровки писем, ручка с «невидимыми» чернилами, микрофотокамера – все это в конце концов было вывалено на стол перед совершенно растерявшимся египтянином...

И пока Жак Битон пытался все отрицать и усиленно твердил допрашивающему его молодому офицеру выученную им в разведшколе легенду, в смежной комнате руководители Арабского отдела решали, что с ним делать дальше. Конечно, проще всего было оформить дело о шпионаже, передать его в суд, и тогда Жак Битон получил бы – с учетом того, что он не успел нанести никакого ущерба безопасности Израиля, – лет пять-шесть тюрьмы, после чего был бы депортирован на родину. Но в голове у Авраама Ахитова в эти минуты рождался совсем иной план – план перевербовки Жака Битона в двойного агента, с помощью которого можно будет проникнуть в святая святых египетской разведки.

* * *

Перевербовку Жака Битона проводили с помощью вечной игры в «злого» и «доброго» следователей. Правда, учитывая артистическую натуру и определенную интеллигентность арестованного, играть старались как можно тоньше и правдоподобнее.

«Злой» следователь как бы между прочим сообщил Жаку Битону, что если вот сейчас он пустит ему пулю в затылок, то ему это легко сойдет с рук: египтяне, естественно, его судьбой

интересоваться не будут, а в Израиле человека по имени Рафат Али Эль-Гамаль вообще никогда не существовало...

– А можно и не пристреливать, – с кровожадной мечтательной улыбкой продолжал развивать свою мысль «злой» следователь. – Можно просто посадить тебя к нашим еврейским уголовникам, сообщить им, что ты – араб, пусть они тебя сами ночью придушат... Или, скажем, тебя сейчас из этого окошка на улицу выбросить...

«Добрый» следователь, разумеется, возмущался своим товарищем, просил Жака Битона не верить ни одному его слову, так как Израиль – это правовое государство и люди здесь просто так не пропадают.

– Мы даже можем вас хоть сейчас выпустить на свободу, – добавлял он. – Но вы понимаете, как к вам отнесутся наши коллеги в Египте, узнав, что вы провели несколько суток в ШАБАКЕ, а затем были отпущены на свободу?

А ведь мы можем сделать так, чтобы они вообще не узнали, что вы у нас были. Для своих вы останетесь чистым, как стеклышко, и при этом будете немного помогать нам. Поверьте, ничего особенного мы от вас не потребуем: расскажете все, что знаете (а знаете вы на самом деле немного!), и будете время от времени переправлять ту информацию, которую мы вам будем давать. Взамен мы гарантируем вам не только свободу и безопасность, но и весьма обеспеченную жизнь... Как вам такое предложение?!

И настал день, когда Битон сломался и заявил, что согласен работать на Израиль.

Он подробно рассказал, как был завербован, чему его учили в разведшколе, кто учился в одной с ним группе, сообщил адреса, по которым должен был переправлять свои донесения. Это позволило ШАБАКУ и «Моссаду» установить месторасположение конспиративных квартир египетской разведки в европейских столицах, установить в них постоянное прослушивание и выявить, а затем и арестовать целый ряд египетских агентов, действовавших на территории Израиля.

При этом самому Битону, получившему кодовую кличку Ятед (Клин – в том смысле, что клин клином вышибают), начали более-менее доверять только после того, как убедились, что вся сообщаемая им информация оказалась верна, а те сведения, которые ему было поручено передать в Египет, были переданы без всякого искажения. С этого момента стало ясно, что Битон-Эль-Гамаль не лукавил, а в самом деле превратился в двойного агента. Впрочем, за ним все равно велось круглосуточное наблюдение с помощью установленных в его офисе и квартире прослушивающих устройств и скрытых видеокамер.

Свое обещание следователи ШАБАКА сдержали: выданных Битону денег хватило на то, чтобы стать владельцем роскошной виллы в Офеке и открыть турагентство «Ситур» на улице Бреннер. Правда, последнее существовало не только на деньги ШАБАКА, но и на средства египетской

разведки. По всей видимости, это было единственное совместное предприятие египетских и израильских спецслужб за всю историю двух стран.

Однако в ШАБАКе прекрасно понимали, что для того чтобы сохранять доверие своих боссов в Каире, «Ятед» должен поставлять как можно более достоверную информацию. И потому большая часть переправляемых им сведений была совершенно правдива – например, о размещении некоторых военных баз на территории Израиля. Другое дело, что эта информация не наносила никакого ущерба обороноспособности Израиля.

В 1956 году, в преддверии Синайской кампании, Битону было разрешено передать в Египет сообщение о том, что Израиль готовится к войне, в стране проведена массовая мобилизация и на улицах и в барах Тель-Авива появились английские и французские офицеры. Битон стал первым, через кого египтяне получили данные сведения, и это неимоверно подняло его акции в коридорах египетских спецслужб.

По окончании войны, в 1957 году, Ятед был вызван своими египетскими боссами в Италию для проведения «служебного расследования». Подобные расследования по поводу своих агентов время от времени проводятся разведслужбами всех стран. Но в ШАБАКе поначалу растерялись и, опасаясь провала и убийства Ятеда, не хотели выпускать его из Израиля, однако затем поняли, что делать нечего...

Из римского аэропорта Битона-Эль-Гамалья повезли на конспиративную квартиру, где его с ходу обвинили в том, что он продался израильтянам и стал двойным агентом. Ятед начал категорически эти обвинения отрицать, и в конце концов после трех дней непрерывных допросов ему сообщили, что в Каире чрезвычайно довольны его работой. Довольны настолько, что его повысили в звании и прибавили жалование. То же самое по отношению к Битону сделало и руководство ШАБАКа по его возвращении в Тель-Авив – Ятед становился все более ценным агентом.

* * *

Да, сегодня уже можно написать о том, что Шестидневная война была выиграна Израилем в немалой степени благодаря Ятеду, который был Рафатом Али Эль-Гамалем и Жаком Битоном в одном лице.

Египтяне в конце концов привыкли настолько доверять этому своему разведчику, что когда в мае 1967 года он прислал донесение, в котором сообщал, что Израиль не собирается вести боевые действия в Синайской пустыне и намерен задействовать всю свою авиацию исключительно для защиты своего воздушного пространства, ему поверили безоговорочно. На самом деле, как известно, все было наоборот: война началась с того, что израильские ВВС нанесли мощный удар по египетским аэродромам и в течение нескольких часов уничтожили

совершенно не подготовленную к этому авиацию противника. А генерал Ариэль Шарон тем временем ринулся со своей бригадой на просторы Синая.

Когда же после окончания Шестидневной войны Ятеду было приказано срочно явиться в Каир, в ШАБАКе забеспокоились не на шутку.

– На этот раз ты просто можешь не вернуться оттуда живым, – сказал ему Авраам Ахитов. – Подумай, может, тебе стоит просто «исчезнуть». Деньги и убежище мы тебе предоставим...

– Нет, – покачал головой Ятед. – Если я не приеду, они возьмут в заложники всех моих родных. Надо ехать!

Но прежде чем Битон оказался в Каире, с ним в течение нескольких недель работали лучшие следователи ШАБАКа. Они прокручивали все возможные вопросы, которые могли быть заданы Ятеду, и заставляли его выучить наизусть, а после устно и письменно воспроизвести ответы на них. А затем начались долгие дни ожидания, и лишь увидев, как Ятед сходит с трапа самолета в аэропорту Бен-Гурион, в ШАБАКе вздохнули более-менее спокойно.

В кабинете Ахитова Битон подробно рассказывал о том, как из него «пили кровь» египетские следователи, как ему не давали спать по несколько суток, как вновь и вновь задавали одни и те же вопросы, как потом заставили записать эти же показания на бумаге – чтобы выявить противоречия между показаниями... При этом Битон не сразу понял, что его израильское начальство не просто интересуется, как он провел время в Каире, – нет, его, по сути дела, допрашивают, чтобы убедиться, не раскололи ли его на допросе и не перевербовали ли обратно. И хотя все говорило за то, что Ятед»прекрасно сыграл в Каире отведенную ему роль и египтяне по-прежнему ему доверяют, с этого времени ШАБАК все реже и реже начал пользоваться его услугами. А в 1972 году руководство Общей службы безопасности пришло к выводу, что Ятеда пора отправлять на пенсию: 18 лет – невероятно долгий срок для деятельности разведчика. А если учесть, что Ятед был двойным агентом, то он поистине побил все рекорды долгожительства в разведке...

* * *

Когда Жаку Битону сообщили, что его отправляют «на пенсию», и спросили, какую компенсацию он хотел бы получить, то он попросил... один миллион долларов на создание компании по разработке нефтяных месторождений в Синае. И хотя в ШАБАКе действительно высоко ценили заслуги Битона, сумма в миллион долларов все же показалась чрезмерной. Когда же ему на это намекнули и посоветовали назвать более реальную сумму, Битон обиделся.

Нужно сказать, что со временем он все больше превращался в законченного мизантропа и ипохондрика. И, в общем-то, это было закономерно: на протяжении многих лет ему приходилось вести даже не двойную, а тройную жизнь, опасаясь как египетских, так и израильских хозяев. Расслабляться ему помогали выпивка и женщины: офицеры ШАБАКа не раз наблюдали через

установленные в его квартире скрытые видеокамеры безудержные оргии, которые Ятед устраивал с дорогими проститутками. Впрочем, в 1963 году во время поездки в Германию он познакомился во Франкфурте с 27-летней немкой, женился на ней и привез ее вместе с четырехлетней дочерью от первого брака в Израиль. Жена подарила Битону сына Даниэля и очень удивилась, когда тот отказался сделать ему обрезание...

Вообще, полное неприятие мужем еврейской традиции, ее – набожную христианку – немного пугало, но до последних дней Битона она так и не узнала о том, что на самом деле он был мусульманином.

В 1974 году Жак Битон тяжело заболел и заявил, что намерен лечиться за границей. К этому времени он уже известил и египтян о том, что хочет уйти в отставку и поселиться вместе с женой на ее родине во Франкфурте. В ШАБАКе ему предложили пройти курс лечения в лучшей клинике Израиля, но он отказался: Битон-Эль-Гамаль явно опасался того, что теперь, когда он стал не нужен, ШАБАК постарается избавиться от него, а удобнее всего, как известно, умертвить человека именно в процессе «лечения».

Когда же в ШАБАКе заметили, что в Израиле он может себя чувствовать в полной безопасности, Битон возразил, что, скорее, наоборот: если он останется в Израиле, то египтяне заподозрят его в измене и пришлют наемного убийцу. Как бы то ни было, в 1974 году почетный пенсионер Израиля и Египта Рафат Али Эль-Гамаль обосновался во Франкфурте под именем Жака Битона и открыл здесь небольшое туристическое агентство, специализирующееся на турах в арабские страны и прежде всего в Египет. А в 1982 году Жак Битон скончался от рака легких...В 1987 году египетский журналист Салах Мураси, специализирующийся на книгах и статьях, посвященных египетской разведке, написал первую статью о великом арабском разведчике, национальном герое Египта, который почти 20 лет действовал в Израиле, но так и не был раскрыт израильскими спецслужбами. Затем на свет появился роман, посвященный этому национальному герою, потом – многосерийный художественный фильм. Ну а когда египетская цензура разрешила предать гласности подлинное имя разведчика, на семью Эль-Гамаль обрушилась самая настоящая слава. Братья и племянники Рафата Али Эль-Гамала то и дело давали интервью различным египетским СМИ. Его вдове, которая решила переехать с детьми в Египет, была назначена персональная пенсия. Когда новорожденных мальчиков называли Рафатами, то все знали, что это имя дается в честь великого Рафата Али Эль-Гамала. В Каире планировалось назвать в честь него улицу, в центре которой будет стоять памятник Великому Разведчику...

И все это внезапно закончилось в 1997 году – вскоре после выхода в Израиле мемуаров Авраама Ахитова.

В них он, в частности, мельком вспоминает о том, как ему удалось перевербовать одного египетского разведчика, который затем сослужил добрую службу Израилю. И хотя имени этого разведчика названо не было, египтянам все стало ясно.

Улицы имени Рафата Али Эль-Гамалы в Каире так и не появилось. Его жену вместе с детьми лишили персональной пенсии и попросили покинуть страну. Многие египтяне искренне жалеют о том, что по телевидению давно уже не повторяют фильм «Человек с улицы Бреннер».

А ведь такой был замечательный фильм!

1962. Сирота каирская, или Продолжение подлинной истории египетского Штирлица

В начале 60-х годов в ШАБАКе прекрасно понимали, что «успех» Али Эль-Гамалы вскружит египетским спецслужбам голову и в самое ближайшее время они попытаются заслать в Израиль под видом нового репатрианта еще одного своего агента. Причем этот агент вряд ли выйдет на связь с Эль-Гамалем-Битоном: следуя неписаным законам разведдеятельности, такие агенты должны действовать совершенно автономно и даже не подозревать о существовании друг друга. И вместе с тем полученные благодаря Гамалю-Битону адреса всех явочных квартир египетской разведки в Европе, номера почтовых ящиков, в которые поступала почта для египетских резидентов и другая ценная информация, позволяли подотделу контрразведки Арабского отдела ШАБАКа достойно встретить будущего «гостя». А тем временем выпавшие на стол в каирском казино карты уже сулили молодому жителю армянского квартала египетской столицы казенный дом, дальнюю дорогу – и снова казенный дом...

* * *

Жизнь никогда особенно не баловала Геворка Якубяна, но когда в 1958 году внезапно скончался его отец, на плечи 20-летнего юноши легла забота о матери и многочисленных сестренках и братишках. В поисках заработка он устроился помощником владельца фотолаборатории, но денег, которые тот платил ему, едва хватало на хлеб. А ночной Каир манил соблазнами – огнями казино, точеными фигурками барышень, садящихся в роскошные машины богатых туристов, звоном бокалов в залитых светом залах дорогих ресторанов...

Проиграв пару раз относительно небольшие суммы в казино, Геворк Якубян начал подворовывать, на одной из таких краж был пойман с поличным и с учетом отсутствия у него уголовного прошлого был приговорен к трем месяцам тюрьмы. Три этих месяца могли пролететь тихо и незаметно, после чего Геворк вышел бы из тюрьмы, снова отправился бы в казино, снова попался бы на краже и сел бы в тюрьму – словом, пополнил бы многочисленные ряды мелких каирских уголовников, но умница Фортуна судила иначе. И предстала она на этот раз в облике генерала Мухаммеда-Али Фараджа, посетившего тюрьму, в которой отбывал наказание Геворк Якубян, со штатным инспекторским визитом.

– А что тут делает этот еврей? – спросил он, ткнув пальцем в Геворка.

– Осмелюсь доложить, ваше высокопревосходительство, что он не еврей, а армянин, – ответил начальник тюрьмы. – Осужден на три месяца за мелкую кражу. Ведет себя хорошо.

В нарушениях режима замечен не был...

– Странно, а как на еврея похож, – задумчиво произнес генерал Фарадж, не вслушиваясь в скороговорку начальника тюрьмы...

Инспекторский обход продолжился, но Мухаммед-Али Фарадж уже почти не обращал внимания на все объяснения подбострастных тюремщиков, а то и дело обращался то ли к ним, то ли к самому себе с одним и тем же вопросом:

– А ведь похож на еврея, а?! Или не похож?!

Этот странный вопрос генерала получил объяснение спустя несколько дней, когда в тюрьму прибыли два следователя египетской Службы безопасности, бесцеремонно заняли кабинет начальника тюрьмы и потребовали привести к ним заключенного Геворка Якубяна.

Разговор между ними и Якубяном развивался по хорошо знакомой всем разведслужбам схеме вербовки. Сначала следователи запугали Якубяна тем, что в его деле открылись новые обстоятельства, позволяющие упрятать его за решетку на многие годы, а затем пообещали все уладить – при условии, если Геворк согласится работать в разведке и будет выполнять то, что ему приказано. Впрочем, они могли и не прибегать к запугиванию: терять Якубяну было нечего, и он легко принял все условия своих новых знакомых, даже не поинтересовавшись, чем конкретно ему придется заниматься.

На следующий день на полицейском «воронке» Геворк был доставлен на конспиративную квартиру Службы безопасности Египта, где ему предстояло в течение многих месяцев готовиться к выполнению своей миссии. Юноша вполне оправдывал ожидания своего нового начальства: у него оказались недюжинные способности к языкам, и к арабскому, армянскому, английскому, французскому и турецкому, которые он знал к тому времени, вскоре прибавился иврит. Еще несколько месяцев учебы – и Геворк научился расшифровывать и передавать радиogramмы с помощью миниатюрной рации, мгновенно определять, нет ли за ним «хвоста», и отрываться от него, искусству вождения автомобиля и стрельбы на бегу – словом, всем тем умениям и навыкам, которыми должен владеть каждый разведчик.

Но вот учителя, который познакомил бы Геворка Якубяна с еврейской традицией, у него не было: египтяне опасались малейшей утечки информации о подготовке нового агента, которому предстояло действовать в Израиле, а потому не решились прибегнуть к помощи какого-нибудь раввина^[43] или направить Геворка в одну из египетских ешив^[44]. Так что основы иудаизма ему пришлось постигать самому по предоставленным ему книгам. Когда Якубян достаточно поднатерел в Библии и получил первые представления об иудаизме, ему велели время от

времени посещать главную каирскую синагогу^[45]. Выбор именно этой синагоги был не случаен: в ней всегда собиралось столько евреев, что мало кто мог обратить внимание на новичка, и, таким образом, оставаясь незамеченным, Якубян получал возможность на практике знакомиться с еврейскими традициями и обычаями...

Как-то утром курировавший Геворка Якубяна капитан египетской разведки вошел в его комнату и велел собираться в больницу.

– Это еще зачем? – спросил Геворк, но капитан почему-то ничего не ответил, а только хохотнул в ответ.

Причину его веселости Геворк понял лишь спустя несколько часов, когда, придя в себя от общего наркоза, понял, что в бессознательном состоянии был обрезан в строгом соответствии с иудейской традицией.

С того дня Якубяна начали особенно интенсивно готовить к заброске в Израиль и прежде всего разучивать с ним ту легенду, с которой ему предстояло жить дальше. Азбука разведки гласит, что чем ближе легенда к действительности, к реальной биографии разведчика, тем лучше, и в этом смысле легенду Геворка Якубяна можно было с полным правом назвать идеальной.

Немалую роль в правдоподобности легенды сыграло и некоторое сходство исторических судеб еврейского и армянского народов. Как и евреи, армяне жили в Египте на протяжении нескольких тысячелетий, однако армянская община этой страны значительно увеличилась после трагических событий 1915 года в Турции. Десятки тысяч армян в тот год перебрались из Турции в Египет, значительно увеличив численность населения армянских кварталов Александрии и Каира.

Согласно разработанной египетскими спецслужбами легенде, Геворк Якубян был сыном турецкой еврейки Малки Кучук, бежавшей в Египет вместе со своими армянскими соседями. Здесь она вышла замуж, но муж бросил ее вскоре после рождения сына Ицхака. А спустя еще несколько лет скончалась и сама Малка Кучук, и, таким образом, Ицхак Кучук, роль которого должен был сыграть Геворк Якубян, остался сиротой...

Нужно сказать, что Малка Кучук была совершенно реальным лицом. И судьба ее тоже отнюдь не была придумана египтянами: она действительно была брошена мужем и скончалась вместе со своим сыном Ицхаком во время очередной эпидемии инфлюэнции, которую в наши дни принято называть просто гриппом.

Таким образом, Геворк Якубян как бы продолжил судьбу покойного еврейского ребенка, рожденного на три года раньше, чем он сам. Роль сироты была ему близка и понятна, а в качестве доказательства своей легенды он мог показать каждому, кто заинтересуется ее подробностями, фотографию могилы своей «матери» с выбитой на ней на иврите эпитафией.

Но, понимая, что они могут быть легко разоблачены, подтвердить легенду с помощью Каирской еврейской общины египтяне не решились. Все документы, удостоверявшие от имени раввината Каира факт, что Ицхак Кучук является евреем, были изготовлены в МВД Египта, то есть являлись фальшивками. Однако, учитывая место их изготовления, это были фальшивки поистине высочайшего класса...

С такими документами новоявленный Ицхак Кучук и обратился осенью 1960 года в Агентство ООН по делам беженцев в Египте с просьбой предоставить ему статус беженца ООН. Объяснил он свою просьбу тем, что египетские власти якобы отказываются продлевать полученный еще его покойной матерью вид на жительство. Его просьба была удовлетворена, и, уже обладая статусом беженца, Геворк Якубян, он же Ицхак Кучук, обратился в консульство Бразилии с просьбой предоставить ему убежище в этой стране.

Разумеется, Бразилия была для Кучука только пересадочной станцией, через которую он – уже с совершенно чистыми документами – должен был проникнуть в Израиль.

* * *

Разрешение на въезд в Бразилию было получено Ицхаком Кучуком только в марте 1961 года, и вскоре он уже оказался в Александрии, оттуда без особого труда добрался до Генуи, чтобы сесть здесь на пароход, отправляющийся в Бразилию. Значительную часть пассажиров этого судна составляли евреи. Здесь были еврейские туристы, возвращающиеся морским путем на родину после посещения Святой земли, большая группа еврейской молодежи, проходившей в Израиле курсы вожатых для молодежного движения «Бней-Акива»^[46], израильтяне – выходцы из Латинской Америки, решившие проведать оставшихся за океаном родственников... К числу последних относился и молодой кибуцник Эли Эргман, сразу обративший внимание на невысокого, симпатичного парня, чувствующего себя явно одиноко среди остальных пассажиров. Ну а когда этот парень вскоре после знакомства рассказал ему историю своей жизни и показал фотографию могилы «своей» матери, сердце Эргмана дрогнуло. Он немедленно пригласил Ицхака Кучука обедать за одним столом с ним, его женой и двумя дочками и вскоре с полным правом стал считать его своим другом. При этом Эргман много и подробно рассказывал своему новому знакомому об Израиле и постоянно недоумевал, зачем Ицхак поехал в Бразилию, где у него никого нет, в то время как у евреев уже есть свой национальный дом...

Ицхак Кучук понял, что ему в очередной раз подфартило в жизни: он был уверен, что рано или поздно Эли Эргман прямым текстом предложит ему переехать из Бразилии в Израиль и, таким образом, его «репатриация» будет выглядеть не как его собственная инициатива, а как ответ на предложение близкого друга...

И такое предложение действительно прозвучало – в тот день, когда все находившиеся на борту корабля евреи собрались в кают-компании, чтобы отпраздновать 13-й День независимости Израиля.

– Многие из здесь сидящих искренне считают, что они возвращаются на родину, – с чувством сказал Эли Эргман, когда подошла его очередь произносить тост. – Они даже не подозревают, насколько сильно лгут самим себе. Потому что родина у еврея есть только одна, и родина эта – Израиль. И потому я хочу, друзья, всех вас в будущем году увидеть дома, в Израиле. И особенно – моего нового друга Ицхака, в судьбе которого видится мне воплощение судьбы всего нашего народа. За тебя, Ицхак! За твое возвращение в твой истинный дом!

Кучук ответил Эргману дружбой на дружбу.

Во время стоянок в различных портах он вместе с Эли и его семьей выходил на прогулки в город; мог часами возиться с его очаровательными дочками, был хорошим партнером по игре в шашки...

Когда спустя два месяца корабль прибыл в Рио-де-Жанейро, Эргман дал Кучуку адрес своих бразильских родственников, и они договорились встретиться при первой же возможности. Такая возможность подвернулась спустя несколько недель, и Эли Эргман снова начал горячо уговаривать Ицхака Кучука переехать в Израиль, а Кучук стал делать вид, что он раздумывает над этим предложением, но пока никак не может прийти к окончательному решению. Однако лишь словами Эли Эргман не ограничился: вместе со своим другом он направился в местное отделение Сохнута, познакомил там Кучука с целым рядом сотрудников и попросил их рассказать его другу о том, какими правами и льготами он будет пользоваться в качестве нового репатрианта в Израиле. И это тоже было весьма кстати для Якубяна-Кучука: сотрудники Сохнута должны были запомнить его именно в качестве друга романтически настроенного израильтянина.

Затем было теплое прощание с Эргманами, возвращающимися в Израиль, после чего Ицхак Кучук направился из Рио-де-Жанейро в Сан-Паулу и здесь попросил оформить ему бразильский паспорт. В графе «национальность» в паспорте стояло «еврей», и теперь это был уже не фальшивый, а самый что ни на есть подлинный документ.

С новым паспортом Ицхак Кучук и явился к уже знакомым ему сотрудникам Сохнута, чтобы сообщить им, что после долгих раздумий он наконец принял решение вернуться на историческую родину.

В декабре 1961 года Кучук-Якубян вновь оказался в Генуе, куда специально ради того, чтобы дать ему последние инструкции, прибыли и трое высокопоставленных сотрудников египетской Службы безопасности. Главная задача, которая была поставлена перед Якубяном на ближайшее время, заключалась в том, чтобы внедриться в израильское общество и поступить на службу в

элитные подразделения или, по меньшей мере, в танковые войска ЦАХАЛа – чтобы добыть как можно больше информации об израильской армии.

С таким напутствием Геворк Якубян и поднялся на борт парохода, который должен был доставить его из Генуи в Хайфу.

* * *

20 декабря 1961 года новый репатриант Ицхак Кучук прибыл в Израиль и прямо из хайфского порта направился в кибуц Дорот – в гости к Эли Эргману.

Эргман, предложив Кучуку гостить у него, сколько тот пожелает, стал всячески помогать другу обжиться на новом месте. Правда, ульпан по изучению иврита в кибуце Дорот Кучука категорически не устроил по той причине, что в нем молодых репатриантов селили по два человека в одной комнате. А потому спустя месяц Кучук переехал в кибуц Негба.

Как и во всех кибуцах, новоприбывшие совмещали в Негбе учебу с работой, однако в особом рвении ни к трудовым, ни к учебным подвигам Ицхак Кучук замечен не был. Большую часть времени он проводил, ухаживая за кибуцными девушками и фотографируя членов кибуца, а также окрестные пейзажи.

Нужно сказать, что в кибуце Ицхак Кучук представился профессиональным фотографом, и потому его страсть к фотографированию подозрений ни у кого не вызывала – за исключением разве что старого секретаря кибуца, ворчащего, что не нравится ему этот парень – и все тут! Еще Ицхак Кучук решительно не нравился разве что родителям 17-летней жительницы кибуца, ставшей его подругой – в том смысле этого слова, в котором его принято употреблять в Израиле. Но зато всем остальным он казался добрым, компанейским, улыбчивым парнем, и когда миновали полгода учебы в ульпане, Кучуку предложили остаться в Негбе.

Однако у молодого «репатрианта» были совсем другие планы на жизнь. Явившись в Министерство абсорбции, он попросил выделить ему социальное жилье в одном из южных районов Ашкелона. Уже потом, на допросе, Якубян-Кучук объяснит, что он старался жить в Негеве или в Ашкелоне, следуя указаниям своего египетского начальства – это позволяло ему находиться как можно ближе к Газе. А близость Газы, в свою очередь, облегчала египтянам поддержание с ним постоянного контакта и предоставляла отличные возможности для побега в случае провала...

В Ашкелоне Кучук снова представился профессиональным фотографом, сообщил всем о своих намерениях открыть в городе фотостудию, но только после того, как он выполнит свой «гражданский долг» и отслужит в ЦАХАЛе.

Как он и ожидал, в ноябре 1962 года ему пришла повестка из военкомата. Однако на призывном пункте Ицхака Кучука (а вслед за ним и его египетских боссов) ждало огромное разочарование: в призыве и в десантные, и в танковые войска ему было отказано, а вместо этого

рядовой Кучук был назначен личным водителем начальника Яффского управления гражданской обороны подполковника Шмайи Бакенштейна.

И, разумеется, это было не случайно: ШАБАК пристально следил за каждым шагом Ицхака Кучука с первого дня его приезда в страну. Причем первым, кто попросил Общую службу безопасности обратить внимание на Ицхака Кучука, был... житель кибуца Дорот Эли Эргман. Причем попросил в тот самый день, когда привел своего друга в отделение Сохнута в Рио-де-Жанейро.

Дело в том, что в тот день с друзьями произошел еще один, совершенно пустяковый случай. Эргман повел Кучука в главную синагогу бразильской столицы, и там его египетский друг очень удивился, увидев нити, свисающие из-под мужских рубашек молящихся, и начал расспрашивать Эргмана о том, что это такое.

Эргман объяснил Кучуку, что религиозные евреи, помимо большого «талита»^[47], еще носят и малый. Но при этом он сам был в немалой степени удивлен: Кучук постоянно говорил ему, что вырос в религиозной среде и соблюдает еврейские традиции, и вдруг он, светский еврей, должен объяснять ему, что такое «талит катан»^[48]?! Время тогда было сложное, и Эргман поделился возникшим в его душе червячком сомнения с сотрудниками ШАБАКА.

А потому как только Ицхак Кучук подал в Сохнут просьбу помочь ему в репатриации в Израиль, данная просьба немедленно была передана в ШАБАК.

Второе обращение в ШАБАК поступило от секретаря кибуца Негба.

– Ну не нравится мне этот парень – и все тут! – сказал он, сидя в кабинете следователя Общей службы.

– А что именно не нравится? – поинтересовался тот.

– Да как вам сказать... – замялся председатель. – Ну, к примеру, то, что он все время говорит о своем еврействе, фотокарточку с могилой матери всем показывает. Ты и смотреть не хочешь, а он показывает, словно старается тебя убедить, что он – еврей. А зачем, если все вокруг евреи?! Или, к примеру, учился он в кибуце очень средненько, а на иврите разговаривает так, как будто уже три-четыре года в стране. Уверен, что он иврит учил еще там, иначе быть не может! А когда его спросил, он ответил, что ничего подобного – просто у него большие способности к языкам... Почему он скрывает, что знал иврит еще до репатриации – этим ведь гордиться надо?!

Наконец, было и третье обращение – от участкового полицейского ашкелонского квартала, в котором проживал Ицхак Кучук. Полицейскому, который сам был репатриантом из Египта, не понравился... акцент Кучука – по нему он безошибочно определил в новом жителе выходца из армянского квартала Каира.

– А что было делать еврею в армянском квартале?! – резонно вопрошал он сотрудников ШАБАКА.

Но самой главной уликой против Ицхака Кучука, вне сомнения, стали те письма с шифрованными докладами, которые он пытался отправлять руководству египетской разведки.

В качестве обратного адреса Кучук указывал какие-то вымышленные данные, а вот само письмо должно было попасть в руки резидента египетской разведки в Вене, Риме или Париже. Однако так как благодаря Жаку Битону адреса всех этих явочных квартир были хорошо известны ШАБАКУ, то все посланные на них письма перлюстрировались, после чего решалось, направлять их египтянам дальше или нет. Ну а установить личность отправителя писем вообще было несложно: сначала было выяснено, что все они посланы на Главпочтамт из Ашкелона, затем – из какого именно района Ашкелона, ну а потом следователи ШАБАКА, не особенно удивившись, вышли на Кучука...

К тому времени египетская Служба безопасности, крайне недовольная тем, что ее агенту не удалось проникнуть в боевые части, велела ему демобилизоваться из армии (благо у новых репатриантов старше 25 лет была возможность значительно сократить срок службы) и устроиться в какую-нибудь крупную государственную компанию. Однако выполнить данный приказ Якубян-Кучук не успел: 19 декабря 1963 года, спустя ровно два года после приезда в Израиль, он был арестован совместной группой сотрудников полиции и ШАБАКА.

При обыске в его квартире были найдены радиопередатчик и тетрадь, в которой был записан шифр, используемый им для кодирования своих посланий в Европу. Копии его отчетов, включая отчеты о тех военных базах, которые он посещал вместе с полковником Бакенштейном, стали одной из важнейших улик против Геворка Якубяна.

Молодые следователи ШАБАКА Виктор Коэн и Арье Адар, которым было поручено вести его дело, особенно не мудрствовали. Уже в первый день против арестованного были применены «физические методы воздействия», и на втором допросе Ицхак Кучук начал говорить, подробно рассказав о всем процессе своей вербовки и подготовки к шпионской деятельности в Израиле.

Нужно сказать, что нанесенный Геворком Якубяном ущерб безопасности Израиля был невелик. Точнее, его не было вообще, так как он с самого начала своей деятельности находился «под колпаком» ШАБАКА. Однако чтобы обеспечить еще более надежное прикрытие двойному агенту Жаку Битону, ШАБАК и перед журналистами, и перед судьями выставил Якубяна как особо опасного шпиона. В результате суд приговорил Геворка Якубяна... к 18 годам тюремного заключения. Поданная его адвокатом в Верховный суд апелляция была отклонена. Более того – на заседании Верховного суда приговор Якубяну едва был не ужесточен еще на два года тюрьмы...

* * *

Но отсидеть 18 лет в тюрьме Геворку Якубяну не пришлось. И помогли ему в этом... три израильских торговца, решивших в августе 1965 года купить в Газе партию арбузов. В те дни

какие-либо торговые отношения с арабами были категорически запрещены израильской армией и правительством страны, но это не останавливало тех израильтян, которые хотели получить сверхприбыль за счет разницы в ценах на овощи и фрукты в Израиле и в находящейся под египетским контролем Газе.

В ночь на 7 августа 1965 года трое израильтян перешли границу сектора Газа, углубились на ее территорию на несколько десятков метров и вскоре встретились со своими палестинскими партнерами. Начался торг, посреди которого неожиданно появилась патрульная машина ООН. Палестинцы, естественно, побежали в сторону своей деревни, а израильтяне были задержаны солдатами международного воинского контингента как нарушители границы и переданы в руки египтян...

После чего начался уже совсем иной торг – на уровне египетского и израильского МИДов. Поначалу Израилю весьма не понравилось предложение египтян отпустить двух особо опасных террористов (тогда их называли фидаинами) и разведчика Геворка Якубяна в обмен на трех мирных лоточников, однако делать было нечего...

29 марта 1966 года Геворк Якубян был переправлен в Газу в рамках этой сделки, и таким образом египтяне доказали всему миру, что и они не бросают своих людей на произвол судьбы. С тех пор о Геворке Якубяне никто ничего не слышал, и потому автору этих строк совершенно неизвестно, как сложилась его дальнейшая жизнь. Ясно одно: с карьерой разведчика ему пришлось завязать.

1964. Несостоявшийся депутат

В конце 50-х годов у израильских спецслужб началось явное головокружение от успехов. Единственной арабской страной, которая пыталась в те годы активно заниматься разведдеятельностью против Израиля, был Египет, но методы его спецслужб откровенно высмеивались в «Моссаде» и ШАБАКе. Египетские коллеги казались им сплошь примитивными дилетантами, начисто лишенными фантазии, а их попытки заслать в Израиль совершенно не подготовленных к своей миссии людей или завербовать агентов среди израильских арабов ничего, кроме иронической усмешки, не вызывали. Провалы Рафата Али Эль-Гамалея и Геворка Якубяна лишь укрепили самомнение израильских спецслужб.

А между тем в начале 60-х годов, после прихода к власти в Египте полковника Насера, в этой стране задули совсем другие ветры. И израильская контрразведка далеко не сразу поняла, что египтяне начинают откровенно утирать ей нос...

* * *

Взяв курс на сближение с СССР, Гамаль Абдель Насер попросил новых друзей помочь ему реорганизовать работу своих спецслужб, и в ответ на его просьбу в Каире появились офицеры КГБ и «Штази», а молодые сотрудники Гражданской информационной службы (именно под такой

невинной вывеской действовал в те годы египетский аналог КГБ) стали часто ездить в служебные командировки в Москву и Берлин.

В течение очень короткого времени новые друзья Египта сменили все руководство египетской разведки и контрразведки, приведя на ответственные посты в этих службах толковых и талантливых людей. Те, в свою очередь, подобрали себе соответствующих подчиненных, и в результате эффективность работы египтян на «фронте без линии фронта» резко возросла.

Один из тех, кто пришел в египетскую разведку с «призывом Насера», был глава ее европейского отдела Хасан Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатах.

Выходец из аристократической египетской семьи, он, казалось, был воплощением идеального разведчика. Впервые Хасан Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатах начал работать на египетскую разведку, еще будучи студентом университета: отлично маскируясь под еврея, он собирал сведения о деятельности еврейских студенческих организаций и их связях с Израилем. Учеба в Оксфорде и Сорбонне дала ему, помимо блестящего образования, свободное владение двумя европейскими языками и знание менталитета европейцев. Спортивная фигура, правильные черты лица и исходящее от него обаяние невольно притягивали к нему женщин. И при этом Эль-Фатах обладал холодным аналитическим умом и недюжинной фантазией, столь необходимой хорошему разведчику. Добавьте к этому тот факт, что все его природные дарования были окончательно отточены в разведшколе КГБ, – и вы получите более-менее полное представление об этом человеке.

Получив, как и ожидалось, назначение в Европу, Хасан Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатах начал вербовать агентов не из оказавшихся здесь в силу тех или иных обстоятельств израильских арабов, а из приехавших в европейские страны в деловые командировки израильтян или из сотрудников европейских фирм, имеющих контракты в Израиле. Очень быстро в ШАБАКе и «Моссаде» осознали, что этот человек не просто опасен, а очень опасен, и на повестку дня встал вопрос о его «нейтрализации».

Понятно, что под словом «нейтрализация» в спецслужбах обычно понимается один из двух путей решения проблемы: мешающего человека либо ликвидируют, либо подкупают и перевербовывают. Но в «Моссаде» прекрасно понимали, что убийство египетского гражданина в центре Европы вряд ли улучшит и без того сложное положение Израиля на международной арене.

И тогда там решили попросту «перекупить» Эль-Фатаха, напрямую предложив ему взятку.

Когда Эль-Фатах вошел в один из баров брюссельского аэропорта, за ним последовал сотрудник «Моссада» и сел рядом с ним за стойку.

– Не буду скрывать, господин Эль-Фатах, – сказал он, принимая у бармена порцию виски, – что я являюсь высокопоставленным сотрудником «Моссада» и у меня имеется к вам деловое

предложение. Мы предлагаем вам 500 000 долларов в год за то, что вы... гм... немного поработаете на нас.

– А я предлагаю вам лично миллион долларов в год за то, что вы немного поработаете на нас, – невозмутимо ответил египтянин.

И по сей день трудно оценить тот ущерб, который нанес безопасности Израиля Хасан Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатах, ведь нам известно лишь о тех его агентах, которых удалось разоблачить арабскому отделу ШАБАКА, и в то же время существует немалая вероятность, что несколько десятков из них так и не были раскрыты. И все же одно можно сказать наверняка:

Хасану Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатаху так и не удалось заполучить своего информатора в израильских политических кругах. Один из лидеров созданного выходцами из восточных стран политического движения «Израэль цеира» («Молодой Израиль») Шмуэль (Сами) Барух был арестован израильскими спецслужбами 25 ноября 1964 года, и его арест в значительной степени предопределил поражение данной партии на ближайших выборах. И израильским сефардам^[49] понадобилось больше десяти лет для того, чтобы оправиться от потрясения и снова – на этот раз с куда большим успехом – попытаться создать секторальное политическое движение.

Сама же история Шмуэля Баруха еще раз доказывает, какими чрезвычайно извилистыми путями могут действовать разведслужбы в тех или иных странах.

* * *

Шмуэль (Сами) Барух родился в 1923 году в Иерусалиме в семье аптекаря.

Нужно сказать, что в те годы представители этой профессии пользовались куда большим уважением, чем сегодня, и наравне с врачами, адвокатами и учителями входили в узкий круг городской интеллигенции. Однако отец Сами Баруха был, скорее, белой вороной в своей большой семье, члены которой активно занимались бизнесом в Египте, Италии и Англии. И в 1939 году Сами Барух уезжает в Манчестер, чтобы выучиться там в знаменитом технологическом институте на инженера-текстильщика и активно включиться в одно из основных направлений семейного бизнеса. Но начавшаяся Вторая мировая война помешала его планам – Сами Барух уходит добровольцем в британскую армию, принимает участие в целом ряде сражений в Африке и Европе, получает несколько ранений и несколько орденов и лишь в 1946 году, после демобилизации, возвращается к учебе. В 1949 году он наконец успешно заканчивает инженерное отделение университета в Лидсе, проходит стажировку на текстильной фабрике своего двоюродного дяди и сочетается законным браком с дочерью крупного еврейского бизнесмена. Удачный брак позволяет ему открыть свою текстильную фабрику в Манчестере, и поначалу дела у нового текстильного магната идут превосходно – пока в 1958 году из-за бескорыстной любви Баруха к красивой жизни его не начинают душить кредиторы. И чтобы поправить свои дела, молодой бизнесмен принимает решение переехать с женой и тремя детьми в Израиль.

В те годы первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион включил текстильную промышленность в число стратегически важных отраслей народного хозяйства, что предоставляло владельцам текстильных фабрик возможности получения гигантских ссуд на самых выгодных условиях и одновременно немалые налоговые льготы. Сами Барух сполна использовал эти возможности и спустя всего несколько месяцев после приезда открыл свою фабрику в Кирьят-Гате. Он действительно сумел неплохо организовать производство, его фабрика выпускала продукцию очень высокого качества, но вместо того, чтобы возвращать взятые ссуды, Сами Барух снова начал растрачивать доходы на покупку огромного дома, роскошных автомобилей, костюмы от французских кутюрье и т. д.

Вдобавок ко всему он обратил свой взор на жившую по соседству молодую вдову с двумя детьми и стал стараться как можно чаще навещать ее, чтобы хоть как-то смягчить для бедной женщины утрату мужа. Эта внезапно вспыхнувшая страсть тоже отвлекала его от решения насущных проблем предприятия, дела которого шли все хуже и хуже. В результате в сентябре 1963 года текстильная фабрика Баруха была объявлена банкротом, а общая сумма ее долгов в ценах того времени (считая невыплаченные ссуды) составила 600 тысяч израильских лир, то есть 350 тысяч долларов! Все имущество фабрики было конфисковано за долги Промышленным банком и вскоре продано конкурирующей с фабрикой Сами Баруха текстильной компании «Польгат».

Именно в эти не самые приятные в жизни Сами Баруха дни Ицхак Иммануэль и создал движение «Молодой Израиль», обвинявшее тогдашнее руководство страны в целенаправленной дискриминации евреев-выходцев из восточных стран, сознательном лишении их детей возможности получить образование и вырваться из круга нищеты в более-менее обеспеченные слои общества.

Скажем честно, что в этих обвинениях была немалая доля истины: ашкеназские евреи, составлявшие истеблишмент страны, свысока посматривали на своих братьев-сефардов, считая их пригодными разве что для самой черной и низкооплачиваемой работы. Но следует признать и то, что в истерических речах Ицхака Иммануэля было, как водится, немало и откровенной политической демагогии.

Самое любопытное же заключается в том, что провозглашаемые Иммануэлем лозунги произвели немалое впечатление на Баруха. Недавний миллионер, выходец из очень обеспеченной семьи, капиталы которой были вложены в добрый десяток стран мира, Сами Барух вдруг поверил, что все его беды проистекают от того, что захватившие в Израиле власть ашкеназы-социалисты дискриминируют его как сефарда!

Разумеется, он поверил в это потому, что ему очень не хотелось верить в то, что во всех своих неудачах ему следует винить только себя. А поверив, немедленно вступил в ряды движения

«Молодой Израиль», которому предстояло выдержать первый политический экзамен на парламентских и муниципальных выборах 1965 года. Ицхак Иммануэль принял Сами Баруха с распростертыми объятиями и немедленно назначил его административным директором и казначеем движения: ему давно уже не хватало такого образованного сторонника, да к тому же обладающего опытом и хваткой крупного бизнесмена. Как предполагалось, Сами Барух должен был занять третье место в списке «Молодого Израиля» и вместе с другими его лидерами прорваться в Кнессет.

Но начав строить свою политическую карьеру, Барух постоянно думал и о том, как бы ему поправить собственные дела и снова заняться бизнесом. Впрочем, вариантов действий у него было немного: в середине 1963 года Сами Барух отправляется с женой и детьми в Швейцарию в надежде, что живущие там богатые родственники супруги дадут ему деньги, чтобы он мог начать все с «нуля».

Увы, этим планам так и не дано было осуществиться...

* * *

Именно в Швейцарии жена Сами Баруха, вскрыв по ошибке предназначенное ему письмо, обнаружила, что ее благоверный супруг давно уже наставляет ей рога с соседкой. Забрав детей, она хлопнула дверью арендованного Барухом в Женеве дома, и, таким образом, просить денег на поправку дел неудачливому бизнесмену и начинающему политику стало не у кого. А между тем деньги были нужны срочно – даже не на бизнес, а просто на оплату этого проклятого женевского дома и возвращение домой. Сами Барух почувствовал себя мышью, пойманной в мышеловку, и заметался в поисках выхода. А затем ноги сами привели его в египетское консульство в Женеве, и, пряча глаза, Барух сказал египетскому консулу, что готов продать за приемлемую сумму имеющуюся у него информацию об Израиле.

Неожиданный гость заинтересовал консула, и тот связал Сами Баруха с военным атташе египетского посольства в Швейцарии. Атташе, в свою очередь, поговорив с Сами Барухом и выяснив, что тот никогда не служил в ЦАХАЛе и не может предоставить никаких сведений об израильской армии, тем не менее, контакта с ним не прервал, а рассказал о Барухе Хасану Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатаху. Встретившись с Барухом в ресторане одного из женевских отелей, Эль-Фатах со свойственным ему обаянием пригласил своего нового знакомого в гости в Египет...

Спустя несколько дней Сами Барух вылетел из Женевы в Цюрих, где сотрудники египетского посольства выдали ему новенький паспорт своей страны и проводили до трапа самолета, направлявшегося в Каир.

В Египте, как потом вспоминал сам Сами Барух на допросах, его приняли, как короля. Каждое утро он просыпался в большой уютной постели огромной виллы и обнаруживал у себя под боком новую Шехерезаду, кажется, впорхнувшую к нему в кровать прямо со страниц

«Тысячи и одной ночи». Вечером его ждали обеды в лучших ресторанах Каира, прогулки по городу, посещение ночных клубов. Показали ему египтяне и знаменитые пирамиды, не забыв сфотографировать Сами Баруха на их фоне.

Ну а в перерывах между этими развлечениями у него были долгие беседы с сотрудниками Гражданской информационной службы. Как опять-таки вспоминал сам Барух, египтяне отнюдь не требовали от него какой-то секретной информации, да он ею и не владел. Нет, все вопросы крутились вокруг экономического положения Израиля, состояния различных отраслей его промышленности, уровня жизни, технологии строительства зданий, устройства в них бомбоубежищ и т. д.

Наконец настал день, когда Хасан Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатах в самых недвусмысленных выражениях предложил Сами Баруху сотрудничать с египетской разведкой. Сами Барух, по его словам, ответил, что он высоко оценил гостеприимство египтян, но взвесит это предложение только в том случае, если Египет поможет ему снова вернуться в бизнес, создать новую текстильную фабрику...

– Мы, безусловно, дадим вам необходимые деньги из одного из связанных с нами европейских фондов, – ответил Хасан Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатах. – Правда, разумеется, при условии, что именно мы определим список фирм, у которых вы закупите новое оборудование для своего предприятия. И установкой его в Израиле тоже будет заниматься названная нами фирма.

В этом и заключался излюбленный метод действий Хасана Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатаха: предлагая израильским бизнесменам, ищущим в Европе спонсоров для реализации своих проектов, дешевые ссуды из подставных фондов, Эль-Фатах обуславливал их выдачу подписанием контрактов с определенными фирмами. Ну а специалисты этих фирм, как уже догадался читатель, были по совместительству агентами египетской разведки либо разведслужбы какой-нибудь дружественной Египту страны. В случае с Барухом предполагалось, что оборудование он официально закупит в ГДР, а устанавливать его будут, соответственно, играющие роль немецких специалистов сотрудники «Штази».

Однако главные планы Эль-Фатаха были, вне сомнения, связаны с политической карьерой Сами Баруха. Ему было крайне важно заполучить в качестве агента депутата израильского парламента – пусть даже только агента влияния!

Но, к счастью для Израиля, и этим грандиозным планам хитроумного и многомудрого Хасана Абд Эль-Магид Абд Эль-Фатаха не суждено было сбыться...

* * *

Планам Эль-Фатаха и Баруха помешала, как это часто бывает, чистая случайность, которую никто по определению не мог предвидеть. В тот самый момент, когда Сами Барух регистрировался на самолет компании «Объединенные арабские авиалинии», в цюрихском

аэропорту шла регистрация и рейса на Рим. И среди его пассажиров была израильтянка, знакомая с Сами Барухом. Разумеется, она его узнала и невольно задалась вопросом о том, что еврей и вдобавок израильтянин может делать в Египте – в стране, у которой с Израилем нет дипотношений и, более того, с которой Израиль, по сути дела, находится в состоянии войны?! И по возвращении в Израиль она не замедлила сообщить о возникших у нее вопросах «куда следует».

И когда в конце 1963 года Сами Барух вернулся в Израиль, за ним было установлено постоянное наблюдение...

То, что у Баруха откуда-то появились деньги и он начал с утроенной активностью заниматься как бизнесом, так и политикой, подтвердило предположение о том, что он был завербован египтянами.

Когда же стало известно, что Сами Барух купил билеты на морской круиз для себя, своей подруги и ее детей, возникло опасение (кстати, совершенно необоснованное), что он попытается бежать из Израила. Это и подтолкнуло главу ШАБАКА Амоса Манора немедленно выписать ордер на его арест.

25 ноября на борт теплохода «Билу» вслед за пассажирами поднялись двое мужчин в штатском. Войдя в каюту, которую уже заняли Сами Барух и его спутники, один из мужчин представился таможенником, попросил всех сидящих предъявить документы, а затем сказал, что хотел бы выяснить с Сами Барухом кое-какие детали относительно источника имеющейся у него валюты.

– Да, конечно, – согласился Сами Барух.

Эта просьба не только не насторожила его, но и не вызвала удивления. Тогда в Израиле все операции с валютой контролировались государством, разрешенная к вывозу из страны денежная сумма в инвалюте была строго регламентирована и при выезде за рубеж израильтянам приходилось проходить через изнурительные допросы о том, где именно они купили имеющиеся у них в наличии доллары, марки и франки.

Оказавшись с глазу на глаз с незнакомцем в отдельной каюте, Сами Барух с ходу заявил, что он готов представить все необходимые документы, подтверждающие, что имеющиеся у него доллары он приобрел совершенно законным путем.

– И все-таки, господин Барух, у меня есть ощущение, что вы от меня что-то скрываете, – неожиданно произнес незнакомец. – Вы обладаете некой тайной, которая давно тяготит вас и которой вы бы с удовольствием с кем-нибудь поделились...

– А у меня есть ощущение, что вы не совсем обычный таможенник, – стараясь сохранять хладнокровие, ответил Барух.

– Вы догадливы. Я – сотрудник ШАБАКА. И если уж мы начали играть в ощущения, то позвольте вас спросить: «Нет ли у вас ощущения, что задуманный вами круиз не состоится?..»

* * *

Стоит отметить, что Сами Барух на допросах подробно рассказал о том, при каких обстоятельствах он вышел на связь с египтянами, что делал в Египте и т. д. При этом он постоянно подчеркивал, что не нанес никакого ущерба безопасности Израиля по той простой причине, что у него не было времени этого сделать. Впрочем, ему это мало помогло. В январе 1965 года Иерусалимский окружной суд признал Сами Баруха виновным в установлении контактов с враждебным государством, передачи этому государству информации об Израиле и готовности передавать ему информацию, которая могла бы нанести ущерб безопасности Израиля. На основании вышеназванных трех пунктов обвинения Сами Барух был приговорен к 18 годам тюремного заключения.

В мае 1965 года Верховный суд Израиля под председательством Моше Зильберга отклонил апелляцию Баруха и оставил вынесенный ему приговор в силе.

Нужно ли говорить о том, что опубликованное в СМИ сообщение о том, что «известный бизнесмен, один из лидеров движения «Молодой Израиль» Сами Барух арестован по подозрению в шпионаже», произвело эффект разорвавшейся бомбы?! Израильские сефарды были готовы бороться против израильского истеблишмента, они ратовали за перемены в стране, но отнюдь не собирались поддерживать египетских шпионов.

И недавние сторонники отшатнулись от остальных лидеров «Молодого Израиля», как от прокаженных. Движение начало стремительно терять популярность, и вскоре стало ясно, что у него нет никаких шансов на победу на выборах. Некоторые наиболее ретивые приближенные Ицхака Иммануэля, правда, пытались утверждать, что дело Сами Баруха было специально сфабриковано ашкеназом Амосом Манором, чтобы не дать представителям сефардов прорваться к власти, но их уже никто не желал слушать.

Что касается самого Шмуэля (Сами) Баруха, то, отбыв положенное ему наказание, он покинул Израиль и его дальнейшая судьба неизвестна.

1969. Обмен с возвратом

Так уж сложилось, что судьба египетского разведчика Абд Эль-Рахима Карамана тесно переплелась с историей неудавшегося израильского разведчика Баруха Мизрахи. А если к тому же учесть, что обе эти истории довольно характерны для противостояния разведслужб Израиля и арабских стран в конце 60-х – начале 70-х годов, то они вполне заслуживают отдельного рассказа...

* * *

Абд Эль-Рахим Караман принадлежал к одной из самых богатых и влиятельных арабских семей, проживавших в Палестине. Его отец владел десятками магазинов и различных предприятий в районе Хайфы, а также обширными сельскохозяйственными угодьями в окрестностях этого города, в Кармельском лесу и в Галилее.

И – что немаловажно – отлично ладил с евреями. Именно поэтому когда тысячи хайфских арабов покинули город, семья Караман в нем осталась и получила израильское гражданство.

Однако евреи надолго запомнили поведение арабов весной 1948 года, и потому по меньшей мере в первое десятилетие существования Израиля оставшимся на его территории арабам приходилось и в самом деле нелегко. На каждого из них смотрели как на потенциального шпиона или террориста; в ряде арабских населенных пунктов действовал комендантский час, и нет ничего удивительного в том, что даже весьма зажиточные израильские арабы не чувствовали себя в те годы полноценными гражданами страны. Видимо, это и определило отношение к Израилю Абд Эль-Рахима Карамана, которому в 1948 году исполнилось 15 лет.

Будучи наследником огромного отцовского состояния, получивший прекрасное европейское образование, он явно чувствовал себя неуютно в своем огромном доме, располагавшемся в одной из прилегающих к Хайфе арабских деревушек. Поначалу Абд Эль-Рахим пытался вести тот же образ жизни, что и его отец, дважды женился на очень хорошеньких женщинах, дважды развелся и наконец в середине 50-х уехал разгонять тоску в Париж. И вдруг, оказавшись на берегу Сены, молодой арабский миллионер обнаружил, что... тоскует по родной Хайфе и по пейзажам Галилеи, которую он часто посещал, объезжая отцовские сады и поля.

А еще там, в Париже, к Абд Эль-Рахиму впервые пришла настоящая любовь. Любовь звали Моника, она была француженкой, а так как чувство было взаимным, Моника согласилась принять ислам и переехать вместе с любимым в Хайфу.

Дальше все происходило, как в старой-старой сказке: Абд Эль-Рахим и Моника жили год за годом в любви и согласии, но детей у них не было. И в 1967 году, вскоре после Шестидневной войны, супруги решили усыновить ребенка. Причем не просто ребенка, а сироту из числа палестинских беженцев. Движимые этой благородной целью Моника и Абд Эль-Рахим снова оказались в Париже и едва ли не из аэропорта направились в египетское посольство с просьбой помочь им найти и усыновить мальчика.

Однако секретарь египетского посольства не спешил с ответом. Его заинтересовал этот богатый, образованный араб, живущий в Израиле, и он сообщил об Абд Эль-Рахиме Карамане работавшему при посольстве представителю египетской разведки, добавив, что гость из Израиля может пригодиться ему в будущем.

Но резидент египетской разведки в Париже отнюдь не спешил с вербовкой нового агента. Для начала он тщательно проверил, не является ли Абд Эль-Рахим агентом израильских спецслужб,

подсланным израильянами под благовидным предлогом в посольство именно в расчете на то, что египтяне клюнут на эту удочку и предложат ему сотрудничество. Убедившись, что это не так, он позвонил из Парижа в Лондон – туда, где обретался начальник европейского отдела египетской разведслужбы Абд Эль-Магид Эль-Фатах.

И в один из дней, когда, все еще дожидаясь ответа из египетского посольства, Абд Эль-Рахим коротал время за чашкой кофе в одном из парижских кафе, к нему за столик подсел необычайно элегантный мужчина лет тридцати. Они разговорились, незнакомец представился владельцем крупной компании по производству и оптовой торговле различным сельскохозяйственным оборудованием, а узнав, что Абд Эль-Рахим имеет обширные сельскохозяйственные угодья, предложил ему сотрудничество.

И даже не просто сотрудничество, а полноправное партнерство: Абд Эль-Рахим Караман должен был стать эксклюзивным представителем его компании в Израиле. Начать партнерские отношения новый знакомый предложил с исследования рынка: Караман должен был представить ему полный отчет о том, какие виды тракторов и грузовиков используются в израильском сельском хозяйстве.

И когда спустя несколько месяцев Абд Эль-Рахим Караман вновь появился в Париже и положил перед своим новым компаньоном отчет о проделанной работе, Абд Эль-Магид Эль-Фатах решил, что пришло время снять маску. Рассказав Абд Эль-Рахиму, кем он является на самом деле, Эль-Фатах сказал, что его предложение о сотрудничестве остается в силе. Вот только речь пойдет о несколько другом сотрудничестве – во имя общеарабского дела, ради ликвидации раковой сионистской опухоли на Ближнем Востоке.

Согласившись, Абд Эль-Рахим Караман обнаружил себя спустя несколько дней в Брюсселе, где египтяне разместили свою лучшую разведшколу. С самого начала из Абд Эль-Рахима готовили именно разведчика, а не диверсанта: в течение тех шести месяцев, которые Абд Эль-Рахим провел в данном учебном заведении, его учили не закладывать взрывчатку и ставить мины, а искусству установления жучков, фотографированию различных объектов на расстоянии, приему и отправке шифрованных радиogramм, шифровке писем и т. д.

В Израиль Абд Эль-Рахим Караман возвращался налегке с транзисторным приемником, с помощью которого он должен был получать указания из Каира, и с двумя книгами (одна была на английском языке, а другая – на французском), хранящими в себе код к его личному шифру.

В те дни египтяне необычайно интересовались новыми израильскими ракетами «Габриэль», установленными в 1969 году на кораблях ВМФ Израиля, и Абд Эль-Рахиму Караману было поручено добыть как можно более четкие снимки ракетных установок и самих новых ракет врага. Для того чтобы выполнить свое первое задание, Караман снял квартиру на берегу Хайфы и

оттуда с помощью переданной ему египтянами фотокамеры сделал целую серию снимков израильских военных кораблей.

Затем он еще не раз фотографировал и пересылал в Каир снимки различных уголков Хайфского порта, исследовал вопрос о том, могут ли самолеты израильских ВВС в случае чрезвычайной ситуации использовать трассу Хайфа-Акко как взлетно-посадочные полосы, по каким причинам компания «Цим» прекратила пассажирские перевозки и т. д.

Были у него и другие задания.

Например, именно Караману поручили добыть домашние адреса израильских военных летчиков. Затем его попросили достать подлинные документы какого-нибудь еврея – гражданина Израиля 30 лет, и, сведя знакомство с владельцем небольшого турбюро, Абд Эль-Рахим достал подлинный израильский иностранный паспорт, выданный на имя некоего Цви Герцога. И наконец, когда из Каира пришло указание начать вербовку израильских арабов для создания целой разведсети, Караман также с энтузиазмом принялся за дело.

Самым ценным из завербованных им агентов оказался 30-летний служащий Хайфской таможни Тофик Фаид Батах. Для его вербовки Караман откровенно злоупотребил тягой Батаха к графомании и его мечтой о большой писательской славе. Ко времени их знакомства Батах успел написать два романа, но так и не сумел ни для одного из них найти издателя. Вдобавок ко всему он был убежден, что писатель, творящий на арабском языке, должен издавать свои книги не в Израиле, а в Египте или Ираке. И Караман пообещал найти ему издателя в одной из этих стран. Спустя некоторое время он известил Батаха, что известный египетский книгоиздатель заинтересовался одним из его романов и назначает ему встречу... в Лондоне.

В Лондоне, как уже догадался читатель, Абд Эль-Рахима Карамана и Тофика Фаида Батаха ждал не кто иной, как сам Эль-Фатах, весьма заинтересованный не в опусах Батаха, а в том, чтобы у его ведомства появился свой человек внутри израильской таможенной службы.

Однако к этому времени израильские спецслужбы уже неотрывно висели на хвосте Абд Эль-Рахима Карамана. Уже спустя годы станет известно, что ШАБАК вышел на след Карамана благодаря двойному израильско-египетскому агенту Жаку Битону (Рафату Али Эль-Гамалю), о судьбе которого уже было рассказано на страницах этой книги. Именно Битона его каирские хозяева попросили передать Караману фотооборудование, и с данного момента вся его деятельность находилась под контролем израильских спецслужб.

Сразу по возвращении из Лондона в январе 1970 года Абд Эль-Рахим Караман и Тофик Фаид Батах были арестованы. Судебный процесс по их делу проходил необычайно быстро, и 25 марта 1970 года Хайфский окружной суд приговорил Карамана к 12, а Батаха – к 10 годам тюремного заключения. Попытка Абд Эль-Рахима Карамана обжаловать вынесенный ему приговор в Верховном суде не только ни к чему не привела, но и значительно усугубила его положение:

Верховный суд увеличил срок заключения еще на 4 года, а жена Карамана Моника была депортирована из страны.

Однако 18 мая 1972 года перед Караманом и Батахом забрезжил шанс на досрочное освобождение: в этот день в йеменском порту Аль-Худайдах был арестован израильский разведчик Барух Мизрахи.

* * *

Уроженец Египта Барух Мизрахи прибыл в Израиль в 1956 году сразу после Синайской компании. Здесь Барух Мизрахи, будучи по специальности учителем, неожиданно для многих отправился работать в полицию и вскоре стал одним из лучших оперативников рамат-ганского угрозыска.

В 1967 году, когда под контролем Израиля оказались Иудея, Самария и Газа, в ШАБАКЕ начали спешно готовить агентов, которые могли бы проникать в Газу под видом ее рядовых жителей и добывать сведения о планах террористических группировок. Разумеется, к этой работе привлекали исключительно выходцев из арабских стран, и одним из них стал Барух Мизрахи.

По всей видимости, Мизрахи был необычайно успешным агентом, так как спустя некоторое время на него обратили внимание сотрудники «Моссада». И не просто сотрудники «Моссада», а руководство его сверхсекретного оперативного отдела «Кейсария». Один из сотрудников «Кейсарии» встретился с Мизрахи и предложил перейти на работу в их отдел, пообещав «интересное и хорошо оплачиваемое дело».

«Кейсария» в то время (да и в наши дни) занималась подготовкой агентов «Моссада» для работы в арабских странах.

Речь шла о разведчиках, которым предстояло поистине «глубокое погружение»: они должны были обосноваться на новом месте, создать семью, попытаться внедриться в экономические, а затем и военные и политические круги тех стран, в которых им предстояло жить. Баруху Мизрахи, на его беду, выпало поселиться в раздираемом внутренними противоречиями и еще не оправившемся от недавней гражданской войны Йемене. Жить там он должен был под видом коммивояжера из Марокко. Помимо прочего, такая легенда позволяла ему свободно путешествовать по самым различным арабским странам. Подлинные документы на имя данного гражданина Марокко были приобретены обретавшимся в Эфиопии израильским разведчиком приблизительно тем же путем, каким Караман приобрел паспорт на имя Цви Герцога: израильтянин попросту обменял эти документы у одного из сотрудников посольства Марокко в Аддис-Абебе на ящик виски.

Для того чтобы понять, зачем «Моссаду» вообще потребовалось забрасывать своего агента в Йемен, если эта страна не граничит с Израилем и официально никогда не принимала участия ни в одной из арабо-израильских войн, достаточно подойти к политической карте мира. На ней

явственно видно, что западная граница Йемена проходит по Красному морю, а значит, с ее побережья можно контролировать все грузы, идущие в Эйлат. И палестинские террористы в конце 60-х – начале 70-х годов прекрасно пользовались географическим положением Йемена для того, чтобы подрывать идущие вдоль его берегов израильские суда или иранские танкеры с нефтью для Израиля.

Через Йемен же СССР осуществлял в те годы свои основные поставки оружия арабским странам. Наконец, в Йемене были созданы тренировочные лагеря и базы самых радикальных палестинских террористических организаций вроде «Народного фронта освобождения Палестины» во главе с Джорджем Хабашем. Здесь же тренировались всевозможные троцкистские и прочие террористические группировки из Германии и Латинской Америки.

Таким образом, на Баруха Мизрахи возлагалась задача поставлять информацию как о палестинских, так и обо всех прочих террористах, о заходящих в йеменские порты египетских и иорданских судах, о готовящихся диверсиях против судов, направлявшихся в Израиль.

Само собой, подготовка разведчика, способного выполнить столь сложную миссию, требовала немало времени и сил. И «Моссад» не жалел ни того, ни другого на подготовку своих агентов – больше года провел Мизрахи в его разведшколе, обучаясь всему, что обязан знать и уметь хороший боец невидимого фронта.

Вот только в «бой» Баруху Мизрахи вступить, по сути дела, так и не удалось. Он направлялся в Йемен после того, как в этой стране произошел государственный переворот. Еще в самолете он разговорился со своим попутчиком, и они так понравились друг другу, что решили, перед тем как расстаться, пообедать в аэропорту вместе. Между тем новый знакомый Мизрахи был одним из лидеров йеменской оппозиции, и потому едва он ступил на родную землю, его тут же взяли под наблюдение агенты местной Службы безопасности. А заодно – и Баруха Мизрахи, которого они поначалу приняли за близкого друга оппозиционера.

Вскоре Служба безопасности Йемена поняла, что Мизрахи является чьим-то шпионом, но еще не знала, чьим именно. Однако на первом же допросе Мизрахи подвергся таким нечеловеческим пыткам, что не только отказался от своей легенды, но и признался, что прибыл окольным путем из Израиля, назвал имена восьмерых действовавших на территории Йемена израильских агентов, перечислил имена всех известных ему руководителей ШАБАКа и «Моссада», а также поведал о системе подготовки разведчиков в Израиле.

После того как Мизрахи в назначенный день не вышел на связь, а затем были арестованы все члены израильской разведсети в Йемене, в Тель-Авиве поняли, что произошло, и дипломатическими путями сообщили йеменскому правительству, что если арестованный ими израильский разведчик будет подвергнут пыткам или если факт пыток уже имел место и они будут продолжены, то Израиль не ручается за безопасность ни одного члена правительства или

руководителя спецслужб Йемена. Это было время, когда угроз Израиля в арабском мире боялись и этим угрозам еще верили, а потому в июне 1972 года, спустя два месяца после ареста Баруха Мизрахи, по государственному ТВ Йемена прозвучало официальное сообщение о том, что в мае в Аль-Худайдае был арестован опасный израильский шпион. Шпион этот, говорилось в сообщении, в настоящее время находится в тюрьме, дал необходимые показания, и его жизни и здоровью не угрожает никакая опасность. Затем диктор добавил, что на правительство Йемена оказывается массированное давление со стороны определенных дипломатических кругов, требующих немедленно освободить израильского шпиона, но правительство Йемена на эти провокации, само собой, не поддастся. Ну, а так как шпион является уроженцем Египта, то и будет выдан Йеменом для суда именно в эту страну.

В Израиле данное сообщение поняли правильно: пытки в отношении Баруха Мизрахи прекращены, меньше всего правительство Йемена желает связываться с Израилем и его сумасшедшей премьершей Голдой Меир, а потому дальше о судьбе разведчика следует спрашивать с египтян. Египетский суд, в свою очередь, приговорил Мизрахи к пожизненному заключению. И уже сидя в египетской тюрьме, Барух узнал, что оставшаяся в Израиле жена подарила ему третьего сына.

* * *

Поначалу Израиль при посредничестве Евгения Примакова предложил обменять Баруха Мизрахи на арестованного приблизительно в то же время в Израиле советского разведчика Юрия Линева, однако египтяне сочли этот обмен неравноценным.

Затем грянула Война Судного дня, в которой сначала Египет верил, что вот-вот одержит грандиозную победу, но после знаменитого броска Шарона через Суэцкий канал стал думать о том, как не допустить израильские танки в Каир. В результате переговоры об обмене пленными возобновились только зимой 1974 года, и теперь в обмен на Баруха Мизрахи и еще одного незадачливого израильского фермера, по ошибке забредшего на египетскую территорию, Израиль предложил выдать Египту Абд Эль-Рахима Карамана и Тофика Фаида Батаха.

Это предложение было принято, и 3 марта 1974 года египетские тюремщики велели Мизрахи собрать до следующего утра свои вещи, хотя собирать ему было особенно нечего. Утром 4 марта его вывели в тюремный двор, посадили в машину с закрытыми окнами и повезли к Суэцкому каналу, на берегу которого и состоялся обмен пленными.

Каково же было удивление египтян, когда Абд Эль-Рахим Караман заявил им, что он... вовсе не просил его менять. Караман отказался от предложений поработать в Службе безопасности или на египетском радио, возмутился назначенной ему мизерной – всего в 130 лир в месяц – пожизненной пенсией, но больше всего Абд Эль-Рахима Карамана возмутило то, что египетские власти предоставили ему... статус палестинского беженца.

– Я согласился работать на египетскую разведку в надежде, что вы сделаете так, что исчезнет само понятие «палестинский беженец». А вы вместо этого сделали так, что одним таким беженцем стало больше! – с возмущением выговаривал Караман своим бывшим боссам.

Абд Эль-Рахим продолжал проявлять недовольство и дальше, пока наконец в 1979 году египетские власти не намекнули ему, что он является нежелательным элементом в их стране. После чего Караман переехал во Францию, к своей Монике, и... подал в израильское посольство просьбу восстановить его гражданство и разрешить ему вернуться на родину.

И, как ни странно, в 1995 году такое разрешение было им получено. Еще более странно то, что когда с аналогичной просьбой к Израилю обратился Тофик Фаид Батах, ему было в ней отказано – Батаху разрешили лишь приезжать в Израиль на несколько дней в год в качестве туриста.

Сам Абд Эль-Рахим Караман в 2000 году дал интервью одной из выходящих в Израиле арабских газет. В нем он заявил, что нисколько не сожалеет о том, что 35 лет назад работал на египетскую разведку против Израиля. Более того, если бы ему снова представился такой выбор, он бы поступил точно так же, так как и сегодня убежден, что служил правому делу. Что ж, как и многие другие израильские арабы, Абд Эль-Рахим Караман глубоко убежден, что у Израиля нет права на существование и рано или поздно эта страна должна исчезнуть с политической карты мира...

1972. Левые арабески

Накануне Войны Судного дня 1973 года сирийская и египетская разведки попытались значительно активизировать свою деятельность в Израиле. И в поисках путей расширения своей агентуры они неминуемо должны были выйти на активистов израильских леворадикальных движений, не видевших никаких причин хранить верность еврейскому государству и одержимых идеями марксизма-ленинизма. Одним из лидеров еврейской подпольной группы, намеревавшейся осуществлять диверсии и теракты в Израиле, был Уди Адив – уроженец кибуца Ган-Шмуэль, выросший в семье убежденных марксистов. Детство Адива прошло на фоне портретов Ленина и Сталина, и это обстоятельство, по сути дела, и определило всю его последующую судьбу...

Впрочем, сами основатели кибуца Ган-Шмуэль умели совмещать свои социалистические взгляды с израильским патриотизмом. А потому в 1964 году, когда ему исполнилось 18 лет, Уди Адив отправился служить в израильскую армию. Курс молодого бойца он прошел в артиллерийских войсках, затем сам попросился в десантники и закончил службу уже после Шестидневной войны, в период которой сражался на Иерусалимском фронте.

Однако, еще будучи прыщавым подростком, Адив грезил отнюдь не об освобождении Иерусалима. Нет, в своих мечтах он видел себя одним из бойцов отряда Че Гевары, активным участником мировой революции, подпольщиком, работающим во имя торжества на всей планете

идей Маркса, Ленина и Троцкого. Поэтому не стоит удивляться, что еще во время службы в армии Адив примкнул к марксистскому движению «Компас» и подпал под влияние жившего в Ган-Шмуэле одного из тогдашних лидеров движения Илана Леви. Стоит признать, что не попасть под обаяние Илана Леви романтически настроенному юноше и в самом деле было трудно. У этого уроженца Парижа, хорошо знакомого со всей французской богемой, было поистине героическое прошлое: всю жизнь он мотался по миру, организовывая борьбу против французского колониализма, создавая подпольные типографии и радиостанции, координируя деятельность студенческих марксистских кружков и направляя в «нужное русло» студенческие волнения. В Израиле Леви оказался в 1966 году в качестве нового репатрианта, поселился в кибуце, женился и... продолжил свою политическую деятельность.

Члены движения «Компас» первыми после Шестидневной войны вышли на демонстрации против «израильской оккупации» Иерусалима, Иудеи и Самарии и «попрания прав арабского народа», одновременно активно убеждая в своей правоте и привлекая в свои ряды израильских студентов и старшеклассников. Идеи, которые они провозглашали, были настолько неприемлемы даже для социалистического движения «Ха-шомер ха-цаир», что в 1968 году и Илана Леви, и Уди Адива за их взгляды было решено изгнать из кибуца Ган-Шмуэль.

Адива это изгнание, похоже, нисколько не огорчило. В 1969 году он поступает на философский факультет Хайфского университета и одновременно принимает самое активное участие во всех заседаниях и акциях движения «Компас».

Но в том же 1969 году в руководстве «Компаса» происходит раскол, в результате которого на свет появляются три новых организации.

Первая из них назвала себя «Революционный коммунистический союз», и в нее вошли те сторонники «совести», которые придерживались марксизма маоистского толка, в том числе Илан Леви, Уди Адив, Дан Веред, Рами Ливнэ и некоторые другие лица, с которыми нам еще предстоит познакомиться по ходу этого очерка.

Второе движение – «Авангард» – составили убежденные троцкисты левого толка.

Третья организация, возглавляемая Михаилом Варшавским, стояла на позициях синтеза идей Ленина и Троцкого и гордо назвала себя «Организация израильских социалистов «Марксистская совесть»».

Причиной раскола «Компаса» стали идеологические разногласия, возникшие между израильскими социалистами после печально известного ввода советских танков в Прагу и бурных студенческих волнений в Париже. Умберто Эко в «Маятнике Фуко» признается, что на него и многих других приверженцев социалистической идеологии во Франции эти события подействовали как холодный душ. Однако, как видно, на Ближнем Востоке из крана редко течет по-настоящему холодная вода.

Во всяком случае, Уди Адив продолжил бороться за торжество идей Маркса-Энгельса-Ленина в рамках «Революционного коммунистического союза», который спустя два года после своего создания также раскололся, в результате чего из него выделилась организация «Красный фронт», возглавляемая студентом Хайфского техниона Даном Вередом.

Сын тель-авивских интеллигентов, Дан Веред считал, что Израиль уже почти созрел для социалистической революции, после которой необходимо будет произвести и культурную революцию – по типу той, которую осуществил великий Мао Цзэдун в Китае. Среди тех, кто вышел из «Союза», чтобы стать членом «Красного фронта», был и Уди Адив.

Свои заседания, сопровождавшиеся бурными идеологическими спорами под дешевые сигареты и крепкий кофе, члены «Красного фронта» проводили в расположенном в старых кварталах Хайфы доме Дауда Турки. Будучи владельцем небольшого книжного магазина, Турки активно торговал в нем марксистской литературой, брал для продажи и журналы, выпускаемые леворадикальными движениями Израиля, и именно таким образом он и познакомился с Вередом, Адивом и другими активистами «Фронта». Сам Турки в свое время был членом израильской компартии, однако ушел оттуда, разойдясь во взглядах с ее руководством.

Идеи, которые провозглашал Дан Веред, во многом были созвучны душе Турки. Со слезами умиления этот 45-летний араб слушал, как Веред рассуждает о том, что сионизм – это идеология крупной еврейской буржуазии, что Государство Израиль не имеет права на существование, что раз уж так получилось, на этой земле нужно создать государство, в котором бок о бок жили и вместе строили бы справедливое общество арабские и еврейские рабочие и крестьяне. А для этого, по мысли Веред, израильские марксисты должны перейти к более активным действиям, чтобы на деле доказать свою солидарность со справедливой борьбой палестинского народа.

Вместе с еврейскими студентами в заседаниях «Красного фронта» принимали участие и молодые израильские арабы, проживавшие в Хайфе или прилегающих к ней деревнях. Однако затем Дауд Турки решил разделить арабскую и еврейскую секции организации. «Все, о чем мы здесь говорим, вряд ли понравится сионистским властям, – объяснил Дауд Вереду. – А значит, чем больше будет ячеек в организации и чем меньше члены одной ячейки будут знать о других ячейках, тем лучше для всех».

Веред поначалу воспротивился такому предложению, но затем согласился, что Турки прав. Но при этом он даже не догадывался, насколько тот прав: уже в 1969 году все видные деятели «Компаса» находились под негласным наблюдением израильских спецслужб, а после раскола и возникновения «Красного фронта» последний был объявлен ШАБАКом одной из самых опасных антиизраильских организаций. В связи с этим все его активисты были включены в так называемый «Список лиц, заслуживающих особого внимания».

И посиделки в доме Дауда Турки отнюдь не были секретом для сотрудников недавно созданного Еврейского отдела ШАБАКА.

* * *

В начале сентября 1971 года Дауд Турки неожиданно обратился к Уди Адиву, как он сам сказал, с «деликатным предложением». По словам Турки, ему довелось познакомиться с одним из деятелей ООП^[50], который хотел бы каким-то образом сотрудничать с израильскими, причем именно с еврейскими марксистами. Вот он и решил спросить Уди, не хотел бы тот встретиться с этим членом ООП и обсудить, какими могли бы быть пути и формы такого сотрудничества.

– Конечно! – с готовностью ответил Адив. –

Такая встреча еврейского и арабского братьев по духу и будет означать пролетарский интернационализм в действии!

Получив согласие Адива, Дауд сообщил ему, что встреча между ним и представителем ООП состоится в Афинах. Приехав в столицу Греции, Адив должен будет остановиться в небольшой гостинице и с центрального почтамта отправить в Бейрут телеграмму: «Жду обещанной книги». Ну а дальше его найдут.

– Думаю, в целях конспирации, да и чтобы не опережать события, не стоит сообщать остальным нашим товарищам о твоей поездке, – добавил Турки. – Да, кстати, тебе придется потратиться на эту поездку, но ты не переживай: так как мой новый знакомый заинтересован в данной встрече, то он взялся возместить тебе все расходы. Деньги ты получишь в Афинах наличными...

Так 28 сентября 1971 года Уди Адив оказался в Афинах. Это было его первое путешествие за границу, и потому, отправив телеграмму с афинского Главпочтамта, он стал наслаждаться всеми преимуществами жизни никуда не спешащего туриста: осматривать музеи и исторические достопримечательности, просто шататься по городу, время от времени заходя в кафе, чтобы выпить чашечку кофе...

На третий день пребывания Уди Адива в Афинах в его номер постучали и на пороге возник элегантный мужчина средних лет.

– Здравствуйте, – сказал он на иврите. – Меня зовут Абу-Камаль. Я привез вам обещанную книгу...

Потом, как вспоминает сам Уди Адив, они целый день бродили по городу, непрерывно беседуя друг с другом, и молодой израильтянин вскоре понял, что этот араб и в самом деле является его братом по духу, что у них общие мечты и цели.

Абу-Камаль не скрывал, что родился на той территории, которую в данный исторический момент занимает Израиль. Он много жил среди евреев – отсюда и его великолепное знание

иврита. Вырвавшись из-под власти сионистских оккупантов, он уехал в Ливан и там примкнул к марксистскому крылу ООП.

– Дауд Турки сказал мне, что вы, как и мы, понимаете, что сионизм является порождением мирового империализма, преследует цель порабощения арабского народа и разжигание межнациональной розни для сохранения власти еврейской буржуазии, – продолжил Абу-Камаль начатую беседу, когда они уже сидели в одном из самых дорогих афинских ресторанов.

– Да, безусловно, – согласился Адив.

– Следовательно, у нас общий враг и мы вполне можем объединить наши усилия в борьбе с этим врагом...

– Конечно, – вновь согласился Адив. –

К тому же я думаю, что уже сейчас, сегодня между израильскими и палестинскими марксистами следует начать диалог о том, каким должно быть будущее еврейско-арабское государство. Мы могли бы организовать плодотворную партийную дискуссию...

– Само собой, нам весьма интересно выслушать ваши мысли по этому поводу, – улыбнулся Абу-Камаль. – Но сейчас на повестке дня другие вопросы, и мне бы хотелось знать, действительно ли вы готовы содействовать делу освобождения еврейского и палестинского пролетариата от ига сионистов? Как вы понимаете, для того чтобы победить врага, нужно его знать, а потому мы были бы вам признательны за любую информацию. Скажем, об израильской армии, в которой вы служили, о том, что вообще сегодня происходит в Израиле. Нам бы хотелось также получать от вас свежие израильские газеты, у нас есть некоторая проблема с их приобретением...

– Ну, можете считать, что эту проблему вы решили, – с улыбкой сказал Уди Адив.

На следующий день Абу-Камаль сказал Адиву, что он хотел бы видеть его в качестве своего рода представителя ООП в Израиле.

– Было бы неплохо, если бы вы привлекли к работе с нами еще несколько ваших единомышленников, а также сняли бы пару квартир в различных городах страны – для того чтобы в них в случае необходимости могли бы укрыться наши люди. Если вам захочется со мной встретиться или познакомиться со мной человека, в котором вы твердо уверены, то все делаете так же: вы или ваш знакомый приезжаете в Афины, посылаете с Главпочтамта в Бейрут телеграмму с просьбой прислать книгу, указываете название гостиницы, в которой остановились, и ждете. Пока будем обмениваться письмами, которые вы будете посылать вот на этот афинский адрес, – инструктировал Абу-Камаль Адива. – Письма пишите лимонным соком и не называйте вещи своими именами, а пользуйтесь намеками. Да, кстати, во сколько вам обошлось пребывание в Афинах?

– Почти в 700 долларов, – ответил Адив.

Абу-Камаль вытащил из кармана пачку денег, отсчитал двадцать стодолларовых купюр и протянул ее Уди Адиву.

– Вот, – сказал он, – это вам за прошлые и частично на будущие расходы.

Для того чтобы понять, что такое в начале 70-х для израильтянина значила сумма в 2000 долларов, замечу, что месячная плата за аренду трехкомнатной квартиры в Хайфе тогда колебалась между 80 и 100 долларами.

Но дело было не в деньгах – Адив почувствовал, что он впервые причастен к настоящему делу, к великой борьбе за свободу против сионистских агрессоров, а значит, и против мирового империализма и колониализма. Теперь его жизнь будет постоянно сопряжена с этой борьбой и с таинством подпольной работы, являющейся неотъемлемой частью существования подлинных революционеров и борцов за свободу, о которых он читал в книгах. И это ощущение кружило ему голову...

Вернувшись в Израиль, Адив немедленно приступил к выполнению поручения Абу-Камала. Он никому не рассказал о своей поездке в Афины, но, собрав трех своих самых близких друзей – Дана Вереду, Иехизкиэля Коэна и Давида Купера, – поведал им, что познакомился с представителем ООП и теперь у них есть реальная возможность помочь борьбе палестинцев против оккупации...

В течение последующих нескольких месяцев Адив направил по указанному ему афинскому адресу несколько писем Абу-Камалу, в которых рассказал о том, что ему удалось привлечь к работе еще трех человек, а также снять конспиративные квартиры в Хайфе и в Яффо. Содержали письма и подробный отчет о событиях в Израиле, в том числе и рассказ о том, что израильская военная промышленность начала разработку нового танка, получившего название «Меркава». Сведения эти не были секретными – Уди Адив почерпнул их из газеты «Ха-Арец».

Летом 1972 года Адив стал уговаривать Давида Купера отправиться в Афины, чтобы там познакомиться с их «палестинским другом». Когда Купер заявил, что у него нет денег на эту поездку, Адив одолжил ему 1500 шекелей на билеты до Афин и обратно. Однако, взяв деньги, Купер и не подумал отправиться в Афины, а попросту потратил их на какие-то свои нужды. Поняв, что на Давида Купера полагаться нельзя, Уди Адив обратился с предложением посетить Афины к Дану Вереду. Дан как раз собирался жениться и подумывал о том, чтобы вообще завязать с политикой, но отказать старому другу и соратнику не смог.

В августе 1972 года он сошел с трапа самолета в афинском аэропорту, отправил телеграмму в Бейрут с Главпочтамта и вскоре уже сидел в кафе с Абу-Камалем.

– Скажите, а где вы служили в израильской армии? – поинтересовался Абу-Камаль.

– Я в оккупационной армии не служил, – с гордостью сказал Веред. – Понимаете, я еще на призывном пункте заявил, что являюсь убежденным марксистом, не приемлю сионизм и не хочу

числиться в армии, обслуживающей его интересы. Ну, так там подумали, что я ненормальный, и освободили от призыва...

– А жаль, очень жаль! – покачал головой Абу-Камаль. – Кстати, а вам не хотелось бы побывать в Бейруте или, скажем, даже в Дамаске?

– А разве это возможно? – спросил Веред.

– Ну, а почему нет?! – ответил Абу-Камаль.

Выйдя из кафе, они с Вередом направились в одно из афинских фотоателье, сделали там фотографии для паспорта, после чего поехали к зданию посольства Сирии. Оставив Вереду на улице, Абу-Камаль зашел в здание посольства и вскоре вышел из него, держа в руках новенький сирийский паспорт.

На следующий день Дан Веред и Абу-Камаль были уже в Бейруте, откуда на такси добрались до Дамаска. Здесь Вереду поселили в крохотной квартире в центре города, но как только он в ней обосновался, Абу-Камаль предложил своему гостю проехаться с экскурсией по городу. Как-то незаметно после прогулки по древнему Дамаску, посещения могилы Салах ад-Дина и знакомства с еврейским кварталом они оказались в каком-то тире, где какие-то незнакомые люди стали учить его стрелять из автомата и пистолета. Потом последовал урок по приему и передаче шифрованных сообщений, а на утро Абу-Камаль повез Дана Вереду в расположенный в горах палаточный городок, который, по его словам, был лагерем палестинских беженцев. В этом лагере Вереду предстояло ознакомиться с правилами пользования взрывчаткой и гранатами...

Наконец на третий день Абу-Камаль отвез Дана Вереду в Бейрут, а оттуда – в Афины, и, вручив ему 1000 долларов, проводил до трапа американского авиалайнера, летевшего из Нью-Йорка в Тель-Авив с промежуточной посадкой в Афинах.

Совершенно ошеломленный Дан Веред по дороге домой обдумывал то, что с ним произошло.

С одной стороны, на его долю выпало пережить приключение, которому мог бы позавидовать любой израильтянин.

С другой... Чем дальше Веред анализировал, тем больше приходил к выводу, что Абу-Камаль работает не на ООП, которая борется за правое дело, а на сирийскую разведку, то есть на сирийских националистов, которые, как известно, являются такими же врагами пролетариата и пролетарского интернационализма, как и сионисты.

Все эти соображения он и изложил в беседе с Уди Адивом. Присовокупив к ним слова о том, что больше Абу-Камаль он знать не желает и вообще хочет жениться и оставить дело революционной борьбы потомкам. Разочарованный в друге, Адив понял, что ему придется ехать в Афины, и взял билет на конец сентября 1972 года. К этому времени уже произошла трагедия на Мюнхенской олимпиаде, всем здравомыслящим людям стало ясно, что представляет собой ООП,

однако Адива это не остановило. Приехав в Афины, он немедленно отправил телеграмму в Бейрут и стал ждать.

Однако день шел за днем, а Абу-Камаль не появлялся. И вдруг Уди Адив столкнулся с ним носом к носу в самом центре Афин.

– Слава Аллаху! – сказал Абу-Камаль. – Ты забыл написать, в какой именно гостинице ты остановился, и мне пришлось проверять каждую из них по отдельности...

Как и Дану Вереду, Абу-Камаль предложил Уди Адиву посетить Дамаск, и... тот согласился.

И снова все повторилось: съемка в фотоателье, поездка в сирийское посольство, из которого Абу-Камаль вышел с новеньким сирийским паспортом.

– Но прежде, чем мы окажемся в Дамаске, я бы хотел познакомить тебя с моей семьей. У меня есть дом в деревне недалеко от Бейрута, – сказал Абу-Камаль.

– А еще раньше мне бы хотелось узнать, на кого же ты все-таки работаешь – на ООП или сирийскую разведку? – перебил его Уди Адив.

– Как я уже тебе сказал, я – палестинец и член ООП, – ответил Абу-Камаль. – Но сирийцы готовы нам помочь, и мы не отказываемся от их помощи. Ты сам понимаешь, что мы не в том положении, чтобы отвергать протягиваемую нам руку, даже если эта рука принадлежит тому, кто нам не очень по душе...

В доме Абу-Камала Уди Адива приняли с восточным гостеприимством и радушием. А его жена, узнав, что Адив – израильтянин, расплылась в улыбке.

– Если вы еще соберетесь к нам, захватите диски израильских певцов, – попросила она. – Я их обожаю!

Ну, а затем был путь в Дамаск, где Уди Адива разместили в той же квартире, в которой до него жил Дан Веред, – Адив понял это по забытым Вередом в шкафу джинсам.

И, похоже, ему предстояло получить те же уроки, которые были преподаны Вереду.

* * *

Однако для Уди Адива Абу-Камаль приготовил совершенно особую программу. В ней были походы по ресторанам и ночным клубам, были стрельбища в тире и занятия по изготовлению самодельных мин, но для начала Абу-Камаль повез своего гостя в еврейский квартал Дамаска. Здесь они зашли в местное отделение полиции, где Абу-Камаль представил Адива как американского журналиста, пишущего очерк о Сирии и в том числе об отношении сирийцев к евреям.

Начальник полицейского участка тут же начал убеждать Адива, что ни он сам, ни другие сирийцы отнюдь не являются антисемитами. Напротив, подчеркнул полицейский, арабы очень хорошо относятся к евреям, а все их претензии, вся ненависть обращена на Израиль и сионистов. Из полицейского участка Абу-Камаль повез Адива в синагогу, где представил его

главному раввину квартала все в той же роли американского журналиста. И раввин поведал Адиву, что евреи в Сирии нисколько не притесняются и жаловаться им, в сущности, не на что – разве что им не разрешают репатриироваться в Израиль, но на это, как известно, есть чисто политические причины...

После этого Абу-Камаль и Уди Адив отправились в здание Управления сирийской разведки, где Адиву предложили во всех подробностях описать свою службу в армии и все, что ему известно о месторасположении военных баз, используемом ЦАХАЛом оружии, тактике израильской армии и т. д.

Адив писал долго – почти целый день, и в итоге заполнил несколько десятков машинописных листов. Ему казалось, что он вспомнил все до мельчайших подробностей, однако, прочитав его отчет, офицеры сирийской разведки закидали его десятками вопросов. Например, Уди Адив перечислил все виды пушек, которые имелись на тот момент на вооружении ЦАХАЛа, и тогда его просили вспомнить, как проявила себя та или иная марка артиллерийской установки в ходе учений, какова ее дальность, кучность стрельбы и т. д. И Адив опять-таки самым подробным образом отвечал на вопросы стратегической важности.

Уже после этого Адиву предложили дать характеристики наиболее крупным израильским военачальникам того времени, и тут-то он и дал волю своим чувствам. Например, генералов Рафаэля Эйтана (Рафуля) и Ариэля Шарона Уди Адив назвал в своей второй записке «нацистами».

И уже после этих встреч в цитадели сирийской разведки последовал «курс молодого диверсанта», который Адив, по мнению его сирийских учителей, прошел просто блестяще. В Афины Уди возвращался вместе с Абу-Камалем, но теперь они сидели в разных концах самолета и делали вид, что совершенно незнакомы друг с другом.

Сидя в зале для пассажиров, ожидающих рейса на Тель-Авив, Уди Адив обдумывал то, что с ним произошло в течение последних двух недель. Как и Дан Веред, он был ошеломлен пережитым приключением, но, в отличие от друга, отнюдь не чувствовал угрызений совести. Больше всего его занимала мысль о том, куда девать ту тысячу долларов, которую он получил от Абу-Камалю: таможенники, а вслед за ними и сотрудники ШАБАКа могли заинтересоваться, откуда у него появились эти деньги, если он выезжал в Грецию почти с пустыми руками. (Напомню, что все валютные операции, совершаемые израильтянами, тогда жестко контролировались и любой несанкционированный ввоз или вывоз валюты за пределы Израиля считался уголовным преступлением.) И тут его взгляд упал на сидевшую неподалеку от него и явно чем-то огорченную девушку.

Адив участливо спросил, не случилось ли у нее в жизни какой-то трагедии, и девушка в ответ улыбнулась.

– Нет, никакой трагедии не произошло, – сказала она. – Просто хотела купить французские духи в «Дьюти фри», а у меня, как назло, кончились доллары. Остались только наши шекели! Вот я слегка и расстроилась...

– Ну, это не беда! – ответил Адив. –

У меня есть доллары, и я с удовольствием обменяю их тебе на шекели по сегодняшнему курсу.

Когда счастливая девушка с флаконом французских духов вернулась из «Дьюти фри» в зал, Адив попросил ее об ответной услуге.

– Понимаешь, – сказал он, – я купил две пары джинсов для сестренки, а без пошлины разрешают провезти только одну. Возьми у меня пакет с одной парой. Мы пройдем по отдельности через таможню, а потом встретимся у выхода из аэропорта, и я у тебя ее заберу.

Девушка, которую звали Анит Флейшер, взяла у Уди Адива пакет с джинсами, благополучно прошла таможню и стала ждать своего случайного попутчика у выхода из аэропорта. Однако час шел за часом, а Адив у дверей аэропорта все не появлялся, и в душе Анит Флейшер стали роиться самые разные мысли. Ее подозрения усилились, когда она решилась заглянуть в целлофановый пакет и обнаружила в кармане джинсов тысячу долларов. Сразу после этого Анит поспешила в полицию и рассказала о странном молодом человеке, который попросил ее провезти джинсы, внутри которых лежала тысяча долларов, а затем так и не пришел на указанное место встречи. Девушка даже вспомнила имя своего нового знакомого – Уди Адив.

– Все в порядке, – ответили ей в полиции. – Знаем мы этого молодого человека. Давайте нам его джинсы и деньги, мы отдадим их по назначению. А если он вас найдет и спросит, куда делись его вещи, скажите правду – что вы передали их в полицию... Сам Уди Адив в это время находился в расположенном в аэропорту отделении ШАБАКА, где его в течение нескольких часов допрашивали о том, что он, член «Красного фронта», так долго делал в Греции. Наконец его отпустили, и Адив бросился к выходу из аэропорта, но Анит Флейшер там не было. К счастью для себя, Адив вспомнил, как Анит сама рассказала ему, что учится в докторантуре истфака Еврейского университета, и найти ее там ему не составило труда. Флейшер сообщила Адиву, что отдала пакет в полицию, и ему не осталось ничего другого, кроме как направиться туда и заявить, что в пакете лежат его джинсы и его личная тысяча долларов.

Спустя два с половиной месяца после этой истории в час ночи 6 декабря 1972 года Уди Адив был арестован в хайфской квартире, которую он снимал вместе со своей подругой Леей Лешем. В ту же ночь были арестованы Дан Веред, Давид Куперман, Дауд Турки, Субхи Нарни, Анис Карави и еще около полутора десятков членов действовавшей на территории Израиля разведывательно-диверсионной сети, состоявшей из израильских арабов и евреев-активистов различных леворадикальных движений. Решение об арестах было принято тогдашним главой ШАБАКА Йосефом Харmeliном после того, как стало известно, что члены сети в самое ближайшее время

собираются провести серию терактов и диверсий на Голанских высотах, а также совершить покушение на министра обороны Моше Даяна.

Создана эта сеть была израильским арабом Хавивом Каваджи, депортированным в свое время из Израиля и прекрасно сочетавшим свое членство в ООП со службой в сирийской разведке. Впрочем, всем арестованным по этому делу Хавив Каваджи был известен под именем Абу-Камалья...

* * *

Первый допрос Уди Адива проводил Йоси Гиноссар, игравший свою излюбленную роль «добротого следователя».

Гиноссар начал с того, что ему известны убеждения Адива и он понимает, что Адив согласился заняться диверсиями и шпионажем исключительно по идеологическим мотивам. Затем он представил Адиву неопровержимые доказательства того, что ШАБАКУ известно все о его контактах с сирийской разведкой, в том числе... копию отчета Хавива Каваджи о вербовке Уди Адива на фирменном бланке Второго разведывательного управления Республики Сирия.

Однако Адив не пожелал поддержать начатый Гиноссаром разговор, и когда тот ушел отдыхать, его сменил Дорон Коэн, которому, соответственно, была поручена роль «злого следователя». Коэн с ходу начал угрожать Уди Адиву, что если тот не расколется, то он арестует его родителей и Лею Лешем, а затем сообщил, что Дан Веред и Дауд Турки уже рассказали все, что знали, и, таким образом, доказательств вины Адива у них более чем достаточно – особенно с учетом результатов обыска в его квартире, в ходе которого было найдено пособие по изготовлению мин и химикаты, из которых можно изготовить взрывчатые вещества.

Однако Адив, вспомнив клятвы, которые они давали другу другу с Даудом Турки о том, что не выдадут известные им тайны даже под пытками, отказывался поверить в то, что Турки уже в первые же сутки после ареста назвал имена всех, кого ему удалось завербовать по указанию «Абу-Камалья». И даже после того, как Коэн прокрутил для Адива записи допросов Турки и Вереда, Уди Адив отказывался поверить в то, что эти пленки не являются фальшивками.

– Я хочу встретиться с Вередом! – сказал Уди, и это были первые слова, произнесенные им в течение 24 часов после ареста.

Веред не скрывал во время их очной ставки того, что он уже во всем признался.

– Они знают все, Уди, – сказал он другу. – У них есть даже фотографии моих встреч с Абу-Камалем в Афинах. Я не знаю, откуда у них фотографии, но они у них есть.

Но даже после этого Уди Адив продолжал молчать. Он молчал долго – больше 48 часов, в течение которых ему не давали ни минуты сна.

И лишь когда Йоси Гиноссар, устав от своей маски доброго следователя, сказал, что Уди не оставляет ему выхода и сейчас он выпишет ордер на арест Леи Лешем, Адив начал давать показания.

Он рассказал о своих беседах с «Абу-Камалем», о своем многочасовом общении с сотрудниками сирийской разведки и написанных им отчетах, о полученных им в Дамаске уроках и о том, что он действительно готовился проводить диверсии и теракты на Голанских высотах, которые были оккупированы Израилем во время Шестидневной войны.

– Я хочу подчеркнуть, – добавил Уди Адив, – что я оговорил с Абу-Камалем то, что буду выполнять исключительно те его задания, которые не предусматривают гибель людей. Я готов был взорвать несколько мостов на Голанах и несколько правительственных учреждений, но так, чтобы в момент взрыва ни на мосту, ни внутри зданий не было ни одного человека...

Суд над членами этой разведывательно-диверсионной сети начался в декабре 1973 года. На скамье подсудимых оказалось больше 20 человек – евреев и арабов. Но всем было ясно, что вместе с ними на этой самой скамье должна была находиться и идеология левого политического лагеря страны, порождением которой в итоге становятся такие нравственные и духовные чудовища и калеки, как Уди Адив и Дан Веред. Но даже после судебного процесса израильское общество продолжало жить прежними иллюзиями и мифами, и появление в 1982 году движения «Шалом ахшав», являющегося духовным наследником «Компаса», было воспринято как нечто само собой разумеющееся.

Наиболее суровые приговоры по этому делу суд вынес Уди Адиву и Дауду Турки – они были осуждены на 17 лет тюремного заключения. Остальные обвиняемые получили от двух до двенадцати лет тюрьмы. Турки был освобожден и выдворен за пределы Израиля в 1979 году – в рамках сделки об обмене трех пленных израильских солдат на сотни палестинских заключенных. Уди Адив также вышел из тюрьмы досрочно, в 1985 году, после того как в израильской прессе началась кампания за его амнистию.

Любопытно, что все проведенные им за решеткой двенадцать с лишним лет Уди Адив просидел вместе с заключенными-палестинцами, несколько раз отвергнув предложение перейти на «еврейскую половину» тюрьмы.

В 1975 году он сочетался в тюрьме браком с Сильвией Клигберг – членом одной из израильских марксистских организаций и дочерью советского шпиона Маркуса Клигберга, о котором уже рассказывалось на страницах этой книги.

Однако, выйдя на свободу, он развелся с Сильвией и женился на своей давней подруге Лее Лешем. Свидетелем на их свадьбе, отпразднованной в узком кругу друзей, был Дан Веред. Вскоре после этого Уди Адив уехал на учебу в Великобританию и вернулся в Израиль уже в

конце 80-х со степенью доктора философии, что дало ему возможность стать преподавателем политологии в Открытом университете.

В начале 90-х годов, вскоре после крушения СССР, Уди Адив окончательно разочаровался в коммунистической идеологии и дал свое первое интервью газете «Едиот ахронот».

– Дауд Турки и Абу-Камаль попросту использовали меня, пользуясь моей доверчивостью, сказал он в своем интервью. – Я искренне верил, что помогаю делу палестинской революции, а на самом деле стал игрушкой в руках арабских националистов...

* * *

Остается сказать, что раскрытие разведывательно-диверсионной сети во главе с Даудом Турки и Уди Адивом стало одним из самых крупных успехов ШАБАКА начала 70-х годов. Сотрудники этой организации и по сей день утверждают, что данная сеть была раскрыта исключительно благодаря тому наблюдению, которое они вели за кажущимися им наиболее экстремистски настроенными активистами движения «Компас» с конца 60-х годов. По их словам, Адив был в числе тех, за кем велось непрерывное наблюдение. Когда в ходе такого наблюдения за ним в Афинах было установлено, что он встречался с Хавивом Каваджи, началась слежка за всеми, с кем общался Уди Адив. И его телефон, и телефоны Вереда, Турки, Купера и других постоянно прослушивались, а в их квартирах были установлены различные «жучки». Вдобавок ко всему, добавляют в ШАБАКе, Турки и его команда лишь играли в профессиональных шпионов и диверсантов, а на деле были дилетантами и профанами, а потому вести за ними наблюдение было совсем не сложно...

И все же целый ряд фактов заставляет усомниться в этой официальной версии ШАБАКА о том, каким образом была раскрыта данная разведсеть. Более того – они наводят на мысль о том, что в начале 70-х годов, уже после провала и казни легендарного Эли Коэна^[51], в Сирии весьма эффективно действовал некий израильский разведчик.

Да, он, вероятнее всего, не сумел войти в высшие армейские и политические круги сирийского общества, как это удалось Коэну, но он явно также работал внутри военно-государственной машины Сирии и исправно поставлял в Израиль информацию о деятельности этой машины – в том числе и о попытке Второго управления сирийской разведки создать свою агентурную и диверсионную сеть в Израиле.

Впрочем, так это или нет, мы в ближайшие десятилетия все равно не узнаем. Согласно действующим правилам, гриф «Совершенно секретно» снимается с архивных документов ШАБАКА и «Моссада» не раньше чем через пятьдесят лет. И кто знает, какие тайны откроются тем, кто будет разбирать эти архивы в 20-х годах XXI столетия?!..

1997. Бумеранг

Не секрет, что обычно с течением времени яркие краски, в которые были окрашены для общества те или иные события, выцветают, как буквы на газетной бумаге, и вот уже самые гнусные, самые варварские преступления не кажутся такими уж жуткими и варварскими. И те самые люди, которые, скажем, некогда требовали смертной казни маньяка, начинают вдруг видеть в нем не только преступника, но и жертву, и даже ратовать за его амнистию. История Нахума Манбара – это удивительная история человека, преступление которого с течением времени представляется все страшнее и серьезнее, чем казалось в день его ареста. История Нахума Манбара – это, в сущности, история о том, как один человек расплатился за политическую слепоту политических лидеров Израиля. История Нахума Манбара – это весьма поучительный урок для тех, кто стремится к успеху любой ценой. История Нахума Манбара – это...

Это уже неотъемлемая часть истории Израиля. Правда, страница, в которую она вписана, еще не закончена, ибо никто не знает, как и чем аукнутся еврейскому народу деяния этого человека.

* * *

В сотнях газетных заметок и очерков, опубликованных в разные годы в израильской прессе о Нахуме Манбаре, его почти всегда представляют как «кибуцника, который стал мультимиллионером».

Это и так и не так одновременно.

Родители Нахума Манбара Аарон и Сара Манбар и в самом деле были одними из основателей кибуца Гиват-Хаим и убежденными сторонниками социалистической идеологии. Однако не следует забывать, что Аарон Манбар был все-таки не рядовым кибуцником, а управляющим созданного при кибуце завода по изготовлению деревянных бочек. И родившийся в 1948 году, за месяц до провозглашения Государства Израиль, Нахум с детства с интересом следил за тем, как отец отдает распоряжения, сидя в своем скромном кабинете, крутился с ним на заводе во время обхода цехов, иногда даже присутствовал на переговорах отца с деловыми партнерами. Одним словом, Нахум Манбар был с ранних лет погружен в стихию бизнеса, и неудивительно, что в итоге решил посвятить себя именно предпринимательской деятельности.

Но прежде, чем это произошло, Нахум Манбар неплохо учился в школе и, несмотря на свой относительно низкий рост, демонстрировал завидные успехи на баскетбольной площадке. Уже в 16 лет он был принят в качестве разводящего в популярную в начале 60-х годов кибуцную команду «Ха-Поэль Гиват-Хаим», а затем и в юношескую сборную Израиля по баскетболу.

«Юный разводящий нашей сборной Нахум Манбар мгновенно находит бреши в обороне противника и использует любую возможность для того, чтобы забросить мяч в корзину», – писала в те дни спортивная пресса. Точнее о Манбаре, пожалуй, и не скажешь – он действительно обладал потрясающей способностью мгновенно находить бреши,

образовывавшиеся на том или ином рынке, и использовал любую возможность для того, чтобы заработать деньги.

В 18 лет Манбар, как и все израильские юноши, был призван в армию. Как и полагалось жителю кибуца, он направился в элитные десантные части, окончил офицерские курсы и Шестидневную войну встретил на южной границе Израиля в звании лейтенанта. Отслужив в армии, Манбар вернулся в родной кибуц Гиват-Хаим в качестве капитана запаса, женился на простой кибуцной девушке Гале и заявил о том, что хотел бы не работать, а учиться в университете – для того, чтобы потом принести пользу родному кибуцу, разумеется. Однако на общекибуцном собрании было решено Нахуму Манбару в этой просьбе отказать. То есть не то чтобы совсем отказать, а отложить ее года на два-три: в кибуце решили, что другие его уроженцы достойны получить высшее образование в куда большей степени, чем Нахум. Так что пусть он пока подоит коров и присмотрит за курами, а дальше посмотрим...

Но в том-то и дело, что доить коров Нахуму Манбару совсем не хотелось. И, хлопнув дверью, он оставил родной кибуц, чтобы перебраться в богемный, бурлящий, притягивающий к себе Тель-Авив, где с головой окунулся в новую жизнь. Вскоре Манбар поступил на экономический факультет Тель-Авивского университета, развелся с женой и стал вести образ жизни типичного представителя тель-авивской золотой молодежи.

Но на такую жизнь требовались деньги – и немалые. И вместе с другими выходцами из кибуцев, так же, как и он, решившими предать «великое дело строительства социализма», Нахум Манбар создает одно предприятие за другим, и все они почему-то лопаются со скоростью мыльных пузырей. После того как открытый им в Холоне завод по изготовлению сумок и чемоданов в 1974 году оказался на грани банкротства, Манбар был обвинен в подделке чеков и других финансовых махинациях, приговорен к крупному денежному штрафу и 30 месяцам тюремного заключения условно.

Однако этот приговор отнюдь не охладил делового пыла Манбара – он продолжил активно заниматься бизнесом. Попытка Нахума сколотить капитал, выращивая рыбу в искусственных прудах Синайского полуострова, с треском провалилась, но вот его следующее начинание – созданная вместе с двумя религиозными ортодоксами компания по скупке и продаже недвижимости – оказалось достаточно успешным. К примеру, купив заброшенное здание в Рамат-Гане за несколько десятков тысяч шекелей, Манбар с компаньонами отремонтировал его и продал больничной кассе «Маккаби» уже почти за три миллиона...

В 1984 году против Манбара было возбуждено новое уголовное расследование – опять связанное с финансовыми махинациями, подделкой документов и попыткой выудить у государства обманном путем несколько миллионов шекелей. Допрос следовал за допросом, дело

явно шло к суду и суровому приговору (тем более что в ходе следствия всплыли и другие осуществленные Манбаром финансовые аферы), но дожидаться суда он не стал.

В апреле 1985 года Нахум Манбар направился в Яффский порт, угнал одну из пришвартованных там яхт и на ней добрался до берегов Турции. В кармане у него было только 600 долларов, и почти всю эту сумму он выложил за авиабилет из Стамбула в Лондон. Спустя сутки Манбар уже гулял вдоль берега Темзы, прикидывая, как же ему жить дальше – особенно с учетом полного отсутствия денег и того факта, что Израиль объявил его беглым преступником, находящимся в международном розыске.

Свою первую ночь в Лондоне Манбар провел в какой-то ночлежке, за койку в которой пришлось уплатить целых пять фунтов стерлингов. Но тут на помощь ему пришла еврейская, а точнее, израильская солидарность: обретавшиеся в Лондоне израильтяне справили Манбару фальшивые, но вполне приличные документы и устроили на работу в британское представительство известной израильской компании «Агрэско».

Через неделю после приезда в Лондон он уже бойко торговал на оптовом овощном рынке в Ковент-Гардене израильскими цветами, дынями, арбузами и прочей сельскохозяйственной продукцией. Увлечшись новой деятельностью, Манбар наладил связь с еврейскими бизнесменами в Тунисе и Марокко и стал продавать через «Агрэско» и сельскохозяйственные продукты из этих стран...

Однако Нахум быстро понял, что на торговле цветами и арбузами по-настоящему больших денег не заработаешь, и стал искать другую сферу приложения своего таланта предпринимателя. Так как его английский был весьма далек от совершенства, в качестве своего секретаря и переводчика он нанял молодого израильтянина Дорона Л., учившегося в Оксфорде. Впрочем, очень скоро Дорон из наемного работника превратился в его ближайшего компаньона и друга.

Вместе с Дороном Манбару удалось заключить свои первые – пока очень скромные – сделки по продаже английского оружия в третьи страны.

Торговля оружием была куда более прибыльным бизнесом, чем торговля овощами и фруктами, но...

Во-первых, войти в клуб торговцев этим товаром было не так просто, а во-вторых, почему-то Великобритания наложила эмбарго на торговлю оружием как раз с теми странами, которые готовы были платить за него любые деньги. Манбар попытался совершить несколько сделок в обход эмбарго – и мгновенно попал в поле зрения британской полиции, вдобавок ко всему заинтересовавшейся подлинностью его документов.

И в 1988 году Нахуму Манбару снова приходится бежать – на этот раз из Англии.

Так уроженец маленького израильского кибуца, не очень удачливый еврейский бизнесмен оказывается в Вене – городе, праздная пышность которого всегда служила отличным прикрытием

для разведслужб различных стран мира, для ведения тайных переговоров, для заключения сверхсекретных сделок.

80-е годы подходили к концу, и вместе с ними заканчивалась целая эпоха: в СССР уже началась горбачевская перестройка, мир жил предчувствием перемен, а на Среднем Востоке как раз завершилась девятилетняя кровопролитная война между Ираном и Ираком. Иранская армия мужественно сражалась с врагом, однако явно уступала ему в качестве имевшейся у нее на вооружении боевой техники. Ну, а когда иракский диктатор Саддам Хусейн решил применить против ненавистных ему персов химическое оружие, правительство Ирана, по сути дела, капитулировало и село за стол переговоров с врагом.

Но еще прежде, чем были подписаны все мирные договора, иранские эмиссары начали рыскать по всему миру, ища пути приобретения оружия для своей армии. Появились они, разумеется, и в Вене, и именно здесь, очевидно, и произошла первая встреча Нахума Манбара с иранцами, которой предстояло перерасти «в долголетнее и плодотворное сотрудничество».

Уловив, что подувшие в мире ветры перемен могут принести немалые деньги тому, кто поймает их в свои паруса, Нахум Манбар решил на этот раз не упускать открывающихся перед ним возможностей. И в 1989 году вместе со своим верным другом и оруженосцем Дороном он появляется в Варшаве.

* * *

Это было смутное время в истории Польши – время, когда старая система власти, державшаяся на поддержке СССР, еще не умерла окончательно, но уже агонизировала, а новая только делала свои первые шаги. Неудивительно, что на всех этажах власти и во всем польском обществе в этот период правили бал коррупция и анархия. И именно в этой мутной воде и решил ловить свою золотую рыбку Нахум Манбар. Он сразу оценил смехотворно низкие цены на недвижимость на польском рынке, понял их временный характер и, взяв ссуды, купил за бесценок несколько зданий в самом центре Варшавы. Однако, как уже понял читатель, Манбар отнюдь не собирался торговать недвижимостью.

Зарегистрировав компанию «Европоль», он явился в Министерство обороны Польши и предложил его тогдашнему руководству «честную сделку»: он находит в Южной Америке и Африке покупателей на имеющиеся у польской армии «излишки» оружия, продает их, а прибыль делится пополам – в том смысле, что часть ее, конечно, достается государству, но значительная часть оседает на его личном счету и счетах министра обороны Речи Посполитой, его заместителя и прочих уважаемых людей.

Несмотря на всю заманчивость такого предложения, поляки согласились на него не сразу: они хорошо помнили, что, согласно существующим договорам, Польша, во-первых, имеет право продавать только советское оружие, во-вторых, для того, чтобы заключить сделку о такой

продаже, должна получить разрешение СССР, а в-третьих, выплатить своему могущественному «старшему брату» львиную долю прибыли. Однако Манбар успокоил своих новых друзей, заверив их, что сделает все так, что ни один русский комар носу не подточит.

Так и получилось: несмотря на то что все осуществляемые Манбаром в последующие годы сделки противоречили советско-польским договорам, СССР так и не предъявил Польше никаких претензий по данному поводу.

Это объяснялось, во-первых, тем, что события повернулись так, что советскому руководству надо было спешно решать свои внутренние проблемы и ему стало не до поляков. А во-вторых, Манбар действительно создал хитроумную систему осуществления сделок, проследить за которой было крайне трудно: для каждой более-менее крупной сделки создавалась новая компания, а все деньги прокручивались через оффшорные зоны. В конце концов число компаний, зарегистрированных Манбаром в Польше, стало больше 70, а на его личном счету появился первый миллион долларов.

Но это были слишком маленькие деньги, чтобы удовлетворить огромное честолюбие и жизненные запросы Манбара. Большая часть его клиентов жила в странах третьего мира, денег у них было в обрез, а покупали они в основном автоматы Калашникова да патроны к ним, и это приносило отнюдь не такие большие прибыли, как хотелось бы Нахуму Манбару.

В поисках новых рынков он и вспомнил о тех самых иранцах, с которыми когда-то столкнулся в Вене. Они хотели покупать оружие, но, учитывая наложенное американцами эмбарго, им никто не хотел продавать его. А потому иранцы были готовы покупать любое оружие, платить за него любые деньги, а на то, является сделка законной или нет, им было абсолютно наплевать. К тому же именно в это время распался СССР, Польша, с одной стороны, оказалась свободна от всяких обязательств перед более не существующей страной, а с другой, рвалась в ЕС и НАТО и ради этого готова была пойти на существенное сокращение своего арсенала. А последнее, в свою очередь, означало, что вот-вот должна была начаться дешевая распродажа имеющегося на вооружении у польской армии оружия.

И Нахум Манбар решил стать тем человеком, который поможет Польше избавиться от «излишков» этого оружия.

Первая встреча между Манбаром и военным атташе Ирана в Вене прошла крайне напряженно: иранцы всерьез подозревали, что этот израильский бизнесмен может быть агентом «Моссада», и отнюдь не желали попасть в его ловушку. Тем не менее они передали Манбару список товаров, которые хотели бы получить с его помощью. В список входили различные средства защиты от химического оружия: противогазы, защитные костюмы, передвижные дезактивационные станции и т. д. И Манбар решил, чтобы не ударить в грязь лицом перед новыми клиентами, предоставить им товар высшего качества, то есть... израильского производства.

Вернувшись на родину (к тому времени армейский друг Манбара и его адвокат Ави Дихтерман успели заключить сделку с израильским правосудием, по которой Манбар за свой побег из-под суда и все совершенные им правонарушения должен был всего лишь уплатить крупный штраф), Нахум Манбар зарегистрировал здесь филиал своей компании и назначил его директором подполковника запаса Амоса Коцера.

Обладавший огромными связями в Министерстве обороны и в промышленных кругах Коцер без труда договорился с руководством израильской оборонной промышленности и получил все необходимые разрешения на сделку от Министерства обороны и других правительственных инстанций.

Следует отметить, что в конце 80-х – начале 90-х годов Иран не значился в списке стратегических противников Израиля, а потому торговля с ним – в том числе и торговля оружием – израильским предприятиям и израильским бизнесменам не возбранялась. И потому неудивительно, что, зная о готовности Ирана платить немалые деньги за любые виды вооружения, многие израильские предприниматели активно искали выходы на правительственные круги этой страны, вызывая тем самым резкое недовольство США.

Таким образом, ничего противозаконного в сделках Манбара с иранцами не было, и его не только не осуждали – напротив, многие открыто завидовали его умению заполучить столь выгодных клиентов.

После того как Манбар выполнил первый заказ иранцев, за ним последовал второй, третий, четвертый и т. д. И в течение короткого времени – полутора-двух лет – израильтянин Нахум Манбар, по сути дела, перевооружил иранскую армию, оснатив ее самым современным на тот момент времени оружием: автоматами АКМ, БМП, танками, артиллерией, самолетами...

Делалось это просто. К примеру, советский танк Т-55 Манбар покупал у польской армии за 35 000 долларов. Затем он оснащал его новейшей израильской техникой (приборами ночного видения, автоматической наводки и т. д.), что обходилось ему в 20 000 долларов, а затем продавал этот танк иранцам уже за 200 000 долларов.

Лучший советский танк Т-72 Манбар приобретал у поляков за 50 000 долларов, а продавал его уже за 600 000 долларов. И так – практически со всеми видами оружия. По самым предварительным подсчетам, суммарно сделки с иранцами принесли Манбару в тот период порядка 16 миллионов долларов чистой прибыли. Среди проданного им иранцам советского оружия были и наплечные ракеты СА-7, которые потом оказались в руках «Хизбаллы» и были использованы этой террористической организацией против Израиля.

Но на этом Манбар не остановился. С помощью все того же Амоса Коцера он приобрел в этот период для иранцев несколько систем экстренного опознания применения противником химического оружия «Кадет» (эта система была разработана во Франции, но Израиль купил у

французов право на ее производство), а также начал переговоры о приобретении для Ирана уникальных израильских лазерных радаров «Сигаль».

Повторю, на тот момент Иран не значился в списке стратегических противников Израиля.

А потому хотя сам Израиль напрямую торговать с иранцами не мог (и в силу международного эмбарго, и по простой причине отсутствия дипотношений между двумя странами), но частным израильским предпринимателям это не возбранялось. Следуя данному принципу, израильские власти закрывали глаза на то, что некая польская компания закупает в Израиле военное оборудование, а затем из Польши это оборудование поступает в Иран. Формально Израиль эмбарго не нарушал – и ладно.

Однако в 1991 году некоторые израильские аналитики начали наконец понимать, что стратегическую угрозу для существования Израиля может представлять собой не только Ирак, но и Иран. С этой точки зрения, продажа радаров «Сигаль» Ирану могла повлечь нежелательные последствия для Израиля, и в августе 1991 года Министерство обороны наложило запрет на эту сделку. А заодно вообще запретило предприятиям «оборонной промышленности Израиля» заключать какие-либо сделки с компаниями Нахума Манбара, так как он ведет дела с фундаменталистским режимом Ирана.

Но к тому времени Манбар был уже очень богатым человеком. Он покупал и продавал оружие по всему миру, и филиалы его компаний находились не только в Польше, но и в Болгарии, Венгрии, Италии, Франции. Сам он был обладателем нескольких роскошных вилл и квартир в Ницце, Монако, а также в живописных природных уголках Испании, Франции и Швейцарии.

Стремясь приобрести положительный имидж в израильском обществе, сильно подпорченный провалами 70-х годов и недавним запретом Министерства обороны, Манбар начал жертвовать миллионы на благотворительные цели. В частности, на его деньги была создана знаменитая организация в защиту детей ЭЛИ. Кроме того, Манбар решил вложить миллионы долларов в израильский спорт. Для начала он попробовал стать одним из совладельцев знаменитого баскетбольного клуба «Маккаби-Тель-Авив», однако члены совета директоров «Маккаби» отказались отнестись к Манбару как к равному. Тогда он сначала вложил полтора миллиона долларов в холонский «Ха-Поэль», а затем за 3 миллиона долларов приобрел находившийся на грани банкротства баскетбольный клуб «Ха-Поэль-Иерусалим» – главного соперника «Маккаби» в борьбе за звание чемпиона страны.

И, наконец, Манбар начал оказывать открытую поддержку пришедшей в 1992 году к власти партии «Авода», прежде всего, таким ее видным деятелям, как Узи Барам и Далья Ицик, ставшим его близкими друзьями.

Все это сделало его неременным героем спортивных новостей и газетных полос, посвященных светской хронике.

Жизнь была прекрасна, тем более что перед компанией Манбара замаячил новый заказ, который мог удвоить, а то и утроить его и без того огромное состояние: его иранские клиенты захотели заполучить химическое оружие. И он, еврей Нахум Манбар, собирался помочь Ирану стать обладателем такого оружия. На самом пике этого успеха к Нахуму Манбару пришла первая в жизни настоящая любовь.

* * *

История любви и брака Нахума Манбара напоминает сюжет дамского романа.

Его главный герой – 43-летний, находящийся в отличной физической форме и довольно симпатичный миллионер – узнает о том, что некая вдова Френсис Шмидт хочет продать ставший ей ненужным после смерти мужа большой дом в Каннах. Так как миллионер как раз собирается купить дом в Каннах, чтобы время от времени проводить в нем выходные, то его заинтересовывает это предложение, он едет посмотреть дом и... И оказывается потрясен тем фактом, что вдова, оказывается, никакая не старуха, а цветущая, интересная 39-летняя женщина. Вдобавок Шмидт – фамилия ее покойного мужа, а сама она, как и он, еврейка. Правда, не из Израиля, а из Франции, но это роли не играет.

В полном смятении он покидает роскошный особняк, обещая завтра дать ответ, покупает он его или нет, а наутро звонит своей новой знакомой, чтобы выпалить в трубку:

– Френсис! Я не знаю, что со мной происходит... Я люблю вас! Выходите за меня замуж. Пожалуйста!!!

Впрочем, если вы думаете, что Френсис Шмидт сразу же сказала «да», то вы ошибаетесь. Дело в том, что она была вдовой не кого-нибудь, а Германа Шмидта – того самого Германа Шмидта, который разрабатывал для аргентинцев, египтян и иракцев баллистическую ракету «Кондор».

Шмидт, всегда придерживавшийся здорового образа жизни и никогда ничем не болевший, скончался внезапно, от скоротечного рака легких, и у Френсис невольно возникла мысль о том, что смерть ее мужа была подстроена израильским «Моссадом». Нахум Манбар был первым израильтянином, с которым она познакомилась в своей жизни, и в ее душу закралось подозрение, что этот обаятельный богач вполне может быть агентом израильской разведки.

В то же время в душу директора израильского филиала компании Манбара Амоса Коцера закралось подозрение, что Френсис Шмидт работает на разведку одной из арабских стран, и он посоветовал боссу держаться от нее подальше. Но спустя два месяца Нахум и Френсис съехались, а в январе 1992 года они приехали в Израиль – Манбар хотел познакомить друзей и родителей со своей женой.

Но не только с ними – вдовой Германа Шмидта заинтересовались в ШАБАКе и «Моссаде», и сотрудники этих спецслужб попросили Манбара уговорить Френсис рассказать все, что она знает

о ракете «Кондор». Знала Френсис немного, а когда она честно призналась, что сожгла все бумаги мужа, сотрудники израильских спецслужб были явно разочарованы.

Одновременно они проявили интерес к контактам Нахума Манбара с Ираном, и Манбар заявил, что у него от родной страны секретов нет и он готов рассказать все без утайки.

С того времени в каждый свой приезд в Израиль (а приезжал он на родину не реже чем раз в 3-4 месяца) Манбар встречался со своим связным из ШАБАКА Даном Мильнером, они ехали в какой-нибудь уютный ресторан, и там за обедом Манбар отчитывался о своих новых сделках с Ираном.

Дан Мильнер был очарован Нахумом Манбаром и считал, что всем его отчетам следует полностью доверять. Однако в 1993 году тогдашний глава «Моссада» Шабтай Шавит неожиданно попросил у ШАБАКА разрешения на то, чтобы во встрече Мильнера с Манбаром приняла участие одна его молодая сотрудница. Вернувшись с этого задания, девушка рассказала, что Манбар произвел на нее весьма неблагоприятное впечатление: по ее мнению, ни одному его слову нельзя доверять и вообще он что-то скрывает.

Но к тому времени и глава израильского филиала компании Манбара Амос Коцер тоже начал подозревать, что его хозяин ведет какие-то темные дела с Ираном, в которые его, Коцера, старается не посвящать. И, явившись в «Моссад», Коцер поделился своими сомнениями с его руководством, добавив, что он, конечно, любит зарабатывать деньги, но при этом отнюдь не желает нанести какой-либо вред своей стране.

Попытка проверить обоснованность подозрений лишь усилила их: сотрудники «Моссада» сделали фотокопии документов, лежащих в кабинете Манбара, но все они оказались зашифрованы – и значит, их владельцу было что скрывать. А установленное за Нахумом Манбаром наблюдение показало, что в Вене он регулярно встречается с самыми высокопоставленными чиновниками Министерства обороны Ирана.

И когда два молодых сотрудника «Моссада», осуществлявших наблюдение, погибли в автокатастрофе, все в «Моссаде» были уверены, что авария была подстроена иранцами, и слежку за Манбаром было решено усилить. Впоследствии выяснилось, что автокатастрофа была и в самом деле случайной, но слежка за Манбаром оказалась не напрасной.

Кстати, по приезде в Тель-Авив Нахум Манбар высказал Мильнеру претензии за установленное за ним наблюдение.

– Зачем вы это сделали? – спросил Манбар. – Я же вам и так все рассказываю!

Но рассказывал он на самом деле далеко не все.

* * *

Свои пожелания во время встречи с ним в венском «Хилтоне» иранцы сформулировали предельно четко: они хотят, чтобы Манбар достал им технологию изготовления, все необходимое

оборудование и сырье для массового производства горчичного газа, зарина и других видов химического оружия. Причем факт, что у Ирана появилось такое оружие, должен остаться в тайне.

И, закатав рукава, Манбар принялся за дело.

Понятно, что ни одна страна, у которой было все, что требовалась иранцам, не была готова продать им ни оборудование, ни химические ингредиенты: сделать это означало бы поссориться со Штатами и навлечь на себя международные санкции.

Выяснив, что именно необходимо для производства химического оружия нервно-паралитического и кожно-нарывного действия, Манбар начал по частям заказывать оборудование для строительства завода по производству химического оружия. Реакторы, печи, конденсаторы и т. д. были заказаны им у венгерской компании «Лемперт». Венгры, разумеется, догадались, для чего все это нужно, но были настолько заинтересованы в заказе, что предпочитали молчать. Точнее, по мнению ЦРУ, компания «Лемперт» восприняла заказ как должное, так как давно уже специализировалась на изготовлении оборудования для производства оружия в обход международного законодательства. По сути дела, 80% всего оборудования, необходимого для производства химического оружия, было изготовлено «Лемпертом» в Венгрии, а еще 20% – на различных польских предприятиях. При этом материалы, необходимые для производства данного оборудования (например, особые стальные сплавы) заказывались в Европе.

Необходимые ингредиенты и, прежде всего, тионилхлорид, Манбар приобрел в Китае.

Тем временем в 1993 году руководство израильской армии и спецслужб окончательно пришло к выводу, что Иран представляет собой угрозу для существования Израиля, объявило его стратегическим противником, любые контакты с которым будут расцениваться как контакты с врагом и предательство национальных интересов.

Обо всем этом Дан Мильнер сообщил Манбару во время их очередной встречи и добавил, что тот должен прервать все свои отношения с Ираном и разорвать все подписанные им договора.

Манбар пообещал, что так и сделает, но, разумеется, и не подумал выполнить свое обещание: слишком большие деньги лежали на кону, чтобы он мог их потерять. В то же время он убедился, что был прав, когда сделал все, чтобы ни Френсис, ни кто-либо другой из десятков сотрудников его компании не владел полной информацией о его сделках с иранцами. Такая информация была лишь у технического директора головного филиала его компании в Варшаве Кшиштофа З. и ближайшего друга и компаньона Дорона Л.

Когда все оборудование и все сырье для производства химического оружия были изготовлены и закуплены, Манбар стал думать, как переправить его в Иран (речь шла даже не о десятках, а о сотнях тонн груза). В конце концов Манбар решил поручить эту доставку всемирно известной

фирме «М+М», но, разумеется, ни словом не обмолвился с ее руководством о том, что за груз ему нужно доставить в Иран, – по его словам, речь шла о химических веществах, призванных помочь иранцам в борьбе с сельскохозяйственными вредителями и оборудованием для пищевой промышленности.

Однако к тому времени наблюдение за Нахумом Манбаром вел не только «Моссад», но и ЦРУ, а также турецкая и французская разведки. И все они были едины во мнении: Манбар помогает Ирану стать обладателем химического оружия.

В 1994 году на основе этих данных США включили Нахума Манбара в черный список предпринимателей, которым запрещен въезд на территорию США и от которых все государственные и крупные частные компании должны держаться подальше. Вскоре после этого специальным указом князя ему был запрещен въезд в Монако.

Но Манбара это не остановило – на его счет продолжали исправно поступать миллионы шекелей, а в Тегеран шли и шли вагоны, призванные изменить расстановку сил на Ближнем Востоке. Глава «Моссада» Шабтай Шавит потребовал немедленно арестовать Манбара, но тогдашний госпрокурор Израиля Дорит Бейниш заявила, что для такого ареста нет достаточных оснований – вот когда у «Моссада» будут все доказательства, что Манбар и в самом деле помогает иранцам в создании химического оружия, его действительно можно будет арестовывать.

Такие доказательства были добыты только к весне 1997 года.

К этому времени Иран приступил к производству своего химического оружия.

* * *

...Нахум Манбар был арестован в аэропорту Бен-Гурион 27 марта 1997 года, когда прилетел в Израиль, чтобы посмотреть, как в финальном матче за кубок страны по баскетболу сойдутся «Маккаби Тель-Авив» и его «Ха-Поэль-Иерусалим». Когда его постоянное место в тель-авивском дворце спорта осталось во время этого матча пустым, по Израилю начали распространяться слухи о таинственном исчезновении владельца «Ха-Поэль-Иерусалим».

Слухи стали расти как снежный ком, обрастая всевозможными небылицами, пока наконец 16 апреля не было разрешено опубликовать сообщение о том, что «бизнесмен Нахум Манбар арестован по соображениям безопасности».

5 мая 1997 года дело Нахума Манбара было передано в суд, и ему предъявили обвинение по двум пунктам: nepозволительные контакты со стратегическим противником Израиля и передача противнику секретной информации, а также оказание ему помощи, способной нанести ущерб безопасности Израиля.

Сам процесс получился необычайно долгим и трудным.

Нахум Манбар и его адвокат Амнон Зихрони (запросивший гонорар в размере 200 тысяч долларов) пытались убедить суд, что никакой секретной информации Манбар иранцам не

передавал, так как все переданные им технологии производства горчичного газа, зарина и прочих видов химического оружия описаны в открыто продающихся учебниках химии. При этом назначения закупаемого им оборудования и химических веществ Манбар якобы не понимал и не мог понимать из-за отсутствия у него соответствующего образования.

Далее Зихрони начал убеждать суд в том, что закупавшиеся Манбаром вещества на самом деле являются исходными реактивами для получения не только химического оружия, но и самых обычных дезинсекторов. И, наконец, по словам Зихрони, никто не предупредил Нахума Манбара о том, что контакты с Ираном предосудительны, тем более что является Иран стратегическим противником Израиля или нет – это еще бабушка надвое сказала. Для подтверждения своей мысли Зихрони вызвал в суд сотрудника Центра стратегических исследований «Яффе» Ифтаху Шапира, который, не моргнув глазом, заявил, что Иран, с его точки зрения, не представляет никакой угрозы для Израиля.

– Даже если у него появятся баллистические ракеты, способные долетать до Израиля, неся ядерные и химические боеголовки? – спросил судья Амнон Страшнов.

– Конечно, – ответил Шапира. – К примеру, у американцев такие ракеты есть, но разве они представляют угрозу для Израиля?

В то же время обвинение также выставило немало свидетелей, среди которых были инженер Кшиштоф З. и Дорон Л. – самые близкие Манбару люди, осознавшие, насколько его деятельность опасна для Израиля.

Уже под самый занавес процесса судья Амнон Страшнов (один из самых принципиальных судей Израиля) неожиданно взял самоотвод, заявив, что он не может выносить приговор по делу Манбара, так как находится в «особых отношениях» с одним из адвокатов подсудимого Пнинат Янай.

Страшнов признался, что когда Янай ездила по поручению Зихрони в Китай, чтобы добыть «доказательства невиновности» Манбара, она звонила оттуда Страшнову и, таким образом, он был осведомлен о планах защиты.

Зихрони поспешил использовать отставку Страшнова для того, чтобы вообще объявить суд над Манбаром незаконным. Он заявил, что сам процесс является мстью премьер-министра Биньямина Нетаньягу бизнесмену, поддерживавшему партию «Авода», обвинил судью Страшнова в том, что последний якобы согласовывал все свои вопросы Манбару с премьер-министром, а также в том, что адвокат Пнинат Янай была подслана в его адвокатскую контору израильскими спецслужбами.

Пока и премьер-министр, и судья Страшнов, и адвокат Янай доказывали, что Зихрони лжет, утекло еще немало воды.

В результате приговор Нахуму Манбару был вынесен лишь 17 июня 1998 года – он был осужден на 16 лет тюремного заключения, которые отбывает до сих пор.

Сегодня, когда Иран недвусмысленно угрожает самому существованию Израиля, уже ясна вся степень тяжести преступления, совершенного Нахумом Манбаром против своей страны и своего народа. И если, не дай Бог, когда-нибудь на Израиль упадет иранская ракета с химической боеголовкой, пенять нужно будет прежде всего на Нахума Манбара.

Но не только на него, а на всех тех политиков и руководителей спецслужб, которые оказались настолько слепы и непрофессиональны, что не смогли предугадать будущую иранскую угрозу. Отчасти Нахум Манбар стал козлом отпущения за допущенные ими ошибки и просчеты, а громкий процесс по его делу призван был заретушировать тот факт, что многие израильские компании в обход американского эмбарго в течение ряда лет поставляли Ирану те или иные виды оружия, которое завтра может вернуться в Израиль бумерангом.

Часть 3. Магендавид против всех. Победы и поражения израильских спецслужб 1948-1991. Как израильская разведка работала против СССР

О том, что на протяжении всего времени существования Израиля на его территории действовали советские разведчики, известно, пожалуй, всем. Однако до последнего времени мало кто знал, что на протяжении всех этих десятилетий на «Моссад» также работало немало разведчиков и тайных агентов, задача которых состояла в выяснении планов СССР на Ближнем Востоке, добыче информации о поставках российского оружия арабским странам, новых разработках советских ученых в области развития вооружений и т. д. Именно эти разведчики передали «Моссаду» точную дату начала Войны Судного дня, сведения о новейших ракетных установках, поставленных Сирии и Египту, и другую информацию, которая сыграла огромную роль в успешном противостоянии Израиля арабскому миру.

То, что с момента основания Израиля КГБ и ГРУ активно занимаются разведдеятельностью на его территории, разумеется, никогда не было секретом для израильских спецслужб.

До 1967 года советское посольство занимало два огромных здания: одно – в Рамат-Гане, а второе – на Русском подворье в Иерусалиме, и три четверти десятков его сотрудников, по сути дела, так или иначе были задействованы в разведдеятельности против Израиля. Кроме того, многие священнослужители Русской православной церкви также на деле являлись офицерами КГБ. Они вербовали агентов среди русскоязычных граждан Израиля, налаживали связи с израильскими бизнесменами и политиками и потому были в курсе практически всего, что происходило в кулуарах Кнессета, разных министерств и в Генштабе ЦАХАЛа. Осознавая всю степень угрозы, которую представляла собой для Израиля советская разведка, ШАБАК тратил немалые силы на разоблачение ее агентов, а «Моссад» настаивал на необходимости «ответного удара», то есть налаживания израильской разведсети в Советском Союзе и вербовки агентов на

разных этажах власти для получения достоверной информации о планах СССР по отношению к Израилю.

Однако президент Леви Эшколь^[52] был категорически против таких действий, считая, что они могут серьезно сказаться на судьбе живущих в Советском Союзе евреев.

– Естественной реакцией на наш шпионаж против Москвы станет усиление государственного антисемитизма в СССР, – не раз говорил он на совещаниях. – И потому мы должны не только воздерживаться от такого шпионажа, но и постоянно словами и делом доказывать советскому руководству, что мы не ведем за его спиной никакой двойной игры!

В 1966 году один из сотрудников советского посольства попытался завербовать молодую чиновницу одного из израильских министерств, воспользовавшись для этого старым как мир методом – он стал ее любовником. Однако и наблюдавшие за ним сотрудники «Моссада» не дремали, а потому отсняли скрытой камерой несколько кассет, запечатлевших бурные любовные утехи молодого, но, разумеется, женатого советского дипломата. Дальше можно было переходить к его вербовке по отработанной схеме, и «Моссад» уже даже подобрал название для этой операции – «Акварельные краски». Но в последний момент все тот же Леви Эшколь и все по тем же причинам дал указание операцию отменить. Сотрудники «Моссада» поскрежетали от злости зубами, но приказ премьера выполнили.

А потом наступило 18 июня 1967 года – день, когда Советский Союз разорвал отношения с Израилем и последний советский дипломат покинул территорию еврейского государства. Все это, однако, вовсе не означало, что Москва прекратила шпионаж против Израиля – просто Центр его переместился на Кипр, куда и начали передавать информацию советские агенты в Израиле. Ну и, кроме того, в Израиле остались русские православные священники, которые, как уже было сказано, служили не только Господу Богу Иисусу Христу, но и своему лежащему за тысячи километров от Святой земли отечеству.

В начале 1968 года на пост начальника «Моссада» вступил Цви Замир^[53], который вновь поднял вопрос о необходимости начать массированную разведдеятельность против Советского Союза.

Дело в том, что получивший образование и много лет проработавший в Англии Замир был до мозга костей пропитан британской ментальностью и воспитан на чисто английских принципах ведения дел, главный из которых гласил, что если кто-то пытается ударить тебя под дых, то постарайся первым нанести ему удар в два раза сильнее. Кроме того, захваченные в ходе Шестидневной войны документы свидетельствовали о том, что СССР связан с правительствами арабских стран даже больше, чем предполагали в Израиле, что, по сути дела, правящие режимы Египта и Сирии являются марионетками Москвы, а следовательно, именно в Москве находились ключи от всех тайн главных врагов Израиля.

Итак, задача, которая стояла перед «Моссадом», была Цви Замиру предельно ясна, и теперь оставалось лишь продумать, как ее выполнить.

Замир понимал, что Леви Эшколь, которого он откровенно недолюбливал за «интеллигентскую мягкотелость», был прав в главном: Израиль не может себе позволить вербовать агентуру в СССР из советских евреев. Провал такого агента немедленно означал бы судебный процесс, подобный «делу врачей», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Да и вообще действовать непосредственно на территории СССР – страны, с которой у Израиля больше не было дипломатических отношений, – было крайне затруднительно. И Цви Замир решил пойти другим путем.

Он создал в «Моссаде» специальный отдел по ведению разведдеятельности против СССР, начальник которого подчинялся только ему и имя которого и по сей день держится в секрете. Сотрудники этого отдела должны были начать вербовку агентов среди сотрудников советского МИДа, работающих в ООН, различных международных организациях вроде Организации неприсоединившихся стран, а также в советских посольствах в странах Восточной и Западной Европы. Кроме этого, они должны были стараться завербовать и работников посольств и государственных ведомств азиатских, африканских и восточноевропейских стран, имеющих тесные рабочие контакты со своими советскими коллегами.

«Не обращайтесь особого внимания на служебное положение тех, кого будете вербовать, – напутствовал своих сотрудников Замир. – Делайте ставку на молодых. Скромный сотрудник какого-нибудь отдела, которого пока не допускают ни к каким секретам, может через пять-шесть лет стать ответственным работником посольства, и деваться ему к тому времени будет некуда!»

Так сотрудники отдела «Моссада» по ведению разведдеятельности против СССР появились в Польше, Чехословакии, Болгарии, ГДР, Франции, Эфиопии, Уганде, Заире и, само собой, в Сирии и Египте.

На различных приемах они под видом бизнесменов или представителей крупных американских или европейских компаний заводили знакомства с молодыми дипломатами, работниками партийных и государственных органов.

И вскоре на стол Ицхака Замира один за другим стали ложиться рапорты, согласно которым у «Моссада» появились надежные информаторы во всех военных и политических структурах стран Варшавского договора, причем большая часть этих информаторов занимается именно связями с Советским Союзом.

Но подлинно большими удачами стала для «Моссада» вербовка двух агентов: высокопоставленного сотрудника Министерства иностранных дел СССР, работавшего в отделе по связям со странами Азии и Африки (имя его, естественно, держится в секрете) и Асрафа

Маруана, зятя бывшего президента Египта Абделя Насера и одного из ближайших советников тогдашнего президента этой страны Анвара Садата.

Многие ветераны «Моссада» до сих пор считают, что Маруан был двойным агентом и что ему ни в коем случае нельзя было доверять, однако пока никаких доказательств этому не найдено. В 1972 году Асраф Маруан прислал в Израиль сделанную им запись бесед, которые велись во время секретной встречи Леонида Брежнева с Ануаром Садатом. Спустя несколько дней свою запись бесед прислал и израильский разведчик, работавший в советском МИДе. Сверив их и увидев, что они практически совпадают, в «Моссаде» стали окончательно доверять этим агентам.

В это же время израильский агент в советском МИДе сообщил, что Москва пытается подкупить двух дипломатов из азиатских стран, с тем чтобы они убедили своих послов в ООН проголосовать за очередную антиизраильскую резолюцию. Израильцы тут же намекнули этим дипломатам на то, что им известно о тех переговорах, которые с ними ведут русские, и что если их страны действительно выступят в ООН против Израиля, их руководство немедленно узнает о полученных ими взятках. И в результате та антиизраильская резолюция так и не смогла собрать большинство голосов.

Напомню, что в те годы в Египте и Сирии работали сотни советских военных советников, значительная часть которых была занята размещением на территории этих стран новейших советских ракет класса «земля-воздух» SA-6 и обучением личного состава египетских армий тому, как следует пользоваться данными ракетами. Каждый из военных советников время от времени должен был составлять подробный отчет о своей деятельности, которые затем аккуратно переправлялись советским агентом в Тель-Авив. Таким образом, Израиль имел самую точную информацию о вооружении армий своих противников и начал спешно разрабатывать систему, позволявшую бороться с этими советскими новинками. Кстати, честь разработки системы защиты израильских самолетов от советских ракет принадлежит молодой израильской ученой, почти девочке, сразу после окончания университета приступившей к работе в концерне «Военная промышленность». Эта система была в спешном порядке запущена в производство уже после начала Войны Судного дня, когда израильские ВВС понесли серьезные потери от ПВО противника. Но если бы ее не ввели в строй в те октябрьские дни, потери были бы еще больше...

По всей видимости, именно Асраф Маруан и работник советского МИДа и передали «Моссаду» точную дату и время начала Войны Судного дня. Но, как известно, премьер-министр Голда Меир и ее окружение предпочли не поверить этой информации, в связи с чем нападение Египта и Сирии оказалось для ЦАХАЛа, по сути дела, внезапным и едва не привело к поражению еврейского государства в той войне.

Впрочем, имеется и другая версия этих событий, изложенная в книге бывшего главы военной разведки Израиля (АМАНа) генерала Эли Зейры «Миф против реальности: Война Судного дня –

неудачи и уроки». В этой вышедшей в свет в 1993 году книге Зейра утверждает, что на самом деле нападение арабов в Судный день застало израильскую армию врасплох не потому, что ее командование и правительство страны не хотели прислушиваться к донесению своего агента в Египте, а наоборот – потому, что слишком этому агенту доверяли. Египтянин же, вопреки распространенному мнению, отнюдь не передал точную дату начала войны. Да, он действительно сообщил о том, что Египет необычайно активно готовится к новой войне с Израилем, но в качестве даты начала войны указал 13, а не 6 октября 1973 года. Основываясь на этом донесении, израильское правительство и решило, что у него до начала войны есть «в запасе» еще неделя.

Но Эли Зейра на этом не останавливается, а идет дальше, выдвигая интересную версию о том, что Асраф Маруан не просто ошибся, а сознательно ввел израильтян в заблуждение. По версии Зейры, Маруан был двойным агентом и сыграл в Войне Судного дня приблизительно ту же роль, что и Жак Битон в Шестидневной войне. То есть, войдя в доверие израильских спецслужб предоставлением в их распоряжение подлинной информации, Асраф Маруан вводил их в заблуждение в главных, судьбоносных для Израиля вопросах.

Несмотря на то что Эли Зейра в своей книге не называет имя Асрафа Маруана, а просто говорит о «египтянине, занимавшем высокое положение в правительственных кругах своей страны», по косвенным деталям нетрудно было узнать, о ком именно идет речь. В результате в израильской и западной прессе очень скоро заговорили о том, что Асраф Маруан в течение многих лет был агентом «Моссада». Бывший глава этой организации Цви Замир в ярости выступил в прессе и открыто обвинил Эли Зейру в том, что он нарушил неписаный кодекс их круга – выдал имя тайного агента. О том, насколько тяжким является в кругу разведчиков данное обвинение, свидетельствует хотя бы тот факт, что в 2004 году Эли Зейра подал на Цви Замира в суд, обвинив последнего в клевете. Бывший судья Верховного суда Теодор Ор выступил арбитром по данному делу и в июне 2007 года пришел к выводу, что Зейра и в самом деле выдал имя агента, и обязал его выплатить Замиру 30 000 шекелей и оплатить судебные издержки. Впрочем, похоже, вся эта история совершенно не задела самого Асрафа Маруана. До 1975 года он занимал пост начальника канцелярии Анвара Садата, затем, разругавшись с ним, стал преуспевающим европейским бизнесменом. В конце 90-х его имя активно муссировалось в прессе в связи с гибелью принцессы Дианы: многие европейские СМИ утверждали, что именно Маруан помог британским спецслужбам ликвидировать принцессу.

* * *

Сразу после окончания войны Судного дня основной задачей «Моссада» стало выяснение вопроса о том, какую секретную военную информацию удалось выбить сирийским и египетским контрразведчикам из израильских военнопленных. И разведчики снова не подкачали. Так,

именно благодаря им стало известно, что один из военнопленных по кличке «Еврейский профессор» на допросе выдал сирийцам всю израильскую систему прослушивания госучреждений этой страны. За то время, которое понадобилось сирийцам, чтобы нейтрализовать эту систему, «Моссад» уже установил новую...

* * *

Однако отнюдь не только Ближний Восток был ареной необычайно жесткой борьбы советской и израильской разведок – не менее, а может, и куда более серьезные шпионские игры велись в то время в африканских странах, за влияние на которые боролись тогда СССР и США. Израиль в этих играх, естественно, был на стороне Соединенных Штатов и, нужно сказать, оказал немалую помощь и себе, и своему давнему союзнику. Еще в начале 70-х годов сотрудникам «Моссада» удалось завербовать агентов среди высокопоставленных чиновников Эфиопии, Зимбаве, Уганды и других стран. Затем на израильскую разведку стали работать два советских дипломата в Заире, а в Аддис-Абебе израильтянам удалось завербовать офицера КГБ и высокопоставленного сотрудника посольства СССР в Эфиопии. Кроме того, с «Моссадом» стали сотрудничать офицер чехословацких ВВС, тренировавший военных летчиков «стран пробуждающейся Африки», и капитан крупного торгового советского судна.

В «Моссаде» говорят, что информация, которую предоставляли все эти агенты, была поистине бесценна, так как позволяла быть в курсе как дипломатических демаршей, которые с подачи СССР готовили африканские государства, так и планирующихся нападений на израильские объекты, поставок военной техники из СССР, истинной экономической ситуации в нем и т. д. Стоит отметить, что, к чести Израиля, он никогда не бросал своих агентов на произвол судьбы и по мере возможности старался не допустить их провала, – как только возникала такая опасность, «Моссад» переправлял агента в Израиль, где ему немедленно предоставлялось гражданство, социальное пособие и оказывалась всяческая помощь в обустройстве его самого и его семьи на новом месте.

* * *

Наконец, поистине бесценным источником развединформации об СССР стала для «Моссада»... алия 70-х годов.

Напомним, что вплоть до конца 1973 года в Израиль из СССР ежемесячно прибывало несколько тысяч новых репатриантов, а в октябре 1973-го, перед тем как «железный занавес» окончательно опустился, в страну прибыло 3000 новых граждан.

И тут израильские спецслужбы с удивлением для себя обнаружили, что слухи о том, что в СССР евреев не принимают в престижные и имеющие отношение к обороне вузы, что евреям отказывают в трудоустройстве на предприятия оборонной промышленности... не совсем соответствуют действительности. То есть все эти препоны на жизненном пути евреев в СССР,

конечно, были. Но, несмотря на них, в Израиль с этой волной алии прибыли тысячи евреев, закончивших эти самые закрытые для них вузы и успешно работавших и на военных базах, и на самых засекреченных предприятиях.

А, обнаружив это, ШАБАК и «Моссад» создали для своих сотрудников специальные кабинеты в аэропорту Бен-Гурион, в которых новоприбывших репатриантов расспрашивали о том, не имеют ли они какое-либо отношение к Советской армии и военной промышленности и вообще не хотят ли они рассказать представителям Государства Израиль кое-что интересное о своем прошлом? Как уже рассказывалось в первой части книги, сотни только что прибывших репатриантов прямо там, в этих комнатках, признавались, что накануне отъезда пообещали КГБ выйти на связь с находящимся в Израиле сотрудником этого ведомства и выполнять его указания. Благодаря этому были разоблачены десятки российских разведчиков, действовавших на территории Израиля.

Кроме того, сотрудники «Моссада», основываясь на беседах с новыми репатриантами в аэропорту и на внимательном изучении их личных дел, отобрали 5000 новых репатриантов из СССР, которые были вызваны в «Моссад» для «дополнительной беседы». Среди этих 5000 были и техник, служивший на секретной ракетной базе под Москвой, и сотрудник КБ Илюшина, и инженер Челябинского тракторного завода.

Все они, по словам сотрудников «Моссада», очень охотно рассказывали обо всем, что знали. А когда их показания были проанализированы и сведены в один отчет, уместившийся на нескольких тысячах страниц, в этом документе оказались ценнейшие сведения и о сверхсекретных советских военных объектах, и о тех новинках советской военной техники, которые только готовились для запуска в производство, и о местонахождении и структуре засекреченных военных подразделений СССР. Во всяком случае, когда копия отчета была послана в Пентагон, там, как утверждали израильские дипломаты, «визжали от восторга и облизывали пальчики»...

На этом, наверное, и следует поставить точку в данной главе. И не потому, что рассказ об успехах израильской разведки против почившего в бозе СССР на этом исчерпан, а по той простой причине, что мы вплотную приблизились к нашему с вами времени. А значит – к событиям и фактам, большинство из которых до сих пор скрыты плотной завесой секретности. Возможно, лет через двадцать наши дети и внуки прочтут другой очерк, в котором будет подробно рассказываться уже не только о войне, но и о тесном сотрудничестве спецслужб Израиля и России в конце прошлого – начале нынешнего века. Потому что в деятельности таких организаций, как «Моссад», ГРУ, ФСБ и т. п. противостояние и сотрудничество часто вполне совместимы.

Но и через двадцать лет о деятельности израильских и российских разведчиков, безусловно, не будет рассказано всей правды.

Потому что, как заметил один из ветеранов «Моссада», есть факты, которые можно рассекретить через тридцать лет, есть такие, о которых можно рассказать через пятьдесят, некоторые можно сделать достоянием историков лет через сто. А есть и такие тайны, которые разведчик должен унести с собой в могилу.

1948-2003. Агент мирового сионизма

Осенью 2003 года Израиль проводил в последний путь Якубу Коэна – одного из самых легендарных разведчиков XX века, человека со ста лицами и ста именами, не раз смотревшего в глаза смерти и каждый раз обыгрывавшего ее, как гроссмейстер заурядного перворазрядника. Старуха с косой нагнала его на 79-м году жизни в кибуце Элоним. Сорвавшийся тромб привел к закупорке сосудов и мгновенной остановке сердца. Пожалуй, только смерть и была банальной в жизни этого человека. Все остальное достойно романа, который никогда не будет написан.

В сущности, о жизни и деятельности Якубы Коэна известно так мало, что, называя его «одним из самых легендарных разведчиков XX века», мы просто верим на слово руководителям «Моссада», ШАБАКа, «Штази», ЦРУ и бывших КГБ и ГРУ.

Это они присвоили ему сей почетный титул, видимо, зная о нем нечто такое, чего не дано знать нам, простым смертным.

Доподлинно известно, что Якуба Коэн родился в 1924 году в Иерусалиме, в семье убежденных сионистов, прибывших в Израиль из Ирана.

Его отец был преподавателем ТАНАХа и иврита, страстным сторонником создания еврейского государства на всей территории Эрец-Исраэль и не менее страстным ненавистником арабов. В доме Коэнов говорили только на иврите и детям постоянно рассказывали об арабских зверствах 1921 и 1929 годов, чтобы они знали, что от арабов ничего хорошего ждать не приходится. И потому с ранних лет Якуба Коэн усвоил истину о том, что арабы – это враги.

Но с ранних лет его самыми близкими друзьями были... именно арабы. Он любил играть с мальчишками из соседней арабской деревни, часто пропадал в ней целыми днями и в конце концов научился говорить на арабском не хуже любого араба, невольно впитал в себя арабскую культуру и традиции, еще не зная, что это и определит всю его последующую судьбу.

В 1936 году шейх из этой деревни пришел к своим еврейским соседям, чтобы предупредить их, что группа озверевших, совершенно ополоумевших арабских юнцов собирается ночью напасть на еврейский квартал и устроить в нем резню. И евреи начали вооружаться всем, что попадалось под руку. 12-летний Якуба достал для себя полуметровый кусок железной трубы и стал ждать на улице появления погромщиков.

В конце концов он сам не заметил, как заснул, а проснулся от истерических криков на арабском. Спросонок он решил, что вот оно, началось, бросился вперед и через несколько шагов рухнул, как подкошенный, потеряв сознание.

Наутро выяснилось, что он является единственным раненым в еврейском квартале: никакого погрома не было, а крики, которые услышал Якуба, доносились из арабского дома, где бурно ссорились супруги. Он же в темноте наткнулся на столб и в кровь разбил себе лоб...

В 16 лет Якуба Коэн становится бойцом так называемого «арабского отряда» ПАЛМАХа^[54], базировавшегося в кибуце Элоним.

Бойцы личного состава этого подразделения должны были под видом простых арабов проникать в арабские села, бродить по рынкам и кофейням, ловя слухи и разговоры, добывая ценную информацию о планах террористов...

В свободное время члены этого отряда совершенствовались в арабском языке, изучали арабские традиции, Коран и религиозные обряды мусульман под руководством своего командира, притворившегося в юности, что он хочет принять ислам, несколько лет проучившегося в иерусалимском медресе и ставшего едва ли не любимым учеником самого муфтия Иерусалима. Этот человек лучше, чем кто-либо другой, знал, что любая ошибка, малейшее невежество его бойцов в религиозных вопросах может стать причиной их провала, а значит – и самой мучительной смерти, какую только можно представить...

В 1947 году по прямому заданию командира ПАЛМАХа Ицхака Саде^[55] Якуба Коэн устраивается грузчиком в Яффский порт и в течение нескольких месяцев работает и живет под одной крышей с арабскими рабочими, ест ту же пищу, что и они, так же, как и они, обрастает вшами.

И – главное! – добывает сведения об активистах арабских террористических организаций, о том, где находятся их тайники с оружием, как именно они собираются ответить в том случае, если мир признает еврейское государство и в территорию этого государства будет включено и Яффо...

Когда он спустя три месяца, грязный и оборванный, предстал перед Ицхаком Саде и сказал, что просит освободить его от этого задания, причем не потому, что он три месяца не мылся и его волосы постоянно шевелятся от мириад вшей, а просто потому, что ему тяжело терпеть те ненавистные взгляды, которые бросают на него евреи, Саде обнял его и произнес: «Хорошо, мой мальчик. Ты и так славно поработал...»

Сведения, добытые Якубой Коэном, оказались поистине бесценными и пригодились в 1948 году, когда яффские арабы попытались в ответ на решение ООН поднять кровавый мятеж в городе.

Сам Якуба Коэн к тому времени уже был в Хайфе, а оттуда его перебросили на «крайний север». Никто лучше, чем Якуба, не мог незаметно переходить через сирийскую границу под видом простого крестьянина и доставлять оттуда сведения обо всем, что делается на территории противника. Эти сведения и были теми самыми «оперативными данными», на которых основывался ЦАХАЛ в своих действиях, поражая врагов Израиля своей удивительной проницательностью.

Затем Якуба Коэн перемещается в Шхем и другие населенные пункты, находившиеся тогда под контролем Иордании, оттуда – в Египет. Он умудряется накануне Войны на истощение попасть в египетскую армию, получить в ней чин сержанта и регулярно передавать в Израиль данные обо всех перемещениях египтян. В конце концов те начинают подозревать Коэна в шпионаже, в его комнате устраивается обыск, но когда египетская контрразведка окончательно прозревает, Якуба Коэн умудряется уйти буквально из-под носа ее сотрудников...

В беседах с детьми (трудно понять, когда и как он вообще успел завести семью) Коэн любил вспоминать о тех ощущениях, которые он испытывал, находясь за сотни, а порой и тысячи километров от родной земли, живя среди арабов как самый что ни на есть типичный араб.

– Ты чувствуешь себя волком-одиночкой, который не может ни на что полагаться, кроме своей интуиции, – говорил он. – Но нет ничего острее и надежнее, чем интуиция волка-одиночки, постоянно преследуемого охотниками.

Но вот о самих странах, где ему приходилось бывать, и операциях, в которых доводилось участвовать, он даже самым близким людям рассказывал немного, да и то только то, что было официально разрешено к рассекречиванию.

Известно лишь, что Якуба Коэн под разными именами и масками проработал в различных арабских странах в течение десятилетий.

Его знали и ценили не только друзья, но и враги: к охоте за Якубой Коэном арабские спецслужбы в конце концов вынуждены были подключить специалистов из советской контрразведки и «Штази».

Но волк-одиночка вновь и вновь уходил из расставленных на него капканов, умело «ложился на дно», чтобы через несколько месяцев снова вынырнуть с другими документами в другой арабской стране и вновь передавать в Израиль сведения, помогавшие евреям всегда как минимум на один ход опережать своих противников.

Вернувшись в Израиль, Якуба Коэн обосновался с семьей в том самом кибуце Элоним, где когда-то начиналась его карьера разведчика.

И вскоре благодаря своей неуемной энергии и недюжинному уму был избран секретарем кибуца. Эту энергию он сохранял до последнего дня своей жизни.

В конце октября Якуба Коэн собирался участвовать в конкурсе рассказчиков, который по традиции проходит осенью в Гиватаиме. Рассказчиком он, кстати, был великолепным, и, естественно, ему было что рассказать.

Смерть, с которой он всю жизнь играл в рулетку, настигла его пусть и на склоне лет, но совершенно неожиданно, расставив свою последнюю страшную ловушку, против которой оказалась бессильна интуиция волка-одиночки. На его похоронах можно было увидеть руководителей «Моссада» и ШАБАКа разных времен – из тех, разумеется, что еще живы. Но, отдавая свой последний долг Якубе Коэну, собравшиеся над его могилой отнюдь не распространялись о его подвигах разведчика. Эти люди умеют молчать.

1956. Советский шпион живет этажом выше

Во многих исторических исследованиях и в мемуарах советских дипломатов можно прочитать о том, что в 60-х годах в Израиле действовал советский разведчик, входящий в высшие эшелоны власти. В мае 1967 года он сообщил резиденту КГБ в Тель-Авиве точную дату начала Шестидневной войны. И хотя по непонятным до сих пор обстоятельствам советское руководство никак не воспользовалось этой информацией, разведчику был присужден за нее орден Ленина. Израильские обыватели долгое время гадали, кто же был тем самым агентом КГБ, выдавшим данной организации страшную военную тайну.

Версии по этому поводу выдвигались самые разные, в качестве наиболее вероятной кандидатуры на роль такого шпиона называли, в частности, ныне покойного депутата Кнессета Моше Снэ. Однако недавно Израиль и Россия решили рассекретить имя этого человека - им оказался начальник службы иностранного вещания радиостанции «Голос Израиля» Виктор Абрамович Граевский. Причем информацию о том, когда именно Израиль начнет войну против арабских стран, Граевский передал СССР по прямому указанию израильских спецслужб.

* * *

Биография Виктора Граевского, в сущности, ничем не отличается от биографии десятков тысяч польских евреев, которым по воле судьбы удалось выжить в огне Катастрофы.

Он родился в Кракове в 1925 году и в детстве и отрочестве носил вполне еврейскую фамилию Шпильман. Когда в 1939 году началась Вторая мировая война, семья Шпильманов вместе со многими другими семьями польских евреев успела спастись от нацистов, перейдя на территорию Советского Союза. 14-летним подростком Виктор Шпильман приступил к учебе в обычной советской школе и вскоре стал, как и следовало ожидать, страстным приверженцем коммунистической идеологии. Поэтому не стоит удивляться тому, что, когда в 1946 году его семья вернулась в Польшу, а оттуда отбыла в только что возникшее Государство Израиль, Граевский и не подумал последовать за родителями.

Оставшись в Варшаве, он вступил в ряды ПОРП, начал работать в качестве журналиста и вскоре стал корреспондентом PAP – польского аналога ТАСС. Тогда же он и сменил фамилию Шпильман на звучащую вполне по-польски фамилию Граевский. Уже в первые послевоенные годы он успел жениться, а затем и развестись с женой, пожелавшей вместе с дочерью эмигрировать из столь любимой Граевским Польши в США.

Крутая перемена в его... нет, не в жизни, а в мировоззрении, произошла в 1955 году, когда из Израиля пришла весть о том, что его отец тяжело болен. Преуспевающий польский журналист Виктор Граевский взял отпуск, чтобы навестить отца, и, таким образом, волею судьбы ступил на Землю обетованную.

Молодое еврейское государство потрясло его – внезапно оказавшись среди евреев, он буквально в течение нескольких дней из убежденного коммуниста превратился в не менее убежденного сиониста, истово верящего в то, что евреи должны жить только на своей земле. Приняв решение остаться в Израиле навсегда, Граевский подал соответствующее заявление о предоставлении ему гражданства в МВД страны и стал ждать ответа. Но когда он явился в местное отделение МВД за тем, чтобы получить израильское удостоверение личности, к нему неожиданно подошли двое в штатском и попросили пройти с ними в отдельный кабинет.

Там, оставшись с ним с глазу на глаз, они убедили Граевского временно отказаться от своих планов и вернуться в Польшу – чтобы послужить Государству Израиль.

Следует сказать, что в различных партийных и государственных органах Польши, а также в польской разведке тогда работало немало евреев, и именно через Польшу в Израиль шла основная информация о планах СССР в отношении Израиля. Граевского попросили стать одним из таких «информаторов», и после некоторых колебаний он согласился. А спустя всего несколько месяцев после возвращения в Варшаву ему привалила неслыханная удача.

Те, кто более-менее знаком с советской историей, наверняка помнят, что зимой и ранней весной 1956 года в СССР шла напряженная подготовка к XX съезду КПСС, на котором должен был прозвучать секретный доклад нового генсека Никиты Сергеевича Хрущева о преступлениях Сталина и его клики. Сам текст доклада готовился в глубокой тайне, но одновременно в Политбюро ЦК КПСС понимали, что следует хоть как-то подготовить партийное руководство на местах и в братских соцстранах к тем откровениям, которые прозвучат в докладе. И потому еще до открытия XX съезда текст будущей речи генсека в столь же глубокой тайне был разослан секретарям обкомов, а также высшим руководителям Болгарии, Польши, Чехословакии, Венгрии и других стран.

Именно в это время Виктор Граевский очень близко сошелся с девушкой, работавшей машинисткой в ЦК компартии Польши. Узнав, что его пассии поручили срочно перепечатать какой-то прибывший из Москвы текст, Граевский попросил у нее разрешения прочитать его, а

затем, сделав копию, переслал в Израиль. Вот так и случилось, что текст того знаменитого хрущевского доклада оказался в руках израильтян прежде, чем Никита Сергеевич поднялся на трибуну XX съезда. Известие об этом произвело и в СССР, и в других странах эффект разорвавшейся бомбы, и именно оно заставило мир впервые заговорить о всесии израильской разведки. Так невинная сотрудница отдела машинописи ЦК компартии Польши, сама того не ведая, породила один из самых стойких мифов XX века – миф о том, что «Моссад» является лучшей разведслужбой мира.

С этого времени Граевский стал активно переправлять в Израиль документы, проходившие через ЦК компартии Польши. В январе 1957 года над ним нависла угроза разоблачения, и, почувствовав это, его иерусалимское начальство дало Граевскому указание немедленно выехать в Израиль. Что он с удовольствием и сделал, не ведая, что в Израиле ему предстоит стать платным агентом КГБ и ГРУ.

* * *

В Иерусалиме не забыли тех услуг, которые оказал молодому еврейскому государству Виктор Граевский.

Сразу по прибытии в страну ему предоставили считающуюся по тем временам весьма просторной государственную квартиру и устроили на работу на две хорошо оплачиваемые должности – начальника отдела радиовещания на польском языке для выходцев из этой страны и советника отдела пропаганды Восточноевропейского департамента израильского МИДа.

Одновременно Граевского направили в ульпан по изучению иврита, где в то время гранит древнееврейского языка грызли и несколько сотрудников советского посольства. И если знакомому с ивритом с детства и вдобавок весьма способному к языкам Граевскому учебный материал давался без труда, то его «одноклассники» из СССР просто терялись от обилия местоименных суффиксов, глагольных форм и совершенно чуждой русскому уху фонетики.

Прекрасно знавший русский язык Граевский старался по мере сил помочь им продвинуться в изучении языка, и это не могло не способствовать тому, что между ним и несколькими советскими дипломатами установились приятельские отношения. Особенно сблизился Граевский с Валерием Осадчим – тогдашним резидентом КГБ в Израиле. Понятно, что свою причастность к этой организации Осадчий не афишировал, а числился скромным помощником торгового атташе советского посольства.

Именно с Осадчим Граевский совершенно случайно столкнулся спустя несколько месяцев после окончания ульпана в коридорах израильского МИДа. Если Граевского встреча совершенно не удивила (где же еще он мог столкнуться со знакомым дипломатом, как не в МИДе?), то на Осадчего она произвела немалое впечатление: он никак не ожидал, что новый репатриант, находящийся в стране менее года, может стать сотрудником данного министерства. Старые

приятели разговорились, и Валерий Осадчий предложил Граевскому отметить его столь удачное трудоустройство в уютном ресторанчике в Яффо.

Граевский согласился, но как только они расстались, позвонил в ШАБАК, сообщил о предложении сотрудника советского посольства и спросил, что ему делать дальше. В ШАБАКе, разумеется, были прекрасно осведомлены, кем на самом деле является Валерий Осадчий.

– Вы правильно сделали, что приняли предложение этого человека, – ответили Граевскому. – Обязательно пойдите на встречу. Ну, а после нее напишите, пожалуйста, отчет, о чем вы говорили с господином Осадчим.

В назначенный день Граевский «обмыл» с Осадчим свое назначение на пост советника МИДа. На столе стояла запотевшая бутылка водки, среди тарелок с холодными закусками дымилась зажаренная на огне рыба, но когда пришло время писать отчет, Граевский понял, что писать ему, в сущности, не о чем: разговор между ним и Валерой носил самый невинный характер. Говорили о книгах, о женщинах, о погоде и прочих пустяках, и никакого даже намека на предложение о сотрудничестве со стороны советского дипломата не последовало. Правда, расплатившись, он предложил Граевскому снова встретиться через две недели, но этим все и кончилось.

– Очень хорошо! – заметил сотрудник ШАБАКа, прочитав отчет Граевского, уместившийся в несколько строчек на тетрадном листе бумаги. – Пойдите на вторую встречу в назначенное вам место. И, само собой, не забудьте написать отчет!

Вторая встреча произошла в том же яффском ресторанчике и с тем же антуражем: ледяной водкой, рыбой и отличным мясным шашлыком. На этот раз Осадчий как бы невзначай перевел разговор на политику, в ходе которого выяснилось, что у него с Граевским немало общего во взглядах – оба они хотят, чтобы на Ближнем Востоке был мир и чтобы здешние политики не наделали каких-либо глупостей.

– А значит, – многозначительно добавил Осадчий, – нам с вами есть о чем поговорить не только сегодня, но и в будущем...

На третьей их встрече в ресторане Осадчий неожиданно сообщил Граевскому, что уезжает в Москву, но попросил собеседника встретиться с его преемником – Виктором Калуевым. Следуя данным ему указаниям, Граевский согласился, и во время первой встречи Калуев попросил его составить «небольшую справочку» о ведущих израильских политиках и политических партиях.

– Видите ли, – сказал Калуев, – человек я тут новый, в местных реалиях пока не разбираюсь и был бы очень благодарен вам за помощь...

В ШАБАКе, узнав об этом, радостно потерли руки: русские явно приступали ко второму этапу вербовки агента.

Понятно, что справка эта Калуеву была совершенно не нужна, так как он был прекрасно подготовлен к работе в Израиле. Но, давая поручение Граевскому, он, во-первых, пытался

проверить, насколько тот готов к сотрудничеству, а во-вторых, получить некий документ, с помощью которого Граевского потом можно было бы шантажировать. Составив справку, Граевский показал ее своему боссу в ШАБАКе и, получив добро, передал ее Калугеву.

На следующей встрече Калугев протянул Граевскому 200 лир – немалые по тем временам деньги, равные месячной зарплате среднего израильского рабочего.

– Это вам за ту отличную работу, которую вы проделали, – сказал он. – Признаюсь, я вам очень благодарен... У меня к вам только одна деликатная просьба: будьте добры, распишитесь вот здесь, что я вам передал эти деньги, вы же знаете, как у нас в Союзе следят за отчетностью.

Сделав вид, что он немного колеблется, Виктор Граевский поставил свою подпись под протянутой Калугевым ведомостью.

Оба понимали, что эта подпись означает согласие Граевского и в будущем выполнять различные просьбы своего русского тезки.

Единственным, чего не знал Калугев, было то, что в тот же вечер Граевский опять-таки под расписку сдал 200 лир бухгалтеру ШАБАКа.

* * *

С этого времени и началась двойная жизнь Виктора Граевского.

Однажды очередную встречу Калугев назначил в Иерусалиме – на явочной квартире советской разведки, расположенной неподалеку от знаменитого «Русского подворья». В середине беседы к ним присоединилось несколько священников из «Красной церкви».

Потом Граевскому часто приходилось ездить на конспиративные встречи с сотрудниками КГБ в разные русские церкви и монастыри, разбросанные в окрестностях Иерусалима, – и таким образом благодаря ему была раскрыта практически вся советская агентурная сеть, действовавшая под сенью Русской православной церкви. Иногда такие встречи назначались в ресторанчиках, порой – на дороге: Граевский играл роль «случайного водителя», решившего помочь застрявшему из-за поломки автомашины советскому дипломату или православному монаху. Но чаще всего они происходили на все той же иерусалимской квартире и внешне выглядели как обычные дружеские вечеринки.

Виктор Граевский нередко появлялся на них со своей женой Анной, которая в конце концов начала что-то подозревать. Но совесть Виктора Граевского была чиста – он передавал своим «советским друзьям» только ту информацию, которую ему разрешал передавать ШАБАК, и после каждой такой встречи представлял подробный отчет сотрудникам этой службы.

Для того чтобы усилить доверие советской разведки к поставляемой Граевским информации, ему велели передать резиденту КГБ стенограмму секретного совещания премьер-министра и министра обороны Давида Бен-Гуриона с высокопоставленными офицерами Генштаба ЦАХАЛа. Когда ему задали вопрос о том, каким образом к нему попал данный документ, Граевский – в

соответствии с разработанной ШАБАКом легендой – ответил, что в качестве журналиста познакомился с сотрудником канцелярии премьера и между ними завязались дружеские отношения...

Понятно, что израильским агентом, имеющим столь высокие связи, заинтересовалось и Главное Разведывательное Управление (ГРУ) СССР. В отличие от КГБ, это ответвление советской разведки интересовало не происходящее в политических кулуарах Израиля, а его военный потенциал. Встретившись с Граевским, резидент ГРУ попросил его добыть сведения о том, где именно расположены ядерные арсеналы Израиля. Кстати, официально этот резидент работал водителем у настоятеля одного из русских монастырей...

К этому времени «русские» уже очень щедро расплачивались с ним за его услуги – иногда во время встречи ему передавали по 1000 долларов, что было в 60-е годы поистине астрономической суммой. Причем каждый раз с него требовали расписку за эти деньги, которые Граевский затем аккуратно, опять-таки под расписку, передавал в кассу ШАБАКа – сам факт, что деньги КГБ в итоге пойдут на нужды израильской разведки, доставлял ему почему-то неизъяснимое наслаждение.

Но в середине 60-х Виктор Граевский стал все чаще подумывать о том, чтобы выйти из затянувшейся игры в шпионы. Его жизнь устоялась, он был назначен сначала начальником службы радиовещания на русском языке, транслировавшей свои передачи на СССР, а затем и главой всей службы радиовещания на зарубежные страны; у него подрастали дети, и вся эта конспирация, необходимость постоянно контролировать себя, чтобы не выйти из роли, изрядно отравляла ему существование. Однако ни КГБ, ни ШАБАК не собирались терять такого агента, и ему не оставалось ничего другого, как продолжать делать ставки за давно опротивевшим ему столом...

* * *

Звездный час в карьере Граевского-разведчика пробил в мае 1967 года, когда Египет закрыл Тиранский пролив и в воздухе явно запахло новой израильско-арабской войной. На этот раз Граевский сам инициировал встречу с высокопоставленным сотрудником советского посольства, в ходе которой сообщил ему, что если эскалация обстановки в регионе продолжится, 5 июня Израиль первым нанесет удары по Египту и Сирии.

– Виктор Абрамович, откуда у вас эти сведения? – поинтересовался советский дипломат.

– Все просто, – ответил Граевский. – Сегодня в канцелярии премьер-министра собрали всех руководителей средств массовой информации и проинструктировали, как именно они должны освещать грядущую войну. Среди участников беседы был и ваш покорный слуга. А сразу после этого я связался с вами...

Разумеется, никакого инструктажа в канцелярии израильского премьер-министра не было -

Граевский действовал в данном случае, как и всегда, по прямому указанию ШАБАКА. Сейчас можно только гадать, что именно подвигло ШАБАК передать столь важную информацию Москве и почему ни советское руководство, ни советские спецслужбы не поспешили сообщить о ней Насеру, сделав таким образом поражение Египта в войне неотвратимым.

Согласно одной из версий, руководство ШАБАКА отдало этот приказ Граевскому по прямому указанию тогдашнего премьер-министра Израиля Леви Эшколя в обход других военных и политических руководителей страны. Как известно, если министр обороны Моше Даян, министр иностранных дел Голда Меир и замначальника Генштаба Эзер Вейцман считали, что Израиль должен поднять брошенную Насером перчатку, то премьер-министр Леви Эшколь был убежден в необходимости любой ценой предотвратить грядущую войну. Эшколь прекрасно понимал, что она чревата не только огромными потерями с обеих сторон, но и разрывом отношений между Израилем и СССР, а их Эшколь считал чрезвычайно важными для будущего еврейского государства. Не исключено, что Леви Эшколь верил, что как только арабы и СССР убедятся в серьезности намерений Израиля, они начнут «снижать профиль» конфликта.

Но вот объяснения, почему эта первостепенной важности информация была проигнорирована Кремлем и не передана Насеру, нет вообще. Если, конечно, исключить версию, что советское руководство было заинтересовано в поражении Египта в войне с Израилем и в падении просоветского режима Насера. Но, согласитесь, что версия эта находится за пределами всякой логики...

Как бы то ни было, 5 июня израильская авиация нанесла сокрушительный удар по военным аэродромам противника, заложив таким образом основу победы Израиля в Шестидневной войне. Вскоре после начала войны СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем, но прежде чем покинуть его территорию, один из сотрудников советского посольства встретился с Виктором Граевским.

– Ваша информация оказалась совершенно верной, Виктор Абрамович, – сказал он Граевскому. – И неважно, что это уже не имеет никакого значения, – советское руководство высоко оценило вашу работу и решило наградить вас за ваши заслуги перед СССР орденом Ленина. По понятным причинам я не могу вам сейчас вручить этот орден, но он будет ждать вас в Москве.

Окончательно связь Граевского с советской разведкой оборвалась только в 1971 году – еще целых четыре года он теми или иными путями (в основном, разумеется, через «Красную церковь») «сотрудничал» с советскими спецслужбами, поставляя им разного рода информацию, или, точнее, дезинформацию.

Затем пришли бурные 80-е, а затем и 90-е годы, и Виктор Граевский стал одним из создателей русскоязычной радиостанции РЭКА.

Несколько лет назад Виктор Абрамович Граевский ушел на заслуженный отдых и, естественно, засел за написание мемуаров. И накануне выхода в свет книги воспоминаний Виктора Граевского ему и понадобилось разрешение ШАБАКа рассекретить события сорокалетней давности. Как вы догадались, такое разрешение было получено – иначе я бы просто не смог рассказать вам эту историю...

Скончался Виктор Абрамович Граевский в своем доме в Израиле 18 октября 2007 года.

1972. Приказано уничтожить

Две памятные даты вспоминаются каждому израильтянину и каждому еврею накануне Судного дня – война, начатая арабами в этот день в 1973 году и едва не закончившаяся поражением еврейского государства, и гибель за год до этого израильских спортсменов от рук террористов на Мюнхенской олимпиаде. Последнее событие по еврейскому календарю как раз пришлось на канун осенних праздников, и сразу после них израильское правительство во главе с Голдой Меир приняло решение о том, что все руководители и организаторы страшного теракта должны быть уничтожены. Тем давним событиям посвящено немало книг и газетных очерков, о них рассказывает фильм Стивена Спилберга «Мюнхен», но часть документов, связанных с операцией возмездия за события на Мюнхенской олимпиаде, была до недавнего времени засекречена, а как только с них был снят гриф «Совершенно секретно», они волею случая оказались в руках автора этой книги...

* * *

...Их было 11 – 11 спортсменов, олицетворявших собой надежду израильского спорта.

Впервые за всю историю Израиля в состав олимпийской сборной страны, посланной на летнюю Олимпиаду в Мюнхен, вошли спортсмены, имевшие реальные шансы на медали. И в те сентябрьские дни 1972 года Израиль жил надеждой, а спортивные комментаторы в шутку говорили, что самый чудесный подарок к Рош ха-Шана^[56] в страну прибудет из Мюнхена...

Все эти надежды были похоронены в один день, 6 сентября 1972 года, когда группа террористов из до того неизвестной организации «Черный сентябрь»^[57] ворвалась в здание Олимпийской деревни, где жили израильские спортсмены. Двое из них были убиты сразу, девятерым оставалось жить меньше суток. Немецкие полицейские заявили, что они не намерены рисковать жизнью ради спасения еврейских спортсменов (и немецкий закон в данном случае был на их стороне), но и выпускать террористов живыми они тоже не собирались. Террористы же требовали предоставить им самолет, который доставит их в Судан, и уже оттуда они намеревались вести переговоры с Израилем об обмене взятых в заложники спортсменов на палестинских заключенных. После продолжавшихся весь день и изначально бессмысленных переговоров в тот момент, когда террористов и заложников выманили на летное поле, немецкие полицейские открыли огонь. В завязавшейся перестрелке восемь террористов были убиты и трое

арестованы. Увы, в этой перестрелке – как потом выяснится, от пуль немецких полицейских – погибли и девять израильских спортсменов.

Одним из тех, кто наблюдал эту страшную бойню на территории военного аэродрома в Мюнхене, был тогдашний глава израильского «Моссада» Цви Замир.

Замир успел прилететь в Мюнхен буквально за час до того, как стали развиваться эти драматические события. И он же первым набрал номер телефона Голды Меир и, стараясь сохранять спокойствие, сказал в трубку: «Они мертвы, Голда. Они все мертвы!»

Правительство Израиля немедленно обратилось к мировому сообществу с требованием принять соответствующие резолюции и начать мировую войну с террором. Кто знает, может быть, если бы она была начата тогда, современный мир был бы иным. Но мировое сообщество, выразив соболезнование еврейскому народу, посоветовало тогда этому народу не раздувать из мухи слона и не делать из направленного исключительно против Израиля палестинского террора силу, угрожающую мировому порядку.

...Мертвая тишина стояла на израильском аэродроме в те минуты, когда из трюма самолета выгружали гробы с телами погибших. Мертвая тишина стояла в эти минуты на улицах израильских городов и поселков. Все население страны прильнуло к экранам телевизоров, осознавая всю горечь и трагизм ситуации: сыны Израиля снова возвращались из Германии в гробах.

И мир снова молчал!

На следующий день тысячи израильтян не вышли на работу. Да и те, кто вышел, не работали, а сидели возле телевизоров и радиоприемников, ожидая сообщений о решении правительства.

Израиль не скрывал в этот день своих слез.

И Израиль жаждал возмездия.

О мести говорили в этот день в тель-авивских и иерусалимских кафе. К мести призывали с кафедр солидные профессора университетов. О мести шел разговор на экстренном заседании правительства.

Вывод советника премьер-министра по безопасности генерала Рехаваама Зеэви был однозначен: ««Черный сентябрь» – не что иное, как одна из группировок ФАТХа, и наносить удар нужно по всему ФАТХу». Другие, включая Голду Меир, сходились в том, что возмездие должно найти прежде всего тех, кто осуществлял теракт в Мюнхене, причем, разумеется, не только простых исполнителей, но и организаторов, и всех, кто тем или иным образом был к нему причастен.

«Я предлагаю вынести им всем смертный приговор! – сказала Голда Меир. – Кто «за» – поднимите руки».

«За» проголосовали Моше Даян и Ицхак Рабин, Рехаваам Зеэви и Исраэль Галили – словом, почти все члены тогдашнего Кабинета министров. Адвокатов у террористов на этом «суде» не нашлось.

С той минуты приговор руководству и боевикам «Черного сентября» вступил в действие. Главе «Моссада» Цви Замиру было приказано уничтожить их, где бы они ни находились.

В тот же день Цви Замир передал данный приказ своим ведущим сотрудникам. Так начиналась эта долгая охота, в которой были блестящие победы, горькие поражения и невинные жертвы.

* * *

Скажем сразу, что три террориста, непосредственно участвовавших в захвате израильских спортсменов, просидели в немецкой тюрьме всего несколько месяцев: вскоре их соратники захватили самолет компании «Люфтганза» и обусловили освобождение заложников освобождением из тюрьмы своих товарищей. Немецкое правительство пошло на эту сделку. Три террориста покинули Германию и скрылись в неизвестном направлении. Следы их так до сих пор и не найдены.

Но «Моссад» интересовали не столько эти трое, сколько руководство организации «Черный сентябрь», тем более что всем было ясно: на теракте в Мюнхене лидеры данной организации не остановятся. Трудность заключалась в том, что, если в арабских странах «Моссад» к тому времени обладал весьма разветвленной разведсетью, то в Европе, где действовал «Черный сентябрь», у него почти не было постоянной агентуры. И значит, начинать поиски нужно было практически с «нуля». Первый успех к агентам «Моссада» пришел уже в том же 1972 году.

Каким-то образом им удалось раздобыть информацию о том, что один из руководителей «Черного сентября» планирует совершить мегатеракт в Хайфе. Для этого в отправляемую им из Афин крупную партию изюма будет спрятано две тонны мощной взрывчатки. Эта взрывчатка должна быть приведена в действие в тот самый момент, когда начнется разгрузка корабля. Но одно дело – получить такую информацию, и совсем другое – установить личность и местонахождение террориста. С этой целью сотрудники «Моссада» начали проверять в Афинах все таможенные и портовые документы, а также все сделки, заключенные в последнее время оптовыми торговцами изюмом, в надежде выйти на нужный след. И эта кропотливая работа в итоге принесла свои плоды: место жительства террориста (имя которого до сих пор запрещено к публикации, так как Израиль не взял на себя ответственность за его ликвидацию) было установлено, и как-то ночью он был убит несколькими выстрелами в упор на пороге своего дома.

Нужно сказать, что вскоре после этой ликвидации была зверски убита молодая служащая Афинского порта: террористы пришли к выводу, что именно она помогла израильтянам найти их босса. Между тем это было ошибкой – девушка не имела никаких контактов с «Моссадом» и вообще была совершенно непричастна к этой истории.

Поиски двух тонн взрывчатки, которую террористы намеревались привести в действие в Хайфе, в итоге привели к неожиданному результату: «Моссад» установил личность и место жительства руководителя греческого отделения ФАТХа. После «мозгового штурма» было решено его ликвидировать, вмонтировав взрывчатку в его письменный стол и поместив взрыватель в стоящий на нем микрофон: в тот самый момент, когда в микрофон будет произнесено хоть слово, должен был раздаться взрыв. Но эта операция провалилась из-за того, что у главы греческого отделения ФАТХа был заместитель, а у заместителя – красивая любовница. По иронии судьбы в тот самый день, на который была намечена ликвидация, он решил заняться со своей дамой любовью на столе своего босса и... отключил микрофон. И агентам «Моссада» не оставалось ничего другого, кроме как признать свое поражение...

* * *

Тем временем в поле зрения агентов «Моссада», действовавших во Франции, попал другой лидер «Черного сентября» – Мухаммед Буда́йя, заслуженно носивший прозвище «Синяя Борода».

Буда́йя был владельцем небольшого театра в Париже и вел вполне богемный образ жизни – у него было множество любовниц, он часто появлялся на банкетах и различных презентациях, сам нередко устраивал званые ужины. Никто из бывавших в доме Буда́йи актеров и режиссеров и не подозревал, что его гостеприимный хозяин ведет двойную жизнь. В прошлом он был членом одной из самых радикальных исламских группировок Алжира, отсидел три года в тюрьме за причастность к террористической деятельности и уже после этого оказался во Франции. Но и став директором театра, Буда́йя не изменил своим убеждениям и с 1972 года активно включился в помощь палестинским террористам, став одним из создателей организации «Черный сентябрь».

Спустя несколько месяцев после трагедии в Мюнхене Буда́йя направил в Израиль для совершения теракта сестер Надю и Мерлин Брэдли (одна из них была его любовницей) и уже немолодую арабскую супружескую пару.

В аэропорту «курьеров» Буда́йи уже ждали сотрудники «Моссада», однако, произведя самый тщательный обыск их вещей, израильтяне так и не смогли обнаружить взрывчатку, которую, по агентурным данным, те должны были привезти с собой в Израиль. Задержанных уже хотели отпускать на все четыре стороны, и тут один из «моссадовцев» обратил внимание на несколько странную ткань одежды двух молодых женщин. Последующая проверка подтвердила его подозрения: их платья оказались пропитаны предварительно растворенным взрывчатым веществом, и, таким образом, представляли собой самые настоящие матерчатые бомбы. Взрыватель же к ним находился внутри имевшегося у супругов радиоприемника. Согласно плану Буда́йи, они должны были поселиться в одной из гостиниц Тель-Авива, присоединить там платье к взрывателю и покинуть отель за несколько минут до того, как в нем прозвучит мощный взрыв...

После этого охоту на Мухаммеда Будаю начали с утроенной силой. Поначалу его собирались ликвидировать в подземном переходе, расположенном под известной парижской площадью Этуаль, через который он проходил каждый день. Увы, несмотря на то что агенты «Моссада» и задействованные ими для этой операции французские студенты-евреи контролировали все 12 входов и выходов из подземного перехода, Будаю ушел у них буквально из-под носа. Он уже понял, что «Моссад» объявил на него охоту, и перешел на подпольное существование, спрятавшись в квартире одной из своих любовниц. Ровно три дня Мухаммед Будаю чувствовал себя в этой квартире в полной безопасности. На четвертый день он позволил себе выйти из дому и немного покататься по городу. Но в тот момент, когда Будаю повернул ключ зажигания, оглушительный грохот потряс квартал Парижа, его машина взлетела в воздух на несколько метров, а затем, охваченная пламенем, опустилась на землю... Точнее, пламенем был охвачен только остов машины – единственное, что осталось от нее после взрыва.

В Никосии «Моссад» вышел на другого активного деятеля «Черного сентября», самым непосредственным образом принимавшего участие в планировании захвата израильских спортсменов. Проблема заключалась в том, что этот матерый террорист жил в гостинице и ликвидация его с помощью взрывчатки была чревата потенциальными жертвами среди постояльцев и гостиничного персонала. И тогда агенты «Моссада» решили действовать с помощью «предельно малого заряда взрывчатки».

В один из вечеров террорист вернулся в свой номер, разделся, лег в постель – и... в это время грянул взрыв. Заряд взрывчатки, положенный под простыню, действительно был настолько мал, что обитатели соседнего номера услышали лишь непонятный шум за стеной. Но его вполне хватило для того, чтобы на следующий день из номера вынесли бездыханный труп их соседа...

И снова палестинцы по ошибке решили, что информацию израильтянам передала одна из горничных гостиниц. И опять ни в чем не повинная девушка сначала была изнасилована десятком террористов, а затем зверски убита.

* * *

Разумеется, террористы не собирались сидеть сложа руки, наблюдая за тем, как «Моссад» один за другим ликвидирует их лидеров.

Ответом на эти ликвидации должны были стать новые теракты, и в один из дней в «Моссад» поступила агентурная информация о том, что «Черный сентябрь» намерен выпустить две ракеты «стрела» по самолету компании «Эль-Аль» в момент его взлета с аэродрома столицы одного из европейских государств (откуда именно, по непонятным причинам до сих пор запрещено к публикации). В течение буквально нескольких дней агенты «Моссада» установили местонахождение явочной квартиры террористов и проникли в нее в момент, когда никого из хозяев не было дома. Произведенный ими в квартире обыск поначалу не дал никаких

результатов, и лишь на антресолях в туалете они обнаружили завернутые в ковер ракеты «стрела».

И тут-то и возникла весьма пикантная ситуация: как обезвредить ракеты, агенты «Моссада» не знали. Конечно, они могли бы вызвать специалистов, но на это ушло бы время, а обитатели квартиры могли появиться с минуты на минуту. Можно было бы вызвать местную полицию, но тогда пришлось бы объяснять полицейским, каким образом они оказались в квартире...

Словом, в итоге агенты «Моссада» просто снова завернули ракеты в ковер, вышли с ними на улицу и, не зная, что делать дальше, сбросили их с ближайшего моста в воду великой европейской реки. Там, на ее дне, эти ракеты, возможно, и лежат до сих пор.

Следующий мощный теракт, который планировал «Черный сентябрь» против Израиля, «Моссад» предотвратил в начале 1976 года. Причем на этот раз не в Европе, а в Африке. Впрочем, террористы решили и здесь действовать по той же схеме, что в Европе, – сбить израильский самолет во время взлета. Обходя забор аэродрома, агенты «Моссада» вскоре наткнулись на дерево, на котором висели красные женские трусики-бикини. Не нужно было быть слишком проницательным, чтобы догадаться, что таким образом террористы отметили место, с которого они собираются запускать ракету. Установив наблюдение за деревом, «моссадовцы» вскоре смогли выйти на террористов. Однако оставалось непонятным, каким именно образом предотвратить этот теракт...

Впрочем, все разрешилось самым благополучным образом в то самое утро, на которое этот теракт был намечен: завтракая в ресторане небольшой кенийской гостиницы, агенты «Моссада» увидели за соседним столиком... всю компанию террористов. И в итоге все они были арестованы местными полицейскими, а затем правительство Кении (в обмен на большую партию оружия) передало их Израилю. Среди них были два гражданина Германии Томас Ройтер и Бригитта Шульц, с помощью которых действовавшая в Мюнхене группа террористов смогла проникнуть в эту страну. Ройтер и Шульц были приговорены израильским судом к десяти годам тюремного заключения, но затем срок их заключения был сокращен, и они вышли на свободу в 1980 году.

* * *

Одним из главных объектов охоты «Моссада» с 1972 года был один из лидеров «Черного сентября» Али Хасан Саламе – сын знаменитого Хасана Саламе, одного из арабских героев Войны 1948 года, вошедшей в историю Израиля как Война за Независимость. Али Хасан Саламе, будучи приближенным Ясера Арафата, и координировал всю операцию по захвату израильских спортсменов в Мюнхене. Желание ликвидировать Саламе было в «Моссаде» так велико, что стало причиной крупного просчета: в 1973 году его агенты убили ни в чем не повинного официанта-марокканца Ахмеда Бушики, приняв его за Саламе. Эта ошибка, о которой читатель прочтет в следующей главе, больно ударила по репутации «Моссада» и надолго затруднила его

деятельность в Европе, а Али Хасан Саламе тем временем «залег на дно». Впрочем, он выиграл таким образом для себя лишь шесть лет жизни – в январе 1979 года Али Хасан Саламе был ликвидирован возле своего дома в Бейруте.

Затем настал черед идеологов «Черного сентября» – в том же Бейруте был убит известный палестинский писатель, пресс-секретарь террористической организации Джорджа Хабаша «Народный фронт» Исаф Кнафани.

В Париже агентами «Моссада» был убит представитель ФАТХа во Франции доктор Махмуд Эль-Ха-машри (помимо всего прочего, он был одним из организаторов покушения на Бен-Гуриона во время его визита в Данию и спланировал взрыв самолета компании «Свисэйр», в результате которого погибли 47 человек).

Следующей мишенью израильтян стал профессор юриспруденции Эль-Кубейси, планировавший покушения на Бен-Гуриона и Голду Меир...

Словом, все руководители «Черного сентября» действительно заплатили Израилю по счетам. Но стоит вспомнить и о том, что «Моссад» заплатил за эти операции немалую цену.

Так, в одном мадридском кафе в тот момент, когда он поджидал своего агента-палестинца, был убит резидент «Моссада» в Испании Барух Коэн.

В Брюсселе, тоже в кафе, был тяжело ранен агент «Моссада» Цадок Офир.

После провала в Норвегии шесть агентов «Моссада» были приговорены к тюремному заключению...

Между тем все, о чем рассказывалось в этом небольшом очерке, – лишь верхушка айсберга, лишь отдельные эпизоды той войны, которую «Моссад» вел с 1972 года с «Черным сентябрем». Большая часть документов, связанных с этой войной, по-прежнему засекречена и будет оставаться таковой, по меньшей мере, до 2022 года...

1973-2006. Возвращение Сильвии Рафаэль

Одной из тех сотрудниц «Моссада», чье личное дело засекречено до 2022 года, является и Сильвия Рафаэль, скончавшаяся в феврале 2006 года на своей вилле в ЮАР. У большинства израильтян ее имя немедленно вызывает ассоциации с провалом израильских спецслужб в норвежском городе Лиллехаммере. Однако стоит вспомнить, что до Лиллехаммера Сильвия Рафаэль работала агентом «Моссада» почти десять лет – целую вечность с точки зрения разведчиков...

* * *

Сильвия Рафаэль появилась на свет в ЮАР в семье, которую трудно назвать еврейской.

Ее мать была христианкой, отец – выходцем из ортодоксальной еврейской семьи, но настолько ассимилировавшимся, что своих детей он воспитывал в христианском духе. Никто в семье не мог объяснить, почему Сильвии однажды захотелось стать похожей на бабушку-

еврейку, почему она с детства настаивала на том, что она – еврейка – и никто больше. Может, здесь сказывался заложенный в ней природой дух противоречия – кто знает?!

Как бы то ни было, в 1963 году 26-летняя Сильвия Рафаэль одна репатрируется из ЮАР в Израиль. Здесь она приступает к учебе на курсах иностранных языков, начиная готовиться к работе в качестве преподавательницы английского и французского. Девушка довольно быстро осваивает иврит, освобождается от явного южноафриканского акцента при разговоре на английском и попутно, как бы мимоходом, изучает еще три языка. Вдобавок ко всему среди подруг за ней закрепляется репутация взбалмошной авантюристки...

Нужно ли говорить, что «Моссад» рано или поздно должен был обратить внимание на молодую красивую женщину с подобными качествами?!

В 1964 году Сильвия Рафаэль направляется на ускоренные курсы для агентов «Моссада», а по их окончании уезжает в Канаду. Здесь она должна была прожить год, не контактируя ни с кем из знакомых и близких, в совершенстве осваивая канадское произношение, изучая все стороны жизни Канады и вообще становясь «истинной канадкой».

А в начале 1965 года в Париже появляется обаятельная фотожурналистка Патрисия Руксберг, которая начинает активно сотрудничать с изданиями, придерживающимися откровенно антиизраильских или антисемитских позиций.

В качестве корреспондента от этих изданий она появляется то в Каире, то в Бейруте, то в Аммане, то в какой-либо другой арабской стране, делает очень неплохие фоторепортажи из жизни палестинского подполья и вскоре становится довольно известным человеком в журналистском мире.

Теперь перед Патрисией Руксберг открываются многие, очень многие двери. На правах подруги королевы Иордании она становится вхожей во дворец короля Хусейна, ей целуют руки лидеры ФАТХа, за ней галантно ухаживают депутаты парламента Ливана и Сирии...

Война Судного дня застаёт Патрисию Руксберг в Каире, и она вместе с тысячами жителей этого города следит, как над столицей Египта барражируют самолеты с шестиконечными звездами на борту. Вот только если египтяне следят за ними со страхом, то сердце Патрисии Руксберг разрывается от радости, и она с трудом сдерживает себя, чтобы не помахать им рукой...

Повторим, вся деятельность ее в эти годы окружена тайнами, и тайны эти будут раскрыты не ранее чем через полвека. Нам же остается довольствоваться лишь полунамеками бывших работников спецслужб на то, что Рафаэль-Руксберг принесла Израилю не меньше пользы, чем великий израильский разведчик XX века Эли Коэн.

Говорят также, что Сильвия Рафаэль и была тем человеком, который сообщил «Моссаду» точный адрес Ясера Арафата в Бейруте, а затем она же стала планировать покушение на него. Но так это или нет – до 2022 года опять-таки сказать будет сложно.

8 декабря 1972 года, после убийства израильских спортсменов в Мюнхене, на своей конспиративной квартире в Париже был убит представитель ФАТХа во Франции доктор Махмуд Хамшари, непосредственно планировавший мюнхенский теракт. Еще раньше, 16 октября 1972 года, в Италии был застрелен лидер организации «Черный сентябрь» Адель Затари. В итальянской и французской полиции, расследуя эти убийства, впервые обратили тогда внимание на то, что в круг знакомых обоих покойников входила журналистка Патрисия Руксберг. Причем в день убийства Хамшари она находилась в Париже, а в день убийства Затари – в Риме.

Затем 10 апреля 1973 года последовала блестящая ликвидация израильскими командос трех лидеров ФАТХа в Бейруте. Командос успели скрыться на вынырнувшем словно ниоткуда «мерседесе». За рулем этой машины сидела Сильвия Рафаэль, то есть, простите, Патрисия Руксберг, которая и добыла всю оперативную информацию, необходимую для подготовки данной операции.

Ну, а дальше...

Дальше был провал: 21 июля 1973 года в норвежском городе Лиллехаммере.

Поздно вечером два агента «Моссада» в упор расстреляли особо опасного террориста Али Хасана Саламе по прозвищу Черный принц. Точнее, они думали, что расстреляли Черного принца, а на самом деле их жертвой стал очень похожий на него эмигрант из Марокко Ахмед Бушики. Норвежские власти были в бешенстве от того, что израильтяне столь свободно действуют на их территории, и три дня спустя во время возвращения взятой в аренду машины они арестовали двух агентов «Моссада», одним из которых был командир лиллехаммерской группы Дан Арбель. На третий день допроса Арбель рассказал норвежским полицейским все, сообщив им в том числе и адреса явочных квартир, на которых жили его товарищи. Так была арестована Сильвия Рафаэль.

Впоследствии Дан Арбель, профессиональный разведчик, заявил в свое оправдание, что страдает клаустрофобией и не выдержал содержания в одиночной камере. В руководстве же «Моссада» по поводу ареста Сильвии говорили, что все к лучшему: она и так была на грани провала, французы и итальянцы уже висели у нее «на хвосте», но самое страшное заключалось в том, что и арабы начали догадываться, кто она такая. Норвежская тюрьма была для нее в определенном смысле убежищем.

Израиль тем временем бросился спасать свою разведгруппу.

Было признано, что агенты «Моссада» допустили трагическую ошибку и убили невинного человека. Было заявлено, что семья убитого получит гигантскую компенсацию. Было решено нанять для разведчиков лучших адвокатов и одновременно задействовать все мыслимые и немыслимые дипломатические рычаги, все личные и политические связи для их скорейшего освобождения.

Тут нужно сказать, что Сильвия Рафаэль до конца жизни так и не признала, что в тот июльский день ее товарищи совершили роковую ошибку. Да, она была согласна, что убитый ими араб не был Черным принцем. Но при этом Рафаэль категорически не верила в то, что он был невинной овечкой, – ведь именно она добыла однозначные доказательства того, что Ахмед Бушики получает почту от руководства ФАТХа в Бейруте. «Простой человек не получал бы письма от Арафата!» – настаивала Сильвия, и никакие утверждения, что Бушики был пешкой, просто передаточным звеном, не могли разубедить ее в собственной правоте.

Ну а тогда, во время ареста, Сильвия держалась с удивительным мужеством и хладнокровием. Она напрочь отказывалась признать свою вину и настаивала на том, что она фотограф Патрисия Руксберг. В какой-то момент норвежские следователи и в самом деле начали сомневаться в том, что эта женщина – агент «Моссада»; у них появилась версия, что Дан Арбель решил просто подставить известную своими антисемитскими взглядами французскую журналистку канадского происхождения. Тем более что вызванный из Канады специалист по орфоэпии и диалектологии однозначно подтвердил, что госпожа Руксберг говорит «на английском диалекте уроженцев Канады, и ее происхождение из этой страны не вызывает сомнений».

Но если профессора-лингвиста еще можно было обмануть, то канадский паспортный отдел – никогда. Канадцы были взбешены, выяснив, что Руксберг пользовалась поддельными документами гражданки их страны, и переслали Израилю соответствующую ноту протеста. Впрочем, само поведение Сильвии Рафаэль на допросе, а затем и на суде от этого мало изменилось – она держалась высокомерно, чуть насмешливо, глядя прямо в глаза судьям и прокурору. Навестивший ее в те дни адвокат Энеус Сьютт записал в своем дневнике: «Потрясающее самообладание. Говорит быстро. Очаровательна, чертовски очаровательна. Из тех женщин, которых принято называть «опасными»...»

Он еще не знал, насколько опасна была для него Сильвия Рафаэль, этот Энеус Сьютт.

Тем временем и Сильвия Рафаэль обратила внимание на высокого, тощего адвоката с типичным лицом шведского интеллигента.

– А адвокат у нас милашка! – сказала она на иврите своим товарищам по скамье подсудимых.

– Как можно в такой ситуации думать о таких пустяках! – осадил ее в тот момент Дан Арбель.

Тут нужно сделать небольшое отступление и сказать несколько слов об Энеусе Сьютте.

Представитель одной из самых аристократических семей Норвегии, многие члены которой из столетия в столетие занимались адвокатурой, он после прихода к власти нацистов вместе с отцом сбежал из страны в Англию. Здесь юный Энеус поступил матросом на британский авианосец и в этом качестве принял участие во многих морских сражениях Второй мировой войны. По ее окончании Сьютт отправился учиться юриспруденции, а его отец стал инициатором нескольких громких процессов против норвежских нацистов.

У семьи Сьюдтов были давние связи с норвежской еврейской общиной, и потому неудивительно, что после провала в Лиллехаммере Израиль обратился за помощью к ее представителю. Усилиями Сьюдта и израильских дипломатов удалось добиться, чтобы все члены группы Дана Арбеля получили очень небольшие сроки, -

Сильвия Рафаэль, к примеру, была приговорена к 22 месяцам тюрьмы. И все это время Энеус Сьюдт регулярно навещал ее в камере.

Весной 1975 года двери норвежской тюрьмы распахнулись, и Сильвия вышла на свободу. Руководство «Моссада» посчитало, что лучшим убежищем для нее станет «доисторическая родина», и она отправилась в Южную Африку, где была тепло встречена родным братом Дэвидом.

А еще через месяц в доме Дэвида раздался звонок. Когда тот открыл, он увидел на пороге долговязого, тощего господина с типичным лицом шведского интеллигента.

– Я приехал потому, что понял: я не могу без тебя! – сказал он Сильвии.

– Все наши вышли на свободу, и только меня ты обрек на пожизненное заключение с тобой! – говорила позже Сильвия мужу.

И тут же с нежностью добавляла:

– Мой викинг!

Таким образом, всего через пару месяцев после своего освобождения Сильвия Рафаэль вернулась в Норвегию – в качестве законной жены известного адвоката Энеуса Сьюдта. Они прожили в его доме в Осло до 1986 года – до того самого дня, как к ним явились представители норвежских спецслужб и сказали, что располагают однозначной информацией о том, что палестинцы готовят покушение на Сильвию.

В сущности, этого следовало ожидать: Сильвия Рафаэль была единственным бывшим агентом «Моссада», подлинное имя, фамилия и вдобавок место жительства которой были известны всему миру.

Надо было искать новое убежище, и Сьюдты отправились в ЮАР, где купили роскошную виллу. Здесь, на этой вилле, и прошли последние годы жизни Сильвии Рафаэль.

Сам Энеус Сьюдт рассказывает, что все эти годы его мучила мысль о том, является ли его жена убийцей или нет, нажимала ли она когда-нибудь в ходе выполнения задания на курок пистолета или нет? Мысль была тем более мучительной, что за все долгие годы совместной жизни Сильвия никогда не рассказывала ему о своей работе, больше того – говорила о том, что все эти тайны умрут вместе с нею.

Однажды Энеус задал ей этот вопрос напрямую, и Сильвия ответила: она сама никого никогда не ликвидировала. И тем не менее Энеус Сьюдт продолжал мучиться до тех пор, пока как-то на ярмарке они с Сильвией не решили развлечься в тире. Из десяти мишеней – «гусей» Сильвия не

попала ни в одну, и Сьюдт понял, что она действительно никогда в жизни не нажимала на курок пистолета.

Впрочем, это было ясно и так: «Моссад» никогда не позволил бы себе задействовать агента такого уровня на «черной работе».

В 2004 году в Израиле стало известно, что Сильвия больна раком. Уже после того, как стало ясно, что ее состояние безнадежно, она продолжала держаться с тем же хладнокровием и мужеством, с каким когда-то держалась в суде. Приятели их семьи и родственники Сильвии говорили, что у нее надо учиться умирать. И только Энеус Сьюдт знал, как она боялась смерти, как плакала по ночам...

Он, Энеус Сьюдт, и привез по просьбе израильского правительства тело скончавшейся на 68-м году жизни Сильвии Рафаэль в Израиль. На кладбище Сьюдт заплакал и сказал, что она все-таки его обманула: будучи почти на 20 лет старше Сильвии, он был уверен, что уйдет из жизни первым.

Сильвию Рафаэль похоронили с высшими воинскими почестями – отдавая таким образом дань ее вкладу в безопасность и обеспечение самого существования Израиля.

Хотя в чем именно заключался этот вклад, повторю, узнают, скорее всего, только наши внуки...

1973-2007. Азеф Ближнего Востока

27 июня 2007 года в доме номер 25, расположенном на одной из самых фешенебельных улиц Лондона, должно было состояться собрание Совета директоров одной из крупных международных компаний.

Один из директоров, англичанин иранского происхождения Джозеф Рафаси, незадолго до начала совещания вышел на балкон, чтобы насладиться кубинской сигарой и удивительно солнечным и в то же время не очень жарким днем, какие в последние годы не так часто случаются в старом добром Лондоне. Закурив сигару, Рафаси бросил взгляд на расположенный на противоположной стороне улицы особняк и увидел на балконе хозяина этого великолепного здания – своего старого друга и компаньона Асрафа Маруана, находившегося в компании, как скажет потом Рафаси, двух мужчин «восточного типа». Так как Асраф Маруан также являлся членом того самого Совета, совещание которого должно было начаться с минуты на минуту, Джозеф Рафаси должен был удивиться тому, что его друг почему-то не спешит присоединиться к уважаемому собранию. Но удивиться он не успел, потому что спустя мгновение на балконе произошло что-то странное, в воздухе мелькнули чьи-то ноги, а еще через секунду он увидел распростертое на мостовой тело Асрафа Маруана и расплывающееся под ним темное пятно...

Еще секунда ему понадобилась для того, чтобы поднять глаза и снова посмотреть на балкон особняка Маруана, но там уже никого не было. Хранящиеся в Скотланд-Ярде показания Джозефа

Рафаси, а также скандальное интервью, которое он дал в середине октября британскому телевидению, явно противоречат опубликованным прежде официальным заявлениям британской полиции о том, что Асраф Маруан выпал с балкона, слишком сильно перегнувшись через него в момент сердечного приступа. Опровергают они и выдвигавшуюся некоторыми СМИ версию о том, что Маруан покончил жизнь самоубийством. Нет, Асраф Маруан был явно убит. Убит в своем хорошо охранявшемся доме, каждый квадратный метр которого находился под наблюдением видеокамер и в который, как казалось, просто по определению не мог проникнуть никто посторонний. Но вот точного ответа на вопрос о том, кем именно он был убит, мы, наверное, в ближайшее время не получим. Слишком уж много врагов было у этого человека, известного спецслужбам под именами Вавилон, Кардинал, Рашид и т. д. Сотрудники «Моссада» знали Асрафа Маруана как Хатуэля – самого высокооплачиваемого, самого ценного и высокопоставленного агента, который когда-либо работал на израильскую разведку. Того самого, который в ночь с 5 на 6 октября 1973 года сообщил тогдашнему главе «Моссада» Цви Замиру о том, что Египет и Сирия одновременно нападут на Израиль на исходе Судного дня этого года. До начала войны в тот момент оставалось меньше 20 часов...

* * *

В интервью, которые сын покойного Гамаль Маруан осенью 2007 года дал ряду британских газет и телеканалов, он самым категорическим образом отрицает, что его отец мог по каким бы то ни было причинам покончить с собой. Наоборот, вспоминает Гамаль Маруан, в последнее время он был необычайно деятелен, запланировал целый ряд совещаний и встреч в разных странах мира, собирался получить аудиенцию у британской королевы и с энтузиазмом готовился отметить в Италии очередную годовщину своей свадьбы с Моной Насер. И столь же категорично Гамаль Маруан опровергает любые утверждения о том, что его отец когда-либо работал на «Моссад» или какую-либо другую разведку и потому мог быть ликвидирован по приказу египетских спецслужб.

– Мой отец был пламенным патриотом и верным сыном египетского народа, – вновь и вновь повторял Гамаль Маруан.

И добавлял:

– Если кто-то действительно и хотел свести с ним счеты, то только враги Египта, – явно намекая таким образом на то, что к загадочной смерти его отца могут быть причастны израильтяне.

Но даже если не сбрасывать со счетов эту версию, стоит заметить, что буквально за пару недель до гибели Асрафа Маруана в Израиле завершилось рассмотрение арбитражного дела между бывшим главой «Моссада» Цви Замиром и бывшим начальником военной разведки Эли Зейрой. Ссора между двумя разведчиками началась с того, что Зейра в своих мемуарах сообщил,

что агент, который накануне Войны Судного дня передал Израилю информацию о времени ее начала, был высокопоставленный египетский чиновник, чрезвычайно близкий сначала к Гамалю Абделю Насеру, а затем и к Анвару Садату.

Старый, так и не принявший новых веяний Цви Замир вскоре после выхода книги Зейры заявил, что по его описанию чрезвычайно легко вычислить имя работавшего на Израиль египтянина. И тут же, с ходу, обвинил Эли Зейру в том, что он в поисках денег и дешевой популярности нарушил главное правило кодекса чести разведчика – никогда, ни при каких обстоятельствах и даже во имя самых благих целей не выдавать имена своих агентов. И, нарушив этот кодекс, добавил Замир, Зейра поставил под угрозу жизнь агента, а также нанес ущерб безопасности Израиля, ибо кто захочет сотрудничать с разведслужбами страны, руководители которых строчат дешевые книжонки и треплют языком, как базарные бабы?!

Эли Зейра, разумеется, оскорбился и потребовал арбитража. Арбитры заседали долго и в конце концов признали, что Цви Замир прав: бывший глава военной разведки Израиля действительно нарушил кодекс чести разведчика и выдал секретную информацию, НАМЕКНУВ в своей книге, что информация о начале войны была получена от Асрафа Маруана, который к тому времени уже несколько лет работал на израильскую разведку.

Таким образом, если до решения арбитража у тех, кто читал книгу Зейры, еще оставались какие-то сомнения, что речь идет именно об Асрафе Маруане, то после него всякие сомнения в этом отпали...

Многие из тех, кто знал Маруана, говорят, что в последние месяцы жизни он, конечно, не собирался кончать жизнь самоубийством, но в то же время явно опасался за свою жизнь. Так, к примеру, Асраф Маруан выступил главным спонсором состоявшейся в начале ноября 2006 года в Лондоне конференции «50 лет войны в Суэце: от конфликта – к сотрудничеству». Но, выложив на проведение конференции огромные деньги, Маруан категорически отказался выступить на каком-либо ее заседании, не пожелал, чтобы его публично поблагодарили на церемонии ее открытия, и вообще был единственным ее участником, который не носил на лацкане пиджака металлическую табличку со своим именем.

Между тем в кулуарах конференции, опять-таки по словам друзей покойного, произошло весьма неординарное событие. Собрав самых близких к себе людей, Асраф Маруан включил в компьютер и продемонстрировал им... несколько глав своей книги об «Октябрьской войне» 1973 года. При этом Маруан с гордостью заявил, что когда книга выйдет в свет, она произведет эффект разорвавшейся бомбы как в Египте, так и в Израиле, в Великобритании, в США – да и во всем мире.

И, естественно, сразу после гибели Асрафа Маруана все стали искать следы этой неопубликованной книги. Но ни в столе, ни в личном компьютере покойного рукописи не

оказалось. Члены семьи высказали предположение, что Маруан мог записать книгу на магнитофонную кассету или диск и передать этот носитель опытной машинистке, однако все попытки найти машинистку тоже оказались безуспешными.

Между тем речь идет о человеке, который и в самом деле был хранителем многих сокровенных тайн Ближнего Востока, и книга об этих тайнах, написанная его рукой, действительно могла произвести эффект разорвавшейся бомбы. И многие, слишком многие могли бы пойти на что угодно ради того, чтобы предотвратить этот взрыв...

* * *

Будущий доктор экономики, дипломат, политик и бизнесмен Асраф Маруан родился в 1943 году в Каире в весьма обеспеченной, а если называть вещи своими именами, то попросту богатой семье. Следуя указаниям отца, юный Асраф отправился на учебу в Лондон, откуда вернулся в середине 60-х годов в качестве обладателя степени доктора экономики. Аристократическая внешность, блестящее образование, широкие связи и не менее широкие финансовые возможности семьи распахнули перед молодым экономистом двери в высший свет египетского общества.

В том же году на одном из приемов Асраф Маруан знакомится с Моной Насер – третьей дочерью президента Египта Гамалея Абделя Насера – и предлагает ей свою руку и сердце. Девушка отвечает согласием, и 7 июня 1966 года влюбленная пара сочетается законным браком. Теперь, на правах близкого родственника, Асраф Маруан входит в узкий круг лиц, облаченных особым доверием Насера, и доказывает тестю, что может блестяще исполнять его любые, в том числе и самые деликатные дипломатические поручения. В качестве тайного посланника Насера Асраф Маруан разъезжает в эти годы по всему миру, а после прихода к власти Анвара Садата становится одним из самых высокопоставленных чиновников в канцелярии последнего...

И в 1969 году этот человек сам явился в израильское посольство в Лондоне и предложил свое сотрудничество в обмен на приличные гонорары! Нужно ли говорить о том, что израильтяне поспешили с радостью принять его предложение и после очередной встречи с тем или иным сотрудником «Моссада» Маруан уходил, унося в кейсе от 150 до 200 тысяч долларов наличными?! Всего за годы сотрудничества Маруана с израильской разведкой Государство Израиль выплатило ему больше 3 миллионов долларов.

Сумма эта выглядит достаточно внушительной, если... если только забыть, что Асраф Маруан принадлежал к одной из самых богатых семей Египта и вдобавок был одним из самых высокооплачиваемых государственных служащих этой страны. Три миллиона долларов для него, как и для любого, в том числе и самого обеспеченного человека, были, конечно, немалыми деньгами. Немалыми – и все же не столь большими, чтобы ради них поставить на карту блестящую карьеру, саму жизнь, да и честь, наконец!

Поэтому уже в момент вербовки Асрафа Маруана в «Моссаде» нашлись люди, которые задавались вопросами о том, что толкнуло этого человека на сотрудничество с врагом, почему у него вдруг возникла такая острая потребность в деньгах, каким образом ему удастся избавиться от подозрений собственных спецслужб? И не находили другого ответа на все эти вопросы, кроме одного: Асраф Маруан попросту ведет двойную игру, он был и остается верным гражданином Египта, которому поручено водить за нос наивных евреев.

Однако информация, которую поставлял Асраф Маруан в «Моссад», была необычайно ценна, все проверки показывали, что она полностью соответствует действительности, и потому вопросом о том, какие мотивы им движут, было решено не задаваться.

Ну а после того, как Асраф Маруан сообщил главе «Моссада» точную дату начала Войны Судного дня, доверие к нему в этой организации возросло многократно. Асраф Маруан стал считаться и до сих пор считается самым ценным агентом, которого когда-либо удавалось приобретать израильским спецслужбам.

Но между тем, как уже было сказано, в рядах этой организации всегда были люди, не доверявшие Маруану и считавшие привлечение его к сотрудничеству не самым большим достижением, а самым большим провалом «Моссада» за всю его историю. И доказательства этому они видят как во все тех же событиях октября 1973 года, так и в дальнейшей судьбе Асрафа Маруана.

* * *

Сначала свою встречу с главой «Моссада» Цви Замиром Асраф Маруан, носивший кодовое имя Хатуэль, назначил на 4 октября в Риме, но затем попросил перенести ее на 5 октября.

А точнее, на час ночи 6 октября в Лондоне. Считая информацию, которую передавал Хатуэль, чрезвычайно важной, Замир немедленно согласился на все его условия. Как только над Лондоном сгустились сумерки, глава «Моссада» прибыл в купленный Израилем через подставное лицо старинный особняк, расположенный в одном из самых дорогих и тихих районов британской столицы.

Отвечавший в «Моссаде» за вопросы охраны Цви Малхин немедленно подогнал к дому больше десятка своих подчиненных, которые должны были проследить, чтобы никто, кроме тех, кому положено, не мог войти в здание, пока в нем находится Замир. Одновременно Малхин просчитал, что за Асрафом Маруаном всенепременно должны будут следить как агенты египетской контрразведки, так и парни из британской МИ-6, которые висят на хвосте у любого дипломата. А потому израильтянам предстояло в нужный момент деликатно вмешаться и «отсечь» от Маруана все хвосты. Единственное, что оставалось непонятным, – на какой машине прибудет Хатуэль и где именно он ее остановит, чтобы дальше пойти пешком и не привести с собой «хвост»...

Опасаясь, что их разговоры по радиации могут прослушиваться, Малхин говорил со своими подчиненными исключительно на идише, щедро пересыпая каждую фразу острым перцем ругательств и проклятий, зная, что эти крепкие идишские словечки для каждого еврея звучат как самая прекрасная музыка – музыка его детства...

Но когда Асраф Маруан подрулил на машине с дипломатическими номерами прямо к воротам дома, неспешно вышел из нее, поправил свой элегантный плащ и, даже не оглянувшись по сторонам, направился к двери, Цви Малхин удивленно присвистнул. Затем, увидев, что Маруана и в самом деле никто не «пас», он вдруг все понял.

– Сукин сын! – сказал он на все том же «мамеле-лошн»^[58]. – Бьюсь об заклад, что он делит все получаемые от нас деньги с Анваром Садатом и они вместе смеются над нашей глупостью!

И до конца своих дней Малхин был твердо убежден, что Асраф Маруан никогда никого не предавал, а действовал по прямому указанию египетской разведки и президента Анвара Садата.

Журналист, писатель и историк израильских спецслужб Ронен Бергман, хотя и не заявляет о своем однозначном согласии с этим мнением Цви Малхина, в своем очерке «Код Хатуэля», опубликованном 7 сентября 2007 года на страницах газеты «Едиот ахронот», говорит, что в отношении Асрафа Маруана как агента «Моссада» есть как минимум 10 вопросов, ответов на которые до сих пор не найдено:

«1. Асраф Маруан с самого начала был тем, кто на аргументах разведчиков обозначается термином walk-in, – трудно было понять, как он, занимая такую должность и зная, что за ним в силу его положения во время нахождения за рубежом должно вестись постоянное наблюдение, решился войти в двери израильского посольства в Лондоне?

2. Как получилось, что человек, занимавший столь высокое положение в египетском обществе, связанный родственными и другими узами с его элитой, никогда не испытывавший недостатка в деньгах, в одно прекрасное утро вдруг решил превратиться в «друга сионистов» и стал остро нуждаться в дензнаках?

3. Согласно отчетам Маруана, Анвар Садат не собирался начинать войну с Израилем до тех пор, пока у него, в соответствии с разработанной им военной концепцией, не появятся самые современные самолеты и ракеты среднего радиуса действия. На деле Анвар Садат отказался от данной концепции еще в сентябре 1972 года, однако Асраф Маруан никак не проинформировал об этом Израиль. Почему?

4. В своих мемуарах все египетские генералы утверждают, что дата начала войны 1973 года была окончательно определена 23 августа.

И в этот же период Маруан сообщает в Израиль, что Садат решил перенести дату начала войны на конец года. 25 сентября во время тайной встречи Голды Меир с иорданским королем Хусейном последний предупреждает ее о том, что Египет и Сирия намерены напасть на Израиль в

самое ближайшее время. В эти же самые дни Маруан присутствует на встрече Садата с королем Саудовской Аравии Фейсалом. Садат делится с Фейсалом своими планами нападения на Израиль, но Маруан ничего не сообщает в «Моссад» об этой встрече.

5. В своих мемуарах египетский генерал Гамаси, возглавлявший в 1973 году военную разведку Египта, пишет, что на заседании Генштаба египетской армии было решено: если даже израильтянам станет известно о готовящемся на них нападении позже, чем за 48 часов до его начала, ничего в планах не менять, так как за оставшееся время сионисты все равно не смогут мобилизовать своих резервистов. Маруан, как известно, сообщил о начале войны за 20 часов, когда времени на мобилизацию резервистов и в самом деле уже не оставалось. В то же время передача информации о времени начала войны позволяла Маруану сохранить доверие Израиля и после ее окончания.

6. Каким образом Анвар Садат мог в самый канун войны разрешить фактическому начальнику своей канцелярии выехать за рубеж, не спросив его о том, зачем он туда едет?

7. Каким образом и после Войны Судного дня вплоть до самой своей смерти, уже после того, как в прессе неоднократно мелькала информация о том, что он был израильским агентом, Маруан по-прежнему не только свободно приезжал в Египет, но и участвовал в различных официальных церемониях, щедро жертвовал деньги на различные исследования и стипендии для студентов, носящие его имя, и при этом все пожертвования с благодарностью принимались?

8. Во время беседы с Замиром Маруан заявил, что война начнется вечером 6 октября, а она началась в два часа дня. Понятно, что в такой ситуации, когда на вес золота становятся каждый час и каждая минута, это была в чистом виде дезинформация. Позже в свое оправдание Хатуэль заявил, что Садат изменил время начала войны уже после того, как он вылетел из Египта.

9. В 2004 году по египетскому телевидению передали трансляцию церемонии памяти воинов, павших в Октябрьской войне. В кадрах этой церемонии часто мелькал Асраф Маруан, пожимавший руку и целовавшийся с президентом Египта Хосни Мубараком. Кто-кто, а Мубарак прекрасно осведомлен о том, что происходило в 1973 году, и он бы никогда не стал целоваться с человеком, которого считает предателем.

10. После окончания Войны Судного дня Анвар Садат тайно наградил Асрафа Маруана высшим орденом Египта. О том, что Маруан является кавалером ордена, стало известно лишь много лет спустя. За какие заслуги Хатуэль получил эту награду и почему сам факт ее присуждения столь долгие годы хранился в секрете?!»

Выводы, как говорится, из этих 10 полувопросов-полуутверждений Ронена Бергмана напрашиваются сами собой. И последующая карьера Асрафа Маруана эти выводы только подтверждает. После войны он последовательно занимал должности начальника канцелярии президента Анвара Садата, директора службы пропаганды Египта, председателя Объединения

военных промышленников арабских стран, председателя Объединения арабских промышленников.

Последняя должность заставляла Маруана проводить большую часть времени вне Египта и одновременно расширяла его связи и влияние поистине до всепланетных масштабов. И после убийства Садата в 1981 году он принимает решение уйти в частный бизнес и остаться в Лондоне. Уже в качестве частного предпринимателя Асраф Маруан был председателем Федерации инвесторов в недвижимость Великобритании, председателем Совета директоров международной компании «Сигма», совладельцем футбольной команды «Челси», а также совладельцем нескольких престижных сетей магазинов, торгующих продуктами и промышленными товарами.

При этом и после Войны Судного дня Маруан продолжал сотрудничать с «Моссадом» и пользовался безграничным доверием Ицхака Рабина, сменившего Голду Меир на посту премьер-министра. Уже в последние месяцы выяснилось, что Маруан работал также на британскую и итальянскую разведслужбы и те тоже ценили его в качестве агента.

Но лучшим доказательством того, что Асраф Маруан всегда был именно двойным агентом, верно служившим своей стране, являются, по мнению многих как бывших сотрудников «Моссада», так и специалистов по Ближнему Востоку, те события, которые последовали за его смертью.

Египетские власти сделали все, чтобы гроб с телом Асрафа Маруана был как можно скорее доставлен на родину. Пока в Лондон не прилетела его жена, у его гроба непрерывно дежурили высокопоставленные работники консульств Египта в Великобритании. Они же (вместе с торжественным караулом!) сопровождали гроб к самолету. В Египте гроб с телом Асрафа Маруана также встречал почетный воинский караул, а его похороны проходили по той же церемонии, по которой проходят похороны министров и признанных героев египетского народа. И потому мне не остается ничего другого, как повторить, что так предателей не хоронят.

Да, сам президент Хосни Мубарак в этих похоронах не участвовал, так как находился на очередной конференции Лиги арабских государств. Однако в данном ему из-за рубежа коротком телеинтервью он не забыл выразить соболезнование семье покойного и заявил, что как человек, командовавший осенью 1973 года ВВС Египта, он лучше, чем кто-либо другой, знает, что именно сделал Асраф Маруан для своей страны.

И эти слова многими были восприняты как ключевые: если для Мубарака Асраф Маруан однозначно является героем и патриотом Египта, значит, таковым он и был на самом деле.

Впрочем, есть в Израиле и те, кто утверждает, что Маруан был своеобразным ближневосточным Азефом, – подобно этому террористу-осведомителю, он в равной степени был «слугой двух господ», время от времени «подставляющим» то одного, то другого своего хозяина.

Не исключено даже, что сам Асраф Маруан убеждал себя, что таким образом он служит делу установления справедливого баланса сил и скорейшему достижению мира на Ближнем Востоке.

* * *

В 1998 году имя Асрафа Маруана замелькало на страницах мировой прессы в связи со скандальным расследованием журналиста Саймона Рейгана «Кто убил принцессу Диану?».

Саймон Рейган раскопал, что у Асрафа Маруана в середине 90-х возник серьезный конфликт с одним из своих деловых партнеров Мухаммедом Аль-Файедом. А Мухаммед Аль-Файед, в свою очередь, является не кем иным, как отцом последнего сердечного друга принцессы Доди Аль-Файеда. Исходя из того, что у Асрафа Маруана были обширные связи как с британской, так и с израильской разведкой, а королевский дом Великобритании был заинтересован в исчезновении принцессы, Рейган предположил, что Асраф Маруан сыграл не последнюю роль в гибели Дианы и сына своего бывшего друга, превратившегося во врага. Но все это – не более, чем спекуляции.

Истина же заключается в том, что история жизни и смерти Асрафа Маруана остается для широкой публики не менее таинственной загадкой, чем обстоятельства гибели принцессы Дианы...

1979. Ядерный гриб над Антарктикой

22 сентября 1979 года свет в окнах Отдела стратегической разведки Пентагона вспыхнул около четырех утра. Почти одновременно с этим зажегся свет в окнах штаб-квартиры ЦРУ, а затем и Белого Дома. Вскоре в Пентагоне светились уже сотни окон, а представители высшего командования американской армии, прихлебывая кофе, чтобы окончательно проснуться, готовились к экстренному совещанию у президента Джимми Картера.

А началось все ровно за час до этого, когда дежурный техник базы ВВС США «Патрик», расположенной во Флориде, вдруг увидел, как самописец, фиксирующий сигналы, посылаемые со спутника «Вела-1169», вдруг взбесился, рванул своим пером вверх, под самый край шкалы, и стал выписывать на этом краю острые зубчики.

Официально «Вела-1169» был предназначен для прогнозирования погоды. Это было правдой – спутник и в самом деле оказывал немалую помощь метеорологам. Но полная правда заключалась в том, что он был призван следить также за уровнем радиации над земной поверхностью и сообщать на «Патрик» о любых его изменениях. Спутник был старым – его запустили в 1969 году, когда оптическая аппаратура еще не дотягивала до нужного уровня, но установленные на нем приборы были сработаны на совесть, и спустя десять лет после запуска, кружа над землей на высоте 118 тысяч километров, «Вела-1169» продолжал исправно поставлять информацию. Резкий скачок самописца от пришедшего со спутника сигнала мог означать только одно: в районе Антарктики, над которым он сейчас пролетал, кто-то взорвал атомную бомбу.

А потому, как только самописец «взбесился», техник немедленно связался с дежурным офицером, а тот поспешил отправить рапорт начальству...

Вот почему в четыре утра в Пентагоне и в Белом Доме светились почти все окна. Настроение у американских генералов было паршивым.

– И все-таки, господа, давайте еще раз попробуем взвесить, не мог ли резкий скачок уровня радиации быть вызван какими-то естественными причинами? – спросил один из участников спешно собранного совещания.

– Практически это исключено, – ответил ему начальник отдела стратегической разведки. –

К месту... гм, катаклизма... уже направляется корабль, скоро будут взяты пробы воды, планктона, образцы живых организмов, но, думаю, они лишь подтвердят наши предположения: в районе Антарктики были проведены испытания атомной бомбы. И нам остается лишь ответить на вопрос о том, кто именно провел эти испытания?

– Может быть, все-таки русские? – робко предположил кто-то.

– Я уже устал вам повторять, что ваши представления о русских, мягко говоря, не соответствуют действительности, – с раздражением произнес начальник Восточноевропейского отдела. – Они кто угодно, но не идиоты! С какой стати они бы стали сейчас проводить испытания в Антарктике и гробить всю свою «миролюбивую политику»? У них что, нет своих полигонов?!

– Французы?

– Оставьте, про французов мы, слава Богу, всё знаем...

– Тогда остается только ЮАР. И... Израиль.

– Да, остаются только ЮАР и Израиль, – подтвердил начальник отдела стратегической разведки. – И это, как вы понимаете, не очень хорошо для Соединенных Штатов. Особенно если в этом деле действительно замешан Израиль. Вы представляете, что скажут Советы, если это подтвердится?! Вы понимаете, в какой ситуации в этом случае окажется президент?

– Ну, до того, как мы узнаем, что думают по этому поводу русские, ждать осталось недолго – из Москвы позвонят в худшем случае через час. Во всяком случае, надеяться, что их «Космос» ничего не заметил, не приходится. Вероятнее, у них даже больше информации, чем у нас... Вставайте, господа, надо ехать к президенту. Там и выработаем окончательные формулировки.

На совещании президент Джимми Картер был краток.

– Если эти испытания действительно проводил Израиль, то Бегин и Перес должны будут понять, что на этот раз мы их покрывать в ООН не станем. И пусть никто мне больше никогда не говорит про хваленый еврейский ум! Если евреи – идиоты, то пусть расплачиваются за это по полной программе!

* * *

Как свидетельствуют рассекреченные несколько месяцев назад документы из архива ЦРУ, ядерное сотрудничество Иерусалима и Претории началось еще в конце 60-х годов, но наиболее интенсивный характер приобрело в 70-80-е годы.

Считая, что угроза самому существованию еврейского государства остается в силе, тогдашний министр обороны Шимон Перес решил сделать все для того, чтобы Израиль стал обладателем ядерного, или, как он сам любил говорить, «стратегического» оружия. Сам факт наличия у Израиля этого оружия должен был стать для арабского мира фактором, удерживающим его от начала новой глобальной войны против «сионистского образования».

Но такую же угрозу своему существованию чувствовал и господствующий в то время в ЮАР режим апартеида. В политических кулуарах Претории не очень боялись международного бойкота и блокады: учитывая огромные природные богатства Южной Африки, ни о какой полной блокаде просто не могло быть и речи. Нет, стоящих у власти в ЮАР сторонников сохранения апартеида куда больше мучил фантазмагорический кошмар, при котором на их страну, при поддержке тех или иных стран мира (и в первую очередь СССР) нападают их «черные» соседи.

И для того, чтобы предотвратить такой сценарий развития событий, им тоже крайне необходимо было наличие ядерного оружия, играющего роль «сдерживающего фактора». Но понятно, что ни одна страна Запада, включая активно покупающую у ЮАР уран Францию, не готова была оказать Претории помощь в создании своей атомной бомбы – слишком громким мировым скандалом это могло обернуться. Мысль о том, чтобы обратиться за помощью в создании атомной бомбы к Израилю, министру обороны ЮАР Питеру Боте подал в конце 60-х годов сотрудник оперативного отдела Генштаба армии этой страны полковник Дитер Герхард.

Нужно сказать, что к тому времени ЮАР уже вела активную торговлю с Израилем, между двумя странами существовали довольно тесные отношения в разных сферах, и армия ЮАР была вооружена именно израильским оружием. Однако если само военное сотрудничество с Израилем военная верхушка ЮАР воспринимала без энтузиазма, то еще меньше ей понравилась идея укрепления такого сотрудничества и переноса его в сферу создания атомного оружия. И это было понятно: среди белого населения ЮАР к евреям вообще относились не очень хорошо – прежде всего потому, что именно они и были наиболее яростными сторонниками отмены режима апартеида внутри страны. Ну а в самой армии ЮАР значительную часть офицеров составляли немцы – в основном дети нацистов, укрывшихся здесь, на краю земли, от преследования за совершенные ими в годы Второй мировой войны преступления. Воспринявшие идеологию своих отцов, эти люди иначе как «грязными жидами» евреев не называли. Но идеология идеологией, а атомную бомбу иметь все-таки хотелось. И ради этого можно было посотрудничать даже с «грязными жидами», обладавшими необходимыми технологиями и опытом для ее создания.

Израиль же был в крайней степени заинтересован в сотрудничестве с ЮАР по той простой причине, что у него не было своего урана, без которого, как известно, атомную бомбу не сделаешь, а вот у ЮАР урана было как раз достаточно.

В 1970 году в Йоханнесбурге состоялась первая встреча израильских и южноафриканских военных и ученых. Тут же выяснилось, что южноафриканские физики весьма смутно представляют себе, что именно нужно для создания атомной бомбы, и их всему нужно учить с «нуля».

В результате по итогам той встречи был подписан первый рабочий договор между ЮАР и Израилем, в ходе которого Претория обязывалась поставлять Израилю «желтый пирог» (так было решено назвать в этом документе урановую руду, прошедшую первоначальную химическую обработку), а Израиль ЮАР – уже обогащенный уран и ракеты, «способные нести боеголовки специального назначения». Нетрудно было догадаться, что имеются в виду именно ракеты, которые при желании можно оснастить ядерными боеголовками.

Наконец, в 1974 году на роскошной вилле, стоящей на берегу Женевского озера, тайно встретились для подписания договора о военном сотрудничестве делегации двух стран. Делегацию ЮАР на встрече возглавляли сам премьер-министр страны Джордж Форстер, а израильскую делегацию – министр обороны Шимон Перес. Полный текст договора размещался более чем на 100 страницах, и чтобы ограничить число лиц, имеющих к нему доступ, сделали всего 4 экземпляра данного документа: два остались у израильтян, и два – у южноафриканцев.

Согласно этому договору, ЮАР закупала у Израиля различное оружие на общую сумму в 300 миллионов долларов. Основная часть суммы шла на приобретение баллистических ракет «Иерихо-1», «Иерихо-2» и «Иерихо-3». Причем на самом деле никакой ракеты «Иерихо-3» не было и в помине – так израильтяне называли межконтинентальную американскую ракету МХ-Н, которую они продавали Претории без ведома и разрешения американцев, то есть, по сути дела, обманывая своего главного стратегического союзника.

Кроме того, договор включал в себя пункты, по которым обе страны могли использовать территории друг друга для складирования различного оружия, а в том случае, если одна из них оказывалась в состоянии войны, другая должна была оказать ей всемерную помощь оружием, боеприпасами, медикаментами, продуктами питания и т. д., включая оружие, боеприпасы, медикаменты и продукты из стратегических запасов страны.

И все же самым главным в договоре были пункты, окончательно закрепляющие ядерное сотрудничество между двумя странами и подтверждающие готовность Израиля помочь ЮАР в создании собственной атомной бомбы в обмен на уран, алмазы и деньги.

Спустя месяц после подписания этого документа его копия легла на стол начальника ГРУ СССР, а тот не замедлил доложить о его существовании самому генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу.

Сегодня уже известно, каким именно образом копия этого сверхсекретного договора оказалась в Москве: в числе тех, кто имел доступ к его тексту, был и советский разведчик, известный в Генштабе армии ЮАР как полковник Дитер Герхард.

Впрочем, получив это сообщение, в Москве решили не поднимать шума, а проследить за тем, как будут развиваться события дальше.

И лишь когда Герхард передал, что руководство ЮАР и Израиля намерены провести испытания изготовленной на территории ЮАР атомной бомбы, Кремль решил вмешаться и показать, что он – в курсе происходящего...

* * *

Москва начала с того, что передала американской администрации через свое посольство в Вашингтоне сообщение о том, что она располагает точными сведениями о готовящемся ЮАР испытании своей атомной бомбы. Испытания должны были быть проведены в пустыне, и помимо того, что наличие у ЮАР атомной бомбы означало возникновение принципиально новой военно-политической ситуации в Африке, сами эти испытания могли нанести серьезный ущерб экологии и состоянию здоровья жителей соседних с ЮАР стран. Кремль не просил слишком многого: он лишь хотел, чтобы американцы несколько «осадили» находящуюся вроде бы в зоне их влияния Преторию.

В сущности, особых сантиментов к ЮАР и правящему в ней режиму американцы не испытывали, но прежде, чем что-либо предпринимать, решили проверить сведения «русских». Проверка показала, что они верны: вскоре со спутника были сделаны снимки огромной ямы, которую солдаты армии ЮАР рыли в африканской пустыне. Величина и конфигурация ямы не оставляли сомнения в том, что она предназначена для ядерных испытаний. Американцы немедленно направили в Йоханнесбург грозную ноту, в которой требовали прекратить все работы по подготовке к ядерным испытаниям, угрожая в противном случае вместе с СССР добиться международных санкций против ЮАР.

При этом в Вашингтоне понимали, что на самом деле санкций этих добиться практически невозможно, так как против них выступят многие страны Запада. К примеру, та же Франция, вроде бы на словах осуждающая апартеид, не раз говорила, что «введение санкций против ЮАР равносильно введению санкций против Франции».

Тем не менее ЮАР, казалось, прислушалась к предостережениям Вашингтона и пообещала, что никаких ядерных испытаний в африканской пустыне проводиться не будет.

И Министерство обороны ЮАР и в самом деле решило не проводить их в пустыне. Ломая голову над поисками нового места для испытания атомной бомбы, израильтяне и южноафриканцы остановили свой взгляд на Антарктике – на том её районе, где практически никогда не проходят международные суда и над которым уже в начале сентября висят плотные облака, затрудняющие наблюдение со спутников. Само местонахождение квадрата и погодные условия в нем позволяли небольшой эскадре в 3-4 корабля незаметно войти в его акваторию, за несколько часов подготовить все, что нужно для испытания атомной бомбы, произвести взрыв, в течение нескольких минут сделать все необходимые замеры и столь же незаметно выйти из квадрата.

Вскоре американцы обратили внимание на то, что армия ЮАР закрыла свой самый южный порт Симонтаун для входа посторонних судов и внутри него явно что-то затевается. Тогда желетом 1979 года – в Пентагоне впервые высказали предположение, что, возможно, ЮАР решила провести ядерные испытания не на суше, а в океане. Однако никаких доказательств этому найти так и не удалось – пока 22 сентября 1979 года перо самописца на базе «Патрик» стремительно не прыгнуло вверх...

* * *

Первым, кто заявил о том, что у берегов Антарктики состоялось испытание израильской атомной бомбы, был, разумеется, Советский Союз.

Точнее, СССР обвинил в проведении испытаний сразу две страны – ЮАР и Израиль. Но на самом деле никаких доказательств того, что за этим ядерным взрывом стоят ЮАР, Израиль или кто-то другой, ни у США, ни у СССР не было – к тому времени, когда в квадрат, где был произведен взрыв, вошли советские и американские суда, там было так тихо и безлюдно, как бывает только в этой части Мирового океана. Тем не менее американцы тоже выдвинули обвинение – правда, только против ЮАР.

Спустя еще три дня – 25 сентября 1979 года – правительство ЮАР сделало заявление... в типично израильском стиле: оно не подтверждало, но и не опровергало наличие у ЮАР атомной бомбы, а призывало народы мира «задуматься над тем, что у Южно-Африканской республики и в самом деле может быть оружие, с помощью которого она способна достойно отстоять свои национальные интересы». Израиль же встал в позу оскорбленной справедливости. Его представитель в ООН громко потребовал у своего советского коллеги объяснений, на каком основании тот считает, что Израиль каким-то образом причастен к происшедшему в Антарктике? Есть ли у СССР какие-либо тому доказательства?

Доказательств, повторим, не было, что, впрочем, не помешало СССР настаивать на том, что Израиль все-таки провел испытания атомной бомбы и под этим предлогом увеличить военную помощь арабским странам.

В этом в немалой степени помог СССР работавший на телеканале BBC израильский журналист Дан Равив – в конце 1979 года он, опираясь на некий «авторитетный источник в Министерстве обороны Израиля», заявил, что взрыв у берегов Антарктики был испытанием израильской атомной бомбы. Причем Равив прекрасно понимал, что в Израиле ему никто такую информацию опубликовать не даст. Поэтому он выехал в Италию и уже из итальянского корпункта BBC вышел в эфир.

По возвращении в Израиль прямо в аэропорту Бен-Гурион у Равива реквизировали удостоверение журналиста и запретили заниматься журналистской деятельностью на территории еврейского государства.

Сегодня уже мало кто помнит о том, что именно история со взрывом у берегов Антарктики стала непосредственным поводом для кампании по ядерному разоружению, начатой вскоре после этих событий президентом США Джимми Картером и главой Советского государства Леонидом Брежневым.

Согласно опять-таки все тем же архивным материалам, ЮАР обладала всего восемью атомными бомбами. После падения режима апартеида президент ЮАР Фредерик де Клерк сообщил, что ЮАР избавилась от своего ядерного оружия. Но как именно она это сделала, ничего сказано не было, поэтому считается, что бомбы были просто переправлены в Израиль – в полном соответствии с договором о военном сотрудничестве.

Самое интересное заключается в том, что даже после всего вышесказанного, остается неясным, был ли произведен 22 сентября 1979 года у берегов Антарктиды ядерный взрыв и если все-таки был, то являлся ли он испытанием атомной бомбы. А если являлся, то какое отношение к нему имеет Израиль?

* * *

Не нужно думать, что, придя к определенным выводам еще 22 сентября, американцы успокоились и больше не пытались доискаться до правды. Нет – после появления многочисленных публикаций об этом взрыве в американских и европейских СМИ под давлением общественности президент Джимми Картер отдал указание о создании специальной комиссии независимых экспертов, которые должны были собрать всю имеющуюся информацию о происшествии в районе Антарктики и представить свои выводы лично президенту.

Возглавить комиссию поручили бывшему начальнику отдела особо секретных проектов Министерства обороны США д-ру Джеку Ройену. Протоколы работы комиссии было опять-таки разрешено предать гласности только в конце лета 2006 года, и они представляют собой действительно занятное чтение.

Поначалу члены комиссии пришли к выводу, что возле Антарктики была взорвана небольшая атомная бомба мощностью порядка трех килотонн, а следовательно, речь шла об испытании не

стратегического, а тактического ядерного оружия. Так как у ЮАР такого оружия точно не было, то снова возникал израильский след – Израиль вполне мог испытывать в тот день атомные бомбы, предназначенные для уничтожения бункеров. Однако в итоге комиссия во главе с Ройеном пришла к совершенно сенсационному выводу, что... никакого ядерного взрыва 22 сентября 1979 года в данном квадрате Мирового океана произведено не было. Вспышка же радиоактивного излучения в этом районе связана с некими другими причинами, выяснить которые комиссии так и не удалось.

В принципе, это совпадает с официальным заявлением Израиля о том, что он никогда не проводил ядерных испытаний вообще и в районе Антарктики в частности. Но тогда нам остается предположить, что взрыв в безлюдном и вообще малообитаемом участке океана был порожден некими сверхъестественными причинами. Но так как автор этих строк является законченным рационалистом и ни в космических пришельцев, ни в существующую где-то в глубинах океана гуманоидную цивилизацию не верит, то ему не остается ничего другого, кроме как настаивать на первоначальной версии американских и советских военных – то, что произошло осенью 1979 года, было испытанием атомной бомбы.

И, вероятнее всего, Израиль был самым непосредственным образом причастен к нему. И рано или поздно этому будут найдены доказательства.

1985. Тайна провала Джонатана Полларда

Для начала – о том, что известно всем или почти всем.

В 1984 году блестящий 29-летний офицер ВМФ США Джонатан Поллард приступил к службе в новом Аналитическом Центре по борьбе с международным терроризмом. В задачу Центра входило изучение потенциальных угроз США, исходящих от различных террористических организаций и стран. Естественно, в этот центр стекалась вся информация, добытая американскими разведчиками о разных странах, включая государства Ближнего и Среднего Востока. Как раз в то самое время, когда Поллард получил новое назначение, министр обороны в правительстве президента Рейгана, воинствующий антисемит Каспер Вайнбергер наложил вето на обмен разведывательной информацией с Израилем.

И еврей Джонатан Поллард был до глубины души возмущен этим решением, наносившим, по его мнению, удар по безопасности Израиля.

Поэтому он по собственной инициативе связался с работающим в посольстве Израиля в США офицером ВВС Авраамом Села, который официально занимался «координацией израильско-американских научных связей». В течение полутора лет Джонатан Поллард регулярно передавал через Села в Израиль сотни секретных документов, посвященных работам по созданию ядерного, химического и биологического оружия в Иране, Сирии, Ираке и Ливии, а также сделанные из космоса фотоснимки и карты с указанием расположения военных баз на территории

потенциальных противников Израиля. В их числе были и карты с указанием расположения баз ООП в Тунисе, и американцы убеждены, что именно эти карты и помогли Израилю нанести столь точный удар по тунисским лагерям ООП 1 октября 1985 года.

К этому времени Поллард уже почувствовал, что ему «на хвост» – явно по чьему-то доносу – сели агенты ФБР. А почувствовав, попросил Авраама Селу, который покидал США, помочь его жене Энн перебраться в Израиль. Но Села внезапно уехал, совершенно «забыв» о своем обещании помочь.

Заметив, что агенты ФБР ведут круглосуточное наблюдение за его домом, Поллард позвонил по номеру телефона, который ему дали на случай, если он окажется на грани провала. Сообщая Полларду этот номер, израильтяне твердо обещали ему, что сразу после звонка израильская разведка сделает все для того, чтобы предоставить Энн и Джонатану Полларду надежное убежище, а затем переправить их в Израиль. Но когда он набрал этот номер, послышались бесконечные длинные гудки – на другом конце провода никто не торопился снять трубку.

В отчаянии Поллард и его жена сели в машину и направились к израильскому посольству в Вашингтоне, надеясь найти убежище на его территории. Джонатан и Энн действительно сумели войти на территорию посольства, но в здание их, несмотря на все просьбы, не пустили. Более того, охранники посольства потребовали, чтобы они немедленно покинули его территорию, и вконец отчаявшимся супругам не оставалось ничего другого, как выйти за ворота посольства, где их уже ждали агенты ФБР.

На первых допросах Джонатан Поллард категорически отвергал все обвинения в шпионаже, утверждая, что найденные в ходе обыска в его доме многочисленные секретные документы были просто взяты им для работы.

Однако израильские спецслужбы, будучи пойманы за руку, сразу же во всем признались и передали своим американским коллегам большую часть документов, которые были получены от Полларда. При этом официальный Иерусалим заявил, что Джонатан Поллард действовал исключительно по своей инициативе, не был завербован израильской разведкой и потому никакой ответственности за его действия Израиль не несет. Когда Полларду предъявили эти документы, на которых были вдобавок ко всему его отпечатки пальцев (а ведь их следы перед передачей американцам документов можно было без труда уничтожить!), он понял, что Израиль окончательно от него отступился, и признал свою вину. Но только в шпионаже, а не в измене родине. Согласно сделке, заключенной между его адвокатами и прокуратурой, Джонатан Поллард должен был быть обвинен по статье «шпионаж в пользу дружественного США государства», за что, согласно федеральному закону, полагается от двух до двенадцати лет тюремного заключения.

Кроме того, суд признал, что Поллард занимался шпионажем, побуждаемый не жадой наживы, а идеологическими мотивами, и это также выглядело обстоятельством, смягчающим тяжесть его преступления. Адвокаты Полларда рассчитывали, что он получит около пяти лет тюрьмы. Однако в последний день процесса министр обороны Каспер Вайнбергер переслал судье, который вел процесс Полларда, документы, якобы свидетельствующие о том, что последний своей деятельностью нанес огромный ущерб интересам и безопасности США. И в результате Джонатан Поллард был приговорен к пожизненному заключению, а его жена Энн, которая, в сущности, вообще была не причастна к его деятельности, была осуждена на пять лет тюрьмы.

Вот уже больше двадцати лет, как Джонатан Поллард встречает свой день рождения в тюрьме. После вынесения ему приговора семья отвернулась от него – за все эти годы ни мать, ни отец (известный американский онколог), скончавшиеся в начале 2000-х годов, ни сестры ни разу не навестили его в тюрьме. Накануне освобождения его жены Энн из тюрьмы Поллард направил ей разводное письмо, освободив ее от брака с пожизненным заключенным в соответствии со всеми требованиями еврейской традиции...

* * *

Сам Джонатан Поллард считает, что все его неприятности начались летом 1984 года, когда ему передали, что с ним хочет встретиться «босс» – стоявший тогда во главе аналитического центра Министерства обороны Израиля Рафи Эйтан^[59]. Чтобы не вызывать подозрений, встречу было решено организовать в Париже, куда Поллард и приехал в качестве обычного туриста.

Поллард встретился с Эйтаном на конспиративной квартире и, по его собственному признанию, поначалу был очарован этим человеком. Эйтан был для него олицетворением «настоящего еврея и настоящего израильтянина», символом того государства, которому он служил. Он почти боготворил Эйтана как человека, который арестовал и доставил в Израиль Адольфа Эйхмана. И поначалу их беседа протекала в самой дружеской форме: Эйтан прочитал ему блестящую лекцию о стратегической ситуации на Ближнем Востоке, о тех угрозах, которые исходят для Израиля от разных мусульманских стран, а затем попросил Полларда высказать свою точку зрения по этим вопросам.

Но вот затем Рафи Эйтан обратился к Джонатану Полларду с двумя «деликатными просьбами».

Первая заключалась в том, чтобы Поллард раздобыл ему список действующих на территории Израиля американских разведчиков, а вторая... в передаче Эйтану имеющегося у американцев компромата на различных политических противников Ариэля Шарона, близким другом которого Рафи Эйтан был многие годы.

Джонатан Поллард отказался выполнить обе эти просьбы.

Первую – потому, что если бы он выдал Израилю агентурную сеть США, это было бы предательством по отношению к той стране, в которой он родился, вырос, сделал неплохую карьеру и вообще был обязан очень и очень многим. Вторую просьбу Поллард отверг по той простой причине, что она показалась ему «слишком грязной». Да, у американцев действительно имелся компромат на всех израильских политиков, они знали, кто из них педофил, кто гомосексуалист, кто просто изменяет своей жене, но Джонатана Полларда всегда тошнило от такой информации, и уж тем более он не собирался кому-либо ее передавать.

Услышав отказ, Эйтан не стал скрывать даже не разочарования – своей обиды и злости на Полларда.

– А ты не боишься, что скоро провалишься? – вдруг спросил он. – И тогда тебе понадобится помощь тех самых людей, которым ты только что отказал...

* * *

По словам Полларда, решающую роль в его провале и разоблачении сыграл агент ЦРУ Анжей Кальчински, который, по странному стечению обстоятельств, был не только сотрудником этой уважаемой организации, но и... близким другом Ариэля Шарона. Переехав в Израиль, Кальчински стал называть себя Йоси Бараком, занялся политикой и даже какое-то время был членом Комиссии по иностранным делам и безопасности Кнессета. В 2001 году израильский гражданин Йосеф Барак подал иск против ЦРУ с требованием выплатить ему пенсию за годы службы в этой организации. В числе прочих своих заслуг перед США Кальчински-Барак называл и разоблачение израильского разведчика Джонатана Полларда.

Поллард несколько раз обращался с письмами в разные израильские инстанции, в том числе к министру внутренней безопасности Гидону Эзре с просьбой допросить Кальчински-Барака и установить, какую роль тот сыграл в его провале, но все эти просьбы остались без ответа.

Когда вторая жена Полларда Эстер обратилась к Рафи Эйтану с просьбой помочь ей в борьбе за освобождение мужа, Рафи Эйтан ответил, что единственное, о чем он жалеет, – так это о том, что не пустил Полларду пулю в голову накануне его ареста: тогда, дескать, всем было бы легче.

А лидер партии «Моледет» Рехаваам Зеэви, встретившись с Поллардом в тюрьме за несколько недель до своей гибели от рук арабских террористов, с грустью признался, что все его попытки убедить премьер-министра Ариэля Шарона предпринять действенные меры для освобождения Полларда из тюрьмы, были безуспешными.

«Я готов привезти Полларда в Израиль только в гробу!» – сказал тогда Шарон Зеэви.

Таким образом, все сходится к тому, что Израиль намеренно «провалил» своего разведчика в Америке, а затем также намеренно бросил его на произвол судьбы – таким образом Ариэль Шарон и его верный оруженосец Рафи Эйтан попросту отомстили Джонатану Полларду за то, что он отказался обслуживать их политические интересы.

Эйтан, кстати, после провала Полларда был щедро вознагражден – его назначили гендиректором крупнейшей химической компании Израиля.

Любопытно, что сам Рафи Эйтан прокомментировать эту версию Джонатана Полларда наотрез отказался...

* * *

О той роковой роли, которую сыграл в его судьбе Рафи Эйтан, Джонатан Поллард решил рассказать только весной 2006 года – сразу после прошедших в Израиле парламентских выборов, на которых возглавляемая Рафи Эйтаном партия пенсионеров «Гиль» («Возраст») получила целых пять мандатов.

По словам Полларда, внимательно следя за ходом предвыборной кампании в Израиле, он знал, что Эйтан использует в ней его имя и лжет, будто намерен добиваться его освобождения, но до последнего дня Поллард не верил, что партии «Гиль» Эйтана удастся завоевать на выборах хотя бы один мандат. Но после того, как «Гиль» вошла в Кнессет, он почувствовал себя обязанным рассказать народу Израиля о том, что за человек занял одно из кресел в Кабинете министров еврейского государства.

В то, что новое правительство Израиля предпримет какие-то шаги для его освобождения, Поллард особенно не верит, хотя, по сведениям его жены Эстер, президент США Джордж Буш был готов отпустить его на свободу, если бы об этом последовала официальная просьба о его освобождении со стороны премьер-министра Израиля.

Эта информация выглядит тем более достоверной, что в своем предсмертном интервью Каспер Вайнбергер признал, что «дело Полларда чрезмерно раздули». Но проблема Полларда как раз и заключается в том, что за все эти годы Израиль ни разу не обратился к США с официальной просьбой о его освобождении. Да, его навещали министры и депутаты Кнессета. Да, вопрос о его освобождении не раз поднимался во время визитов разных политических деятелей Израиля в США, но официально – именно официально! – такой просьбы со стороны Израиля не последовало ни после получения Поллардом израильского гражданства, ни после того, как БАГАЦ (высший суд справедливости) признал тот факт, что он является израильским разведчиком.

Лишь однажды Кнессет проголосовал за подачу такой просьбы, но в итоге она так и не была отправлена американскому правительству.

Любопытно, что когда встретившийся в тюрьме с Поллардом корреспондент ведущей израильской газеты «Едиот ахронот» Янив Халили спросил его, не усматривает ли он параллелей между своим делом и делом израильского ядерного шпиона Мордехая Вануну, Поллард ответил резко отрицательно. По его мнению, Вануну своим поступком предал Израиль, а он же не предавал США, он лишь стремился исправить ту несправедливость, которая возникла исключительно по воле Каспера Вайнбергера, и не нанес никакого ущерба США. Кроме того,

добавил Поллард, суд над Вануну проходил в соответствии со всеми юридическими нормами, чего нельзя сказать о суде над ним и его первой женой Энн...

О чем он мечтает?

О многом – о том, что когда-нибудь ему удастся вырваться из тюрьмы, уехать в столь любимый им, несмотря ни на что, Израиль и, может быть, успеть вместе с Эстер родить детей. Хотя он понимает, что у многих в его возрасте уже есть внуки...

* * *

Вот уже много лет в Израиле и США идет не прекращающаяся ни на сутки борьба за освобождение Джонатана Полларда. И вот уже много лет эту борьбу возглавляет его вторая жена Эстер. Впервые они встретились в 70-х годах, когда оба совсем юными оказались в одном из молодежных еврейских лагерей.

Но тогда ни он, ни Эстер не обратили внимания друг на друга. Потом, когда в Канаде евреи начали собирать подписи за освобождение Полларда и стали призывать писать ему в тюрьму письма, Эстер решила тоже написать ему несколько слов. До этого Эстер ничего не знала о деле Полларда, так как контролируемая евреями канадская пресса не проронила на своих страницах ни слова о разоблачении в США израильского разведчика.

К ее удивлению, Поллард ей ответил, и письмо поразило ее – это было письмо необычайно умного, начитанного, доброго человека, сумевшего сохранить волю к жизни и оптимизм даже в тюремной камере. Они стали созваниваться – весь полагающийся ему час телефонных разговоров в неделю Джонатан тратил на Эстер. Спустя полтора года такого телефонного романа они поженились.

Сразу после хупы – еврейской религиозной свадебной церемонии – им предоставили ровно пять минут, чтобы они побыли наедине, и с тех пор они не находились с глазу на глаз ни одного мгновения. Большую часть времени Эстер сейчас проводит в Израиле – продолжает обивать пороги кабинетов политиков, умолять, требовать, убеждать...

Удастся ли ей когда-нибудь без посторонних глаз обнять мужа?

Ответа на этот вопрос сегодня не знает никто.

А надежда, как известно, умирает последней – нередко даже после смерти тех, кто ею жил.

Но самое главное – у Рафи Эйтана, похоже, все замечательно. У него есть пост министра, роскошная вилла, плантации на Кубе, солидный счет в банке.

Но собирается ли он платить по другому счету – по счету совести?

1986. Разменная карта

И все же говорить о том, что провал Джонатана Полларда целиком лежит на совести израильских спецслужб – значит, по меньшей мере, заниматься дешевой спекуляцией. Во всяком случае, именно на такие размышления наводит история Йосефа Амита, ставшего пешкой или,

если угодно, картой в хитроумной игре, с помощью которой «Моссад» и ШАБАК надеялись вытащить Полларда из американской тюрьмы...

* * *

Биография Йосефа Амита, носившего в молодости фамилию Лизри, в целом мало отличается от биографий других офицеров элитных подразделений ЦАХАЛа. Сын одного из высокопоставленных офицеров хайфской полиции, Йосеф был отдан в «военную школу-интернат для детей офицеров», представлявшую в те годы почти точный аналог советских суворовских училищ. По окончании этой школы Йосеф Амит, как и все остальные его сверстники, был призван в армию, где сразу оказался в элитных боевых частях. А в 1972 году Амит вместе с группой других офицеров ЦАХАЛа принял участие в создании легендарного израильского спецподразделения «Эгоз», которому еще предстояло провести поистине головокружительные и по задумке, и по требуемым от солдат смелости и уровня боевой подготовки операции. Кстати, должность разработчика всех этих операций занимал именно капитан Йосеф Амит, и затем он сам проверял эффективность своих замыслов, выходя в бой вместе с солдатами.

В одном из таких боев с террористами Амит получил тяжелое ранение, несколько месяцев после него провел в больнице, а выписавшись, поспешил на медкомиссию, призванную определить, годен ли он к дальнейшей службе. «Ни о каких сильных физических нагрузках, не говоря уже об участии в боевых операциях, не может быть и речи!» – эта фраза из заключения комиссии прозвучала для него как приговор.

Но терять такого толкового офицера армии не хотелось, и капитан Амит был переведен в сверхсекретный 504-й отдел военной разведки (АМАН), по окончании специальных разведкурсов молодой офицер приступил к работе «вербовщика».

В задачу Амита входила вербовка агентов АМАНа на территории противника, то есть в арабских странах. Работа была как работа – по поддельным документам он должен был проникать в Египет, Иорданию, Сирию и Ирак, вербовать там причастных к деятельности военных структур граждан для работы на АМАН (причем зачастую те и сами не знали, на кого работают), а затем поддерживать с ними регулярную связь. По всей видимости, Амит неплохо справлялся с этим делом – иначе в конце 70-х годов он не был бы повышен в звании и переведен на должность начальника Северного подотдела 504-го отдела.

Это было как раз то самое время, когда палестинские банды во главе с Ясером Арафатом окопались в Ливане и стали наносить оттуда удары по Израилю. Столкновение с Ливаном становилось неизбежным, это понимали все, и каждый отдел готовился к нему по-своему. Йосефу Амиту было поручено активно вербовать агентов среди ливанских крестьян, и он блестяще справился и с этой задачей. По несколько раз в неделю Амит с риском для жизни нелегально

переходил ливанскую границу, встречался в укромных уголках с агентами, выплачивал им зарплату и тщательно запоминал передаваемую ими информацию.

Гром грянул в 1978 году, когда водитель Амита был задержан с грузом наркотиков в поселке Азур, расположенном неподалеку от Тель-Авива. На допросе водитель заявил, что его босс Йосеф Амит не только знал о том, что он подторговывает наркотиками, но и получал от него свою «долю». В тот же день майор Йосеф Амит был арестован. Началось следствие, в ходе которого ему было предъявлено обвинение в связи с ливанскими наркоторговцами и в организации импорта крупных партий наркотиков из Ливана в Израиль. Причем если учесть ту частоту, с которой Амит был в Ливане, эта версия выглядит весьма убедительной. Трудно сказать, чем бы закончилось для Йосефа Амита это дело, если бы военные следователи не обратили внимания на некоторые странности его поведения и не подвергли бы его психиатрической экспертизе.

Вывод психиатров был однозначен: «Майор Йосеф Амит страдает тяжелым психическим расстройством и не в состоянии отвечать за свои поступки».

Дело против Йосефа Амита было закрыто, и его направили на принудительное лечение в психиатрическую клинику в Акко. Здесь Йосеф Амит находился три года и лишь в 1981 году вернулся к нормальной жизни.

Жил Йосеф Амит на положенную ему от армии пенсию по инвалидности, а чтобы пополнить свои доходы, стал подрабатывать детективом в одном частном сыскном агентстве.

Но такой образ жизни вряд ли мог удовлетворить 36-летнего мужчину его темперамента, привыкшего всю жизнь ходить по лезвию ножа и находившего в этом высшее наслаждение.

И Йосеф Амит невольно затосковал по настоящему делу...

* * *

Роковой поворот в судьбе Йосефа Амита произошел в 1984 году, когда в хайфский порт с традиционным визитом, осуществлявшимся в рамках израильско-американского военно-стратегического сотрудничества, вошли корабли Шестой флотилии ВМФ США. Американским морякам было разрешено сойти на берег дружественной державы, и вскоре они разбрелись по всем барам и ночным клубам города.

В одном из баров города старший сын Йосефа Амита Дуду и познакомился со своим тезкой – офицером американского флота Дэвидом. Молодые люди разговорились, понравились друг другу, и Дуду Амит пригласил своего нового знакомого к ним домой – чтобы тот увидел, как живут и как умеют принимать гостей «простые израильтяне».

Явившись в дом к Амитах в субботу, Дэвид буквально очаровал всю семью и пообещал сохранить память о своих новых знакомых. Слово свое он сдержал: когда в 1985 году, спустя почти год, американские корабли снова вошли в Хайфу, Дэвид вновь появился в доме Амитов.

Во время устроенного в его честь обеда Дэвид рассказал Йосефу Амиту, что собирается оставить военную службу и посвятить себя бизнесу.

– Моя семья давно уже специализируется на текстильном бизнесе, и я хочу попробовать открыть новую фабрику во Франкфурте, – поделился своими планами Дэвид. – Если все пойдет хорошо, то предприятие может принести солидный доход. Сейчас я как раз ищу компаньона, который не боится рисковать и знает, как организовать дело с «нуля»...

Неожиданно Йосеф Амит загорелся, сказал, что у него есть кое-какие сбережения и он с удовольствием присоединится к новому перспективному бизнесу.

– Что ж, – ответил Дэвид, – я буду рад, если вы станете моим компаньоном. Давайте через месяц встретимся во Франкфурте и все обсудим...

До сих пор непонятно, был ли Дэвид профессиональным «вербовщиком», работавшим под прикрытием ВМФ США на ЦРУ, или он и в самом деле был офицером флота, который, узнав во время застольной беседы, что Амит когда-то служил в израильской армейской разведке, считал своим долгом передать эту информацию начальству. Однако даже если это и так, то в 1985 году Дэвид уже явно действовал по указанию американских спецслужб, давших ему задание привезти Йосефа Амита в ФРГ. Но, похоже, и сам Дэвид не ожидал, что Йосеф Амит так легко попадет в расставленные для него сети.

В назначенный день Йосеф Амит прибыл во Франкфурт и поселился вместе с Дэвидом в гостинице «Савой». Отношения между ними становились все более откровенными, и Амит рассказал своему американскому «другу», что когда-то лежал в психиатрической клинике и сам не знает, здоров он или болен: вполне возможно, что отклонение, которое врачи приняли за психическое расстройство, могло быть просто тяжелым нервным срывом. Дэвид мгновенно предложил Амиту пройти обследование в одной из лучших немецких клиник и оплатил обследование из своего кармана. Амит принял этот жест за проявление дружбы.

А на следующий день Дэвид познакомил Йосефа Амита с Бобом, которого он представил как хорошего парня и... коллегу Амита. Невысокого роста, с густой бородой, длинными волосами, одетый в серый свитер навыпуск, Боб меньше всего походил на профессионального разведчика.

Спустя еще какое-то время к их беседе присоединилась одна девушка – знакомая Боба, представившаяся как Лайзи. Ну, а потом Дэвид куда-то вышел, и они остались втроем – Амит, Боб и Лайзи.

Словом, все произошло именно так, как и задумывалось с самого начала.

* * *

Неожиданно Боб начал рассказывать Йосефу Амиту о нем самом – так, словно читал его послужной список. Были в этом рассказе и такие детали, о которых Амит никогда не рассказывал не только Дэвиду, но и жене...

– Вы хорошо осведомлены о моем прошлом, – заметил в ответ Амит. – Дэвид сказал, что вы – мои коллеги. Что это значит – вы из ЦРУ? – Да, – кивнул в ответ Боб.

– Какая удача... – прошептал Амит.

Он начал с жаром говорить о том, что он – профессиональный разведчик, что ему всего 40 лет, что он давно уже, по сути дела, ничем не занят, а между тем он так соскучился по настоящему делу. Что ж, если его не хотят задействовать израильтяне, то он готов поработать на американских союзников. Его блестящее знание арабского позволяет ему стать резидентом практически в любой мусульманской стране. Его знания и опыт могут пригодиться отделу ЦРУ по борьбе с террором...

– Все это прекрасно, – заметил в ответ Боб. – Но для начала нам бы хотелось получить как можно больше сведений о 504-м отделе АМАНа. Мы не понимаем, по какой причине, но Израиль засекречивает его работу даже от нас.

Однако Амит твердо ответил, что в свое время он давал подписку о неразглашении и потому никаких сведений о работе этого отдела он американцам не передаст.

– Но если вы действительно хотите у нас работать, то мы должны полностью доверять друг другу, – заметил Боб.

– Я сказал, что готов работать на вас, но не ценой предательства моей страны, – парировал Амит. – Если вы требуете от меня передачи информации, которую я обязался хранить, то давайте сейчас разойдемся в разные стороны.

Но такой поворот явно не входил в планы Боба.

Он начал уверять Йосефа Амита, что ЦРУ и в самом деле готово с ним сотрудничать, но для того, чтобы убедиться, насколько он подходит для такого сотрудничества, Амиту следует пройти ряд тестов с одновременной проверкой на детекторе лжи – американцы хотят быть уверенными в том, что он не подослан к ним израильской разведкой в качестве агента-provokatora.

Начались два дня непрерывного тестирования и вопросов, и детекторы лжи каждый раз фиксировали, что Амит отказывается говорить правду.

В какой-то момент Боб и Лайзи вышли из комнаты, оставив на столе все свои бумаги, но Амит к ним не притронулся: он знал, что это – старый как мир способ проверки нового агента на доверие.

Наконец к концу вторых суток Боб сказал, что испытания закончены.

– К сожалению, я не могу пообещать вам, что мы сможем использовать вас в будущем, – сказал Боб. – Детектор лжи утверждает, что ваши показания не вызывают доверия, а без доверия в нашем деле никак нельзя... Но не исключено, что мы к вам еще обратимся. А пока вот вам 2000 долларов за пройденные испытания и на непредвиденные расходы.

Но Йосеф Амит швырнул протянутые ему доллары в лицо Бобу.

– Возьмите себе ваши грязные деньги! – сказал он. – На прощание я могу повторить лишь то, что я уже сказал: я готов поработать на американскую разведку, но не ценой предательства Израиля!

Проходя к своему креслу в самолете «Эль-Аль», который должен был доставить его в Израиль, Йосеф Амит обратил внимание на сидящего на два ряда впереди него невысокого, коротко стриженного человека в строгом костюме и темных очках. Этот человек сделал все возможное для того, чтобы изменить внешность, но при этом он не учел только одного – того, что Йосеф Амит и в самом деле был чрезвычайно опытным разведчиком, умеющим подмечать и запоминать любые, самые малозначительные на первый взгляд детали.

У сидевшего впереди него господина были точно такие же поношенные туфли, как у Боба. Он был одного роста с Бобом, его ногти были подстрижены так же, как ногти Боба, – и следовательно, этот человек был Бобом.

Выйдя из аэропорта, Амит установил наблюдение за Бобом и дождался того момента, когда к нему подкатила машина с дипломатическими номерами, начинающимися на цифру «22». С этих двух цифр обычно начинаются номера автомобилей сотрудников американского посольства в Израиле.

Понял ли сам сотрудник отдела ЦРУ по борьбе с мировым терроризмом и эмиссар этой организации в Израиле Том Уорст то, что он был опознан Йосефом Амитом, так и осталось неизвестным.

* * *

По возвращении в Израиль Амит не только не стал скрывать историю своего общения с американцами, но и, напротив, охотно рассказывал ее своим друзьям. Один из них и доложил о приключениях Амита в ФРГ в ШАБАК, и его делом немедленно занялась контрразведка. 24 марта 1986 года Йосеф Амит был арестован по подозрению в шпионаже в пользу США и в передаче американцам особо секретной информации.

На допросе в ШАБАКе Амит держался свободно, и детектор лжи показывал, что на этот раз он говорит правду.

Амит подробнейшим образом передал детали своей беседы с агентами ЦРУ, профессионально описал внешность Боба, что позволило работникам ШАБАКа и «Моссада» мгновенно опознать в нем Тома Уорста – благо израильские спецслужбы постоянно обменивались с ним информацией о готовящихся терактах в различных странах мира.

Спокойствие Амита объяснялось тем, что он был вполне уверен в том, что не нанес никакого ущерба стране и ему не в чем каяться. Более того – в нем жила тайная надежда на то, что следователи ШАБАКа оценят его поведение и предложат ему стать «двойным агентом», то есть для вида принять предложение Боба.

Однако прокуратура, полиция и ШАБАК почему-то посчитали иначе.

На основании его показаний, а также обнаруженных при обыске в его доме полусекретных документов, которые он мог бы (!!!) передать американцам, майору ЦАХАЛа в отставке Йосефу Амиту было предъявлено обвинение в шпионаже и в государственной измене.

Несмотря на то что на суде Амита защищал один из самых блестящих израильских адвокатов Амнон Зихрони, в апреле 1987 года суд признал его виновным по всем пунктам и приговорил Амита... к 12 годам тюремного заключения с одновременным запретом на публикацию в СМИ каких-либо подробностей этого дела.

Сегодня, когда дело Амита рассекречено, уже нет никаких сомнений, что приговор суда Йосефу Амиту никак нельзя считать справедливым, да и совершенно непонятно, должен ли он был вообще предстать перед судом.

Но что же в таком случае двигало следователями, прокурорами и судьями, когда они так настойчиво добивались его осуждения?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, стоит вспомнить, что 18 ноября 1985 года, то есть в то самое время, когда Амит связался с Дэвидом, в США был арестован израильский разведчик Джонатан Поллард. Не зная, что Поллард, по сути дела, был сдан американцам Рафи Эйтаноу, в ШАБАКе и «Моссаде» начали ломать голову над тем, как освободить Полларда.

Ну, а дальше автору этой книги не остается ничего другого, как приводить сухие факты.

Несмотря на вынесенный Амиту весьма суровый приговор, Израиль не обвинил сотрудника американского посольства Тома Уотса в шпионаже и попытке вербовки агентов среди граждан Израиля и не потребовал объявления его персоной нон грата. Нет, Уотс, как и прежде, продолжил свою службу в Израиле, сотрудничая бок о бок с руководством всех израильских спецслужб.

В марте 1986 года, сразу после ареста Амита, тогдашний начальник ШАБАКа Йоси Хармелин и начальник отдела контрразведки Арье Пильман пригласили на беседу официального представителя ЦРУ в Израиле, в ходе которой сообщили своему гостю, что им удалось арестовать американского шпиона Йосефа Амита. Представитель ЦРУ ответил, что ему ничего не известно о таком шпионе, но пообещал проверить информацию.

Вскоре после этого он прислал в ШАБАК официальный ответ, согласно которому Йосеф Амит никогда не работал на американскую разведку. Да, действительно, говорилось в ответе, он предложил ЦРУ свои услуги, но это предложение было отвергнуто.

Весной 1987 года, вскоре после суда над Йосефом Амитом, несмотря на все запреты, информация о его «шпионской» деятельности и о вынесенном ему приговоре каким-то образом все же просачивается в прессу – причем сначала в американскую и уже оттуда в израильскую.

В том же году во время визита израильской правительственной делегации в США израильтяне поднимают вопрос о возможности обмена, но получают отказ. Впоследствии ШАБАК и «Моссад» не раз пытаются уговорить премьер-министра Ицхака Шамира, министра иностранных дел Шимона Переса и министра обороны Ицхака Рабина поднять вопрос о таком обмене во время переговоров с американцами, но все трое категорически отказываются это сделать.

В 1992 году вопрос о таком обмене пытается поднять созданная видными адвокатами, ветеранами ЦАХАЛа и израильских спецслужб Общественная комиссия в защиту Полларда. Сведения об этом попадают в прессу, и находящийся в тюрьме в Рамле Йосеф Амит пишет письмо своим адвокатам о том, что он категорически возражает против такого обмена и хочет остаться на родине – пусть даже и в тюрьме.

В 1993 году Йосеф Амит выходит на свободу по амнистии, но условием его освобождения является категорический запрет на общение с журналистами.

Думается, все вышеприведенные факты красноречиво свидетельствуют о том, что кому-то в коридорах ШАБАКа пришла в голову бредовая идея использовать Йосефа Амита как разменную карту для освобождения Джонатана Полларда.

И в результате заслуженный офицер ЦАХАЛа, не раз рисковавший жизнью ради Израиля, в самой категорической форме отказавшийся сообщить кому бы то ни было государственные секреты страны, оказался за решеткой.

Однако очень скоро стало ясно, что карта эта битая, что масштабы совершенного (или не совершенного) Поллардом и Амитом совершенно несопоставимы и американцы никогда не согласятся на подобный обмен.

После того как первая попытка «продать» Амита не удалась, израильские спецслужбы «слили» информацию об его аресте и вынесенном ему приговоре в американские СМИ. В сущности, это был действительно удачный шаг: так как американцы не вдавались в подробности, то в их общественном сознании возникло некое равновесие между делом Полларда и делом Амита – дескать, не только американские евреи шпионят в пользу дружественного США Израиля, но и израильские евреи – в пользу дружественной Израилю Америки. Такой ход позволил несколько утихомирить бушевавшие в США после ареста Полларда страсти и снять с американских евреев обвинения в двойной лояльности.

Но он никак не мог способствовать освобождению Джонатана Полларда!

Это прекрасно поняли такие опытные политики, как Шамир, Перес и Рабин, и потому они с ходу отвергли смехотворные предложения использовать Амита как разменную карту.

Когда же в 1992 году стало окончательно ясно, что Полларда на Амита в любом случае не обменять, последнего решено было выпустить на свободу.

Таким образом, Йосефа Амига с полным правом можно назвать еще одной жертвой «дела Джонатана Полларда». Точнее – жертвой неких ретивых сотрудников спецслужб, решивших, что они имеют право играть человеческими судьбами с той же легкостью, с какой опытные шулера бросают на стол крапленые карты...

1992. Покушение, которого не было

Слухи о том, что во время трагедии на полигоне «Цеэлим-Бет», унесшей жизни пяти израильских солдат, отработывалась операция по уничтожению Саддама Хусейна, циркулировали в журналистской среде давно.

Еще точнее: все знали, что там отработывалась именно данная операция, но писать об этом напрямую и тем более сообщать какие-либо подробности плана ЦАХАЛа было запрещено военной цензурой. И лишь после ареста и казни Саддама Хусейна этот запрет потерял какой-либо смысл, и военная цензура разрешила нам рассказать читателям о тех теперь уже давних событиях...

* * *

Зимой 1991 года, почти сразу после начала «Войны в Заливе», на Израиль начали падать иракские «Скады», и перед еврейским государством ребром встал вопрос: что делать?

В сущности, выбор был небольшой: или проявить сдержанность, чтобы не разваливать созданную американцами антииракскую коалицию, или нанести ответный удар, чтобы продемонстрировать всему миру и прежде всего арабам, что Израиль никогда не станет подставлять правую щеку, если его ударили по левой. Занимавший тогда пост премьер-министра Ицхак Шамир был сторонником политики сдержанности, тем более что иракские удары практически не сопровождались человеческими жертвами, а американцы обещали щедро расплатиться с Израилем за «хорошее поведение».

Однако члены правительства Шамира считали иначе: почти все они настаивали на немедленном ответном ударе по Ираку. На решающем заседании по этому вопросу Шамиру стало ясно, что он с его мнением останется в меньшинстве, и... И тогда старый, прожженный политический лис Ицхак Шамир пошел на дешевый трюк, позволивший ему избежать голосования о нанесении удара возмездия: в самый разгар заседания правительства его вызвали «в связи со срочным звонком президента США Джорджа Буша».

Шамир вышел из зала заседаний, направился в свой кабинет и заперся там со своим помощником Даном Меридором и заместителем начальника Генштаба Эхудом Баракком.

Все трое были согласны в том, что Израилю бомбить Ирак сейчас не стоит, а лучше провести какую-то эффектную операцию, которая обойдется без жертв среди мирного населения. Попутно в разговоре всплыла идея о ликвидации Саддама Хусейна, но о ней собеседники вскоре забыли и сосредоточились на другом плане.

...Спустя два часа премьер-министр Ицхак Шамир вернулся на заседание правительства после «разговора с Джорджем Бушем» и сообщил, что нанесение удара по Ираку с воздуха невозможно, так как все воздушное пространство занято авиацией союзников. Но зато можно попробовать провести наземную операцию, разработку которой он и решил поручить Генштабу и Министерству обороны.

Скажем сразу, что эта операция действительно была разработана, но никогда не воплощена в жизнь израильтянами. Зато ее план понравился англичанам, и они, следуя ему, высадили своих командос в западном Ираке для нанесения удара по частям иракской армии...

В ходе того рейда англичане потеряли 25 человек, не добившись особых успехов. Но в Великобритании отнеслись ко всему происшедшему с пониманием – в конце концов, на войне все бывает и незачем искать виновных.

– Хорошо, что мы не стали проводить эту операцию, – заметил потом один из высокопоставленных офицеров ЦАХАЛа. – То, что понимают англичане, не хотят понимать евреи – у нас, если бы все завершилось с такими же результатами, дело непременно кончилось бы комиссией по расследованию и полетели бы со своих постов многие добросовестные и порядочные люди...

* * *

23 июня 1992 года партия «Авода» одержала победу на выборах, и Ицхак Рабин сменил на посту премьер-министра Ицхака Шамира. Вслед за этим начальником Генерального штаба был назначен питомец и любимец Рабина Эхуд Барак. И оба они были одержимы мыслью о том, что Израиль должен нанести удар возмездия по Ираку, причем таким возмездием должна стать ликвидация Саддама Хусейна.

Уничтожение Саддама Хусейна, с точки зрения Рабина и Барака, должно было стать мстью Израиля за 42 выпущенные Ираком ракеты, приведшие к гибели одного гражданина страны.

Уничтожение Саддама Хусейна должно было продемонстрировать всему миру, что Израиль может постоять за себя и ответить на любой удар по нему так, что миру останется только содрогаться от ужаса и восхищения...

Уничтожение Саддама Хусейна должно было стать логическим завершением «Войны в Заливе» – в этом случае Израиль реализовал бы ту цель, которую в этой войне поставили, но так и не смогли реализовать американцы.

Уничтожение Саддама Хусейна должно было изменить все реалии на Среднем Востоке и в итоге изменить мир.

У Израиля было полное моральное и юридическое право пойти на этот шаг, так как Саддам Хусейн с его разработками оружия массового поражения открыто угрожал существованию еврейского государства.

И военная разведка Израиля получила задание разработать план этого уничтожения.

* * *

В течение нескольких недель и аналитический, и оперативный отделы военной разведки ЦАХАЛа работали над полученным заданием буквально днем и ночью. Основная его сложность заключалась в том, что провал был недопустим: неудачное покушение повлекло бы за собой непредсказуемые последствия – и следовательно, ликвидировать нужно именно Саддама Хусейна, а не одного из его многочисленных двойников.

Между тем двойники подменяли Саддама практически на всех публичных мероприятиях, и угадать, когда и где именно появится подлинный Саддам Хусейн, было чрезвычайно трудно. «Ну хорошо, – решили тогда аналитики, – на публичных мероприятиях вместо него появляются двойники. Но к своим многочисленным любовницам он наверняка ходит сам, лично. Как-то не верится, что мусульманин будет делить с кем-то своих женщин... И значит, стоит попробовать организовать покушение на него именно тогда, когда он направляется к любовнице...»

Увы, оперативники развеяли эти иллюзии теоретиков: выяснилось, что и к любовницам вместо Саддама нередко ходят его двойники...

И тут в руки израильских разведчиков попала информация о том, что любимый дядя и тесть Саддама Хусейна Хиралла Тальфах тяжело болен диабетом. Дополнительная проверка показала: болезнь уже вошла в последнюю стадию, и дни Хираллы Тальфаха сочтены.

Ближе и дороже у Саддама Хусейна человека, пожалуй, не было: Саддам родился спустя несколько месяцев после смерти своего отца и, по сути дела, воспитывался в доме дяди. Тот искренне любил племянника, немало для него сделал, а затем и выдал за него свою дочь. А значит, не приехать на его похороны Хусейн просто не мог.

Ну а где эти похороны состоятся, гадать особо было не надо: разумеется, на кладбище деревни Эль-Урджия, в которой проживает клан Эль-Хаттаб – родовой клан Саддама.

В итоге разведка ЦАХАЛа пришла к следующему выводу: в ближайшее время Саддам Хусейн лично может появиться в двух местах. Во-первых, на торжествах в честь восстановления подвесного моста через Евфрат, разрушенного во время американской бомбардировки, – это потрафит его амбициям. А во-вторых, на похоронах своего дяди. В обоих случаях Хусейн будет в светлом костюме, в отличие от своего окружения...

Но совершать покушение лучше во время похорон – жертв будет меньше...

Теперь следовало приступить непосредственно к разработке операции, что и было поручено генералу Амирану Левину. А разведчики продолжали пристально следить за состоянием здоровья 90-летнего дяди диктатора.

* * *

План заключался в том, что группа солдат «Сайерет меткаль» высадится на самолете в 12 километрах от Эль-Урджи, в момент похорон появится на кладбище и выпустит в сторону Саддама Хусейна две управляемые с помощью компьютера ракеты – самое новое на тот момент и держащееся в строгом секрете даже от американцев оружие ЦАХАЛа. После этого израильские командос сядут в самолет и вернутся в Израиль, а ВВС страны тут же будут приведены в состояние полной боевой готовности на случай отражения возможного иракского удара.

Дело оставалось за «малым»: нужно было тайно от иракцев на их территории построить аэродром и отработать операцию до малейших деталей...

Для отработки этой операции на полигоне «Цеэлим-Бет» и была построена точная – до сантиметра – модель кладбища в Эль-Урджи. Тренировки следовали одна за другой, причем «сухую» сменяла «мокрая», а «мокрую» – «сухая».

«Сухая» заключалась в том, что на место, где должен находиться Саддам Хусейн со свитой, ставились реальные солдаты, по которым выпускались холостые ракеты. В «мокрой» ракеты были настоящие, но роль Саддама и его приближенных играли манекены. Дело не ладилось: несмотря на то что разрушительная сила ракет оказалась даже большей, чем ожидалось, наведение не давало необходимой точности и все время получалось, что «Саддам» в результате покушения оказывался ранен, а не убит.

Между тем и Ицхак Рабин, и Эхуд Барак торопили всех отвечающих за проведение операции: дядя Саддама мог скончаться со дня на день.

На 5 ноября 1992 года была назначена генеральная репетиция операции, на которую прибыл и сам начальник Генштаба Эхуд Барак, его заместитель Амнон Липкин-Шахак, начальник военной разведки Ури Саги и многие другие высокопоставленные офицеры, а также разработчики новой ракеты.

Но все опять «не клеилось», а потому солдат самого элитного подразделения ЦАХАЛа вновь и вновь заставляли повторять упражнения. И когда все они были измотаны вконец, сержант Нимрод Людмар – тот самый, который должен был на экране компьютера навести ракету на цель, – перепутал «сухой» вариант тренировки с «мокрым» и... послал в сторону своих товарищей настоящие ракеты.

Дальнейшее известно: Шарон Тамир, Орен Виксельбаум, Арье Коэн, Эльад Шило и Шемри Шифрин – цвет и гордость ЦАХАЛа, игравшие роль свиты Саддама Хусейна – были убиты наповал. Горькая усмешка судьбы заключалась в том, что солдат Илан Кетван, игравший роль Саддама Хусейна, получил в результате этого взрыва ранение средней тяжести...

И это означало, что само покушение тоже могло оказаться неудачным.

Все, что было потом, во многом придумано журналистами: начальник Генштаба Эхуд Барак на самом деле никуда не сбегал, а дождался, пока будут эвакуированы убитые и раненые, и вообще вел себя вполне достойно.

Как известно, комиссия, созданная для расследования трагедии на «Цеэлим-Бет», рекомендовала отдать под суд двух генералов, ответственных за разработку и подготовку операции по ликвидации Саддама Хусейна – Амирама Левина и Ури Саги. Но военная прокуратура, вникнув во все детали происшедшего, решила до суда дело не доводить...

Операция по ликвидации Саддама Хусейна была в итоге отменена, а ее план сдан в архив.

* * *

Скажу сразу, что израильская разведка оказалась права: Саддам Хусейн действительно лично прибыл и на открытие подвесного моста через Евфрат, и на похороны своего дяди. Но покушение, как уже сказано, не состоялось. Саддаму Хусейну предстояло быть арестованным американцами одиннадцать лет спустя в той же деревне Эль-Урджия, неподалеку от того самого кладбища, где покоится его дядя и где по нему самому должны были быть выпущены ракеты.

Когда в 1996 году премьер-министром стал Биньямин Нетаниягу (сам в прошлом офицер спецназа) и ему на глаза попался план покушения на иракского диктатора, новый премьер-министр охарактеризовал его как «опасный и безответственный».

– Шансы на то, что Хусейн был бы действительно убит таким образом, на самом деле были не так велики, а вот последствия покушения на него могли быть ужасны. Вплоть до того, что Ирак провел бы на территории Израиля мегатеракт с применением химического или биологического оружия и весь мир согласился бы с тем, что у него было на это право, – пояснил свои слова Биньямин Нетаниягу.

Сейчас, когда стали известны подробности этого плана, многие высказывают сожаление по поводу того, что он не был претворен в жизнь: по мнению этих людей, убийство Хусейна укрепило бы позиции Израиля, а США не понадобилось бы в 2003 году входить в Ирак...

Однако на самом деле это мнение выглядит весьма спорно.

Да, конечно, если бы все удалось, американцы отпустили бы пару-тройку комплиментов в адрес Израиля. Но в случае провала они бы умыли руки, заявив – и справедливо, – что они здесь совсем ни при чем.

Трудно сказать и то, принесло бы убийство Хусейна (тем более ТАКОЕ убийство – на кладбище, в момент похорон!) желанные военные и политические дивиденды Израилю. Не исключено, что оно, как в свое время убийство в Сараево, разожгло бы пламя новой глобальной войны, в которой Израилю пришлось бы противостоять всему арабскому миру.

Так что, может быть, и хорошо, что все случилось именно так, как случилось (хотя память о пяти погибших на полигоне «Цеэлим-Бет» до сих пор обжигает болью сердце), и что история не терпит сослагательного наклонения...

1994. Жертвоприношение Нахшона

... Когда память отбрасывает меня почти на полтора десятилетия назад, я вспоминаю одно и то же: два взрыва – на Дизенгоф и в районе Алмазной биржи, которым стал невольным свидетелем. На самом деле их было гораздо больше – в те дни Израиль буквально захлестнула волна палестинского террора. Никто из израильтян, выходя утром из дому, не мог сказать, вернется ли он домой. Все мы тогда были втянуты внутрь смертельного круга, террорист-смертник мог появиться где угодно – на автобусной остановке, в кафе, в торговом центре. Каждый гражданин Израиля так или иначе сталкивался с террором – в качестве либо его жертвы, либо родственника или знакомого одной из жертв, либо очевидца...

Тогда же, в начале осени 1994 года, в СМИ прозвучало предположение о том, что террористы могут попытаться захватить в заложники кого-то из израильтян – вероятнее всего, военнослужащего, чтобы не слишком восстанавливать против себя международное общественное мнение.

И 10 октября 1994 года это произошло: сначала по радио, а затем и по телевидению прозвучало сообщение о бесследном исчезновении солдата ЦАХАЛа и о высказываемом спецслужбами опасении, что он похищен палестинцами. Имя солдата и часть, к которой он был приписан, в сообщении указаны не были, и потому лишь немногие в армии и в ШАБАКе на тот момент знали, что речь идет о солдате бригады «Голани» Нахшоне Ваксмане.

На следующий день, 11 октября, в отделение Красного Креста в Газе было доставлено письмо, в котором ответственность за похищение израильского солдата брала на себя неизвестная до того группировка «Шахиды Кямаля Кахилия», являющаяся частью «Батальонов Аз А-Дина Аль-Касама», самым непосредственным образом связанных с ХАМАСом. В тот же вечер аналогичное письмо было доставлено в редакцию радиостанции «Коль Исраэль», и по его стилю ШАБАКУ стало ясно, что за похищением стоит Мухаммед Деф.

Да, тот самый Мухаммед Деф, охоту на которого израильские спецслужбы ведут с 1993 года по сей день, во имя ареста и ликвидации которого было проведено более десятка самым тщательным образом разработанных операций, в которого стреляли и которого взрывали, а он все равно остается жив (правда, как говорят, уже превратился в инвалида)...

12 октября опять-таки из Газы поступила видеокассета, которую почти сразу продемонстрировали по телевидению, – и страна увидела типичного еврейского мальчика в вязаной кипе^[60], возле которого стояли и грозно потрясали автоматами Калашникова два террориста с закрытыми масками лицами. С этого момента Нахшон Ваксман перестал быть только

сыном своих родителей – почти у каждой еврейской семьи возникло чувство, что речь идет об их собственном сыне, внуке и брате, и спасение Нахшона Ваксмана стало общенациональной задачей.

Теперь во всех квартирах приемники и телевизоры работали без перерыва, и все евреи Израиля тревожно вслушивались в каждый свежий выпуск новостей...

Тем временем на совещании в штабе ШАБАКА анализировали сложившуюся ситуацию. Вся информация о Нахшоне Ваксмани пришла из Газы, кроме того, именно в Газе, уже находившейся под полным контролем Ясера Арафата и его администрации, было, по логике вещей, легче всего спрятать похищенного солдата. Поэтому основные поиски места, где террористы укрывают Ваксмана, было решено сосредоточить именно в Газе, а заодно ШАБАК решил обратиться за помощью в этих поисках к Ясеру Арафату, так как подобная помощь предусматривалась Норвежскими соглашениями.

И в этом-то и заключалась первая и, возможно, роковая ошибка ШАБАКА, начавшего действовать именно так, как от него и ожидали террористы.

Ясер Арафат вроде бы тоже возмутился таким самоуправством ХАМАСа и дал поручение тогдашнему начальнику своей службы безопасности Мухаммеду Дахлану приложить все усилия для выявления похитителей Ваксмана и передачи солдата живым и невредимым в руки Израиля. Эта активность, в свою очередь, была высоко оценена премьер-министром Израиля Ицхаком Рабином, у которого Арафат в те дни заработал немало очков. Лишь потом стало ясно, что палестинцы попросту водили израильтян за нос.

Да, ни Арафату, ни Дахлану и в самом деле не было известно точное местонахождение Нахшона Ваксмана. Но зато они постоянно были на связи с людьми, которые владели этой информацией. Все объяснялось просто: с одной стороны, Арафату не было смысла ссориться с ХАМАСом из-за похищенного израильского солдата, а с другой, он вполне поддерживал цели и требования этих похитителей.

Как бы то ни было, вечером 12 октября администрация Палестинской автономии направила в канцелярию премьер-министра Ицхака Рабина письмо, в котором говорилось буквально следующее: «Мы абсолютно убеждены, что Нахшона Ваксмана нет на подведомственной нам территории. Вам следует искать его на территории, находящейся под вашим контролем».

Еще один драгоценный день был потерян.

* * *

На следующий день по тем же каналам – через Красный Крест в Газе и радиостанцию «Коль Израэль» террористы предъявили ультиматум израильскому правительству. В обмен на освобождение Нахшона Ваксмана они потребовали освободить находившегося в израильской

тюрьме духовного лидера ХАМАСа шейха Ахмеда Ясина. Если это условие, говорилось далее в ультиматуме, не будет выполнено до 20.00 14 октября, то Нахшон Ваксман будет казнен.

Сам стиль этого текста выдавал железную руку Мухаммеда Дефа. И в ШАБАКе не сомневались, что Деф, уже хладнокровно убивший двух похищенных по его приказу израильских солдат -

Арье Франкенталя и Илана Саудона, – сдержит свое слово. Но и о том, чтобы выполнить эти условия, не могло быть и речи – Израиль собирался остаться верен своему принципу никогда не идти на поводу у террористов. Ицхак Рабин дал это ясно понять на очередном оперативном совещании и по его окончании крайне холодно попрощался с начальником ШАБАКа Карми Гилоном, будучи явно недоволен тем, что Гилон и его люди до сих пор не смогли обнаружить место, где террористы прячут Нахсона Ваксмана.

Сразу по окончании совещания каждый из его участников занялся порученным ему делом. Министр строительства Биньямин (Фуад) Бен-Элиэзер, к примеру, направился к лидеру израильского «Исламского движения» шейху Райаду Салаху в надежде, что ему удастся уговорить последнего выступить с призывом к похитителям не убивать Ваксмана. Однако шейх Салах не захотел даже слышать об этой просьбе.

Ряд высокопоставленных сотрудников ШАБАКа отправились в тюрьму в Рамле, чтобы уговорить сидевших там лидеров ХАМАСа шейха Ахмеда Ясина и Мухаммеда Рантиси подписать призыв к «Шахидам Кямаля Кахилия» оставить израильского солдата в живых. Как ни странно, оба они согласились это сделать. Понимая, что палестинцы решат, что это их заявление было сфабриковано, в камеру к Ясину привезли журналиста CNN вместе с оператором, и те отсняли соответствующее интервью, в ходе которого шейх подтверждал свой призыв не наносить вреда Ваксману.

Впрочем, и Карми Гилону, и всем остальным руководителям ШАБАКа было ясно, что интервью не произведет на Мухаммеда Дефа и его соратников никакого впечатления. До истечения срока ультиматума ХАМАСа оставалось чуть больше суток, и часы продолжали все тикать и тикать...

* * *

Все сотрудники ШАБАКа в эти часы были поделены на группы, каждой из которых было дано предельно конкретное задание с приказом выполнить его в максимально короткий срок.

Главе Иерусалимского отдела ШАБАКа Гидеону Эзре было поручено проверить, кто и для чего арендовал в последние недели машины в различных компаниях по их аренде. Логика, которая подсказала необходимость такой проверки, была простой: террористам, вне сомнения, была нужна машина и для похищения Ваксмана, и для последующего осуществления связи со своими сторонниками в Газе – ведь теперь было совершенно очевидно, что Ваксмана прячут где-то на территории Иудеи и Самарии, а в Газу все письма и видеокассета доставлялись с помощью

курьеров, спокойно миновавших все блокпосты ЦАХАЛа. Но ни один находящийся в здравом рассудке террорист не станет осуществлять подобные действия на собственной машине – стремясь остаться неизвестным, он либо воспользуется угнанным автомобилем, либо возьмет для этой цели автомобиль в аренду...

Карми Гилон не очень верил, что с помощью такой проверки ШАБАКУ удастся выйти на похитителей Ваксмана, и потому был немало удивлен, когда Эзра сообщил ему, что в числе тех, кто в последние недели арендовал автомобиль у одной из фирм по аренде машин в Восточном Иерусалиме, был и Джихад Ярмур – торговец из Хан-Юнеса и по совместительству активист ХАМАСа. Еще пара часов понадобилась Гидеону Эзре и его группе установить, с кем именно Ярмур общался в последние дни, и в ночь с четверга на пятницу Карми Гилон позвонил домой госпрокурору Доррит Бейниш и попросил ее санкции на арест нескольких палестинцев и их допрос с применением «особых методов физического воздействия».

– Ты уверен, что им действительно известно, где прячут Ваксмана? – спросила Бейниш.

– Нет, – честно признался Гилон.

– Тогда по какому праву ты требуешь разрешения на допрос с пристрастием?

– Потому что это – наш единственный шанс! – ответил Гилон. – Если я окажусь неправ... Что ж, пусть потом меня затаскают по вашим судам!

14 октября в 6:00 утра, за 14 часов до истечения ультиматума, в Генштабе ЦАХАЛа началось очередное заседание, посвященное «проблеме Нахшона Ваксмана». Ицхак Рабин уже за первый час этого совещания выкурил почти десяток сигарет и, ни от кого не таясь, то и дело прикладывался к своей любимой фляжке бренди.

– Ситуация – полное дерьмо! – выразил он наконец общее мнение, и в этот момент секретарь начальника Генштаба Эхуда Барака заглянул в комнату и сообщил, что Карми Гилона срочно просят к телефону для конфиденциального разговора. На другом конце провода был Гидеон Эзра.

– Короче, он все сказал, – сообщил Эзра. – Ваксман находится в одном из домов в деревне Бир-Набалла. Сам Ярмур непосредственно в похищении не участвовал, но он и еще пара его приятелей помогли парням Дефа из Газы снять машину, доставили в дом оператора, затем помогли переслать отснятую кассету в Газу...

Тепло поблагодарив Эзру и передав через него слова благодарности всем членам его группы, Гилон вернулся на совещание и сообщил, что ему наконец известно, где находится Нахшон Ваксман.

– Что ж, значит, нужно ехать в Бир-Набаллу и готовить там операцию по освобождению парня, – выразил общее мнение Эхуд Барак.

– Только не выходите отсюда всем скопом, – посоветовал военный секретарь правительства Дани Ятом. – Там, у ворот, – куча журналистов. Если мы выйдем все вместе, одновременно, они поймут, что случилось нечто экстраординарное, закидают вопросами, да еще и попробуют последовать за нами. Если же мы выйдем поодиночке, с опущенными головами, они решат, что никаких особых новостей нет, и побегут кропать очередную статейку о том, что мы бессильны найти Нахшона Ваксмана.

Так и было сделано. Все участники совещания выходили из здания Генштаба по одному, из разных дверей и спокойно, без спешки садились в машины. И только выехав на трассу, давали своим водителям указание взвинтить скорость до предела и мчаться во весь дух в сторону Рамаллы, в штаб командующего округом ЦАХАЛа по Иудее и Самарии генерала Шауля Мофаза.

Именно в этом штабе и должно было состояться совещание для разработки операции по освобождению Нахшона Ваксмана.

* * *

Только увидев в бинокль, как выглядит дом, в котором террористы прятали Ваксмана, в ЦАХАЛе и ШАБАКе до конца оценили всю изобретательность Дефа.

Дом этот стоял на холме, на отшибе, и из его окон отлично просматривалась вся местность – так что разведчикам пришлось немало поломать голову над тем, как взять здание под постоянное наблюдение так, чтобы его обитатели ничего не заметили. Но после того как такое наблюдение было установлено, стало понятно, что штурмовать его крайне трудно – толстые каменные (а не блочные!) стены превращали особняк в настоящую крепость и, следовательно, войти в дом можно было только одним путем – взорвав дверь.

Обычно подготовка к штурму подобного здания требует не меньше суток – за это время можно построить на полигоне его макет и отработать на нем все действия подразделения, которому будет поручено непосредственное проведение операции. Однако на этот раз решили, что времени на постройку макета нет и от проведения подобных учений нужно отказаться.

Сам план штурма дома разрабатывали независимо друг от друга самое элитное подразделение ЦАХАЛа «Сайерет маткаль» («Разведка Генштаба») и аналогичное подразделение полиции ЯМAM. Затем на совещании членов Генштаба, командованиям округа Иудеи и Самарии были представлены оба плана, и план «Сайерет маткаль» после бурной дискуссии был признан лучшим. И в итоге именно этому подразделению и поручили выполнение операции по освобождению Ваксмана. В 18.00 израильтянам, кажется, улыбнулась удача: наблюдатели заметили машину, направлявшуюся к дому, в котором засели террористы. Непосредственно командовавший операцией Шауль Мофаз мгновенно принял верное решение и дал указание беспрепятственно пропустить машину к дому – в противном случае террористы могли понять, что они раскрыты.

Как и ожидал Мофаз, спустя сорок минут водитель машины вышел из дома, сел за руль и отправился восвояси. Естественно, как только он оказался за пределами видимости из дома, то был остановлен и арестован. На допросе этот араб рассказал, что привозил засевшим в доме террористам ужин. Он начертил на бумаге план дома (в принципе, он был известен ШАБАКУ из показаний Джихада Ярмура, но накануне штурма было совсем неплохо удостовериться, что Ярмур не соврал), обозначил крестом комнату, в которой держали Ваксмана. Он также рассказал, что израильский солдат жив, здоров, пребывает в неплохом настроении и с удовольствием поужинал вместе со своими похитителями...

К тому времени уже вошла в свои права Царица-Суббота.^[61]

Я хорошо помню ту субботу 14 октября 1994 года – так, словно она была вчера. Помню, что впервые за те два года, которые прошли с того момента, когда наша семья стала более-менее соблюдать еврейские традиции, мы с женой решили оставить включенным на всю субботу радио – чтобы быть в курсе всего происходящего вокруг Нахсона Ваксмана. Во всех синагогах Израиля в эти часы шли специальные молитвы и читались псалмы за чудесное спасение Нахсона...

Разумеется, никто из тех, кто собрался в тот вечер в нашей синагоге для чтения этих молитв, не знал, что премьер-министр и министр обороны Ицхак Рабин уже поставил свою подпись под приказом о начале операции и, таким образом, принял на себя всю ответственность за ее исход...

И за несколько минут до истечения срока ультиматума операция по штурму дома в Бир-Набалле началась. Увы, массивная дверь дома выдержала первый взрыв, и тех секунд, которые ушли на то, чтобы все-таки взорвать эту дверь, хватило террористам на то, чтобы сориентироваться, заколоть ударом ножа своего пленника и встретить автоматным огнем врывающихся в дом израильских солдат...

Последствия этой наспех спланированной и совершенно неотработанной операции оказались ужасными. Да, все террористы были убиты, но убит был и Нахшон Ваксман, а также командовавший штурмом капитан Нир Пораз – сын летчика Маоза Пораза, командира экипажа самолета компании «Эль-Аль», угнанного террористами в 1968 году в Алжир и затем сбитого в воздушном бою в дни Войны Судного дня. Его сын Нир Пораз в 1973 году был совсем младенцем, и вот теперь генералу Илану Бирану предстояло сообщить вдове летчика, что ее сын пал смертью храбрых...

В принципе, вся эта столь грустно закончившаяся операция длилась меньше четверти часа и еще прежде, чем прозвучало какое-то официальное сообщение об ее исходе, в 20:30 у дома уже были вездесущие корреспонденты CNN...

* * *

В воскресенье утром все израильские газеты вышли с кричащими заголовками и статьями, в которых утверждалось, что трагическая история гибели Нахсона Ваксмана и Нира Пораза – это

история полного провала ЦАХАЛа на фоне успешной деятельности ШАБАКа, который сумел установить местонахождение террористов. О том, что на выполнение данной задачи у ШАБАКа ушло неоправданно много времени, журналисты, разумеется, молчали, и эта явно несправедливая критика вбила серьезный клин между Генштабом ЦАХАЛа и руководством ШАБАКа. Чтобы хоть как-то исправить сложившееся положение, было решено пойти на беспрецедентный шаг – провести совместную пресс-конференцию Эхуда Барака и Карми Гилона.

И неважно, что на протяжении всего этого брифинга Карми Гилон молчал как рыба, а на все адресуемые ему вопросы отвечал Эхуд Барак. Все участники пресс-конференции понимали, что сейчас на их глазах творится история: до сих пор глава ШАБАКа не только никогда не появлялся на публике, но и само его ФИО было засекречено и в прессе вплоть до его отставки с этого поста обозначалось исключительно начальной буквой его фамилии. Таким образом, Карми Гилон вошел в историю Израиля не только как глава ШАБАКа, проморгавший убийство премьер-министра Ицхака Рабина (до этого трагического события оставалось еще больше года), но и как первый руководитель этой службы, имя которого перестали засекречивать.

Что касается вопроса о том, мог ли быть исход операции по освобождению Нахшона Ваксмана более успешным, по этому поводу споры среди профессионалов идут и по сей день. Те сотрудники ШАБАКа, с которыми довелось пообщаться автору этой книги, до сих пор мучаются вопросом: не стоило ли вступить в переговоры с похитившими Ваксмана террористами и любой ценой отодвинуть срок предъявленного нам ультиматума? Так как эти люди были верующими мусульманами, то они могли вполне согласиться продлить срок ультиматума еще на сутки, приняв во внимание, что иудаизм категорически запрещает евреям заниматься какими-либо делами в субботу. А за то время, пока длились переговоры, можно было и макет дома построить, и учения провести. И тогда все, возможно, было бы по-другому...

Некоторые ветераны ШАБАКа убеждены, что то множество ошибок, которые были допущены в истории похищения Нахшона Ваксмана, самым непосредственным образом связаны с назначением на пост главы этой спецслужбы Карми Гилона. Дело в том, что Гилон был первым главой ШАБАКа, у которого практически не было никакого опыта борьбы с арабским террором. Большую часть своей жизни этот человек посвятил выслеживанию и разоблачению проарабски настроенных левых вроде Уди Адива или членов крайне правых группировок, считавших, что евреи должны отвечать террором на террор. Назначение Карми Гилона на пост начальника ШАБАКа, вне сомнения, самым непосредственным образом было связано с началом так называемого «мирного процесса на Ближнем Востоке» – у Ицхака Рабина и Шимона Переса были все основания опасаться того, что наиболее радикальные из их политических противников попытаются тем или иным образом сорвать переговоры с палестинцами. Поэтому, выбирая между

спецом по арабскому террору Гидеон Эзрой и спецом по террору еврейскому Карми Гилоном, Рабин выбрал Гилона.

Однако после подписания Норвежских соглашений с ООП стало ясно, что, вопреки этим опасениям, главная задача ШАБАКа остается той же, что и в предыдущие годы, – бороться с захлестывающим Израиль арабским террором. И в этом смысле Карми Гилон был совсем не на своем месте...

Ирония судьбы и истории заключается в том, что конец карьере Карми Гилона в ШАБАКе положило убийство Ицхака Рабина, совершенное студентом Бар-Иланского университета Игалем Амиром. То есть представителем тех самых еврейских правых радикалов, для борьбы с которыми он и был поставлен на этот пост. Таким образом, Гилон явно не оправдал возлагавшихся на него надежд и провалился буквально на всех направлениях своей деятельности. Самое же любопытное в истории Карми Гилона заключается в том, что после позорной отставки с поста начальника ШАБАКа ему не только не было запрещено занимать впредь высокие государственные посты, но и, напротив, он получил самую настоящую синекуру – пост посла Израиля в Дании. Получилось, что Гилон не только не был никак наказан за то, что возглавляемая им служба не смогла предотвратить убийство премьер-министра, но даже, по израильским понятиям, получил за это высокую награду.

Данное обстоятельство не могло не усилить циркулирующие в израильском обществе слухи о том, что ШАБАК каким-то образом был причастен к убийству Ицхака Рабина.

Впрочем, и у Карми Гилона, вне сомнения, есть свои заслуги перед Израилем и еврейским народом. И главной из них является ликвидация Ихья Аяша – одного из самых страшных порождений палестинского террора за всю его историю.

1995. Дело чести, или Охота на «Инженера»

Их было много – палестинских «инженеров смерти», готовивших взрывчатку и посылавших на задание террористов-самоубийц. Были среди них и куда большие мастера по изготовлению «поясов шахидов», чем Ихья Аяш.

И все же ни одного из них нельзя поставить вровень с таким порождением Ада, каким был Ихья Аяш. Хотя бы потому, что Аяш был первым, кто решил использовать террористов-смертников. Хотя бы потому, что никому другому из оперативных командиров палестинских террористических организаций, за исключением разве что Мухаммеда Дефа, не удавалось так долго оставаться неуловимым для израильских спецслужб. А еще потому, что на совести Ихья Аяша – гибель 54 израильтян – и сама его ликвидация стала для ШАБАКа поистине делом чести...

* * *

Впервые имя Ихья Аяша оказалось в поле зрения израильских спецслужб еще в 1991 году. Вскоре оно уже фигурировало в списке террористов, объявленных в розыск, но свой первый

серьезный удар Аяш нанес лишь в ноябре 1992 года. Прогуливаясь в субботу по расположенному неподалеку от Тель-Авива поселку Рамат-Эфаль, один из его жителей наткнулся на начиненную взрывчаткой машину. Только благодаря счастливой случайности машина не взорвалась, а вскоре ШАБАК получил оперативную информацию о том, что за этим неосуществившимся терактом стоит выпускник инженерного факультета палестинского университета «Бир-Зайт» Ихья Аяш. Именно в тот день Аяш и получил свою кличку «Инженер». И именно в тот день его фотография, добытая в архивах университета, была помещена на первое место в раздаваемом солдатам ЦАХАЛа классере с изображением особо опасных террористов: стало ясно, что каждый дополнительный день пребывания этого человека на свободе может стоить Израилю десятки и сотни жизней его граждан.

Но неделя проходила за неделей, месяц за месяцем, а Ихья Аяш оставался неуловим. Он подготовил и осуществил еще несколько терактов, но его поистине «звездный час» пробил в тот страшный день октября 1994 года, когда террорист-смертник, севший в тель-авивский автобус, следовавший по 5-му маршруту, привел в действие взрывчатку в момент, когда автобус остановился возле Дизенгоф-Центра.

За этим жутким терактом последовали другие, и вскоре стало ясно, что Ихья Аяш поставил на конвейер не только изготовление самодельных бомб, но и рекрутирование террористов-смертников. Не исключено, что именно он первым тщательно разработал принципы этого рекрутирования. Во всяком случае, все будущие террористы-смертники вербовались людьми Аяша по одному и тому же сценарию: сначала они намечали в качестве потенциального «шахида» юношу из бедной семьи, в жизни которого не было никаких перспектив. Ну а затем ему делалось предложение, от которого тот просто не мог отказаться: посмертная слава героя палестинского народа, полное материальное обеспечение его семьи здесь, на земле, и райское блаженство в окружении 72 вечных девственниц на небесах...

С осени 1994 года один подготовленный «Инженером» теракт следовал за другим, унося все новые и новые жизни. Каждое совещание по проблемам безопасности премьер-министр Ицхак Рабин начинал в те дни с вопроса о том, что делается для ареста или ликвидации Ихья Аяша. В ШАБАКе была создана специальная группа, которая раз в неделю специально собиралась для того, чтобы проанализировать новую информацию о личности и деятельности Аяша и разработать план мероприятий на следующую неделю, которые должны были привести к его захвату. Вскоре всем членам этой группы было известно о жизни Аяша практически все – разбуди любого из них посреди ночи, и он мог бы назубок сказать, в какой школе учился Ихья Аяш, когда и где познакомился со своей будущей женой, сколько гостей было у него на свадьбе... Временами им даже начинало казаться, что это чудовище стало чем-то вроде их общего родственника или сослуживца. И, что самое интересное, отчасти так оно и было...

* * *

Ихья Аяш родился в расположенной неподалеку от Калькилии деревне Рафа. По окончании университета «Бир-Зайт» он с его дипломом инженера вполне мог вести спокойную и обеспеченную жизнь. Обладая врожденной харизмой, ораторскими способностями и холодным аналитическим умом, Ихья Аяш вполне мог бы стать легальным палестинским политиком, заняв в окружении Ясера Арафата место рядом с Мухаммедом Дахланом и другими его приближенными, принадлежащими к новому поколению бойцов ФАТХа. Но, несмотря на все эти столь явно открывавшиеся перед ним возможности, Аяш выбрал иную судьбу – судьбу подпольщика, ведущего непрестанную борьбу с евреями не на жизнь, а на смерть. И уже исходя из этого легко понять, какой огромный заряд ненависти нес в себе Ихья Аяш к евреям и к Израилю, вкладывая его частицу в каждую изготовленную им для террориста-смертника бомбу.

Но эта ненависть отнюдь не мешала Аяшу быть любящим сыном, мужем и отцом – ШАБАКУ было прекрасно известно, что он очень привязан к своей матери, пылко влюблен в жену и очень дорожит единственным сыном, родившимся в 1991 году.

Впрочем, сына ему удавалось увидеть крайне редко: Ихья Аяш прекрасно понимал, что ШАБАК неотрывно следит за всеми членами его семьи и стоит ему появиться в доме матери или жены, как он немедленно будет арестован. Поэтому большую часть времени он проводил на конспиративных квартирах, но вечером обязательно покидал тот дом, в котором провел день, – чтобы быть уверенным, что израильтяне не напали на его след. Ночи Аяш часто проводил на голой земле, в какой-нибудь роще или в подвале заброшенного дома. Впрочем, несмотря на весь риск, с которым было связано предоставление ему убежища, многие палестинцы почитали за честь принять у себя дома «великого героя палестинского народа».

Эта активная помощь Аяшу местного населения крайне затрудняла его поиски и арест на территории Иудеи и Самарии. Но дело было не только в ней. Подобно своему другу Мухаммеду Дефу, Ихья Аяш никому не доверял и сводил к минимуму число тех, кто знал о его местонахождении. Для этого Аяш намеренно удлинял цепочку связи даже со своими непосредственными подчиненными: нередко несколько курьеров через целый ряд деревень и городов передавали друг другу его приказ, адресованный человеку, находившемуся на соседней от него улице. Кроме того, как и Мухаммед Деф, Аяш обладал какой-то дьявольской интуицией, шестым чувством, позволявшим ему несколько раз уходить через все расставленные для него ловушки под самым носом у солдат ЦАХАЛа и сотрудников ШАБАКа.

Дело дошло до того, что ряд штатных работников ШАБАКа начали всерьез говорить о том, что Деф и Аяш продали свои души Дьяволу или вместе обучались черной магии, так как естественного объяснения их фантастическому чутью и увертливости быть не может.

Узнав об этих разговорах, тогдашний начальник ШАБАКа Карми Гилон поморщился.

– Совсем хреново, – констатировал он. – Хреново, что Ихья Аяш стал живой легендой для палестинцев. Но куда хуже то, что он, похоже, становится живой легендой и для наших ребят. Надо что-то придумывать, как выбить из их голов эти глупости!

Но были то глупости или нет, а в мае 1995 года, каким-то образом благополучно обойдя все армейские и полицейские кордоны, Ихья Аяш перебрался из Самарии в густонаселенную Газу. И это было уже, если воспользоваться выражением Карми Гилона, совсем хреново: согласно заключенным не так давно Норвежским соглашениям, Газа находилась под полным контролем Ясера Арафата. И значит, Ихья Аяш мог чувствовать себя в полной безопасности.

То есть формально переезд Аяша в Газу был, конечно, на руку Израилю, так как те же Норвежские соглашения включали в себя пункт, согласно которому новосозданная Палестинская автономия обязана была выдавать Израилю находящихся в розыске особо опасных террористов. Но очень скоро стало ясно, что этот пункт имеет исключительно «политическое значение» и призван лишь несколько успокоить сторонников правого лагеря, утверждавших, что Норвежские соглашения несут в себе угрозу безопасности Израиля. На самом деле (во всяком случае, так следует из мемуаров Карми Гилона) Ясер Арафат изначально не собирался выполнять этот пункт договора с Израилем, а, в свою очередь, ни премьер-министр и министр обороны Ицхак Рабин, ни министр иностранных дел Шимон Перес и не думали требовать от Арафата его выполнения. По той простой причине, что если бы Арафат и в самом деле начал арестовывать и выдавать Израилю «борцов за свободу» и «героев палестинского народа», то дни его пребывания у власти, да и самой жизни были бы сочтены.

Однако, понимая это и идя на очередную уступку Арафату, Рабин и Перес все же рассчитывали, что Арафат приложит какие-то усилия для борьбы с террористами. К примеру, он мог бы не выдавать Ихью Аяша Израилю, но арестовать его и выслать куда-нибудь в Ливию и Алжир, откуда Аяш не мог бы организовывать теракты против Израиля.

Однако очень скоро стало ясно, что Арафат не намерен делать даже этого: под прикрытием стволов палестинской полиции Ихья Аяш чувствовал себя в Газе весьма вольготно и продолжал посылать в Израиль одного террориста-смертника за другим. К осени 1995 года число жертв организованных «инженером» терактов достигло 54 человек убитыми и 530 ранеными.

Скрипя зубами от бессилия, Карми Гилон отдал приказ об аресте матери «Инженера» с целью получить у нее сведения о местонахождении ее сына. Однако та на допросе так ничего и не сказала – то ли потому, что умела хранить тайны и именно от нее Ихья Аяш унаследовал особую жизненную стойкость и мужество, а может, потому, что и в самом деле не имела никакого представления, где находится ее Ихья.

В начале осени 1995 года Карми Гилону сообщили, что жена Аяша собирается вместе с сыном перебраться в расположенную в Газе деревню Бейт-Лахия – поближе к мужу, и спросили, будут ли по этому поводу какие-то особые его указания.

Гилон подошел к окну и закрыл глаза. Неожиданно перед ним предстало лицо его жены и детей, и Гилон подумал, что если бы он находился от них за тысячу миль, отправленный на ответственное задание, то, возможно, как-то бы перетерпел разлуку. Однако, если бы он также находился на задании, а при этом жена была бы от него на расстоянии в несколько километров, то с каким смертельным для него риском ни была бы связана их встреча, он все-таки попытался бы встретиться с женой, чтобы прижать ее к себе, найти губами ее губы... И если Аяш любит свою жену не меньше, чем он свою, то...

– Никаких препятствий на въезд в Газу семье Аяша не чинить. Как только они обоснуются в Бейт-Лахии, не спускать глаз с дома. Задействуйте всю нашу агентурную сеть, авиацию – словом, все, что только можно, – для постоянного наблюдения за домом и за женой Аяша, – отдал приказ Карми Гилон.

Впервые за эти четыре с половиной года безумной погони за Ихьей Аяшем у главы ШАБАКА почему-то появилась уверенность, что бегать тому осталось совсем недолго.

* * *

Следующие дни и месяцы оказались самым черным периодом в жизни Карми Гилона.

5 ноября 1995 года был убит премьер-министр Ицхак Рабин, за охрану которого отвечал ШАБАК. Захлебываясь от ненависти к убийце Рабина Игалю Амиру, устроив настоящую травлю всей его семьи, израильские СМИ не забывали напоминать о том, что само убийство является крупным провалом ШАБАКА и персональную ответственность за этот провал несет глава данной службы Карми Гилон.

Вдобавок ко всему по стране поползли слухи, что это был не просто провал, что ШАБАК каким-то образом причастен к страшному преступлению и является едва ли не его непосредственным организатором. Все это, естественно, не могло не сказаться на настроении работников Общей Службы Безопасности – в коридорах головного офиса ШАБАКА стояла мертвая тишина, в кабинетах царило уныние...

Но ровно спустя два месяца после убийства Ицхака Рабина, 5 января 1996 года, в 8:40 утра в палестинской деревне Бейт-Лахия прогремел взрыв. Взрыв был несильный и унес жизнь только одного человека – Ихьи Аяша, «Инженера».

Как принято писать, версии сторон по поводу того, кто стоял за этим убийством, расходятся.

Лидеры ХАМАСа не сомневались, что ликвидация Ихьи Аяша была подготовлена ШАБАКом. Ихья Аяш был убит после того, как он провел ночь с женой в доме своего близкого родственника. Утром, позавтракав, он захотел позвонить и попросил родственника принести ему сотовый

телефон. В тот момент, когда он взял аппарат в руки, раздался звонок. «Это Ихья Аяш?» – спросил кто-то в микрофон. И прежде, чем Аяш успел что-то ответить, грянул взрыв, снесший ему череп и разметавший ошметки мозга «Инженера» по комнате. Было что-то символическое в том, что Аяш, с гордостью носивший свое прозвище, стал, по сути дела, жертвой неизвестного инженерного гения...

Когда жена Аяша, схватив на руки сына, выбежала с ним на улицу, она увидела барражировавший в небе израильский вертолет – по версии ХАМАСа, именно с него был послан сигнал, приведший взрывное устройство в действие.

И если данная версия верна, то ШАБАК провел поистине гениальную со всех точек зрения операцию – он сумел подложить взрывчатку в сотовый телефон, которым вроде бы по чистой случайности дали воспользоваться Аяшу; он сумел мгновенно привести в действие взрывчатку в тот момент, когда Аяш приложил телефон к уху; и, наконец, он рассчитал порцию взрывчатки так, что в результате взрыва пострадал только объект ликвидации...

Однако любопытно, что сам ШАБАК так и не взял на себя ответственность за ликвидацию Ихья Аяша. Даже в изданных в 2000 году мемуарах Гилон автор ни словом не обмолвился о том, как была спланирована и осуществлена операция по ликвидации «Инженера». Более того – Гилон почему-то напоминает читателям о том, что в декабре 1995 года в Каире шли очередные переговоры между ХАМАСом и Арафатом. Переговоры поначалу продвигались весьма успешно, но затем были сорваны представителями боевого крыла этой организации, обретавшимися в Иордании, то есть Халедом Машалем со товарищи. И после этого, добавляет Гилон, у Арафата были все основания напомнить руководителям ХАМАСа, каким безжалостным и беспощадным он умеет быть по отношению к тем, кто пытается встать ему посреди дороги. Таким образом, намекает Гилон, Ихья Аяш вполне мог быть жертвой Ясера Арафата, а не израильских спецслужб...

«В пятницу 5 января 1995 года я должен был в 9.00 прибыть на совещание в Министерство безопасности в тель-авивскую Кирию, – вспоминает Гилон. – Мне предстояло участвовать в обсуждении вопроса об освобождении палестинских заключенных... Когда я прибыл в Министерство обороны, и. о. премьер-министра Шимон Перес находился на совещании с начальником Генштаба и другими высокопоставленными офицерами. Я попросил военного секретаря правительства Дани Ятома выйти из комнаты и сообщил ему о том, что в Бейт-Лахии был взрыв и есть большая вероятность, что в результате этого взрыва в той или иной степени пострадал Ихья Аяш. Сразу после этого Шимон Перес прервал совещание и вызвал меня к себе для отчета. Я был поражен тем, что он был посвящен во все секреты нашей охоты на «Инженера», – оказывается, Ицхак Рабин постоянно держал его в курсе происходящего...

Началось мучительное ожидание. Лишь к полудню мы получили подтверждение, что Ихья Аяш действительно мертв. Когда я услышал это известие, то почувствовал огромное облегчение».

Еще спустя сутки после этого Карми Гилон подал в отставку: он считал, что после убийства Рабина не имеет права занимать пост начальника ШАБАКА, но одновременно был убежден, что обязан довести охоту на Ихью Аяша до конца.

Так кто же все-таки ликвидировал Ихью Аяша – израильские спецслужбы или люди Мухаммеда Дахлана? И как именно это было сделано?

Увы, дело Ихьи Аяша остается засекреченным, все детали его ликвидации, включая технику исполнения, покрыты завесой тайны, и автору остается говорить лишь полунамеками...

Итак, на протяжении всего декабря 1995 года спецгруппа ШАБАКА круглосуточно (именно круглосуточно!) работала над операцией по ликвидации «Инженера». К делу были подключены технический отдел ШАБАКА, специалисты компании по сотовой связи, концерна «Оборонная промышленность» и т. д. Разработанная технология ликвидации Аяша на тот момент времени была поистине уникальна. Однако одновременно стало ясно, что без помощи палестинцев эту операцию не осуществить. И очередной кризис в отношениях между ХАМАСом и ФАТХом в этом смысле оказался как нельзя кстати. Ясер Арафат и в самом деле никогда не выполнял пункта Норвежских соглашений о выдаче террористов Израилю. Но иногда он разрешал Израилю убивать их даже на подконтрольной ему территории. А порой, будучи в добром расположении духа, даже оказывал содействие. И это было тем более легко, что никто из палестинцев на самом деле толком не знает, где кончается ХАМАС и начинается ФАТХ и наоборот...

* * *

Сразу после гибели Ихьи Аяша ХАМАС заявил, что жестоко отомстит Израилю за его смерть. Вскоре действительно была проведена серия терактов, объявленных ХАМАСом терактами возмездия. Все это дало основания ряду израильских политиков леворадикального толка утверждать, что Израиль допустил ошибку, приняв решение о ликвидации «Инженера», и это стало началом нового витка в порочном круге насилия.

Однако и ШАБАК, и военная разведка сошлись во мнении, что речь шла о заранее запланированных терактах, которые были бы проведены в любом случае – был бы жив Аяш или нет. Между тем гибель Ихьи Аяша явно повергла лидеров ХАМАСа в состояние шока – они вдруг осознали, что у израильских спецслужб и в самом деле «длинные руки», которые при желании могут достать их и в Газе, и в любой другой точке планеты. И, вне сомнения, это несколько отрезвило их и поубавило им пыла и уверенности в себе. А значит, ничто не было напрасным: ликвидация Ихьи Аяша стала не только акцией возмездия, но и предупреждением всем остальным полевым командирам ХАМАСа...

Кстати, когда в апреле того же 1996 года российские спецслужбы ликвидировали лидера Чечни генерала Джохара Дудаева, многие обратили внимание на сходство данных двух операций. Сходство и в самом деле могло быть не случайным: именно в этот период между Израилем и Россией начался активный обмен опытом борьбы с террором, и россиянам весьма пригодились некоторые секреты, которыми с ними поделились израильские коллеги.

Что касается Ихьи Аяша, то для палестинцев этот человек, руки которого даже не по локоть, а по самые плечи были в еврейской крови, остается одним из самых больших национальных героев – его именем в Палестинской автономии названы улицы, школы, детские сады и даже одна футбольная команда.

Что ж, у каждой нации свои представления о героизме и свои герои...

1997. Роковой провал

В те дни 2006 года, когда к власти в Газе пришел ХАМАС, Израиль вновь вспомнил о том, кто такой Халед Машаль и какое место он занимает в иерархии данной организации.

Вспомнил Израиль и о том, как 25 сентября 1997 года сотрудники «Моссада» совершили покушение на этого лидера ХАМАСа в столице Иордании Аммане. Увы, попытка ликвидировать одного из руководителей палестинского террора закончилась полным провалом: два агента «Моссада» были арестованы иорданскими властями, и в результате во имя примирения с королем Хусейном Израиль не только спас жизнь Машаля, но и выпустил из своих тюрем десятки террористов, включая ныне покойного духовного лидера ХАМАСа шейха Ясина.

Многие тогда обвиняли премьер-министра Нетаниягу в принятии безответственного решения, поскольку Машаль, как казалось многим, отнюдь не был фигурой, ради которой стоило так рисковать и портить отношения с Иорданией. Сегодня уже ясно, что если бы израильтянам тогда удалось добиться своей цели и Халед Машаль был бы сегодня мертв, многое в израильско-палестинских взаимоотношениях складывалось бы по-другому. И, таким образом, вопрос, прав или неправ был Биньямин Нетаниягу, отдавая указание о ликвидации Машаля, с повестки дня снят – он, безусловно, был прав.

Но вот вопрос о том, кто именно виноват в провале той давней операции «Моссада», остался.

* * *

...Все началось 30 июля 1997 года, когда два террориста-смертника взорвали себя на иерусалимском рынке Махане Иегуда, унеся жизни 16 человек. Как удалось тогда установить израильским спецслужбам, оба террориста являлись членами ХАМАСа. В тот же день премьер-министр Биньямин Нетаниягу вызвал к себе руководителей «Моссада» и ШАБАКА для того, чтобы обсудить с ними, каким образом можно покончить с палестинским террором.

Точнее, к тому времени, когда они вошли в его кабинет, у Нетаниягу уже был ответ на этот вопрос. Бывший майор спецназа, не раз принимавший участие в связанных со смертельным

риском диверсионных операциях, израильский премьер был убежден, что борьба с террором становится эффективной только в случае, если террористические организации лишаются своих главарей либо эти главари начинают чувствовать непосредственную угрозу своей жизни и «залегать на дно». И после теракта на Махане Иегуда Израиль должен был провести операцию, которая, с одной стороны, стала бы актом возмездия за этот теракт, а с другой, хотя бы на какое-то время обезглавила бы ХАМАС и заставила бы остальных его лидеров задуматься о том, как им жить дальше.

– Причем необходимо сделать все, чтобы эта операция прошла как можно тише – без стрельбы, без взрывов и всего прочего, так, чтобы комар носу не подточил и никто не мог бы с уверенностью сказать, что это сделали именно мы, – добавил Нетаниягу.

На следующий день начальник оперативного отдела «Моссада» представил премьер-министру список видных деятелей ХАМАСа, которые могли бы стать «кандидатами на ликвидацию». В основном речь шла о тех, кто поставлял в Палестинскую автономию взрывчатку и оружие, предпочитая при этом жить в Австрии, Швейцарии и других спокойных странах Европы.

Нетаниягу просмотрел список, скомкал его и выбросил в мусорную корзину.

– Что вы мне принесли?! – возмутился он. – Мне не нужны пешки – мне нужны ферзи. Я хочу получить от вас список тех, кто непосредственно руководит ХАМАСом и отдает приказы о проведении терактов. И будьте добры его подготовить...

Еще спустя сутки на стол перед премьер-министром лег список, в котором значились только четыре фамилии: глава политического бюро ХАМАСа Халед Машаль, его заместитель Мохаммед Низаль, а также Ибрагим Оша и Муса Абу-Марзук.

Ключевой фигурой в этом списке на тот момент являлся, вне сомнения, Абу-Марзук, но он был обладателем американского гражданства. Осуществить покушение на Абу-Марзука означало еще больше осложнить отношения с американцами, которые у Нетаниягу и без того были из рук вон плохими. И, таким образом, в качестве объекта проведения первой операции возмездия был выбран именно Халед Машаль.

Планирование и проведение покушения было возложено на возглавляемый Михаэлем (Мишкой) Бен-Давидом оперативный отдел «Кейсария», уже успевший прекрасно зарекомендовать себя в деле ликвидации Фатхи Шкаки на Кипре, а также в ряде других операций «Моссада», которые пока не подлежат разглашению.

И Мишка Бен-Давид стал ломать голову над тем, каким же образом ему выполнить столь мудреный приказ – убрать Халеда Машаля так, чтобы никто не заподозрил, что это сделал Израиль, более того – чтобы это выглядело как естественная смерть.

Направив в Амман, где тогда обретался Машаль, двух опытных агентов, Бен-Давид вскоре получил от них подробные сведения о его распорядке дня, маршруте передвижения с работы на

работу, наиболее посещаемых им местах и т. д. Затем он обратился к специалистам, чтобы те подсказали, как можно инсценировать «естественную смерть». Среди них были и сотрудники биохимической лаборатории «Моссада», которым незадолго до этого удалось создать яд, попадание нескольких капель которого на любой участок тела человека приводит к потере им сознания, впадения в кому, а затем и смерти. При этом следы яда практически невозможно идентифицировать всеми существующими сегодня методами анализа крови. В общем, все выходило почти по Пушкину: «И человек без боли в животе, без всяческих страданий умирает».

Новая «игрушка» израильских биохимиков пришлась Бен-Давиду и его товарищам по душе, и они начали разрабатывать план отравления Машаля этим ядом. План заключался в следующем: два сотрудника «Моссада», которые придут в Иорданию под видом иностранных туристов, как бы случайно подойдут к Халеду Машалю сзади, и один из них (опять-таки, вроде бы совершенно случайно или в шутку) плеснет на него из баночки кока-колой, а второй в это время прыснет ему на шею несколько капель яда. Таким образом, все будет выглядеть как обычное уличное происшествие – ну, расплескалась у человека по дороге кока-кола, с кем не бывает! И никто не заподозрит, что вместе с ней Машаль получил и смертоносный яд. Сразу после этого агенты «Моссада» должны будут скрыться на поджидающей их в стороне машине. Ну, а на тот случай, если капли яда попадут на самих агентов «Моссада», биохимики приготовили для них антидот, почти мгновенно снимающий действие их страшного изобретения.

После того как план был разработан, агенты «Моссада» приступили к репетициям, проходившим в основном на главных улицах Тель-Авива, где они то и дело расплескивали баночки кока-колы на случайных прохожих или посетителей кафе...

Тем временем 4 сентября 1997 года в Иерусалиме грянул следующий теракт – на этот раз на улице Бен-Иегуда. Как вскоре выяснилось, за терактом тоже стоял ХАМАС.

С бледным как мел то ли от боли, то ли от гнева лицом премьер-министр Нетаниягу направился в больницу навещать раненых и там же провел первую после теракта пресс-конференцию.

– Никто из тех, кто послал убийц в Иерусалим, не уйдет от ответа. Клянусь вам, они заплатят за это злодеяние своими жизнями! – сказал тогда Нетаниягу, а вернувшись в канцелярию, немедленно позвонил заместителю главы «Моссада» Дани Ятому и потребовал ускорить операцию по ликвидации Халеда Машаля.

21 сентября шесть членов группы «Кейсария» выехали в Иорданию. Из них только Мишка Бен-Давид прибыл в эту страну под своей фамилией и с израильским паспортом. Но так как двое агентов въезжали в Иорданию второй раз, им пришлось отказаться от своих поддельных, крайне надежных и многократно проверенных документов. Вместо этого им выдали изготовленные в страшной спешке канадские паспорта на имя Шона Канделя и Бари Бидеса.

В Аммане израильтяне сняли номера в гостинице «Интерконтиненталь», арендовали машину, купили сотовые телефоны и стали готовиться к решающей части операции.

* * *

...Впоследствии внутренняя комиссия «Моссада», анализировавшая причины провала операции, пришла к выводу, что одной из них стало отсутствие достаточного времени на ее тщательную подготовку. Премьер-министр Биньямин Нетаниягу, дескать, оказывал слишком сильное давление на руководство «Моссада», с тем чтобы эта операция была произведена как можно скорее. А между тем если уж он и в самом деле хотел, чтобы ликвидация прошла как можно тише, ему следовало бы дать на ее подготовку хотя бы полгода, а то и восемь-десять месяцев, в течение которых агенты «Моссада» неотступно следовали бы за «объектом» и знали бы о нем абсолютно все.

К сожалению, всего о Машале в «Моссаде» не знали, и это незнание в итоге и привело к первым сбоям в выстроенном Бен-Давидом плане...

25 сентября в 10:35 Халед Машаль подъехал к зданию, где размещалась благотворительная организация, в которой он официально работал.

В этот момент двум агентам дается приказ начать операцию, и теперь уже ничто не в силах ее отменить – они сами отключают все каналы связи с ними, чтобы потом в случае провала никто не мог выйти на их товарищей и командира.

Согласно плану, дождавшись, когда Машаль войдет в расположенный в здании небольшой Пассаж, они должны последовать за ним, и именно так поначалу все происходит. Однако сотрудники «Моссада» не знали, что иногда Машаль выезжает из дому вместе с детьми, которых шофер, доставив шефа на работу, потом должен отвезти в детский сад. И, как оказалось, в тот день в машине, кроме Машаля и его шофера, находились дети. Когда главарь террористов вошел в Пассаж и сотрудники «Моссада» двинулись за ним следом, его маленькая дочь выскочила из машины с криком «Хочу к папе!» и побежала за ним.

Шофер Машаля бросился догонять девочку и, когда она подбежала к Пассажу, заметил, что за его боссом движутся двое мужчин, показавшихся ему подозрительными. Он крикнул шефу, чтобы тот был осторожен. Машаль обернулся на крик, и в это время один из мужчин плеснул ему в лицо кока-колой, а второй прыснул чем-то из газового баллончика. Так как он обернулся, то капли яда попали ему не на шею, как планировалось, а в ухо. В сущности, это ничего не меняло, за исключением одного – Машаль заподозрил неладное и стал звать на помощь.

Агенты «Моссада» бросились бежать, но призыв о помощи услышал курьер ХАМАСа Мохаммед Абу-Сиаф, оказавшийся в это время в том же Пассаже совершенно случайно. Прошедший подготовку в лагерях афганских моджахедов, отлично подготовленный физически и хорошо

знакомый с разными системами рукопашного боя, Абу-Сиаф бросился в погоню за двумя «туристами». Увидев, что они сели в машину, он запомнил ее номер и побежал следом.

И вот тут агенты «Моссада» допустили вторую ошибку: они остановили машину, чтобы нейтрализовать преследователя. Абу-Сиаф, уверенный в том, что с легкостью справится с двумя соперниками, вскоре получил от одного из них такой удар, что замертво свалился на землю. Казалось, сейчас израильтянам нужно было спешно бежать с места происшествия, но вместо этого они решили задушить Мохаммеда Абу-Сиафа, чтобы убрать ненужного свидетеля, – и это было их третьей ошибкой. Во-первых, потому, что на возню с Абу-Сиафом они потратили драгоценное время, а во-вторых, вид иностранцев, избивающих араба в центре Аммана, привел прохожих в ярость, и они вызвали полицию.

Двое «туристов» предъявили прибывшему на вызов полицейскому канадские паспорта и рассказали ему, что араб сам ни с того ни с сего напал на них и даже порвал одному из них рубашку. Но полицейский, выслушав объяснения, тем не менее велел следовать за ним в участок, чтобы там разобраться в происшествии.

По пути в участок у агентов «Моссада» появилась еще одна возможность сбежать, но они ею не воспользовались – и это была их четвертая ошибка. Как агенты потом объяснили начальству, они рассчитывали на то, что их документы выдержат проверку.

В полиции им было предоставлено право на один звонок родственникам, и они, само собой, позвонили по условленному номеру и сообщили своему руководству, что находятся в иорданской полиции...

А дальше произошло самое неприятное: иорданские полицейские вызвали в участок канадского консула. Тот встретился с двумя туристами, стал расспрашивать их о том, где именно они жили в Канаде, в какой школе учились и т. д., и наконец, выйдя к начальнику полиции, сообщил: «Кто они такие, я не знаю. Но они не канадцы – это точно...»

К этому времени иорданские полицейские уже знали о нападении на Халеда Машаля, и до них начало доходить, что же произошло на самом деле...

* * *

Сообщение о провале покушения на Халеда Машаля пришло в «Моссад» как раз в тот момент, когда Биньямин Нетаниягу проводил рабочую встречу с руководством этой организации. Повестка дня совещания была мгновенно изменена, и теперь все его участники сосредоточились на вопросе о том, что делать с попавшими в руки иорданцев агентами. Точнее, сначала нужно было подумать о том, как предотвратить провал и арест тех сотрудников, которые еще находились на свободе. И Мишке Бен-Давиду, и всем членам его группы было дано указание немедленно укрыться на территории израильского посольства. Затем Нетаниягу лично позвонил королю Иордании Хусейну и попросил его в срочном порядке принять заместителя начальника

«Моссада» Дани Ятома. Хусейн, еще ничего не знавший о покушении на Машаля, ответил согласием, и Ятом вылетел в Амман.

Здесь, во дворце иорданского монарха, он честно рассказал ему обо всех деталях операции «Моссада» и ее провале, и когда он закончил рассказ, король, не говоря ни слова, вышел из зала, дав понять, что аудиенция окончена.

Дани Ятом понял, что дело плохо: если Халед Машаль умрет, двух израильских агентов приговорят к смертной казни. И тогда он вспомнил об имеющемся у Мишки Бен-Давида антидоте. Но прежде, чем принять какое-либо решение, он позвонил в Израиль и рассказал, что король в бешенстве и что дело пахнет крупными дипломатическими неприятностями. А также, похоже, Хусейн точно не собирается отпускать из тюрьмы двух агентов «Моссада».

После этого звонка в Иорданию в спешном порядке вылетели премьер-министр Биньямин Нетаниягу и хорошо знавшие короля Хусейна министр национальных инфраструктур Ариэль Шарон и тогдашний глава «Моссада» Эфраим Халеви. Итогом их переговоров и стало освобождение Израилем шейха Ахмеда Ясина и десятков других палестинских заключенных.

Ну а что касается Халеда Машаля, то, согласовав свои действия как с Нетаниягу, так и с иорданцами, Дани Ятом снова позвонил Бен-Давиду.

– Антидот еще у тебя? – спросил он.

– Да, хотя я собирался его выбросить – все-таки улика! – ответил Бен-Давид.

– Сейчас ты спустишься вниз, где тебя будет ждать капитан иорданской разведки. Вы вместе поедете в больницу, где ты дашь этот антидот Халеду Машалю, – сказал Ятом.

К этому времени жизнь Халеда Машаля уже висела на волоске: он находился без сознания, не мог самостоятельно дышать и был подключен к системам искусственного жизнеобеспечения. Влитое ему в рот противоядие начало оказывать свое спасительное воздействие мгновенно, и уже к утру жизнь и здоровье одного из главарей ХАМАСа были вне опасности.

А между тем как много дали бы сегодня и в ЦАХАЛе, и в ШАБАКе, чтобы этот человек был мертв...

* * *

Дани Ятом и Мишка Бен-Давид вернулись в Израиль глубокой ночью, но все сотрудники «Моссада» были в этот поздний час на своих рабочих местах – всем не терпелось узнать подробности произошедшего. В течение последующих лет по следам этого самого драматического провала «Моссада» было создано три комиссии: комиссия Йосефа Чехановера, возникшая по непосредственному указанию премьер-министра Биньямина Нетаниягу, подкомиссия комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне и внутренняя комиссия «Моссада». Все они обнаружили при планировании и осуществлении операции немало просчетов. Например, один из них заключался в том, что репетиция операции с расплескиванием кока-колы проводилась в

Тель-Авиве, а не в каком-нибудь арабском населенном пункте, в то время как реакция тель-авивцев на подобную неприятность, вне сомнения, отличается от реакции арабов. Но при этом ни одна из комиссий не подвергла сомнению оправданность самого покушения на Халеда Машаля. Этот человек должен был умереть. И, как стало ясно чуть позже, очень жаль, что этого тогда не произошло.

На этом, наверное, можно было бы поставить точку в данной главе, если бы... Если бы и в политических кулуарах, и в кулуарах «Моссада» усиленно не муссировались слухи о том, что провал покушения на Машаля... отнюдь не был провалом. Точнее, он был тщательно спланирован заместителем начальника «Моссада» Дани Ятомом. Согласно этой версии, придерживающийся левых политических взглядов и находившийся на прямой связи с лидерами левого политического лагеря Ятом намеренно провалил операцию, чтобы таким образом нанести удар по репутации премьер-министра Биньямина Нетаниягу, одержавшего в 1996 году на выборах победу над кандидатом от левого лагеря Шимоном Пересом.

Если это и в самом деле так, то план израильских левых удался на славу. Что бы потом ни говорил Нетаниягу, как бы ни объяснял, что ради спасения жизней агентов «Моссада» он был готов на любые жертвы, освобождение из тюрьмы шейха Ахмеда Ясина стало несмываемым пятном на его политической биографии. Все его политические оппоненты, когда у них исчерпываются аргументы в споре с Нетаниягу или о Нетаниягу, и сегодня спешат напомнить, что он – тот самый человек, который выпустил на свободу главного идейного вдохновителя террора. При этом провал в Аммане, как ни странно, никак не сказался на карьере Дани Ятома – он благополучно дослужил до пенсии, а затем стал депутатом Кнессета от левой партии «Авода». Воистину если политика – грязное дело, то она становится еще грязнее, когда находятся те, кто во имя политических интересов готов пожертвовать общенациональными...

1999. Ибрагим, перешедший реку^[62]

... В армии и «Моссаде» о нем вспомнили сразу же, как только началась Вторая Ливанская война.

Впрочем, и сам Авраам, и его жена Сара прекрасно понимали, что о нем вспомнят, и не очень удивились, когда на пороге их уютного домика в Цфате появились эти двое – один в полевой форме генерала ЦАХАЛа, а второй – в джинсах, тенниске и стоптанных босоножках.

– Может, хоть чашку кофе выпьете? – поинтересовался Авраам.

– Некогда! – покачал головой генерал. -

В штабе попьем, Ави...

Спустя час Авраам вместе с офицерами ЦАХАЛа уже сидел над крупномасштабной картой Южного Ливана, вычерчивая оптимальные маршруты для продвижения десанта, который должны

были сбросить в районе Баальбека (в силу множества причин сама эта операция пришлось только на конец войны и оказалась весьма успешной).

На какое-то мгновение палец Авраама уперся в нарисованные на карте многоугольники, над которыми крупными буквами было выведено название расположенной здесь деревни. Именно в этой деревне сорок с лишним лет тому назад он родился и вырос. Только тогда у него не было ни черной кипы^[63] на голове, ни пейсов^[64], аккуратно заправленных за уши. И звали его тогда, конечно, не Авраамом, а Ибрагимом.

Офицер «Хизбаллы», он одновременно был тем самым человеком, который на протяжении нескольких лет поставлял Израилю поистине бесценную информацию как о деятельности этой организации, так и обо всем, что происходило за пределами контролируемой ЦАХАЛом зоны безопасности^[65] в Северном Ливане.

* * *

Когда Авраама Бен-Авраама спрашивают, где он родился, он коротко отвечает: «В Ган-Эдене!».

В раю то есть.

Да и как иначе назвать этот уникальный уголок земли, где летом не бывает слишком жарко, а зимой – слишком холодно, где в садах зреют почти круглый год фрукты и ягоды со всех четырех концов света: огромные красные яблоки; сочные, величиной с кулак груши; пьяная вишня и сладкая, с легкой горчинкой черешня?! А еще персики, айва, сливы, хурма – всего даже не упомянешь.

Как и у его соседей, у отца Ибрагима был огромный сад, щедро кормивший семью своими плодами. Вся жизнь их семьи крутилась вокруг этого сада – здесь играли дети, здесь в дни различных семейных торжеств ломались столы от выставленной на них снеди, здесь под деревьями женщины стегали к зиме новые одеяла...

Этот рай закончился внезапно, в одночасье, когда после «черного сентября»^[66] иорданский король Хусейн погнал со своей земли Ясера Арафата и его банду. Ни одна арабская страна не пожелала тогда дать приют этим новым «палестинским беженцам». Ни одна – кроме Ливана. Ливанское правительство дало на это свое «добро», обусловив его тем, что палестинцы не станут использовать территорию Ливана в качестве плацдарма для совершения терактов против Израиля. Ясер Арафат тогда такое обещание дал, но, разумеется, отнюдь не собирался его выполнять – как, впрочем, и все остальные свои обещания. А после того, как в Ливане появились палестинцы, рай и кончился.

Ливанским крестьянам пришлось дорого заплатить за гостеприимство своего правительства. Очень быстро стало ясно, что работать палестинцы не собираются, а намерены жить исключительно грабежом и разбоем. Когда им хотелось мяса, они попросту заходили в

ближайший хлев и резали там понравившуюся им корову. Палестинские дети и подростки устраивали набеги на окрестные сады и огороды, собирая и топча созревший урожай, а затем их отцы, потрясая автоматами, останавливали грузовики с теми фруктами, которые удалось собрать на продажу, и реквизировали их в пользу «нуждающихся борцов за свободу». Не прошло и года, как жители процветавших ливанских деревень узнали, что такое нужда и голод. Молодежь перестала связывать свое будущее с землей предков и уезжала куда подальше – кто на заработки в Бейрут, а кто и за границу. Когда Ибрагиму было семнадцать, из деревни уехали два его старших брата. Но самое страшное началось, когда обосновавшиеся в Ливане палестинцы в нарушение данного ими обещания стали проводить с ливанской территории теракты против Израиля. Израиль, разумеется, ответил – и на ливанскую землю стали падать еврейские снаряды.

Словом, Ибрагиму было за что ненавидеть палестинцев, и в 17 лет он решил присоединиться к боровшейся с ними Армии Свободного Ливана – той самой, которой потом предстояло превратиться в Армию Южного Ливана -

ЦАДАЛ, верного союзника Израиля. Ну, а когда летом 1982 года израильская армия вошла в Ливан в рамках операции «Мир Галилее», Ибрагиму не нужно было долго думать, на чьей стороне его симпатии в этой войне: раз евреи хотят выбить из Ливана палестинцев, значит, он – с евреями.

И Ибрагим стал помогать израильским солдатам прочесывать местность, которую он с детства знал как свои пять пальцев. Он показывал им потайные пещеры, в которых могли спрятаться палестинские боевики, проводил израильтян по извилистым горным тропинкам в тайные лагеря террористов. Когда командир одного из спецподразделений ЦАХАЛа спросил Ибрагима, сколько тот хочет получить за ту поистине бесценную помощь, которую он им оказал, юноша только покачал головой.

– Я это делал не ради денег, – объяснил он. – На деньги мне плевать. Я делал это ради моего Ливана...

Спустя еще два дня к нему на улице подошел незнакомый израильтянин в штатском и предложил посидеть в кафе, выпить вместе по чашечке кофе. Во время этого разговора его собеседник признался, что он является офицером израильской Общей Службы Безопасности – ШАБАКа, и предложил Ибрагиму «сотрудничество на постоянной основе». Почему тот согласился?

Много раз Ибрагим потом задавал себе этот вопрос и не находил никакого другого ответа, кроме того, что ему... чисто по-человечески понравились евреи. Ему было приятно с ними общаться, он – и это было странно, прежде всего, для него самого – чувствовал себя среди них почему-то гораздо уютнее, чем среди соплеменников. Но окончательно он убедился в правильности сделанного им выбора после того, как на смену палестинцам пришла «Хизбалла»^[67].

Если палестинцам нужно было только имущество его односельчан, то «Хизбалле» нужны были их тела и души. Тех, кто отказывался сотрудничать с этой организацией, просто выволакивали посреди бела дня на улицу и хладнокровно расстреливали на глазах односельчан. Потом боевики «Хизбаллы» убили и шейха их деревни – только за то, что он посмел в мечети выразить сомнение в праведности лидеров организации. Этот шейх в свое время учил Ибрагима – как и остальных деревенских мальчиков – Корану. Он был удивительно добрый и мудрый человек, этот шейх, и даже сегодня, будучи ортодоксальным евреем, Ибрагим-Авраам вспоминает о нем с особой теплотой и уважением. А еще он помнит, как шейх лежал на центральной деревенской площади, уставившись своими остекленевшими глазами в небо, словно желая задать Аллаху еще один, последний вопрос.

К тому времени Ибрагим уже сделал свой выбор, хотя еще и не знал, через какие страшные испытания ему предстоит из-за этого пройти...

* * *

В 1984 году Израиль начал поэтапный вывод своей армии с территории Ливана, и в конце этого года Ибрагим был арестован контрразведкой «Хизбаллы» по подозрению в сотрудничестве с Израилем.

– Обратно домой его не ждите – он уже покойник! – сказал офицер «Хизбаллы» отцу Ибрагима во время ареста.

Дальше были долгие одиннадцать месяцев, в течение которых Ибрагиму пришлось пройти через поистине адские пытки – его обвязывали оголенным проводом, который вставляли в розетку, на его спине медленно разогревали утюг, его клеймили каленым железом. Следы пыток и сегодня можно увидеть на его спине и груди, однако Ибрагим не сказал своим мучителям ни слова – и, видимо, именно это его и спасло.

Конечно, пытки не были непрерывными – временами о нем словно забывали, и он недели, а то и месяцы проводил в одиночке. Чтобы не сойти с ума, Ибрагим заставлял себя вспоминать все, что он учил в своей жизни, а учил он, по сути, только Коран. И пытаясь воспроизвести в памяти его суры, он напряженно размышлял над каждой из них, по-новому осмысливая знакомые с детства слова. Это занятие укрепило его веру в Бога, превратив Ибрагима, как он сам говорит, в «активного фаталиста». И когда на очередном допросе ему снова пригрозили смертью, Ибрагим только усмехнулся.

– Не вы решаете, когда пробьет мой смертный час, а Аллах! – сказал он. – Так что вы меня не пугаете. Кто знает – может быть, ваш смертный час пробьет даже раньше моего...

Забегая вперед, скажем, что в данном случае Ибрагим оказался почти пророком – к 1986 году все его палачи погибли в ходе тех или иных операций «Хизбаллы».

Но главных выводов, сделанных Ибрагимом за время сидения в одиночке, было два.

Первый из них заключался в том, что он совершенно правильно сделал, когда согласился сотрудничать с израильтянами, так как «Хизбалла», как и палестинцы, вне сомнения, являются порождениями Шайтана, а правда и справедливость в этой войне, безусловно, на стороне Израиля. А второй вывод...

Второй вывод состоял в том, что религия евреев, будучи очень похожей на ислам, куда более чистая и глубокая.

Спустя одиннадцать месяцев после ареста Ибрагим вышел на свободу: тюремщики «Хизбаллы» пришли к выводу, что он ни в чем не виновен и просто стал жертвой лживого доноса. Но, едва глотнув воздух свободы, Ибрагим попытался связаться с израильтянами – проникнув в созданную ЦАХАЛом на юге Ливана зону безопасности, он потребовал предоставить ему встречу с каким-нибудь офицером ШАБАКА.

Однако израильские спецслужбы отнюдь не спешили возобновлять сотрудничество с выпущенным из тюрьмы «Хизбаллы» агентом. Более того – то рвение, которое проявлял Ибрагим, показалось им подозрительным: рвение это, с точки зрения ШАБАКА, подтверждало предположение, что он сломался под пытками и был перевербован исламистами. Окончательно доверие ШАБАКА к Ибрагиму восстановилось лишь спустя много месяцев – после того, как там убедились, что вся передаваемая им информация совершенно верна.

Тем временем Ибрагим начал активно внедряться внутрь сразу двух шиитских организаций – «Хизбаллы» и «Амаль»^[68]. Для начала он стал часто появляться в шиитских мечетях, принимать активное участие в различных проходивших там собраниях и постепенно стал считаться там «своим» человеком. Вскоре действовавшая в его родной деревне ячейка «Амал» решила привлечь Ибрагима к работе в качестве своего курьера – к тому времени Ибрагим приобрел грузовик и стал зарабатывать на жизнь перевозкой различной сельскохозяйственной продукции. На этом грузовичке он колесил по всему Ливану, и ему было совсем нетрудно выполнять поручения «Амал» – передавать различные послания руководства этой организации своим активистам и лидерам местных отделений. Но так как «Хизбалла» была крайне заинтересована в получении информации о деятельности своих главных военно-политических единомышленников и конкурентов, то вскоре Ибрагим стал и агентом «Хизбаллы», сообщавшим ей все, что ему становилось известно об «Амале». Постепенно он все больше и больше завоевывал доверие руководителей «Хизбаллы» и получал все более ответственные поручения, позволявшие ему установить местонахождение ее штабов, адреса, по которым жили ее офицеры, и т. д. Нужно ли говорить, что вся эта информация в итоге становилась достоянием ШАБАКА?!

* * *

Внешне Ибрагим продолжал вести все ту же скромную жизнь водителя грузовика, мотающегося по своим торговым делам по всей стране. Уже это само по себе делало его

достаточно ценным информатором для ШАБАКа. Он был «глазами Израиля» в Ливане – и именно так его и называли в служебных отчетах израильской разведки.

Однако куда более важным было то, что положение Ибрагима внутри «Хизбаллы» год от года становилось все более значительным и перед ним открывались все новые и новые тайны этой организации.

Вскоре он понял, что сама структура «Хизбаллы» построена так, что даже офицеры ее среднего звена не имеют представления о том, как осуществляется руководство их организацией, где находятся ее склады боеприпасов и т. д. Планы почти всех операций разрабатываются в верховном штабе «Хизбаллы» узкой группой офицеров, часть из которых непосредственно командирована в Ливан из Ирана, а другая часть прошла подготовку в тренировочных лагерях под Тегераном. После разработки плана того или иного теракта против Израиля определяется круг его исполнителей. Взрывчатку и все необходимое оружие тому офицеру, который будет возглавлять осуществление данного теракта, доставляет с тайного склада специальный курьер, понятия не имеющий о том, для чего именно предназначен тот груз, который он везет, и весьма смутно представляющий, кем именно является получатель данного груза.

Обычно офицер «Хизбаллы» ведет жизнь рядового фермера, ничем не отличающегося от остальных своих односельчан. Может быть и так, что человек, которому доставили взрывчатку, оружие, переносную ракетную установку и т. д., вообще не является исполнителем теракта – в его задачу входит лишь передать этот груз дальше по назначению.

Уже затем – возможно, через несколько дней, а то и недель или даже месяцев – к тому, кто получил это оружие, прибудет другой курьер, который передаст ему указание, что с ним следует делать. И опять-таки не исключено, что этот курьер на самом деле встречается лишь с другим курьером, а не с непосредственным командиром операции. Рядовые же боевики знают в лицо только командира своего отряда, который является к ним в назначенный час и сообщает, что они должны делать на этот раз.

Таким образом, даже если какая-то группа террористов попадает в плен, ни один из ее членов, включая командира, не может сообщить на допросах сколько-нибудь ценную информацию по той простой причине, что они ею попросту не располагают, – и это позволяет ее руководителям оставаться практически неуловимыми, а заодно держать в секрете и местонахождение своих арсеналов.

Но, будучи одним из самых доверенных курьеров «Хизбаллы», Ибрагим сумел передать израильской разведке сведения о целом ряде ее высокопоставленных офицеров и даже о местонахождении некоторых ее штабов, что позволило ЦАХАЛу в середине 90-х годов провести серию блестящих антитеррористических операций в Южном Ливане. Впрочем, одна, самая главная операция, в подготовке которой участвовал Ибрагим, провалилась: несмотря на то что

ему удалось установить точное местонахождение лидера «Хизбаллы» шейха Хасана Насраллы, попытка его ликвидации оказалась неудачной.

Именно в качестве агента «Хизбаллы» Ибрагим в 1997 году снова оказался в тюрьме – на этот раз в сирийской. Дело в том, что отношения между сирийской армией и «Хизбаллой» были отнюдь не так безоблачны, как казалось израильтянам со стороны, и сирийцы рассчитывали получить от Ибрагима те сведения, которые утаивал от них Насралла.

Условия содержания в сирийской тюрьме, по словам Ибрагима, были несравненно лучше, чем в застенках «Хизбаллы», хотя и «курортными» их тоже назвать было никак нельзя. Но самое главное – в момент ареста у него при себе был замаскированный под обычный радиоприемник передатчик, с помощью которого он общался со своим израильским руководством. Спасла его на этот раз... продажность сирийских тюремщиков: отдав им всю имевшуюся у него наличность, Ибрагим убедил их вернуть ему все его личные вещи, включая «радиоприемник», который без батареек все равно не работал. В конце концов он настолько расположил к себе тюремное начальство, что на все время заключения стал... тюремным садовником. Во время садовых работ он попросту зарыл передатчик в землю – от греха подальше, а затем выкопал его накануне освобождения.

Выйдя из тюрьмы, Ибрагим окончательно понял, что дальше так продолжаться не может: еще немного – и его как израильского агента раскроют либо «свои» из «Хизбаллы», либо сирийцы. И в том же 1997 году он вместе с женой и тремя детьми перебрался в Израиль, где ему, разумеется, охотно предоставили укрытие.

Так закончилась его служба в ШАБАКе, но отнюдь не карьера разведчика...

* * *

В Израиле Ибрагим из подчинения ШАБАКа перешел в распоряжение «Моссада» и уже в качестве офицера этой организации вплоть до ухода ЦАХАЛа из Ливана в 2001 году не раз возвращался на родину для выполнения различных заданий. Хорошо знакомый со всей территорией Ливана, он под видом то фермера, то бизнесмена, а то и туриста из какой-либо арабской страны появлялся то в Бейруте, то в Тире, то в Сидоне, добывая необходимую информацию или передавая очередное задание и деньги действующим в Ливане другим израильским разведчикам. Само собой, о том, в чем конкретно заключались эти задания, Ибрагим не распространяется, однако не без гордости рассказывает о том, как ему удалось разоблачить несколько ливанцев, согласившихся для вида работать на Израиль, а на самом деле дезинформировавших «Моссад» по указанию «Хизбаллы».

Судя по всему, именно Ибрагим осуществил в 2000-2001 годах ряд диверсий против объектов «Хизбаллы» и сирийской армии в Бейруте, но сам он, естественно, подтвердить эту информацию отказывается, хотя и не особенно настойчиво ее опровергает.

По его словам, работа в «Моссаде» пришлась ему по душе куда больше, чем деятельность под крылом ШАБАКА.

– «Моссад» – это все-таки «Моссад»! – говорит он. – Люди там работают поумнее, чем в ШАБАКЕ, да и творческой фантазии у них побольше...

Наконец, в 2001 году, когда Ибрагиму не было и сорока, руководство «Моссада» сообщило ему, что его служба в этой организации закончена, а за заслуги перед страной ему будет выплачено выходное пособие и установлена приличная пожизненная пенсия.

На это выходное пособие Ибрагим и приобрел домик с небольшим земельным участком в Цфате – городе, к которому он прикипел всем сердцем и в котором обретается по сей день. Но самое любопытное заключается в том, что когда в 2003 году он вместе со всеми членами своей семьи решил пройти обряд гиюра, больше всего против этого почему-то возражали именно его бывшие начальники из «Моссада»...

* * *

Решение перейти в иудаизм не было для него спонтанным – оно зрело в нем многие годы, став результатом многолетних раздумий. Впрочем, еще в 1985 году, когда он вернулся домой из тюрьмы, отец, дождавшись, когда они останутся наедине, заметил:

– Они признали тебя невиновным, но я-то знаю, что это правда – ты работал на евреев...

– Я скажу тебе больше: я не только работал на них, но и собираюсь продолжить эту работу, – ответил Ибрагим.

– Но почему?! – удивился отец. – Сколько они тебе платили? 400 долларов в месяц?! Я готов тебе платить тысячу – только выбрось из головы эту идею! – В том-то и дело, что они мне ничего не платили, отец, – сказал Ибрагим. – Я работал и буду работать на них потому, что верю: на их стороне – правда!

– Правда у евреев?! – изумился тот. – Если ты так говоришь, то значит, рано или поздно пойдешь до конца и сам станешь евреем!

Эти слова оказались пророческими: настал день, когда Ибрагим понял, что и в самом деле хочет пройти этот путь до конца, что ему хочется погрузиться в Тору и причаститься к той первозданной вере, принесенной в мир человеком, в честь которого он был назван. И как когда-то его тезка, библейский Авраам, он тоже перешел свою реку...

– Когда он пришел ко мне и сказал, что просит подготовить его, жену и детей к гиюру, я был в шоке, – рассказывает главный раввин Цфата рав Шломо Элиягу. – Если христиан, желающих перейти в иудаизм, достаточно много, то среди мусульман это – крайне редкое явление. Но вскоре между нами возникла какая-то особая, почти мистическая близость. С каждой новой встречей я чувствовал к нему все большую симпатию, внутри меня постоянно крепла уверенность, что этот человек действительно изначально обладает душой еврея и потому так

тянется к нашему народу и к Торе. Разумеется, я всячески давил в себе эти чувства, я не пошел ни на какие послабления, я тщательно проверил искренность его намерений. И экзамен, через который он прошел, прежде чем стать Авраамом Бен-Авраамом, был тоже предельно жестким. Но сегодня я горжусь тем, что Ави является одним из моих учеников, а те успехи, которые он проявляет в изучении Торы и Талмуда, просто поразительны. Но, как уже было сказано, одними из главных противников перехода Ибрагима в иудаизм были почему-то сотрудники «Моссада». По непонятным до сих пор причинам они всячески отговаривали его от этого шага, даже угрожали, что если он пройдет гиюр, то они лишат его пенсии – дескать, она полагается ему как арабу, работавшему на еврейское государство, а если Ибрагим станет евреем, то получится, что он просто выполнял свой гражданский долг, и ему за это ничего не положено. Пытались они надавить и на рава Шломо Элиягу, с тем чтобы тот отказал Ибрагиму в праве на гиюр.

– Ладно, черт с тобой, – сказали «моссадовцы», когда он все-таки стал Авраамом. – Хочешь быть евреем – будь им! Пенсии мы тебя, конечно, не лишим – это был блеф...

Так и живет сегодня в Цфате Авраам Бен-Авраам со своей женой Сарой. Двое его старших сыновей сейчас служат в «Гивати»^[69], младшая дочь учится в еврейской религиозной школе, а сам он выращивает в своем саду груши и яблоки и исправно учится в ешиве. Вот только летом 2006 года о нем опять вспомнили там, где ничего никогда не забывают, и снова постучались в дверь его дома. Не исключено, что вспомнили не в последний раз: Авраам уверен, что его знания и опыт еще не раз понадобятся его стране и его народу.

2004. Хранитель тайн

Этот человек имел все шансы стать депутатом Кнессета, министром, а, может быть, в свое время и премьер-министром.

Он не стал ни тем, ни другим, ни третьим. И вместе с тем его роль во всем, что происходило на Ближнем Востоке в 1985-2000 годах, была поистине огромна. В сущности, многое из того, что связано с Йоси Гиноссаром – следователем ШАБАКА, бизнесменом и личным посланником премьер-министров Израиля к Ясеру Арафату, – еще долго будет покрыто тайной. Но и того, что известно, вполне достаточно, чтобы понять, насколько важной фигурой он был на политической шахматной доске нашего времени.

* * *

Йоси Гиноссар родился в Вильнюсе в том самом победном 1945 году, когда еврейки, словно стремясь восполнить горькие потери Катастрофы, как очумелые, рожали детей. Многие из них бросали учебу в университетах и институтах, отказывались от открывавшейся перед ними блестящей карьеры в науке, литературе и прочих областях, чтобы стать просто мамами. У большинства из них этот позыв срабатывал на уровне инстинкта – великого инстинкта самосохранения нации... Почти сразу же после рождения Йоси его родители начали искать

возможность выбраться из Советского Союза и добраться до Израиля. В сущности, путь был только один – через Польшу, и семья Гиноссаров им и воспользовалась. Так в 1958 году Йоси оказался в Израиле, а спустя пять лет уже надел форму солдата ЦАХАЛа. После демобилизации он твердо решил поступать в университет, тем более что все вокруг говорили, что ему – юноше с такими замечательными способностями – самое место в науке. Но учебу в университете надо было как-то оплачивать, и в поисках приработка Йоси и наткнулся на напечатанное мелкими буквами в газете объявление: «В государственное учреждение требуются молодые, инициативные люди, прошедшие службу в рядах ЦАХАЛа».

«Государственное учреждение», набирающее новых сотрудников, оказалось ШАБАКом – Службой Общей Безопасности.

«Ничего, – подумал молодой Гиноссар после того, как ему сообщили, что он успешно прошел собеседование и принят в ШАБАК, – буду совмещать работу с учебой...»

Но уже через несколько месяцев Йоси понял, что ошибался: служба в ШАБАКе отнимала все дни и ночи. Государство, платившее весьма скромную зарплату своим сотрудникам, хотело их целиком, с потрохами, не оставляя им времени ни на какую личную жизнь.

Спустя полгода после того, как он приступил к работе в «государственном учреждении», Йоси Гиноссар с отличием закончил курс для сотрудников ШАБАКа, которым предстояло работать с палестинцами. Теперь молодой человек говорил на арабском с той же легкостью, что на иврите, идише и русском, и его направили на оперативную работу в Самарию – вербовать коллаборационистов, собирать информацию и поставлять ее руководству. Менее чем через год его как молодого блестящего агента перебросили на аналогичную работу в Газу. Здесь он познакомился и близко сошелся с тогдашним командующим Южным округом молодым генералом Ариэлем Шароном.

Шарон свято верил, что если он очистит Газу от террористов, то Израилю будет обеспечена безопасность. Каждый день он вычеркивал из своей записной книжечки имена ликвидированных активистов террористических организаций и не успокоился до тех пор, пока не зачеркнул всех. А список этот был составлен ему Йоси Гиноссаром.

Отличная работа Гиноссара была оценена его руководством по достоинству: он был переведен в следственный отдел ШАБАКа. Здесь за короткое время он раскрыл сирийскую разведсеть, состоявшую из завербованных Сирией евреев во главе с жителем кибуца Ган-Шмуэль Уди Адивом. Спустя еще какое-то время Гиноссар вычислил резидента арабской разведки в Израиле – им оказался друг-офицер ЦАХАЛа Иззат Нафсо.

Эти успехи Йоси Гиноссара были отмечены очередным повышением – его перевели в отдел борьбы с терроризмом. Отныне в его задачу входили анализ тех сведений, которые поступали от простых агентов, и предупреждение терактов.

И Гиноссар вновь проявил себя с самой лучшей стороны, доказав, что он является мастером аналитической работы. Благодаря чутью и интуиции этого человека были предотвращены десятки терактов. Его способность заранее предугадать, где и когда палестинские террористы нанесут следующий удар, поражала тогдашнего премьер-министра Ицхака Рабина.

В 1981 году Гиноссар получил следующее досрочное повышение – он был назначен главой ШАБАКа по Северному округу. Это была третья по значению должность в ШАБАКе, и теперь уже никто не сомневался, что именно Гиноссар станет следующим руководителем этой организации. Ну, а после выхода в отставку его, само собой, как это принято в Израиле, ждали кресло депутата Кнессета, а затем – министра. Йоси Гиноссару было 36 лет, перед ним открывались гигантские перспективы, и жизнь была прекрасна.

Молния, попавшая в его карьеру и испепелившая ее в прах, ударила в апреле 1984 года.

Многие жители Израиля до сих пор помнят о страшных событиях 12 апреля 1984 года, когда четыре палестинских террориста захватили автобус номер 300 с ехавшими в нем мирными израильтянами. В ходе штурма автобуса двое из террористов были убиты, а еще двое взяты в плен сотрудниками ШАБАКа и военнослужащими ЦАХАЛа. Этот момент взятия их в плен и препровождения к автобусу ШАБАКа и запечатлел на фотопленку корреспондент газеты «Хадашот» («Новости»). Но дело в том, что ни один террорист из этого автобуса так и не вышел, а народу сообщили, что они... погибли при задержании. «Хадашот», представив веские доказательства, опровергла эту информацию, после чего стало ясно, что оба террориста были просто-напросто забиты насмерть в автобусе разъяренными сотрудниками ШАБАКа.

Как всегда, была назначена государственная комиссия по расследованию инцидента, которая признала 11 высокопоставленных сотрудников ШАБАКа и офицеров ЦАХАЛа виновными в том, что произошло. Среди этих 11 значилось и имя Йоси Гиноссара. Правда, президент даровал им всем помилование и освободил от суда, но с занимаемых должностей им, разумеется, пришлось уйти.

Призрак 300-го автобуса преследовал Йоси Гиноссара до конца жизни. Из-за этого ему запрещено было избираться в Кнессет – когда накануне выборов 1992 года он оказался на реальном месте в списке партии «Авода», в газетах немедленно появились статьи о том, что «этот палач не может быть депутатом Кнессета». Из-за причастности Гиноссара к тем давним событиям ему вообще было запрещено занимать какие-либо государственные посты.

А между тем те, кто находился у власти, нуждались в нем – в его связях с палестинцами, в его умении находить подход к людям, в его педантичности при исполнении любого задания, наконец.

И Йоси Гиноссару не осталось ничего другого, как до конца жизни исполнять роль «серого кардинала» – без званий, без наград, без официальных должностей...

* * *

В 1984 году, вскоре после своего выхода в отставку, Йоси Гиноссар взорвал в израильской прессе настоящую «бомбу». В одном из интервью он заявил, что многолетний опыт работы в ШАБАКе привел его к мысли о том, что никакой силой израильско-палестинскую проблему не решишь и выход из этой ситуации только один: создать два государства для двух народов – Израиль и Палестину.

Израильское общество тогда никак не было готово к подобному варианту разрешения конфликта, но Гиноссара заметили. И не случайно именно ему тогдашний премьер-министр Шимон Перес поручил наладить контакты с ООП. Контакты эти, разумеется, сохранялись в глубокой тайне: о них знали, кроме Гиноссара и Переса, лишь заместитель премьер-министра Ицхак Шамир, министр обороны Ицхак Рабин да еще несколько особо доверенных лиц.

Гиноссар тогда встретился с политическим советником Ясера Арафата Хани Эль-Юнесом и «послом ООП в Египте» Саидом Кямалем.

В ходе этих встреч было оговорено, что вскоре Гиноссар встретится с самим Арафатом. Правда, встреча эта тогда так и не произошла: премьер-министром по ротации стал лидер «Ликуда» Ицхак Шамир, и он приказал прервать контакты.

Но в 1993 году, когда премьер-министром стал Ицхак Рабин, контакты с ООП было решено возобновить, и тогда снова вспомнили о Йоси Гиноссаре. Ему предложили встретиться с Арафатом и обсудить с ним различные проблемы, все еще являющиеся барьером на пути к началу мирных переговоров. Гиноссар позвонил в Тунис, в штаб Ясера Арафата, и оттуда ему ответили, что старое приглашение остается в силе и если он хочет, то может приехать в штаб ООП в качестве гостя.

И вот он, бывший начальник одного из основных отделов ШАБАК, отдавший немалую часть своей жизни борьбе с палестинцами, едет на личной машине Ясера Арафата в самое логово ООП.

– Уже через десять минут после начала разговора между мной и Арафатом возникла некая «химическая реакция», установились особые отношения, основанные на личной симпатии и взаимном доверии, – рассказывал Йоси Гиноссар в своем последнем интервью, опубликованном за три дня до его смерти в газете «Едиот ахронот». – Разумеется, я самым подробным образом отчитался об этой встрече перед премьер-министром Ицхаком Рабином.

В 1994 году Рабин спросил у Гиноссара, может ли он попытаться помочь уладить с Арафатом некий вопрос, касающийся палестинских рабочих. Гиноссар при Рабине позвонил в штаб Арафата в Тунисе и попросил лидера ООП к телефону. Услышав, что Арафат на совещании, Гиноссар сказал:

– Скажите ему, что Джо (так прозвали Гиноссара палестинцы) просит его к телефону по срочному делу и очень просит его отвлечься.

И через две минуты в трубке раздался голос Арафата.

Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что после возвращения Арафата из Туниса Ицхак Рабин попросил Йоси Гиноссара стать своим личным тайным посланником к Арафату, через которого он будет передавать ему самые секретные послания.

– Я согласен, чтобы ты был тайным посланником Рабина ко мне, – ответил Арафат, когда прибывший к нему Гиноссар сообщил о миссии, которая на него возложена. – Но при одном условии: ты будешь одновременно и моим личным тайным посланником к Ицхаку Рабину.

В этом качестве Йоси Гиноссар не раз отправлялся в Палестинскую автономию – скажем, для того, чтобы передать Ясеру Арафату попавшие в руки Израиля списки активистов ФАТХа, решивших сопротивляться мирному процессу, или опровергнуть какие-то фантазии или слухи по поводу «двуличности» Израиля, которыми Арафата щедро пичкало все его окружение.

Был он у Ясера Арафата и в те дни, когда палестинские террористы захватили в плен солдата ЦАХАЛа Нахсона Ваксмана. Рабин тогда сказал Гиноссару, чтобы он передал Арафату: если Ваксман останется жив, Израиль взвесит возможность освобождения шейха Ахмеда Ясина.

– Я просто поведу с ним разговор об освобождении Ваксмана, а твои слова про Ясина буду держать про запас, как козырную карту, – предложил Гиноссар.

– Согласен, – ответил Рабин.

И когда Арафат в лоб спросил у Гиноссара, готов ли Израиль выпустить Ясина в обмен на освобождение Ваксмана, Гиноссар снова связался с премьером.

– Скажи ему: мы взвесим это предложение, – повторил Рабин. И Гиноссар, и Арафат поняли этот ответ правильно: если Рабин что-то обещает – значит, он выполнит обещание на все 100%. Но если премьер-министр говорит, что он что-то «взвесит», значит, он просто тянет время.

К осени 1995 года отношения между Гиноссаром и Рабином несколько напряглись: Гиноссар хотел получить пост советника премьера по национальной безопасности, однако Рабин соглашался «пробить» для него (с учетом его «преступного прошлого») лишь пост советника по общим политическим вопросам. В октябре 1995 года Гиноссар прервал всякие контакты с премьером, а в ноябре 1995 года Ицхак Рабин был убит...

И именно Йоси Гиноссар сопровождал лидера Палестинской автономии Ясера Арафата во время его визита в дом покойного премьера и на похоронах.

В феврале 1996 года о Йоси Гиноссаре вспомнил занявший пост премьер-министра Шимон Перес. Он попросил Гиноссара отправиться к Арафату и сообщить тому, что намерен вывести ЦАХАЛ из Хеврона^[70] в апреле. Гиноссар был против этого. Нет, не потому, что ему был дорог Хеврон и в нем заговорили какие-то чисто еврейские сантименты: этого он был лишен начисто. Но он считал, что не стоит называть какой-либо конкретной даты выхода из Хеврона, так как в любом случае она станет известна прессе и это может помешать победе «Аводы» на грядущих выборах.

И он опять оказался прав: в мае 1996 года премьер-министром стал Биньямин Нетаниягу, представитель правого политического лагеря, идеологию которого Йоси Гиноссар не принимал. А потому помогать Нетаниягу (а напомним, что он действовал исключительно на добровольных и неофициальных началах) Гиноссар не собирался.

Правда, один раз Нетаниягу все же прибегнул к его услугам: Гиноссар отправился к Арафату, чтобы добиться выдачи палестинцами тела убитого ими израильского солдата.

Падение правительства Нетаниягу в 1999 году означало и возвращение прежней миссии Гиноссару – теперь уже при Эхуде Бараке. Барак пригласил Гиноссара в свой дом в Кохав-Яире и там за чашкой кофе спросил, готов ли тот оказывать ему те же услуги, которые в свое время оказывал Ицхаку Рабину.

И Йоси Гиноссар согласился, хотя, по его собственному признанию, Эхуд Барак был ему куда менее симпатичен, чем Ицхак Рабин. И самое главное: он считал, что Барак слишком торопится, все время хочет опередить события, а спешка может испортить все дело.

В том же последнем своем интервью Йоси Гиноссар рассказывал, как давил на него Эхуд Барак, с тем чтобы он уговорил Ясера Арафата начать переговоры об окончательном урегулировании в Кемп-Дэвиде. Арафат отказывался, считал, что для этого этапа еще не пришло время, но Барак настаивал. В Кемп-Дэвиде же Эхуд Барак, по словам Гиноссара, повел себя более чем странно: к примеру, он ни разу не захотел встретиться с Арафатом с глазу на глаз... И именно это и явилось, по мнению Йоси Гиноссара, одной из главных причин того, что дальнейшие события стали разворачиваться именно таким, а не каким-либо другим образом...

Когда же победу на выборах одержал Ариэль Шарон, он попросил Гиноссара по старой дружбе сохранить за собой миссию тайного посланника. Но Гиноссар отказался – на этот раз из-за болезни. За несколько месяцев до выборов 2001 года врачи обнаружили у него рак, и болезнь все чаще и чаще давала о себе знать. Его близкие друзья говорили, что рак был не причиной, а следствием – он начал сдавать сразу после гибели своего старшего сына: капитан ЦАХАЛа Шахар Гиноссар был убит в результате теракта, совершенного палестинцами.

– Кого ты можешь предложить на роль моего тайного посланника к Арафату? – спросил его тогда Шарон.

– Ну, – замялся Гиноссар, – это должен быть человек, о котором Арафат твердо знает, что он никогда не исказит твои слова, ничего к ним не прибавит и ничего не убавит и вместе с тем никогда не станет сводить с тобой политические счета, а значит, вся доверяемая ему информация навсегда останется тайной... Знаешь что? Доверь-ка эту миссию своему сыну Омри, он вполне подходит.

Как известно, Ариэль Шарон именно так и сделал.

* * *

В начале 2003 года журналисты газеты «Маарив» добыли информацию, согласно которой Йоси Гиноссар вместе с рядом высокопоставленных представителей Палестинской автономии, палестинских финансистов создал целую систему «отмывки» денег, поступающих в автономию, и перевода их на личные счета Арафата и других лидеров ПА в швейцарских банках. За эти услуги Гиноссару и его товарищу якобы выплачивались проценты с «отмываемых» ими сумм, которые составляли десятки, а то и сотни миллионов долларов в год.

Шум вокруг этих махинаций был поднят страшный, юридический советник правительства Эльяким Рубинштейн отдал тогда указание начать против Гиноссара уголовное расследование...

Однако вскоре выяснилось, что обвинить его в чем-либо невозможно: Йоси Гиноссар не нарушил ни одного израильского закона, а Палестинская автономия к нему тоже никаких претензий не имеет. Так как никаких доказательств, что он продолжал свою деятельность и после 2000 года, то есть после начала интифады, и сотрудничал с врагом, не было, то это означало, что судить его абсолютно не за что, и дело против Йоси Гиноссара было закрыто.

Между тем нет никакого сомнения, что Гиноссар был очень близок к Ясеру Арафату, пользовался особым его доверием, и именно это, а не миссия тайного посланника израильских премьеров, и приносило ему колоссальные доходы.

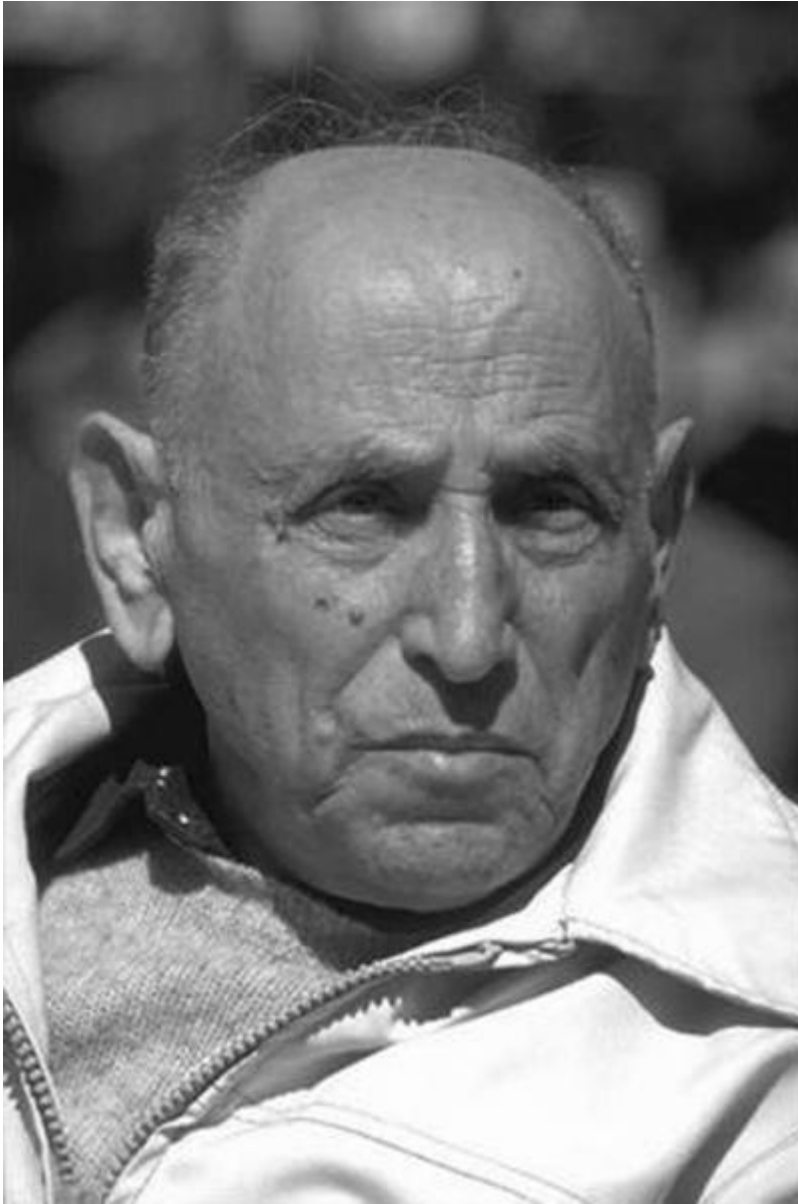
Гиноссар не только переводил деньги лидеров ПА в швейцарские банки, но и осуществлял оптовые поставки в ПА бензина, стройматериалов и других товаров и зарабатывал на этом огромные деньги. Не случайно одним из первых, кто поспешил выразить свои соболезнования в связи с кончиной Йоси Гиноссара, был лидер Палестинской автономии Ясер Арафат. В своем соболезновании он назвал Гиноссара «человеком, стремившимся к миру и немало сделавшим для сближения позиций двух народов, человеком, который одним из первых поверил в то, что можно разрешить конфликт между нашими народами мирным путем».

Какую именно – позитивную или негативную – роль сыграл Йоси Гиноссар в судьбе своего народа и всего региона, рассудит История. Ясно одно: он был одним из тех, кто, оставаясь в тени, вершил судьбу Государства Израиль, кто сделал служение ему делом своей жизни и саму жизнь эту прожил на одном дыхании. Мир его праху.

Фотоприложение

Глава «Моссада» Исер Харел сразу после своего выхода в отставку

Глава «Моссада» Исер Харел в последние годы жизни

Зеев Авни

ZEEV AVNI

FALSE FLAG

**THE SOVIET SPY WHO PENETRATED THE
ISRAELI SECRET INTELLIGENCE SERVICE**

*With an Introduction by Nigel West
and a Postscript by Yehuda Prag*

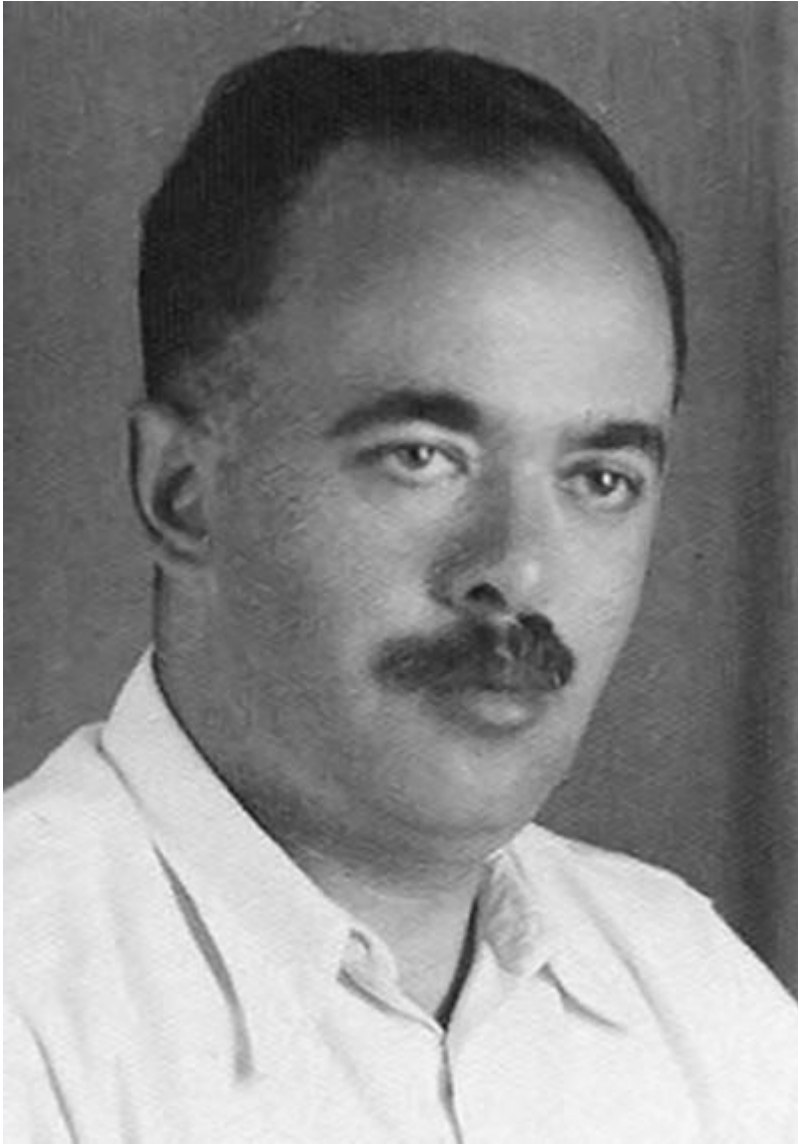
Обложка книги Зеэва Авни «Фальшивый флаг»

История с Леви Леви лежала тяжким грузом на душе главы ШАБАКа Амоса Манора до конца его дней

Профессор Курт Сита

Депутат Кнессета Ари Жаботинский, сын великого Зеэва Жаботинского. Организовал политическое и научное лобби в поддержку профессора Ситы

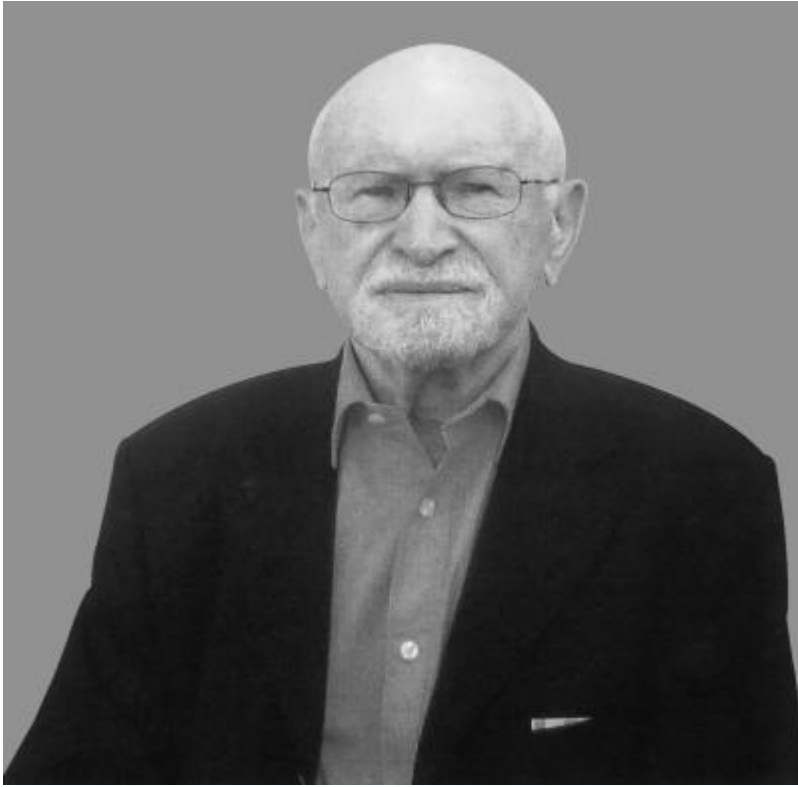
Профессор Израэль Бар (на фото справа) по дороге в суд

Обложка популярного израильского журнала «Ха-олям ха-зе» («Этот свет»). Вокруг фотографии Исраэля Бара помещены заголовки: «Шпионаж в сердце Министерства обороны!» и «Советник Бен-Гуриона обвинен в шпионаже!». С такими заголовками вышли на следующий день после ареста Бара все израильские газеты и журналы

Маркус Клингберг незадолго до своего ареста

Маркус Клингберг

Шабтай Калманович в 1988 году

Бизнесмен и депутат Кнессета Шмуэль Флатто-Шарон босс, друг, покровитель и учитель жизни Шабтая Калмановича

Нахум Манбар (справа) со своим адвокатом Пнинат Янай

Нахум Манбар (в центре) в момент ареста

Супруга Нахума Манбара выходит вместе с детьми из тюрьмы после свидания с мужем

Премьер-министр Леви Эшколь. Был принципиальным противником создания разведсети внутри СССР путем вербовки советских евреев

Глава «Моссада» Цви Замир. Считал, что на удар следует отвечать ударом

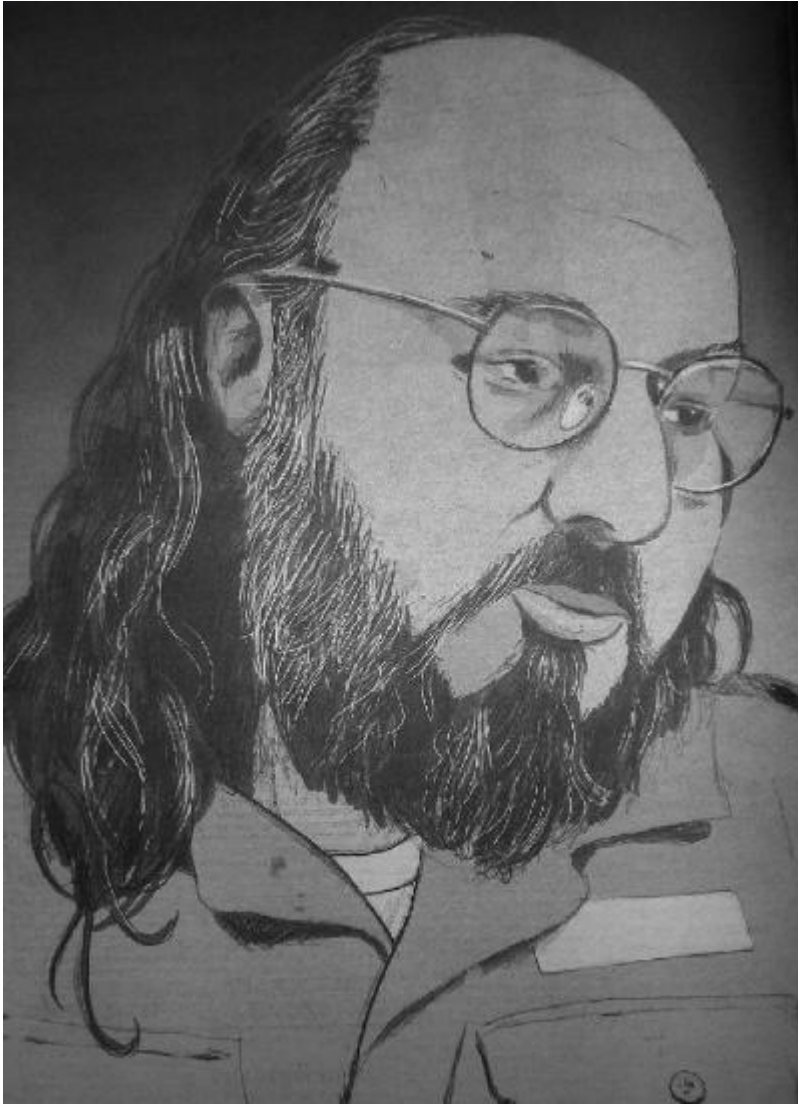
В 70-х годах бесценным источником информации стали для израильских спецслужб репатрианты из СССР

Сильвия Рафаэль

Асраф Маруан

Джонатан Поллард

Примечания

1

Исер Харел (Гальперин, 1912–2004) – легендарный руководитель израильских спецслужб. Официально был главой «Моссада» в 1952–1963 гг., но фактически возглавлял все спецслужбы и координировал их деятельность. Ушел в отставку в 1963 году из-за острого конфликта с Давидом Бен-Гурионом.

[\(обратно\)](#)

2

Слово «хара» на иврите означает «дерьмо».

[\(обратно\)](#)

3

Адольф Эйхман – нацистский военный преступник. В период Второй мировой войны участвовал в разработке и реализации планов физического уничтожения еврейского населения Европы, непосредственно руководил организацией транспортировки евреев в концлагеря. После

разгрома фашисткой Германии бежал в Аргентину. В 1960 году схвачен агентами «Моссада» и доставлен в Израиль. В Израиле после продолжительного судебного процесса Эйхман был приговорен к смертной казни. Труп Эйхмана сожгли, его прах развеяли над Средиземным морем.

[\(обратно\)](#)

4

Йозеф Менгеле – немецкий врач, проводивший опыты на узниках концлагеря Освенцим. За изощренную жестокость получил от заключенных прозвище «Ангел Смерти». За время своей «работы» отправил в газовые камеры более 400 000 человек. Умер своей смертью в 1979 году в Бразилии.

[\(обратно\)](#)

5

ШАБАК – аббревиатура, образованная от ивритского словосочетания «Ширут битяхон клаль», то есть «Общая служба безопасности».

[\(обратно\)](#)

6

Шестидневная война – война на Ближнем Востоке между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром – с другой, продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 года. По итогам войны Израиль взял под свой контроль принадлежавший Египту Синайский полуостров и сектор Газа, находившиеся под управлением Иордании Восточную часть Иерусалима, Иудею и Самарию и входившие до того в состав Сирии Голанские высоты.

[\(обратно\)](#)

7

Коран – главная священная книга ислама: собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, молитв, назидательных рассказов и притч, произнесенных Мухаммедом в Мекке и Медине.

[\(обратно\)](#)

8

Хадисы (в буквальном переводе с арабского – «рассказы») – предание, основанное на случае из жизни или каком-либо изречении пророка Мухаммеда и его сподвижников.

[\(обратно\)](#)

9

Шариат (от арабского «шариа», буквально – «правильный путь», «образ действия»), свод религиозно-этических и правовых предписаний ислама, опирающихся на Коран, сунну и фикх. Помимо предписаний об основных религиозных обязанностях мусульман, включает нормы государственного, гражданского, уголовного и процессуального права. Шариат продолжает

считаться источником исламского права и одной из основ мусульманской идеологии и в наши дни.

[\(обратно\)](#)

10

Гиюр – церемония перехода в иудаизм, после которой прозелит считается таким же евреем, как и остальные, и передает свое еврейство по наследству.

[\(обратно\)](#)

11

Шломо Горен (Горончик, 1917–1994) – легендарный главный раввин Армии Обороны Израиля. После демобилизации в 1971 г. с 1972 по 1983 гг. занимал пост главного ашкеназского раввина Израиля.

[\(обратно\)](#)

12

Исер Беэри (Биренцвейг, род в 1901 г.) – один из создателей израильских спецслужб, первый официальный руководитель службы Шай («Шерут едиот» – «Служба информации»), реорганизованной в 1948 году: были созданы военная разведка (АМАН), служба внутренней разведки (впоследствии реорганизованная в ШАБАК) и служба внешней разведки, позже получившая название «Моссад».

[\(обратно\)](#)

13

«Ха-шомер ха-цаир» (буквально – «Юный страж») – молодежное левосоциалистическое сионистское движение, целью которого была подготовка еврейской молодежи к переселению в Эрец-Исраэль и к кибуцной жизни. Создано в 1916 году в Вене. В 1946 г. движение «Ха-Шомер ха-цаир» преобразовалось в политическую партию, а в 1948 г. совместно с Единым рабочим движением создало партию МАПАМ.

[\(обратно\)](#)

14

Война за Независимость – так в Израиле называют Арабо-израильскую войну 1948–1949 годов. В этой войне Египет, Сирия, Ливан, Трансиордания, Саудовская Аравия и Ирак напали на только что провозглашенный Израиль с целью уничтожения нового государства. По итогам Войны за Независимость около половины территорий, выделенных под арабское государство, а также Западный Иерусалим оказались под контролем Государства Израиль. Остальные арабские территории, а также Восточный Иерусалим оказались под контролем Иордании и Египта и оставались под их управлением до Шестидневной войны 1967 года.

[\(обратно\)](#)

15

Кибуц – добровольное объединение людей, ком-муна с целью создания сельскохозяйственного поселения и организации жизни на принципах совместного владения собственностью, личного (не-наемного) труда, равенства и соучастия каждого во всех сферах производства, потребления и воспитания. При этом кибуц удовлетворяет нужды своих членов в еде, одежде, жилье, образовании и развитии творческих способностей.

[\(обратно\)](#)

16

Хагана (в буквальном переводе с иврита – «оборона») – первоначально этим словом обозначались еврейские отряды самообороны, возникшие в дни погромов в России. В 1920 г. такое название получила военная организация, призванная охранять еврейские населенные пункты. В 1948 году на базе Хаганы была создана Армия Оборона Израиля (ЦАХАЛ).

[\(обратно\)](#)

17

МАПАМ – левосоциалистическая партия, основанная в 1948 г. в результате объединения левых группировок в израильском рабочем движении. Находилась в левой оппозиции к социал-демократической партии МАПАЙ, которую МАПАМ обвиняла в центризме и в отказе от подлинно социалистической идеологии. В 1953 г. один из лидеров МАПАМ М. Снэ вышел из нее, основав Левую социалистическую партию, впоследствии присоединившуюся к Компартии Израиля (Маки). МАПАЙ – социал-демократическая партия, созданная в 1930 году Д. Бен-Гурионом и Б. Кацнельсоном. С конца 1930-х годов МАПАЙ, по сути, руководила жизнью евреев подмандатной Палестины, а с 1948 по 1968 гг. являлась правящей партией Израиля. В 1968 году на базе МАПАЙ была создана Израильская партия труда «Авода», продолжающая играть одну из ключевых ролей в израильской политике и сегодня.

[\(обратно\)](#)

18

По приезду в Израиль Вольф Гольдштейн поменял имя и фамилию на Зеэва Авни – новое имя являлось почти буквальным его переводом с немецкого на иврит.

[\(обратно\)](#)

19

Амос Манор (наст. имя – Артур Менделевич, 1918–2007) – бывший узник Освенцима, глава ШАБАКА в 1953–1964 гг.

[\(обратно\)](#)

20

Малка (иврит) – королева.

[\(обратно\)](#)

21

Шмуэль Тамир (Каценельсон, 1923–1987) – израильский юрист и политический деятель. Приобретя широкую известность как адвокат, Тамир стал лидером правоцентристской партии Общих сионистов и в этом качестве вошел в Кнесет. Является одним из создателей правого либерально-демократического движения «Ликуд».

[\(обратно\)](#)

22

«Гордония» – молодежное сионистское движение, созданное в 1923 году. Цели движения заключались в воссоздании родины на земле еврейского народа в Эрец-Исраэль, в воспитании участников движения в гуманистическом духе, в создании трудоспособной нации, в возрождении еврейской культуры на родном языке (иврите) и в самостоятельном труде.

[\(обратно\)](#)

23

Гомулка Владислав (1905–1982)– польский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943–1948 гг., Польской объединенной рабочей партии в 1956–1970 гг. За критику сталинизма был заключен в 1951–1954 гг. в тюрьму. В конце 60-х– начале 70-х гг. был организатором антисемитской кампании в Польше, приведшей к массовому выезду польских евреев в Израиль.

В 1970 г. вследствие волнений рабочих был смещен с должности.

[\(обратно\)](#)

24

Давид Бен-Гурион (Давид Грин, 1886–1973) – один из лидеров сионистского движения и основатель Государства Израиль. Дважды занимал пост премьер-министра Израиля.

[\(обратно\)](#)

25

Технион – Израильский технологический институт. Расположен в Хайфе. Самый знаменитый и самый престижный вуз Израиля.

[\(обратно\)](#)

26

Жаботинский Владимир Евгеньевич (Зеэв; 1880–1940) – писатель и публицист, один из лидеров сионистского движения, идеолог и основатель ревизионистского течения в сионизме.

[\(обратно\)](#)

27

Моше Даян (Китайгородский, 1915–1981) – израильский военный и политический деятель. Был начальником Генштаба израильской армии, министром сельского хозяйства, министром обороны и министром иностранных дел. Вместе с Голдой Меир Даян разделил ответственность за болезненные потери в первые дни Войны Судного дня 1973 года.

[\(обратно\)](#)

28

«Старик» – самое распространенное прозвище первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона.

[\(обратно\)](#)

29

Сохнут (полное название – «Сохнут йегуди», буквально – «Еврейское Агентство») – одна из самых крупных международных еврейских организаций, осуществляющая связь между евреями Эрец-Исраэль и стран рассеяния в деле развития и заселения исторической родины еврейского народа.

[\(обратно\)](#)

30

Голда Меир (Мабович, 1898–1978) – 4-й премьер-министр Израиля (с 17 марта 1969 по 1974 г.). В 1973 году ушла в отставку, взяв на себя ответственность за неудачи Израиля в Войне Судного дня 1973 года.

[\(обратно\)](#)

31

31. Йосеф Хармелин (р. в 1923 г.) – один из видных деятелей ШАБАКа, глава этой службы в ...

[\(обратно\)](#)

32

32. Игаль Алон (Пайкович, 1918-1980) – государственный и военный деятель Израиля. Занимал пост заместителя премьер-министра, министра просвещения и культуры, министра иностранных дел.

[\(обратно\)](#)

33

Судьбе и личности Йоси Гиносара посвящена отдельная глава в третьей части книги.

[\(обратно\)](#)

34

Операция «Свадьба» (в СССР была более известна как «Ленинградское самолетное дело») – попытка группы из 16 евреев в 1970 году захватить в Ленинграде самолет АН-2 и отправиться на нем в Израиль. Участники операции были арестованы, один из ее инициаторов Эдуард Кузнецов

и летчик Марк Дымшиц были приговорены к смертной казни, но затем помилованы. Остальные получили длительные сроки тюремного заключения.

[\(обратно\)](#)

35

Хедер (буквально – «комната») – еврейская начальная религиозная школа для мальчиков. Обучение в хедере начинается с 3 лет.

[\(обратно\)](#)

36

Талмуд-Тора (по названию двух основных источников иудаизма – Торы (в христианской традиции – «Ветхого Завета») и Талмуда) – еврейская средняя религиозная школа для мальчиков, в которую они переходят по окончании хедера.

[\(обратно\)](#)

37

Рон Арад – израильский летчик, сбитый в 1986 году над Ливаном и захваченный в плен «Хизбаллой». С 1988 года «Хизбалла» отказывается сообщить о его местонахождении, и Арад считается пропавшим без вести.

[\(обратно\)](#)

38

«Натив» («бюро по связям») – израильское государственное учреждение, подчиняющееся Министерству главы правительства. Создано в 1952 г. для связи с евреями СССР и стран Восточной Европы, координации борьбы за их право на репатриацию и организации их выезда в Израиль. Одним из основных направлений деятельности учреждения «Натив» было установление контактов с евреями Советского Союза и других стран, входивших в советский блок.

[\(обратно\)](#)

39

Рафаэль Эйтан (Рафуль, 1929-2004) – израильский военачальник и политический деятель. Герой Шестидневной войны и Войны Судного дня. В 1978-1983 гг. – начальник Генштаба Армии Обороны Израиля. Создатель партии «Цомет» («Перекресток»), в качестве лидера которой занимал посты министра сельского хозяйства и министра экологии.

[\(обратно\)](#)

40

Яков Пери – глава ШАБАКА в ...

[\(обратно\)](#)

41

Авраам Ахитов – один из создателей израильской службы контрразведки, в 60-е гг. – глава так называемого Арабского отдела ША-БАКа, занимавшегося борьбой с арабским терроризмом и шпионажем со стороны арабских стран.

[\(обратно\)](#)

42

Гамаль Абдель Насер (1918-1970) – деятель панарабского движения, второй президент Египта. Организатор военного переворота 1952 года. Занимал посты президента Египта и Объединенной Арабской Республики (ОАР). По личной инициативе Н. С. Хрущева Насер был удостоен звания Героя Советского Союза.

[\(обратно\)](#)

43

Раввин (буквально – «большой», «значительный», «учитель») – в иудаизме ученое звание, обозначающее высокую квалификацию в знании Торы и Талмуда. Присваивается по получении еврейского религиозного образования, дает право возглавлять конгрегацию или общину, преподавать в иешиве и быть членом религиозного суда.

[\(обратно\)](#)

44

Ешива (буквально – «сидение, заседание»; в русской традиции – ешибот) – высшее еврейское религиозное учебное заведение, предназначенное для изучения письменного и устного Священного Писания (Торы и Талмуда).

[\(обратно\)](#)

45

Синагога (от греческого слова «собрание») – место, где евреи собираются для молитв, проведения религиозных обрядов и просто для встречи друг с другом.

[\(обратно\)](#)

46

«Бней-Акива» – международное молодежное движение, объединяющее вокруг себя сионистски настроенную и религиозную еврейскую молодежь и подростков. Создано в конце 20-х годов.

[\(обратно\)](#)

47

«Талит» – молитвенное покрывало со специальными кистями («цицит») на краях, которое евреи накидывают на плечи во время молитвы.

[\(обратно\)](#)

48

«Талит катан» (буквально – «малый талит») – накидка с прорезью для головы и с четырьмя специальными кистями («цицит») на краях, которую религиозные евреи надевают под одежду.

[\(обратно\)](#)

49

Сефарды – потомки евреев, изгнанных в конце XV века из Испании и Португалии. Живут в странах Северной Африки, Малой Азии, Балканского полуострова, а также в Израиле. Термин «сефард» происходит от слова «Сфарад», что на иврите означает «Испания».

[\(обратно\)](#)

50

ООП – Организация Освобождения Палестины. Была основана в 1964 году на первой сессии Палестинского Национального Совета с целью уничтожения Израиля и создания независимого арабского палестинского государства. Программным документом является Палестинская Хартия. На данный момент действует легально, имеет статус наблюдателя в ООН. Председателем исполкома ООП с 1969 года до своей смерти был Ясер Арафат.

[\(обратно\)](#)

51

Эли Коэн (1924-1965) – легендарный израильский разведчик. С 1962 года работал в Сирии и сумел проникнуть в высшие военные и политические круги этой страны. В 1965 году был арестован сирийской контрразведкой и приговорен к смертной казни через повешение.

[\(обратно\)](#)

52

Леви Эшколь (Лев Школьник, 1895-1969) – израильский государственный и политический деятель, в 1963-1969 гг. занимал пост премьер-министра.

[\(обратно\)](#)

53

Цви Замир (Заржевский) – израильский военный и государственный деятель, глава «Моссада» в 1969-1974 гг.

[\(обратно\)](#)

54

ПАЛМАХ – акроним словосочетания «плуггот махац» – «ударные роты». Особые отряды Хаганы, позднее – часть Армии Оборона Израиля.

[\(обратно\)](#)

55

Ицхак Саде (Ландоберг, 1890-1952) – израильский военный и политический деятель. Один из создателей и руководителей системы еврейской самообороны. Деятельность Саде в значительной

мере определила стратегию, тактику, методику обучения личного состава вооруженных сил Израиля.

[\(обратно\)](#)

56

Рош ха-Шана – Новый год по еврейскому календарю: обычно приходится на сентябрь или октябрь.

[\(обратно\)](#)

57

«Черный сентябрь» – так сами палестинцы называли сентябрь 1970 года, когда после неудачной попытки государственного переворота в Иордании король этой страны изгнал их боевые отряды со своей территории. В 1971 году бежавшие из Иордании палестинские террористы создали организацию «Черный сентябрь», что означало окончательный переход ООП и ее руководства к тактике террора.

[\(обратно\)](#)

58

Мамеле-лошн (в дословном переводе – «язык мамочки») – так ашкеназские евреи называют идиш.

[\(обратно\)](#)

59

Рафи Эйтан (род. в 1926 г.) – израильский разведчик, в разные годы работал в «Моссаде» и АМАНе. В 80-е годы возглавлял спецслужбу ЛАКАМ, специализирующуюся на научно-техническом шпионаже.

[\(обратно\)](#)

60

Кипа (она же ермолка) – круглая шапочка, которую носят религиозные евреи, следуя предписанию иудаизма о том, что мужчины и женщины должны покрывать голову.

[\(обратно\)](#)

61

Царица-Суббота – так обычно в еврейских религиозных источниках называют субботу, которая объявляется иудаизмом днем отдыха и покоя.

[\(обратно\)](#)

62

См. сноску 57.

[\(обратно\)](#)

63

См. сноску 60.

[\(обратно\)](#)

64

Пейсы – волосы на висках, которые запрещено брить, а по некоторым мнениям, и стричь религиозным евреям.

[\(обратно\)](#)

65

Зона безопасности в Южном Ливане – полоса шириной 18 км, контролируемая с 1985 до 2000 года Армией Оборона Израиля и созданной ливанскими христианами Армией Южного Ливана с целью предотвратить проникновение террористов «Хизбаллы» из Ливана на территорию Израиля, а также защитить северные населенные пункты Израиля от ракетных обстрелов, производимых «Хизбаллой». Выход Израиля из Зоны безопасности в 2000 году в итоге привел к новой агрессии со стороны «Хизбаллы» и Второй Ливанской войне летом 2006 года.

[\(обратно\)](#)

66

См. сноску 57.

[\(обратно\)](#)

67

«Хизбалла» (Хезболлах, Хезбалла) – в буквальном переводе с арабского – «партия Аллаха». Ливанское шиитское движение, выступающее за создание в Ливане исламского государства по образцу Ирана. Создана в 1982 году и с тех пор постоянно обстреливает северную границу Израиля и проводит теракты на его территории. Как показали события Второй Ливанской войны (июль—август 2006 года), «Хизбалла» обладает разветвленной разведсетью в Израиле.

[\(обратно\)](#)

68

«Амаль» («Афуадж аль-Мукаума аль-любна-ния» – «Отряды ливанского сопротивления» и одновременно «надежда» по-арабски) – ливанское шиитское движение, созданное в 1975 году имамом Мусой Садром. Во внутренней политике «Амаль» конкурирует с «Хизбаллой» и вместе с тем солидаризируется с ней во всем, что касается войны с Израилем.

[\(обратно\)](#)

69

«Гивати» – элитная пехотная дивизия Армии Оборона Израиля.

[\(обратно\)](#)

70

Хеврон – город в Иудее, в котором находится пещера Махпела, купленная, согласно Библии, праотцом еврейского народа Авраамом для создания семейной усыпальницы. Как верят евреи и арабы, в пещере Махпела похоронены Адам и Ева, а также праотцы и праматери еврейского народа – Авраам и Сара, Исаак и Ревека, Иаков и Лия. Хеврон был также первой столицей царя Давида. Согласно историческим источникам, на протяжении последних трех тысячелетий в Хевроне всегда жили евреи. В 1929 году после устроенного арабами кровавого погрома выжившие в нем еврейские жители Хеврона были вывезены из города англичанами. Однако в начале 70-х годов, после победы Израиля в Шестидневной войне, евреи снова начали заселять Хеврон. В настоящее время в нем живет несколько сотен еврейских семей и более 200 тысяч арабов, что превращает Хеврон в постоянный источник арабо-еврейских столкновений.

[\(обратно\)](#)

Оглавление

- [Пролог Книга, рожденная в больнице](#)
- [Часть 1. Звезда и крест. Разведслужбы СССР и Восточной Европы против Израиля](#)
- [1955. Покаяние красного крота](#)
- [1958. Лютик из Варшавы](#)
- [1960. Ошибка профессора Ситы](#)
- [1960. Вычисление шпиона как точная наука](#)
- [1965. Семейные тайны](#)
- [1972. Провал резидента](#)
- [1983. Предатель номер один](#)
- [1988. Ломовой вариант](#)
- [1974. Такой очаровательный шпион](#)
- [1990. Предатель из очень хорошей семьи](#)
- [Часть 2. Острие полумесяца. Спецслужбы исламских стран против Израиля](#)
- [1955. Клизма для капитана](#)
- [1955. Араб, который выиграл Шестидневную войну, или Подлинная история египетского Штирлица](#)
- [1962. Сирота каирская, или Продолжение подлинной истории египетского Штирлица](#)
- [1964. Несостоявшийся депутат](#)
- [1969. Обмен с возвратом](#)
- [1972. Левые арабески](#)
- [1997. Бумеранг](#)
- [Часть 3. Магендавид против всех. Победы и поражения израильских спецслужб](#)
- [1948-1991. Как израильская разведка работала против СССР](#)

- 1948-2003. Агент мирового сионизма
- 1956. Советский шпион живет этажом выше
- 1972. Приказано уничтожить
- 1973-2006. Возвращение Сильвии Рафаэль
- 1973-2007. Азеф Ближнего Востока
- 1979. Ядерный гриб над Антарктикой
- 1985. Тайна провала Джонатана Полларда
- 1986. Разменная карта
- 1992. Покушение, которого не было
- 1994. Жертвоприношение Нахсона
- 1995. Дело чести, или Охота на «Инженера»
- 1997. Роковой провал
- 1999. Ибрагим, перешедший реку[62]
- 2004. Хранитель тайн
- Фотоприложение